

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

1970

«Группа ЛЮДЕНЫ», 2017

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

© Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1970, 2017

© Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2017

© Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2017

© Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2017

© Курильский В., Муринский Р., Рудман Л., комментарии, примечания, 2017

© Флейшман Ю., библиография, 2017

© Курильский В., указатели, 2017

© Рудман Л., подготовка форматов FB2, EPUB и MOBI, 2017

© Рудман Л., подготовка форматов RTF и PDF, 2017

I. Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
Малыш

Глава первая. Пустота и тишина

— Знаешь, — сказала Майка, — предчувствие у меня какое-то дурацкое...

Мы стояли возле глайдера, она смотрела себе под ноги и долбила каблуком промерзший песок.

Я не нашелся, что ответить. Предчувствий у меня не было никаких, но мне, в общем, здесь тоже не нравилось. Я прищурился и стал смотреть на айсберг. Он торчал над горизонтом гигантской глыбой сахара, слепяще-белый иззубренный клык, очень холодный, очень неподвижный, очень цельный, без всех этих живописных мерцаний и переливов, — видно было, что как вломился он в этот плоский беззащитный берег сто тысяч лет назад, так и намеревается проторчать здесь еще сто тысяч лет на зависть всем своим братьям, неприкаянно дрейфующим в открытом океане. Пляж, гладкий, серо-желтый, сверкающий мириадами чешуек инея, уходил к нему, а справа был океан, свинцовый, дышащий стылым металлом, подернутый зябкой рябью, у горизонта черный, как тушь, противоестественно мертвый. Слева над горячими ключами, над болотом, лежал серый слоистый туман, за туманом смутно угадывались щетинистые сопки, а дальше громоздились отвесные темные скалы, покрытые пятнами снега. Скалы эти тянулись вдоль всего побережья, на сколько хватал глаз, а над скалами в безоблачном, но тоже безрадостном ледяном серо-лиловом небе всходило крошечное негреющее лиловатое солнце.

Вандерхузе вылез из глайдера, немедленно натянул на голову меховой капюшон и подошел к нам.

— Я готов, — сообщил он. — Где Комов?

Майка коротко пожала плечами и подышала на застывшие пальцы.

— Сейчас придет, наверное, — рассеянно сказала она.

— Вы куда сегодня? — спросил я Вандерхузе. — На озеро?

Вандерхузе слегка запрокинул лицо, выпятил нижнюю губу и сонно посмотрел на меня поверх кончика носа, сразу сделавшись похожим на пожилого верблюда с рысьими бакенбардами.

— Скучно тебе здесь одному, — сочувственно произнес он. — Однако придется потерпеть, как ты полагаешь?

— Полагаю, что придется.

Вандерхузе еще сильнее запрокинул голову и с той же верблюжьей надменностью поглядел в сторону айсберга.

— Да, — сочувственно произнес он. — Это очень похоже на Землю, но это не Земля. В этом вся беда с землеподобными мирами. Все время чувствуешь себя обманутым. Обворованным чувствуешь себя. Однако и к этому можно привыкнуть, как ты полагаешь, Майка?

Майка не ответила. Совсем она что-то загрустила сегодня. Или наоборот — злилась. Но с Майкой это вообще-то бывает, она это любит.

Позади, легонько чмокнув, лопнула перепонка люка, и на песок соскочил Комов. Торопливо, на ходу застегивая доху, он подошел к нам и отрывисто спросил:

— Готовы?

— Готовы, — сказал Вандерхузе. — Куда мы сегодня, Геннадий? Опять на озеро?

— Так, — сказал Комов, взясь с застежкой на горле. — Насколько я понял, Майя, у вас сегодня квадрат шестьдесят четыре. Мои точки: западный берег озера, высота семь, высота двенадцать. Расписание уточним в дороге. Попов, вас я попрошу отправить радиogramмы, я оставил их в рубке. Связь со мной через глайдер. Возвращение в восемнадцать ноль-ноль по местному времени. В случае задержки предупредим.

— Понятно, — сказал я без энтузиазма: не понравилось мне это упоминание о возможной задержке.

Майка молча пошла к глайдеру. Комов справился наконец с застежкой, провел ладонью по груди и тоже пошел к глайдеру. Вандерхузе пожал мне плечо.

— Поменьше глазей на все эти пейзажи, — посоветовал он. — Сиди по возможности дома и читай. Береги цветы своей селезенки.

Он неспешно забрался в глайдер, устроился в водительском кресле и помахал мне рукой. Майка наконец позволила себе улыбнуться и тоже помахала мне рукой. Комов не глядя кивнул, фонарь задвинулся, и я перестал их видеть. Глайдер неслышно тронулся с места, стремительно скользнул вперед и вверх, сразу сделался маленьким и черным и исчез, словно его не было. Я остался один.

Некоторое время я стоял, засунув руки глубоко в карманы дохи, и смотрел, как трудятся мои ребятишки. За ночь они поработали на славу, поосунулись, отощали и теперь, развернув энергозаборники на максимум, жадно глотали бледный бульончик, который скармливало им хилое лиловое светило. И ничто иное их не заботило. И ничего больше им было не нужно, даже я им был не нужен — во всяком случае, до тех пор, пока не исчерпается их программа. Правда, неуклюжий толстяк Том каждый раз, когда я попадал в поле его визиров, зажигал рубиновый лобовой сигнал, и при желании это можно было принимать за приветствие, за вежливо-рассеянный поклон, но я-то знал, что это просто означает: «У меня и у остальных все в порядке. Выполняем задание. Нет ли новых указаний?» У меня не было новых указаний. У меня было много одиночества и много, очень много мертвой тишины.

Это не была ватная тишина акустической лаборатории, от которой закладывает уши, и не та чудная тишина земного загородного вечера, освежающая, ласково омывающая мозг, которая умиротворяет и сливает тебя со всем самым лучшим, что есть на свете. Это была тишина особенная — пронзительная, прозрачная, как вакуум, взводящая все нервы, — тишина огромного, совершенно пустого мира.

Я затравленно огляделся. Вообще-то, наверное, нельзя так говорить о себе; наверное, следовало бы сказать просто: «Я огляделся». Однако на самом деле я огляделся не просто, а именно затравленно. Бесшумно трудились киберы. Бесшумно стыл океан. Бесшумно слепило лиловое солнце. С этим надо было как-то кончать.

Например, можно было собраться наконец и сходить к айсбергу. До айсберга было километров пять, а стандартная инструкция категорически запрещает дежурному удаляться от корабля дальше, чем на сто метров. Наверное, при других обстоятельствах чертовски соблазнительно было бы рискнуть и нарушить инструкцию. Но только не здесь.

Здесь я мог уйти и на пять километров, и на сто двадцать пять, и ничего бы не случилось ни со мной, ни с моим кораблем, ни с десятком других кораблей, рассаженных сейчас по всем климатическим поясам планеты к югу от меня. Не выскочит из этих корявых зарослей кровожадущее чудовище, чтобы пожрать меня, — нет здесь никаких чудовищ. Не налетит с океана свирепый тайфун, чтобы вздыбить корабль и швырнуть на эти угрюмые скалы, — не замечено здесь ни тайфунов, ни прочих землетрясений. Не будет здесь сверхсрочного вызова с базы с объявлением биологической тревоги — не может здесь быть биологической тревоги, нет здесь ни вирусов, ни бактерий, опасных для многоклеточных существ. Ничего здесь нет, на этой планете, кроме океана, скал и карликовых деревьев. Неинтересно здесь нарушать инструкцию.

И выполнять ее здесь неинтересно. На любой порядочной биологически активной планете фи́га с два я стоял бы вот так, руки в карманах, на третий день после посадки. Я бы мотался сейчас как угорелый. Наладка, запуск и ежесуточный контроль настройки сторожа-разведчика. Организация вокруг корабля — и вокруг строительной площадки, между прочим, — Зоны Абсолютной Биологической Безопасности. Обеспечение упомянутой ЗАББ от нападения из-под почвы. Каждые два часа контроль и смена фильтров — внешних бортовых, внутренних бортовых и личных. Устройство могильника для захоронения всех отходов, в том числе и использованных фильтров. Каждые четыре часа стерилизация, дегазация и дезактивация управляющих систем кибермеханизмов. Контроль информации роботов медслужбы, запущенных за пределы ЗАББ. Ну и всякие мелочи: метеозонды, сейсмическая разведка, спелеоопасность, тайфуны, обвалы, сели, карстовые сбросы, лесные пожары, вулканические извержения...

Я представил себе, как я, в скафандре, потный, невыспавшийся, злой и уже слегка отупевший, промываю нервные узлы толстяку Тому, а сторож-разведчик мотается у меня над головой и с настойчивостью идиота в двадцатый раз сообщает о появлении вон под той корягой страшной крапчатой лягушки неизвестного ему вида, а в наушниках верещат тревожные сигналы ужасно взволнованных роботов медслужбы, обнаруживших, что такой-то местный вирус дает нестандартную реакцию на пробу Балтерманца и, следовательно, теоретически способен прорвать биоблокаду. Вандерхузе, который, как и подобает врачу и капитану, сидит в корабле, озабоченно ставит меня в известность, что возникла опасность провалиться в трясину, а Комов с ледяным спокойствием сообщает по радио, что двигатель глайдера съеден маленькими насекомыми вроде муравьев и что муравьи эти в настоящий момент пробуют на зуб его скафандр... Уф! Впрочем, на такую планету меня бы, конечно, не взяли. Меня взяли именно на такую планету, для которой инструкции не писаны. За ненадобностью.

Перед люком я задержался, отряхнул с подошв приставшие песчинки, постоял немного, положив ладонь на теплый дышащий борт корабля, и ткнул пальцем в перепонку. В корабле тоже было тихо, но это все-таки была домашняя тишина, тишина пустой и уютной квартиры. Я сбросил доху и прошел прямо в рубку. У своего пульта я задерживаться не стал — я и так видел, что все хорошо, — а сразу сел за рацию. Радиogramмы лежали на столике. Я включил шифратор и стал набирать текст. В первой радиogramме Комов сообщал на Базу координаты трех предполагаемых стойбищ, отчитывался за мальков, которые были вчера запущены в озеро, и советовал Китауре не торопиться с пресмыкающимися. Все это было более или менее понятно, но вот из второй радиogramмы, адресованной в Центральный Информаторий, я понял только, что Комову позарез нужны данные относительно игрек-фактора для дунормального гуманоида с четырехэтажным индексом, состоящим в общей сложности из девяти цифр и четырнадцати греческих букв. Это была сплошная и непроницаемая высшая ксенопсихология, в которой я, как и всякий нормальный гуманоид индекса ноль, не разбирался абсолютно. И не надо.

Набрав текст, я включил служебный канал и передал все сообщения в одном импульсе. Потом я зарегистрировал радиogramмы, и тут мне пришло в голову, что пора бы

и мне послать первый отчет. То есть, собственно, что значит — отчет... «Группа ЭР-2, строительные работы по стандарту 15, выполнение столько-то процентов, дата, подпись». Все. Мне пришлось встать и подойти к своему пульта, чтобы взглянуть на график выполнения, и я сразу понял, почему это меня вдруг потянуло на отчет. Не в отчете здесь было дело, а просто я, наверное, уже достаточно опытный кибертехник и почуял перебой, даже ничего не видя и не слыша: Том опять остановился, совсем как вчера, ни с того ни с сего. Как и вчера, я раздраженно ткнул пальцем в клавишу контрольного вызова: «В чем дело?» Как и вчера, сигнал задержки сейчас же погас — и вспыхнул рубиновый огонек: «У нас все в порядке, выполняем задание. Нет ли новых указаний?» Я дал ему указание возобновить работу и включил видеозэкран. Джек и Рекс усердно работали, и Том тоже двинулся, но в первые секунды как-то странно, чуть ли не боком, однако тут же выровнялся.

— Э, брат, — сказал я вслух, — видно, ты у меня переутомился и надобно тебя, брат, почистить. — Я заглянул в рабочий дневник Тома. Профилактику ему надлежало делать сегодня вечером. — Ладно, до вечера мы с тобой как-нибудь дотянем, как ты полагаешь?

Том не возражал. Некоторое время я смотрел, как они работают, а потом выключил видеозэкран: айсберг, туман над болотом, темные скалы... Хотелось без этого обойтись.

Отчет я все-таки послал и тут же связался с ЭР-6. Вадик откликнулся немедленно, словно только того и ждал.

— Ну, что там у вас? — спросили мы друг друга.

— У нас ничего, — ответил я.

— У нас ящерицы передохли, — сообщил Вадик.

— Эх, вы, — сказал я. — Предупреждает же вас Комов, любимый ученик доктора Мбоги: не торопитесь вы с пресмыкающимися.

— А кто с ними торопится? — возразил Вадик. — Если ты хочешь знать мое мнение, они здесь просто не выживут. Жарища же!

— Купаетесь? — спросил я с завистью.

Вадик помолчал.

— Окунаемся, — сказал он с неохотой. — Время от времени.

— Что так?

— Пусто, — сказал Вадик. — Вроде кошмарно большой ванны... Ты этого не поймешь. Нормальный человек такую невероятную ванну представить себе не может. Я здесь заплыл километров на пять, сначала все было хорошо, а потом вдруг как представил себе, что это же не бассейн — океан! И, кроме меня, нет в нем ни единой живой твари... Нет, старик, ты этого не поймешь. Я чуть не потонул.

— Н-да, — проговорил я. — Значит, у вас тоже...

Мы поболтали еще несколько минут, а потом Вадика вызвала База, и мы торопливо распрощались. Я вызвал ЭР-9. Ганс не откликнулся. Можно было бы, конечно, вызвать ЭР-1, ЭР-3, ЭР-4 и так далее — до ЭР-12, поговорить о том, что, мол, пусто, безжизненно, мол, но какой от этого прок? Если подумать, никакого. Поэтому я выключил рацию и переселился к себе за пульт. Некоторое время я сидел просто так — глядел на рабочие экраны и думал о том, что дело, которое мы делаем, это вдвойне хорошее дело: мы не только спасаем пантиан от неминуемой и поголовной гибели, мы еще и эту планету спасаем — от пустоты, от мертвой тишины, от бессмысленности. Потом мне пришло в голову, что пантиане, наверное, довольно странная раса, если наши ксенопсихологи считают, что эта планета им подходит лучше всего. Станный, должно быть, образ жизни у них на Панте. Вот доставят их сюда — сначала, конечно, не всех, а по два, по три представителя от каждого племени, — увидят представители этот промерзший пляж, этот айсберг, пустой ледяной океан, пустое лиловое небо, увидят и скажут: «Прекрасно! Совсем как дома!» Не верится что-то. Правда, к их приезду здесь уже не будет так пусто. В озерах будет рыба, в зарослях — дичь, на отмелях — съедобные ракушки. Может быть, и ящерицы как-нибудь приживутся, а наш айсберг засидят какие-нибудь птички...

А потом, надо сказать, в положении пантиан не приходится особенно выбирать. Если бы, например, стало известно, что наше Солнце вот-вот взорвется и слизнет с Земли все живое, я, наверное, тоже не был бы таким уж привередливым. Наверное, сказал бы себе: ничего, проживем как-нибудь. Впрочем, пантиан никто и не спрашивает. Они все равно ничего не понимают, космографии у них еще нет, даже самой примитивной. Так и не узнают они, что переселились на другую планету...

И вдруг я обнаружил, что слышу нечто. Какое-то шуршание, будто ящерица пробежала. Ящерица вспомнилась мне, должно быть, из-за недавнего разговора с Вадиком, на самом-то деле звук был еле слышный и совершенно неопределенный. Потом в дальнем конце рубки что-то тикнуло — и сейчас же где-то пролилась струйкой вода. На самом пределе слышимости билась и зудела муха, попавшая в паутину, скороговоркой бормотали раздраженные голоса. И снова по коридору пробежала ящерица. Я почувствовал, что у меня свело шею от напряжения, и встал. При этом я задел справочник, лежавший на краю пульта, и он со страшным грохотом обрушился на пол. Я поднял его и со страшным грохотом швырнул обратно на пульт. Я задудел бодрый марш и, печатая шаг, вышел в коридор.

Это все тишина. Тишина и пустота. Вандерхузе каждый вечер объясняет нам это с предельной ясностью. Человек — не природа, он не терпит пустоты. Оказавшись в пустоте, он стремится ее заполнить. Он заполняет ее видениями и воображаемыми звуками, если не в состоянии заполнить ее чем-нибудь реальным. Воображаемых звуков я за эти три дня наслышался предостаточно. Надо полагать, скоро начнутся видения...

Я маршировал по коридору мимо пустых кают, мимо библиотеки, мимо арсенала, а когда проходил мимо медицинского отсека, почувствовал слабый запах — свежий и одновременно неприятный, вроде нашатырного спирта. Я остановился и принял. Знакомый запах. Хотя что это такое — непонятно. Я заглянул в хирургическую. Постоянно включенный и готовый к действию киберхирург — огромный белый спрут, подвешенный к потолку, — холодно глянул на меня зеленоватыми глазищами и с готовностью приподнял манипуляторы. Запах здесь был гуще. Я включил аварийную вентиляцию и замаршировал дальше. Надо же, до чего у меня все чувства обострились. Уж что-что, а обоняние у меня всегда было негодным...

Свой дозорный марш я закончил на кухне. Здесь тоже было полно запахов, но против этих запахов я ничего не имел. Что бы там ни говорили, а на кухне должно пахнуть. На других кораблях что на кухне, что в рубке — одно и то же. У меня этого нет и не будет. У меня свои порядки. Чистота чистотой, а на кухне должно хорошо пахнуть. Вкусно. Возбуждающе. Мне здесь надлежит четырежды в день составлять меню, и это, заметьте, при полном отсутствии аппетита, потому что аппетит и пустота-тишина — вещи, по-видимому, несовместные...

На составление меню мне потребовалось не менее получаса. Это были трудные полчаса, но я сделал все, что мог. Потом я включил повара, втолковал ему меню и пошел взглянуть, как работают мои ребяташки.

Уже с порога рубки я увидел, что имеет место ЧП. Все три рабочих экрана на моем пульте показывали полный останов. Я подбежал к пульту и включил видеоэкран. Сердце у меня екнуло: строительная площадка была пуста. Такого у меня еще никогда не случалось. Я даже не слыхивал, что такое вообще может случиться. Я помотал головой и бросился к выходу. Киберов кто-то увел... Шальной метеорит... стукнул Тома в крестец... Взбесилась программа... Невозможно, невозможно! Я влетел в кессон и схватил доху. Руки не попадали в рукава, куда-то пропали застежки, и пока я сражался с дохой, как барон Мюнхгаузен со своей взбесившейся шубой, перед глазами моими стояла жуткая картина: кто-то неведомый и невозможный ведет моего Тома, как собачонку, и киберы покорно ползут прямо в туман, в курящуюся топь, погружаются в бурю и исчезают навсегда... Я с размаху пнул ногой в перепонку и выскочил наружу.

У меня все поплыло перед глазами. Киберы были здесь, у корабля. Они толпились у грузового люка, все трое, легонько отталкивая друг друга, как будто каждый пытался первым попасть в трюм. Это было невозможно, это было неприлично, это было страшно. Они словно стремились поскорее спрятаться в трюме, укрыться от чего-то, спастись... Известно такое явление второй природы — взбесившийся робот, оно бывает очень редко, а о взбесившемся строительном роботе я не слышал никогда. Однако нервы у меня были так взвинчены, что сейчас я был готов и к этому. Но ничего не произошло. Заметив меня, Том перестал ерзать и включил сигнал «жду указаний». Я решительно показал ему руками: «Вернуться на место, продолжать выполнение программы». Том послушно включил задний ход, развернулся и покатил обратно на площадку. Джек и Рекс, естественно, последовали за ним. А я все стоял возле люка, в горле у меня пересохло, колени ослабели, и мне очень хотелось присесть.

Но я не присел. Я принялся приводить себя в порядок. Доха на мне была застегнута вкривь и вкось, уши мерзли, на лбу и на щеках быстро застывал пот. Медленно, стараясь контролировать все свои движения, я вытер лицо, застегнулся как следует, надвинул на глаза капюшон и натянул перчатки. Стыдно признаться, конечно, но я испытывал страх. Собственно, это был уже не сам страх, это были остатки пережитого страха, смешанные со стыдом. Кибертехник, который испугался собственных киберов... Мне стало совершенно ясно, что об этом случае я никогда и никому не расскажу. Елки-палки, у меня же ноги тряслись, они у меня и сейчас какие-то дряблые, и больше всего на свете мне сейчас хочется вернуться в корабль, спокойно, по-деловому обдумать происшествие, разобраться. Справочники кое-какие просмотреть. А на самом деле я, наверное, просто боюсь приближаться к моим ребяташкам...

Я решительно засунул руки в карманы и зашагал к стройплощадке. Ребяташки трудились как ни в чем не бывало. Том, как всегда, предупредительно запросил у меня новые указания. Джек обрабатывал фундамент диспетчерской, как ему и было положено по программе. Рекс зигзагами ходил по готовому участку посадочной полосы и занимался расчисткой. Да, что-то у них не в порядке все-таки с программой. Камней каких-то на полосу накидали... Не было этих камней, да и не нужны они тут, хватает строительного материала и без камней. Да, как Том тогда остановился, так с тех пор весь последний час они тут делали что-то не то. Сучья какие-то валяются на полосе... Я наклонился, поднял сучок и прошелся взад-вперед, похлопывая себя этим сучком по голенищу. А не остановить ли мне их подобру-поздорову прямо сейчас, не дожидаясь срока профилактики? Неужели же, елки-палки, я где-то напахал в программе? Уму непостижимо... Я бросил сучок в кучу камней, собранных Рексом, повернулся и пошел к кораблю.

Глава вторая. Тишина и голоса

Следующие два часа я был очень занят, так занят, что не замечал ни тишины, ни пустоты. Для начала я посоветовался с Гансом и Вадиком. Ганса я разбудил, и спросонок он только мычал и мямлил какую-то несусветицу про дождь и низкое давление. Толку от него не получилось никакого. Вадика мне пришлось долгое время убеждать, что я не шучу и не разыгрываю его. Это было тем более трудно, что меня все время душил нервный смех. В конце концов я убедил его, что мне не до шуток и что для смеха у меня совсем другие основания. Тогда он тоже сделался серьезным и сообщил, что у него у самого старший кибер время от времени спонтанно останавливается, но в этом как раз нет ничего удивительного: жара, работа идет на пределе технических норм, и система еще не успела аккомодироваться. Может быть, все дело в том, что у меня здесь холод? Может быть, все дело было в этом, я еще не знал. Я, собственно, надеялся выяснить это у Вадика. Тогда Вадик вызвал головастую Нинон с ЭР-8, мы обсудили эту возможность втроем, ничего не придумали, и головастая Нинон посоветовала мне связаться с главным киберинженером

Базы, который зубы съел именно на этих строительных системах, чуть ли не их создатель. Ну, это-то я и сам знал, однако мне совсем не улыбалось лезть к главному за консультацией уже на третий день самостоятельной работы, да еще не имея за душой ни одного, буквально ни одного толкового соображения.

В общем, я сел за свой пульт, развернул программу и принялся ее вылизывать — команду за командой, группу за группой, поле за полем. Надо сказать, никаких дефектов я не обнаружил. За ту часть программы, которую составлял я сам, я и раньше готов был отвечать головой, а теперь готов был отвечать и своим добрым именем вдобавок. Со стандартными полями дело обстояло хуже. Многие из них были мне знакомы мало, и если бы я взялся каждое такое стандартное поле контролировать заново, обязательно бы сорвал график работ. Поэтому я решил на компромисс. Я временно выключил из программы все поля, которые пока не были нужны, упростил программу до наивозможнейшего предела, ввел ее в систему управления и положил было палец на пусковую клавишу, как вдруг до меня дошло, что уже в течение некоторого времени я опять слышу нечто — нечто совсем уже странное, совершенно неуместное и невероятно знакомое.

Плакал ребенок. Где-то далеко, на другом конце корабля, за многими дверями отчаянно плакал, надрываясь и захлебываясь, какой-то ребеночек. Маленький, совсем маленький. Годик, наверное. Я медленно поднял руки и прижал ладони к ушам. Плач прекратился. Не опуская рук, я встал. Точнее сказать, я обнаружил, что уже некоторое время стою на ногах, зажимая уши, что рубашка у меня прилипла к спине и что челюсть у меня отвисла. Я закрыл рот и осторожно отвел ладони от ушей. Плача не было. Стояла обычная проклятая тишина, только звенела в невидимом углу муха, запутавшаяся в паутине. Я достал из кармана платок, неторопливо развернул его и тщательно вытер лоб, щеки и шею. Затем, так же неторопливо сворачивая платок, я прошелся перед пультом. Мыслей у меня не было никаких. Я постучал костяшками пальцев по кожуху вычислителя и кашлянул. Все было в порядке, я слышал. Я шагнул обратно к креслу, и тут ребенок заплакал снова.

Не знаю, сколько времени я стоял столбом и слушал. Самым страшным было то, что я слышал его совершенно ясно. Я даже отдавал себе отчет в том, что это не бессмысленное мяуканье новорожденного и не обиженный рев карапуза лет четырех-пяти, — вопил и захлебывался младенец, еще не умеющий ходить и разговаривать, но уже и не грудной. У меня племянник такой есть — год с небольшим...

Оглушительно грянул звонок радиовызова, и у меня от неожиданности едва не выскочило сердце. Придерживаясь за пульт, я подобрался к рации и включил прием. Ребеночек все плакал.

— Ну, как у тебя дела? — осведомился Вадик.

— Никак, — сказал я.

— Ничего не придумал?

— Ничего, — сказал я. Я поймал себя на том, что прикрываю микрофон рукой.

— Что-то тебя плохо слышно, — сказал Вадик. — Так что же ты думаешь делать?

— Как-нибудь, — пробормотал я, плохо соображая, что говорю. Ребенок продолжал плакать. Теперь он плакал тише, но все так же явственно.

— Ты что это, Стась? — озабоченно сказал Вадик. — Я тебя разбудил, что ли?

Больше всего мне хотелось сказать: «Слушай, Вадька, у меня здесь все время плачет какой-то ребенок. Что мне делать?» Однако у меня хватило ума сообразить, как это может быть воспринято. Поэтому я откашлялся и сказал:

— Ты знаешь, я с тобой через часок свяжусь. Здесь у меня кое-что наклеывается, но я еще не вполне уверен...

— Ла-а-адно, — озадаченно протянул Вадик и отключился.

Я еще немного постоял у рации, затем вернулся к своему пульту. Ребенок несколько раз всхлипнул и затих. А Том опять стоял. Опять этот испорченный сундук остановился. И Джек с Рексом тоже стояли. Я изо всех сил ткнул пальцем в клавишу контрольного

вызова. Никакого эффекта. Мне захотелось заплакать самому, но тут я сообразил, что система выключена. Я же ее и выключил два часа назад, когда взялся за программу. Ну и работничек из меня теперь! Может быть, сообщить на Базу и попросить приготовить замену? Обидно-то как, елки-палки... Я поймал себя на том, что в страшном напряжении жду, когда все это начнется снова. И я понял, что если останусь здесь, в рубке, то буду прислушиваться и прислушиваться, ничего не смогу делать, только прислушиваться, и я, конечно, услышу, я здесь такое услышу!..

Я решительно включил профилактику, вытащил из стеллажа футляр с инструментами и почти бегом ринулся вон из рубки. Я старался держать себя в руках и с дохой управился на этот раз довольно быстро. Ледяной воздух, опаливший лицо, подтянул меня еще больше. Хрустя каблуками по песку, я, не оглядываясь, зашагал к строительной площадке, прямо к Тому. По сторонам я тоже не глядел. Айсберги, туманы, океаны — все это меня отныне не интересовало. Я берег цветы своей селезенки для своих непосредственных обязанностей. Не так уж много у меня этих цветов оставалось, а обязанностей было столько же, сколько раньше, и, может быть, даже больше.

Прежде всего я проверил Тому рефлекс. Рефлексы у Тома оказались в превосходном состоянии. «Отлично!» — сказал я вслух, извлек из футляра скальпель и одним движением, как на экзаменах, вскрыл Тому заднюю черепную коробку.

Я работал с упоением, даже с остервенением каким-то, быстро, точно, расчетливо, как машина. Одно могу сказать: никогда в жизни я так не работал. Мерзли пальцы, мерзло лицо, дышать приходилось не как попало, а с умом, чтобы иней не оседал на операционном поле, но я и думать не хотел о том, чтобы загнать киберов в корабельную мастерскую. Мне становилось все легче и легче, ничего неподобающего я больше не слышал, я уже забыл о том, что могу услышать неподобающее, и дважды сбегал в корабль за сменными узлами для координационной системы Тома. «Ты у меня будешь как новенький, — приговаривал я. — Ты у меня больше не будешь бегать от работы. Я тебя, старикашечку моего, вылечу, на ноги поставлю, в люди выведу. Хочешь, небось, выйти в люди? Еще бы! В людях хорошо, в людях тебя любить будут, холить будут, лелеять. Но ведь что я тебе скажу? Куда тебе в люди с таким блоком аксиоматики? С таким блоком аксиоматики тебя не то что в люди — в цирк тебя не возьмут. Ты с таким блоком аксиоматики все подвергнешь сомнению, задумываться станешь, научишься в носу ковырять глубокомысленно. Стоит ли, мол? Да зачем все это нужно? Для чего все эти посадочные полосы, фундаменты? А сейчас я тебя, голубчик...»

— Шура... — простонал совсем рядом хриплый женский голос. — Где ты, Шура... Больно...

Я замер. Я лежал в брюхе Тома, стиснутый со всех сторон колоссальными буграми его рабочих мышц, только ноги мои торчали наружу, и мне вдруг стало невероятно страшно, как в самом страшном сне. Я просто не знаю, как я сдержался, чтобы не заорать и не забиться в истерику. Может быть, я потерял сознание на некоторое время, потому что долго ничего не слышал и ничего не соображал, а только пялил глаза на озаренную зеленоватым светом поверхность обнаженного нервного вала у себя перед лицом.

— Что случилось? Где ты? Я ничего не вижу, Шура... — хрипела женщина, корчась от невыносимой боли. — Здесь кто-то есть... Да отзовись же, Шура! Больно как! Помоги мне, я ничего не вижу...

Она хрипела и плакала, и повторяла снова и снова одно и то же, и мне уже мерещилось, что я вижу ее искаженное лицо, залитое смертным потом, и в хрипе ее была уже не только мольба, не только боль, в нем были ярость, требование, приказ. Я почти физически ощутил, как ледяные цепкие пальцы тянутся к моему мозгу, чтобы вцепиться, стиснуть его и погасить. Уже в полубеспамятстве, сжимая до судороги зубы, я нащупал левой рукой пневматический клапан и изо всех сил надавил на него. С диким воющим ревом ринулся наружу сжатый аргон, а я все нажимал и нажимал на клапан, сметая,

разбивая в пыль, уничтожая хриплый голос у себя в мозгу, я чувствовал, что глохну, и чувство это доставляло мне невыразимое облегчение.

Потом оказалось, что я стою рядом с Томом, холод прожигает меня до костей, а я дую на оочевенные пальцы и повторяю, блаженно улыбаясь: «Звуковая завеса, понятно? Звуковая завеса...» Том стоял, сильно накренившись на правый бок, а мир вокруг меня был скрыт огромным неподвижным облаком инея и мерзлых песчинок. Зябко пряча ладони под мышками, я обошел Тома и увидел, что струя аргона выбила на краю площадки огромную яму. Я немного постоял над этой ямой, все еще повторяя про звуковую завесу, но я уже чувствовал, что пора бы прекратить повторять, и догадался, что стою на морозе без дохи, и вспомнил, что доху я сбросил как раз на то место, где сейчас яма, и стал вспоминать, не было ли у меня в карманах чего-нибудь существенного, ничего не вспомнил, легкомысленно махнул рукой и нетвердой трусцой побежал к кораблю.

В кессоне я прежде всего взял себе новую доху, потом пошел в свою каюту, кашлянул у входа, как бы предупреждая, что сейчас войду, вошел и сейчас же лег на койку лицом к стене, накрывшись дохой с головой. При этом я прекрасно понимал, что все эти мои действия лишены какого бы то ни было смысла, что в каюту к себе я направлялся с вполне определенной целью, но цель эту я запомнил, а лег и укрылся, словно бы для того, чтобы показать кому-то: вот это именно и есть то, зачем я сюда пришел.

Все-таки, наверное, это было что-то вроде истерики, и, немного придя в себя, я только порадовался, что истерика моя приняла вот такие, совершенно безобидные формы. В общем, мне было ясно, что с моей работой здесь покончено. И вообще в космосе работать мне, вероятно, больше не придется. Это было, конечно, безумно обидно, и — чего там говорить! — стыдно было, что вот не выдержал, на первом же практическом деле сорвался, а уж, казалось бы, послали для начала в самое что ни на есть безопасное и спокойное место. И еще было обидно, что оказался я такой нервной развалиной, и стыдно, что когда-то испытывал самодовольную жалость к Каспару Манукяну, когда тот не прошел по конкурсу проекта «Ковчег» из-за какой-то там повышенной нервной возбудимости. Будущее представлялось мне в самом черном свете — тихие санатории, медосмотры, процедуры, осторожные вопросы психологов и целые моря сочувствия и жалости, сокрушительные шквалы сочувствия и жалости, обрушивающиеся на человека со всех сторон...

Я рывком отшвырнул доху и сел. Ладно, сказал я тишине и пустоте, ваша взяла. Горбовского из меня не вышло. Переживем как-нибудь... Значит, так. Сегодня же я расскажу обо всем Вандерхузе, и завтра, наверное, пришлют мне замену. Елки-палки, а у меня на площадке что творится! Том демобилизован, график сломался, ямища эта дурацкая рядом с полосой... Я вдруг вспомнил, зачем сюда пришел, выдвинул ящик стола, нашел кристаллофон с записью ируканских боевых маршей и аккуратно подвесил его к мочке правого уха. Звуковая завеса, сказал я себе в последний раз. Взявши доху под мышку, я снова вышел в кессон, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, чтобы совершенно уже успокоиться, включил кристалл и шагнул наружу.

Теперь мне было хорошо. Вокруг меня и внутри меня ревели варварские трубы, лязгала бронза, долбили барабаны; покрытые оранжевой пылью телемские легионы, тяжело печатавая шаг, шли через древний город Сэтэм; пылали башни, рушились кровли, и страшно, угнетая рассудок врага, свистели боевые драконы-стенобитчики. Окруженный и огражденный этими шумами тысячелетней давности, я снова забрался во внутренности Тома и теперь без всякой помехи довел профилактику до конца.

Джек и Рекс уже заравнивали яму, а в потроха Тома нагнетались последние литры аргона, когда я увидел над пляжем стремительно растущее черное пятнышко. Глайдер возвращался. Я взглянул на часы — было без двух минут восемнадцать по местному времени. Я выдержал. Теперь можно было выключить литавры и барабаны и заново обдумать вопрос: стоит ли беспокоить Вандерхузе, беспокоить Базу, ведь сменщика найти

будет не так-то просто, да и ЧП все-таки, работа на всей планете может из-за этого задержаться, набегут всякие комиссии, начнутся контрольные проверки и перепроверки, дело остановится, Вадик будет ходить злой как черт, а если вдобавок представить себе, как глянет на меня доктор ксенопсихологии, член КОМКОНа, специальный уполномоченный по проекту «Ковчег» Геннадий Комов, восходящее светило науки, любимый ученик доктора Мбоги, новый соперник и новый соратник самого Горбовского... Нет, все это надо тщательно продумать. Я глядел на приближающийся глайдер и думал: все это надо продумать самым тщательнейшим образом. Во-первых, у меня еще целый вечер впереди, а во-вторых, у меня есть предчувствие, что все это мы временно отложим. В конце концов, переживания мои касаются меня одного, а отставка моя касается уже не только меня, но и, можно сказать, всех. Да и звуковая завеса себя превосходно показала. Так что, пожалуй, все-таки отложим. Да. Отложим...

Все эти мысли разом вылетели у меня из головы, едва я увидел лица Майки и Вандерхузе. Комов — тот выглядел как обычно и, как обычно, озирался с таким видом, словно все вокруг принадлежит ему персонально, принадлежит давно и уже порядком надоело. А вот Майка была бледна прямо-таки до синевы, как будто ей было дурно. Уже Комов соскочил на песок и коротко осведомился у меня, почему я не откликался на радиовывозы (тут глаза его скользнули по кристаллофону на моем ухе, он пренебрежительно усмехнулся и, не дожидаясь ответа, прошел в корабль). Уже Вандерхузе неторопливо вылез из глайдера и подходил ко мне, почему-то грустно кивая, более чем когда-либо похожий на занемогшего пожилого верблюда. А Майка все неподвижно сидела на своем месте, нахохлившись, спрятав подбородок в меховой воротник, и глаза у нее были какие-то стеклянные, а рыжие веснушки казались черными.

— Что случилось? — испуганно спросил я.

Вандерхузе остановился передо мной. Голова его задралась, нижняя челюсть выдвинулась. Он взял меня за плечо и легонько потряс. Сердце у меня ушло в пятки, я не знал, что и подумать. Он снова тряхнул меня за плечо и сказал:

— Очень грустная находка, Стась. Мы нашли погибший корабль.

Я судорожно глотнул и спросил:

— Наш?

— Да. Наш.

Майка выползла из глайдера, вяло махнула мне рукой и направилась к кораблю.

— Много жертв? — спросил я.

— Двое, — ответил Вандерхузе.

— Кто? — с трудом спросил я.

— Пока не знаем. Это старый корабль. Авария произошла много лет назад.

Он взял меня под руку, и мы вместе пошли следом за Майкой. У меня немного отлегло от сердца. Поначалу я, естественно, решил, что разбился кто-нибудь из нашей экспедиции. Но все равно...

— Никогда мне эта планета не нравилась, — вырвалось у меня.

Мы вошли в кессон, разделись, и Вандерхузе принялся обстоятельно очищать свою доху от приставших репьев и колючек. Я не стал его дожидаться и пошел к Майке. Майка лежала на койке, подобрала ноги, повернувшись лицом к стене. Эта поза мне сразу кое-что напомнила, и я сказал себе: а ну-ка, поспокойнее, без всяких этих соплей и сопереживаний. Я сел за стол, побарабанил пальцами и осведомился самым деловым тоном:

— Слушай, корабль действительно старый? Вандер говорит, что он разбился много лет назад. Это так?

— Так, — не сразу ответила Майка в стену.

Я покосился на нее. Острые кошачьи когти пробороzdили по моей душе, но я продолжал все так же деловито:

— Сколько это — много лет? Десять? Двадцать? Чепуха какая-то получается. Планета-то открыта всего два года назад...

Майка не ответила. Я снова побарабанил пальцами и сказал тоном ниже, но все еще по-деловому:

— Хотя, конечно, это могли быть первопроходцы... Какие-нибудь вольные исследователи... Двое их там, как я понял?

Тут она вдруг взметнулась над койкой и села лицом ко мне, упершись ладонями в покрывало.

— Двое! — крикнула она. — Да! Двое! Коряга ты бесчувственная! Дубина!

— Подожди, — сказал я ошеломленно. — Что ты...

— Ты зачем сюда пришел? — продолжала она почти шепотом. — Ты к роботам своим иди, с ними вот обсуждай, сколько там лет прошло, какая чепуха получается, почему их там двое, а не трое, не семеро...

— Да подожди, Майка! — сказал я с отчаянием. — Я же совсем не то хотел...

Она закрыла лицо руками и невнятно проговорила:

— У них все кости переломаны... Но они еще жили... Пытались что-то делать... Слушай, — попросила она, отняв руки от лица, — уйди, пожалуйста. Я скоро выйду. Скоро.

Я осторожно поднялся и вышел. Мне хотелось ее обнять, сказать что-то ласковое, утешительное, но утешать я не умел. В коридоре меня вдруг затрясло. Я остановился и подождал, пока это пройдет. Ну и денек выдался! И ведь никому не расскажешь. Да и не надо, наверное. Я разжмурил глаза и увидел, что в дверях рубки стоит Вандерхузе и смотрит на меня.

— Как там Майка? — спросил он негромко.

Наверное, по моему лицу было видно — как, потому что он грустно кивнул и скрылся в рубке. А я поплелся на кухню. Просто по привычке. Просто так уж повелось, что сразу после возвращения глайдера все мы садились обедать. Но сегодня, видно, все будет по-другому. Какой тут может быть обед... Я накричал на повара, потому что мне показалось, будто он переврал меню. На самом деле он ничего не переврал, обед был готов, хороший обед, как обычно, но сегодня должно быть не как обычно. Майка, наверное, вообще ничего не станет есть, а надо, чтобы поела. И я заказал для нее повару фруктовое желе со сбитыми сливками — единственное ее любимое лакомство, которое я знал. Для Комова я решил ничего дополнительно не заказывать, для Вандерхузе, подумавши, — тоже, но на всякий случай ввел в общую часть меню несколько стаканов вина — вдруг кто-нибудь захочет подкрепить свои душевные силы... Потом я отправился в рубку и уселся за свой пульт.

Ребятишки мои работали как часы, Майки в рубке не было, а Вандерхузе с Комовым составляли экстренную радиограмму на Базу. Они спорили.

— Это не информация, Яков, — говорил Комов. — Вы же лучше меня знаете: существует определенная форма — состояние корабля, состояние останков, предполагаемые причины крушения, находки особого значения... Ну и так далее.

— Да, конечно, — отвечал Вандерхузе. — Но согласитесь, Геннадий, вся эта проформа имеет смысл только для биологически активных планет. В данной конкретной ситуации...

— Тогда лучше вообще не посылать ничего. Тогда давайте сядем в глайдер, слетаем туда сейчас же и сегодня же составим полный акт...

Вандерхузе покачал головой.

— Нет, Геннадий, я категорически против. Комиссии такого рода должны состоять из трех человек как минимум. А потом, сейчас уже стемнело, у нас не будет возможности произвести детальный осмотр окружающей местности... И вообще такие вещи надо делать на свежую голову, а не после полного рабочего дня. Как вы полагаете, Геннадий?

Комов, сжав тонкие губы, легонько постучал кулаком по столу.

— Ах, как это некстати, — произнес он с досадой.

— Такие вещи всегда некстати, — утешил его Вандерхузе. — Ничего, завтра утром мы отправимся туда втроем...

— Может быть, тогда сегодня вообще ничего не сообщать? — перебил его Комов.

— А вот на это я не имею права, — сказал с сожалением Вандерхузе. — Да и зачем нам это — не сообщать?

Комов встал и, заложив руки за спину, посмотрел на Вандерхузе сверху вниз.

— Как вы не понимаете, Яков, — уже с откровенным раздражением произнес он. — Корабль старого типа, неизвестный корабль, боржурнал почему-то стерт... Если мы пошлем донесение в таком виде, — он схватил со стола листок и помахал им перед лицом Вандерхузе, — Сидоров решит, что мы не хотим или не способны самостоятельно провести экспертизу. Для него это еще одна забота — создавать комиссию, искать людей, отбиваться от любопытствующих бездельников... Мы поставим себя в смешное и глупое положение. И потом, во что превратится наша работа, Яков, если сюда явится толпа любопытствующих бездельников?

— Гм, — сказал Вандерхузе. — То есть, иначе говоря, вы не хотите скопления посторонних на нашем участке. Так?

— Именно так, — произнес Комов твердо.

Вандерхузе пожал плечами.

— Ну что ж... — Он подумал немного, отобрал у Комова листок и приписал к тексту несколько слов. — А в таком вот виде пойдет? «ЭР-два Базе, — скороговоркой прочитал он. — Экстренная. В квадрате сто два обнаружен потерпевший крушение земной корабль типа «Пеликан», регистрационный номер такой-то, в корабле останки двух человек, предположительно мужчины и женщины, боржурнал стерт, подробную экспертизу... — тут Вандерхузе повысил голос и значительно поднял палец, — начинаем завтра». Как вы полагаете, Геннадий?

Несколько секунд Комов в задумчивости покачивался с носка на пятку.

— Ну что ж, — проговорил он наконец, — пусть будет так. Что угодно, лишь бы нам не мешали. Пусть будет так.

Он вдруг сорвался с места и вышел из рубки. Вандерхузе повернулся ко мне.

— Передай, Стась, пожалуйста. И пора уже обедать, как ты полагаешь? — Он поднялся и задумчиво произнес одну из своих загадочных фраз: — Было бы алиби, а трупы найдутся.

Я зашифровал радиограмму и послал ее в экстренном импульсе. Мне было как-то не по себе. Что-то совсем недавно, буквально минуту назад, вонзилось в подсознание и мешало там, как заноза. Я посидел перед рацией, прислушиваясь. Да, это совсем другое дело — прислушиваться, когда знаешь, что в корабле полно народа. Вот по кольцевому коридору быстро прошагал Комов. У него всегда такая походка, словно он куда-то спешит, но вместе с тем знает, что мог бы и не спешить, потому что без него ничего не начнется. А вот гудит что-то неразборчивое Вандерхузе. Майка отвечает ему, и голос у нее обыкновенный — высокий и независимый, видимо, она уже успокоилась или, по крайней мере, сдерживается. И нет ни тишины, ни пустоты, ни мух в паутине... И я вдруг понял, что это за заноза: голос умирающей женщины в моем бреду и умершая женщина в разбитом звездолете... Совпадение, конечно... Страшненькое совпадение, что и говорить.

Глава третья. Голоса и призраки

Сколь это ни удивительно, но спал я как убитый. Утром я, по обыкновению, поднялся на полчаса раньше остальных, сбежал на кухню посмотреть, как там с завтраком, сбежал в рубку посмотреть, как там мои ребята, а потом выскочил наружу делать зарядку. Солнце еще не поднялось над горами, но было уже совсем светло и очень холодно. Ноздри слипались, ресницы смерзались, я изо всех сил размахивал руками, приседал и вообще спешил поскорее отделаться и вернуться в корабль. И тут я заметил Комова. Сегодня он, как видно, встал даже раньше меня, сходил куда-то и теперь возвращался со стороны стройплощадки. Шел он, против обыкновения, неторопливо, словно бы задумавшись, и в рассеянности похлопывал себя по ноге какой-то веточкой. Я уже заканчивал зарядку, когда он подошел ко мне вплотную и поздоровался. Я, естественно, тоже поздоровался и вознамерился было нырнуть в люк, но он остановил меня вопросом:

— Скажите, Попов, когда вы остаетесь здесь один, вы отлучаетесь куда-нибудь от корабля?

— То есть? — Я удивился даже не столько его вопросу, сколько самому факту, что Геннадий Комов снизошел заинтересоваться моим времяпрепровождением. У меня к Геннадию Комову отношение сложное. Я его недолюбиваю.

— То есть ходите вы куда-нибудь? К болоту, например, или к сопкам...

Ненавижу эту манеру, когда с человеком разговаривают, а сами смотрят куда угодно, только не на человека. Причем сами в теплой дохе с капюшоном, а человек в спортивном костюмчике на голое тело. Но при всем при том Геннадий Комов есть Геннадий Комов, и я, обхватив руками плечи и приплясывая на месте, ответил:

— Нет. У меня и так времени не хватает. Не до прогулок.

Тут он наконец соизволил заметить, что я замерзаю, и вежливо указал мне веточкой на люк, сказав: «Прошу вас. Холодно». Но в кессоне он меня остановил снова.

— А роботы от стройплощадки удаляются?

— Роботы? — Никак я не мог понять, куда он клонит. — Нет. Зачем?

— Ну, я не знаю... Например, за строительными материалами.

Он аккуратно прислонил свою веточку к стене и стал расстегивать доху. Я начал злиться. Если он каким-нибудь образом пронюхал о неполадках в моей строительной системе, то, во-первых, это не его дело, а во-вторых, мог бы сказать об этом прямо. Что это за допрос, в самом деле...

— Строительным материалом для киберсистемы данного типа, — как можно суше сказал я, — является тот материал, который у киберсистемы под ногами. В данном случае — песок.

— И камни, — добавил он небрежно, вешая доху на крючок.

Этим он меня уел. Но это было решительно не его дело, и я с вызовом откликнулся:

— Да! Если попадутся, то и камни.

Он впервые посмотрел мне в глаза.

— Боюсь, что вы неправильно меня поняли, Попов, — с неожиданной мягкостью произнес он. — Я не собираюсь вмешиваться в вашу работу. Просто у меня возникли кое-какие недоумения, и я обратился к вам, поскольку вы — единственный человек, который может их разрешить.

Ну что ж, когда со мной по-хорошему, тогда и я по-хорошему.

— В общем-то, конечно, камни им ни к чему, — сказал я. — Вчера у меня система немножко барахлила, и машины разбросали эти камни по всей стройплощадке. Кто их знает, зачем это им понадобилось. Потом, конечно, убрали.

Он кивнул.

— Да, я заметил. А какого рода была неполадка?

Я в двух словах рассказал ему о вчерашнем дне, не касаясь, конечно, интимных подробностей. Он слушал, кивал, а потом подхватил свою веточку, поблагодарил за разъяснения и удалился. И только в кают-компании, поедая гречневую кашу с холодным молоком, я сообразил, что мне так и осталось непонятным, какие такие недоумения одолевали любимца доктора Мбоги и насколько успешно мне удалось их разрешить. И удалось ли вообще. Я перестал есть и посмотрел на Комова. Нет, видимо, не удалось.

Геннадий Комов вообще, как правило, имеет вид человека не от мира сего. Вечно он высматривает что-то за далекими горизонтами и думает о чем-то своем, дьявольски возвышенном. На землю он спускается в тех случаях, когда кто-то или что-то, случайно или с умыслом, становится препятствием для его изысканий. Тогда он недрогнувшей рукой, зачастую совершенно беспощадно, устраняет препятствие и вновь взмывает к себе на Олимп. Так, во всяком случае, о нем рассказывают, и, в общем-то, ничего такого-этого тут нет. Когда человек занимается проблемой инопланетных психологий, причем занимается успешно, дерется на самом переднем крае и себя совершенно не жалеет, когда при этом он, как говорят, является одним из выдающихся «футурмастеров» планеты, тогда ему можно многое простить и относиться к его манерам с определенным снисхождением. В конце концов, не всем быть такими обаятельными, как Горбовский или доктор Мбога.

С другой стороны, последние дни я все чаще и чаще с удивлением и горечью вспоминал восторженные рассказы Татьяны, которая проработала с Комовым целый год, была, по-моему, в него влюблена и отзывалась о нем как о человеке редкостной общительности, тончайшего остроумия и все такое прочее. Она прямо так и называла его: душа общества. Что это за общество, у которого такая душа, я представить себе не могу.

Да, так вот, Геннадий Комов всегда производил на меня впечатление человека не от мира сего. Но сегодня за завтраком он превзошел самого себя. Еду свою он обильно посыпал солью. Посыплет, попробует и рассеянно спровадит тарелку в мусоропровод. Горчицу путал с маслом. Намажет сладкий гренок, попробует и рассеянно спровадит вслед за тарелкой. Якову Вандерхузе на вопросы не отвечал, зато, как пиявка, привязался к Майке, добиваясь, все ли время они с Вандером на съемке ходят вдвоем или иногда расстаются. И еще он время от времени вдруг принимался озираться нервно, а один раз вдруг вскочил, выбежал в коридор, отсутствовал несколько минут и вернулся как ни в чем не бывало — опять мазать гренки горчицей, пока эту злосчастную горчицу не убрали от него вовсе.

Майка тоже нервничала. Отвечала отрывисто, глядела в тарелку и за весь завтрак ни разу не улыбнулась. Впрочем, что делается с ней — я как раз понимал. Я бы на ее месте тоже нервничал перед таким предприятием. В конце концов, Майка — моя ровесница, и хотя опыт работы у нее значительно больше, но это совсем не тот опыт, который сегодня ей понадобится.

Одним словом, Комов явно нервничал, Майка нервничала, Вандерхузе тоже, глядя на них, стал обнаруживать некоторые признаки беспокойства, и мне стало ясно, что поднимать сейчас вопрос о моем участии в предстоящей экспертизе решительно неуместно. Я понял, что сегодня мне опять предстоит целый рабочий день тишины и пустоты, и тоже стал нервничать. Атмосфера за столом сделалась прямо-таки напряженной. И тогда Вандерхузе как командир корабля и врач решил эту атмосферу разрядить. Он задрал голову, выдвинул челюсть и длинно посмотрел на нас поверх носа. Рысьи бакенбарды его растопырились. Для начала он рассказал несколько анекдотов из быта звездолетчиков. Анекдоты были старые, заезженные, я заставлял себя улыбаться, Майка никак не реагировала, а Комов реагировал как-то странно. Слушал он внимательно и серьезно, в ударных местах кивал, а потом задумчиво оглядел Вандерхузе и произнес внушительно:

— А знаете, Яков, к вашим бакенбардам очень пошли бы кисточки на ушах.

Это было хорошо сказано, и при других обстоятельствах я порадовался бы острому словцу, но сейчас мне это показалось совершенно бестактным. Впрочем, сам Вандерхузе был, очевидно, противоположного мнения. Он самодовольно ухмыльнулся, согнутым пальцем взбил свои бакенбарды — сначала левый, а затем правый — и поведал нам следующую историю.

Является на некую цивилизованную планету один землянин, входит он в контакт и предлагает аборигенам свои услуги в качестве крупнейшего на Земле специалиста по конструированию и эксплуатации вечных двигателей первого рода. Аборигены, натурально, смотрят этому посланцу сверхразума в рот и, следуя его указаниям, немедленно принимаются строить. Построили. Не работает вечный двигатель. Землянин крутит колеса, ползает среди стержней и всяких шестеренок и бранится, что все сделано не так. «Технология, — говорит, — у вас отсталая, вот эти узлы надо решительно переделать, а вон те так и вообще заменить, как вы полагаете?» Аборигенам деваться некуда. Принимаются они переделывать и решительно заменять. И только они это закончили, как вдруг прибывает с Земли ракета «скорой помощи», санитары хватают изобретателя и делают ему надлежащий укол, врач приносит аборигенам свои извинения, и ракета отбывает. Аборигены в тоске и смущении, стыдясь глядеть друг другу в глаза, начинают расходиться и тут замечают, что двигатель-то заработал. Да, друзья мои, двигатель заработал и продолжает работать до сих пор, вот уже полтора года лет.

Мне эта незамысловатая история понравилась. Сразу видно, что Вандерхузе выдумал ее сам и, скорее всего, только что. К моему огромному удивлению, Комову история понравилась тоже. Уже на середине рассказа он перестал блуждать взглядом по столу в поисках горчицы, уставился на Вандерхузе и не спускал с него прищуренных глаз до самого конца, а потом высказался в том смысле, что идея невменяемости одного из партнеров по контакту представляется ему теоретически любопытной. «Во всяком случае, до сих пор общая теория контакта не учитывала такой возможности, хотя еще в начале двадцать первого века некий Штраух выдвигал предложение включать шизоидов в состав экипажей космических кораблей. Уже тогда было известно, что шизоидные типы обладают ярко выраженной способностью непредвзятого ассоциирования. Там, где нормальный человек в хаосе невиданного волей-неволей стремится углядеть знакомое, известное ранее, стереотипное, шизоид, напротив, не только видит все так, как оно есть, но способен создавать новые стереотипы, прямо вытекающие из сокровенной природы рассматриваемого хаоса. Между прочим, — продолжал Комов, понемножку разгораясь, — это свойство оказывается чрезвычайно общим для шизоидных представителей разумов самых различных типов. А поскольку теоретически совершенно не исключена возможность, что объектом контакта окажется именно шизоидный индивидуум, и поскольку своевременно не разгаданная шизоидность может в ходе контакта привести к тяжелейшим последствиям, проблема, затронутая вами, Яков, кажется достойной определенного научного внимания».

Вандерхузе, ухмыляясь, объявил, что дарит Комову эту идею, и сказал, что пора трогаться. При этих словах Майка, заинтересовавшаяся было и слушавшая Комова с полукруглым ртом, сразу увяла. Я тоже сразу увял: все эти разговоры о шизоидах навели меня на неприятные размышления. И вот что тогда произошло.

Вандерхузе и Майка уже вышли из кают-компании, а Комов замешкался в дверях, повернулся вдруг, крепко взял меня за локоть и, как-то жутковато-пристально шаря по моему лицу своими холодными серыми глазами, тихо и быстро проговорил:

— Что это вы приуныли, Стась? Что-нибудь случилось?

Я обалдел. Меня наповал сразила поистине сверхъестественная проницательность этого специалиста по шизоидам. Но мне все-таки удалось мгновенно взять себя в руки. Слишком многое для меня решалось в этот момент. Я отстранился и с безмерным изумлением спросил:

— О чем вы, Геннадий Юрьевич?

Взгляд его продолжал бегать по моему лицу, и он спросил еще тише и еще быстрее:

— Вы боитесь остаться один?

Но я уже прочно сидел в седле.

— Боюсь? — переспросил я. — Ну, это слишком сильно сказано, Геннадий Юрьевич. Я не ребенок все-таки...

Он отпустил мой локоть.

— А может быть, полетите с нами?

Я пожал плечами.

— Я бы с удовольствием. Но ведь вчера у меня были неполадки. Пожалуй, мне все-таки лучше остаться.

— Ну-ну! — произнес он с неопределенным выражением, резко повернулся и вышел.

Я постоял еще в кают-компании, окончательно приводя себя в порядок. В голове у меня была сумятица, но чувствовал я себя как после хорошо сданного экзамена.

Они помахали мне на прощанье и улетели, а я даже не стал провожать их взглядом. Я сразу же вернулся в корабль, выбрал стереопару кристаллофонов, вооружил оба уха и завалился в кресло перед своим пультом. Я следил за работой своих ребятишек, читал, принимал радиogramмы, беседовал с Вадиком и Нинон (было утешительно обнаружить, что у Вадика тоже всюду играет музыка), я затеял уборку помещения, я составил роскошное меню с расчетом на необходимость подкрепления душевных сил — и все это в громе, в звоне, в завывании флейт и в мяуканье нэкофонов. В общем, я старательно, безжалостно и с пользой для себя и окружающих убивал время. И все это убиваемое время меня неотступно грызла терзающая мысль: откуда Комов узнал о моей слабости и что он в связи с этим намерен предпринять. Комов ставил меня в тупик. Эти его недоумения, возникшие после похода на стройплощадку, этот разговор о шизоидах, эта странная интерлюдия в дверях кают-компании... Елки-палки, ведь он предложил мне лететь с ними, он явно опасался оставить меня одного! Неужели это все-таки так заметно? Но ведь Вандерхузе вот ничего не заметил...

В таких примерно подспудных мыслях прошла большая часть моего рабочего дня. В пятнадцать часов, гораздо раньше, чем я ожидал, глайдер вернулся. Я едва успел сорвать с ушей и спрятать кристаллофоны, как вся компания ввалилась в корабль. Я встретил их в кессоне с тщательно продуманной сдержанной приветливостью, не стал задавать никаких вопросов по существу и только осведомился, нет ли желающих подкрепиться. Боюсь, правда, что после шестичасового грома и звона я говорил немножко слишком громко, так что Майка, которая, к вящей моей радости, выглядела вполне удовлетворительно, воззрилась на меня с некоторым удивлением, а Комов быстро оглядел меня с ног до головы и, не сказав ни слова, сейчас же скрылся в своей каюте.

— Подкрепиться? — раздумчиво проговорил Вандерхузе. — Знаешь ли, Стась, я сейчас пойду в рубку писать экспертное заключение, так что если бы ты как-нибудь мимоходом занес мне стаканчик тонизирующего, это было бы уместно, как ты полагаешь?

Я сказал, что принесу, Вандерхузе удалился в рубку, а мы с Майкой пошли в кают-компанию, где я нацедил два стаканчика тонизирующего — один отдал Майке, а второй отнес Вандерхузе. Когда я вернулся, Майка со стаканчиком в руке бродила по кают-компании. Да, она была значительно спокойнее, чем утром, но все равно чувствовалась в ней какая-то напряженность, натянутость какая-то, и, чтобы помочь ей разрядиться, я спросил:

— Ну, что там с кораблем?

Майка сделала хороший глоток, облизала губы и, глядя куда-то мимо меня, произнесла:

— Знаешь, Стась, все это неспроста.

Я подождал продолжения, но она молчала.

— Что — неспроста? — спросил я.

— Все! — Она неопределенно повела рукой со стаканом. — Кастрированный мир. Бледная немочь. Помяни мое слово: и корабль этот здесь разбился не случайно, и нашли мы его не случайно, и вообще вся эта наша затея, весь проект — все провалится на этой планетке! — Она допила вино и поставила стакан на стол. — Элементарные правила безопасности не соблюдаются, большинство работников здесь — мальки вроде тебя, да и меня тоже... И все только потому, что планета биологически пассивна. Да разве в этом дело! Ведь любой человек с элементарным чутьем в первый же час чует здесь неладное. Была здесь жизнь когда-то, а потом вспыхнула звезда — и в один миг все кончилось... Биологически пассивная? Да! Но зато активная некротически. Вот и Панта будет такой через сколько-то там лет. Корявые деревца, чахлая травка, и все вокруг пропитано древними смертями. Запах смерти, понимаешь? Даже хуже того — запах бывшей жизни! Нет, Стась, помяни мое слово, не приживутся здесь пантиане, не узнают они здесь никакой радости. Новый дом для целого человечества? Нет, не новый дом, а старый замок с привидениями...

Я вздрогнул. Она заметила это, но поняла неправильно.

— Ты не беспокойся, — сказала она, печально улыбаясь. — Я в полном порядке. Просто пытаюсь выразить свои ощущения и свои предчувствия. Ты меня, я вижу, понять не можешь, но сам посуди, что это за предчувствия, если мне на язык лезут все эти словечки: некротический, привидения...

Она опять прошла по кают-компании, остановилась передо мной и продолжала:

— Конечно, с другой стороны, параметры у планеты прекрасные, редкостные. Биологическая активность почти нулевая, атмосфера, гидросфера, климат, термический баланс — все как по заказу для проекта «Ковчег». Но даю тебе голову на отсечение, никто из организаторов этой затеи здесь не был, а если и был кто-нибудь, то чутья у него, нюха на жизнь, что ли, ни на грош не оказалось... Ну понятно, это все старые волки, все в шрамах, все прошли через разнообразные ады... Чутье на материальную опасность у них великолепно! Но вот на это... — Она пощелкала пальцами и даже, бедняжка, сморщилась от бессилия выразить. — А впрочем, откуда я знаю, может быть, кто-нибудь из них и почуял неладное, а как это объяснишь тем, кто здесь не был? Но ты-то меня хоть немножко понимаешь?

Она смотрела на меня в упор зелеными глазами, а я колебался и, поколебавшись, соврал:

— Не совсем. То есть, конечно, в чем-то ты права... Тишина, пустота...

— Вот видишь, — сказала она, — даже ты не понимаешь. Ну ладно, хватит об этом. — Она села на стол напротив меня и вдруг, ткнув меня пальцем в щеку, засмеялась. — Выговорилась, и как-то легче стало. С Комовым, сам понимаешь, не разговоришься, а к Вандеру лучше с этим не соваться — сгноит в медотсеке...

Напряжение, сковывавшее ее, да и меня тоже, сразу же спало, и разговор превратился в легкий треп. Я пожаловался ей на вчерашние неприятности с роботами, рассказал, как Вадик купался один в целом океане, и спросил, как продвигаются квартирнерские дела. Майка ответила, что они наметили четыре места для стойбищ, места вообще-то хорошие, и при прочих равных условиях любой пантианин с удовольствием провел бы здесь всю свою жизнь, но, поскольку вся эта затея все равно обречена, говорить особенно не о чем. Я напомнил Майке, что она всегда отличалась природным скептицизмом и что скептицизм этот далеко не всегда оправдывался. Майка возразила, что речь сейчас идет уже не о природном скептицизме, а о скептицизме природы и что я вообще салага, малек и, по сути, должен был бы стоять перед нею, опытной Майкой, по стойке «смирно». Тогда я сказал ей, что настоящий опытный человек никогда не станет спорить с кибертехником, ибо кибертехник является на корабле той осью, вокруг которой, собственно, происходит все коловращение жизни. Майка заметила, что большинство осей вращения является, по сути, понятием воображаемым, не более чем геометрическими местами точек... Потом мы затеяли спор, есть ли разница между понятиями «ось

вращения» и «ось коловращения», в общем, мы трепались, и со стороны, вероятно, это выглядело довольно мило, но не знаю, о чем там в это время думала Майка, а я лично вторым планом все время прикидывал, не заняться ли мне прямо сейчас профилактикой всех систем обеспечения безопасности. Правда, системы эти были рассчитаны на опасность биологическую, и невозможно было сказать, годятся ли они против опасности некротической, но при всем при том береженого бог бережет, под лежащий камень вода не течет, и вообще: тише едешь — дальше будешь.

Словом, когда Майка стала позевывать и жаловаться на недосып, я отослал ее вздремнуть перед обедом, а сам прежде всего полез в библиотеку, отыскал толковый словарь и посмотрел, что такое «некротический». Толкование произвело на меня тяжелое впечатление, и я решил начать профилактику немедленно. Предварительно, правда, я забежал в рубку посмотреть, как работают мои ребяташки, и застал там Вандерхузе как раз в тот момент, когда он складывал аккуратной стопочкой свое экспертное заключение. «Сейчас отнесу это Комову, — объявил он, увидев меня, — потом дам посмотреть Майке, а потом устроим обсуждение, как ты полагаешь? Позвать тебя?» Я сказал, что позвать, и сообщил, что буду в отсеке обеспечения безопасности. Он с любопытством посмотрел на меня, но ничего не сказал и вышел.

Меня позвали часа через два. Вандерхузе по интеркому объявил, что заключение прочитали все члены комиссии, и спросил, не хочу ли прочесть и я. Я, конечно, хотел бы, но профилактика у меня была в самом разгаре, сторож-разведчик наполовину выпотрошен, имела место запарка, так что я ответил в том смысле, что читать, пожалуй, не стану, а на обсуждение явлюсь непременно, как только покончу с делами. «У меня еще на час работы, — сказал я, — так что обедайте без меня».

В общем, когда я явился в кают-компанию, обед кончился, и обсуждение началось. Я взял себе супу, сел в сторонке и стал есть и слушать.

— Не могу я принять метеоритную гипотезу совсем без оговорок, — укоризненно говорил Вандерхузе. — «Пеликаны» прекрасно защищены от метеоритного удара, Геннадий. Он бы просто уклонился.

— Не спорю, — отвечал Комов, глядя в стол и брезгливо морщась. — Однако предположите, что метеоритная атака произошла в момент выхода корабля из подпространства...

— Да, конечно, — согласился Вандерхузе. — В этом случае — конечно. Но вероятность...

— Вы меня удивляете, Яков. У корабля абсолютно разрушен рейсовый двигатель. Огромная сквозная дыра со следами сильного термического воздействия. По-моему, каждому нормальному человеку ясно, что это может быть только метеорит.

У Вандерхузе был очень несчастный вид.

— Ну... хорошо, — сказал он. — Ну, пусть будет по-вашему... Вы просто не понимаете, Геннадий, вы не звездолетчик... Вы просто не понимаете, насколько это маловероятно. Именно в момент выхода из подпространства огромный метеорит огромной энергии... Я просто не знаю, с чем это сравнить по невероятности!

— Хорошо. Что вы предлагаете?

Вандерхузе оглядел всех в поисках поддержки и, поддержки не обнаружив, сказал:

— Хорошо, пусть будет так. Но я все-таки буду настаивать, чтобы формулировка имела сослагательный оттенок. Скажем: «Указанные факты заставляют предположить...»

— «Сделать вывод», — поправил Комов.

— «Сделать вывод»? — Вандерхузе нахмурился. — Да нет, Геннадий, какой тут может быть вывод? Именно предположение! «...заставляют предположить, что корабль был поражен метеоритом высокой энергии в момент появления из подпространства». Вот так. Предлагаю согласиться.

Несколько секунд Комов думал, шевеля желваками на скулах, потом сказал:

— Согласен. Перехожу к следующей поправке.

— Минуточку, — сказал Вандерхузе. — А ты, Майка?

Майка пожала плечами.

— Честно говоря, не ощущаю разницы. В общем, согласна.

— Следующая поправка, — нетерпеливо произнес Комов. — Нам не надо запрашивать мнение Базы, как поступить с останками. Вообще этому вопросу не место в экспертном заключении. Надо дать специальную радиограмму, что останки пилотов помещены в контейнеры, залиты стеклопластом и в ближайшее время будут переправлены на Базу.

— Однако... — с растерянным видом начал Вандерхузе.

— Я займусь этим завтра, — прервал его Комов. — Сам.

— Может быть, следовало бы похоронить их здесь? — негромко сказала Майка.

— Не возражаю, — сейчас же сказал Комов. — Но, как правило, в таких случаях останки пересылаются на Землю... Что? — повернулся он к Вандерхузе.

Вандерхузе, открывший было рот, помотал головой и сказал:

— Ничего.

— Короче говоря, — сказал Комов, — этот вопрос из заключения я предлагаю выбросить. Согласны, Яков?

— Пожалуй, — сказал Вандерхузе. — А ты, Майка?

Майка колебалась, и я понял ее. Как-то все это происходило слишком по-деловому. Правда, я не знаю, как это должно происходить, но, по-моему, такие вопросы нельзя решать голосованием.

— Прекрасно, — произнес Комов как ни в чем не бывало. — Теперь относительно причин и обстоятельств смерти пилотов. Акт о вскрытии и фотоматериалы меня вполне удовлетворяют, а формулировку я предлагаю такую: «Положение трупов свидетельствует о том, что смерть пилотов наступила вследствие удара корабля о поверхность планеты. Мужчина погиб раньше женщины, успев только стереть бортжурнал. Выбраться из кресла пилота он был уже не в состоянии. Женщина, напротив, была жива еще некоторое время и пыталась покинуть корабль. Смерть застигла ее уже в кессонной камере». Ну а дальше — по вашему тексту.

— Гм... — сказал Вандерхузе с большим сомнением. — Не слишком ли все это категорично, как вы полагаете, Геннадий? Ведь если придерживаться того самого акта о вскрытии, против которого вы не возражаете, бедняжка была просто не в состоянии доползти до кессона.

— Тем не менее она оказалась там, — холодно произнес Комов.

— Но ведь именно это обстоятельство... — проникновенно начал Вандерхузе, прижимая руки к груди.

— Слушайте, Яков, — сказал Комов. — Никто не знает, на что способен человек в критических условиях. И особенно женщина. Вспомните историю Марты Пристли. Вспомните историю Колесниченко. И вспомните вообще историю, Яков.

Наступило молчание. Вандерхузе сидел с несчастным видом и безжалостно таскал себя за бакенбарды.

— А меня как раз не удивляет, что она оказалась в кессоне, — подала голос Майка. — Я другого не понимаю. Почему он стер бортжурнал? Ведь был же удар, человек умирает...

— Ну это как раз... — неуверенно проговорил Вандерхузе. — Это может быть. Агония, шарил руками по пульту, зацепил ключ...

— Вопрос о бортжурнале, — сказал Комов, — вынесен в раздел фактов особого значения. Лично я думаю, что эта загадка никогда не будет разрешена... Если, впрочем, это загадка, а не случайное стечение обстоятельств. Продолжаем. — Он быстро перебрал разбросанные перед ним листки. — Собственно, у меня, пожалуй, больше нет замечаний. Земная микрофлора и микрофауна, по-видимому, погибла, следов ее, во всяком случае, нет... Так... Личные бумаги. Разбирать их — дело не наше, кроме того, они в таком

состоянии, что мы можем только напортить. Завтра я их законсервирую и привезу сюда... Да! Попов, тут есть кое-что по вашей части. Вам известно кибертехническое оборудование кораблей типа «Пеликан»?

— Да, конечно, — сказал я, поспешно отодвигая тарелку.

— Будьте добры, — он перебрал мне листок бумаги, — вот опись всех обнаруженных кибермеханизмов. Проверьте, все ли на месте.

Я взял опись. Все выжидательно глядели на меня.

— Да, — проговорил я, — пожалуй, все на месте. Даже инициаторные разведчики на месте, обычно их всегда некомплект... А вот этого я не понимаю. Что такое: «Ремонтный робот, переоборудованный в шьющее устройство»?

— Яков, объясните, — распорядился Комов.

Вандерхузе задрал голову и выпятил челюсть.

— Понимаешь ли, Стась, — как бы в задумчивости произнес он. — Трудно тут что-либо объяснить. Просто ремонтный кибер, превращенный в шьющее устройство. В устройство, которое шьет, понимаешь? У кого-то из них, видимо у женщины, было несколько необычное хобби.

— Ага, — сказал я, удивившись. — Но это точно — ремонтный кибер?

— Несомненно, — уверенно сказал Вандерхузе.

— Тогда здесь полный комплект, — сказал я, возвращая Комову опись. — Просто на редкость полный. Наверное, они ни разу не высаживались на тяжелых планетах.

— Спасибо, — сказал Комов. — Когда будет готов чистовик заключения, я попрошу вас подписать раздел об утечке выжившей кибертехники.

— Но ведь утечки нет, — возразил я.

Комов не обратил на меня внимания, а Вандерхузе объяснил:

— Это просто название раздела: «Утечка выжившей кибертехники». Ты подпишешь, что утечки нет.

— Так... — проговорил Комов, собирая в пачку разбросанные листы. — Теперь я очень прошу вас, Яков, привести все это в окончательный порядок, мы подпишемся, и уже сегодня можно будет радировать. А теперь, если ни у кого нет дополнительных соображений, я пойду.

Дополнительных соображений не было, и он ушел. Вандерхузе с тяжким вздохом поднялся, взвесил на ладони пачку листов заключения, посмотрел на нас, откинув голову, и тоже удалился.

— Вандер явно недоволен, — заметил я, накладывая на тарелку жаркое.

— Я тоже недовольна, — сказала Майка. — Как-то недостойно все это получилось. Я не умею объяснить, может быть, это я по-детски, наивно... но должно же быть... Должна же быть минута молчания какая-то... А тут — раз-два, завертели-закрутили колесо: положение останков, утечка кибертехники, топографические параметры... Тьфу! Как будто в школе на практических занятиях...

Я был полностью с нею согласен.

— Ведь Комов никому рта не дает раскрыть! — продолжала она со злостью. — Все ему ясно, все ему очевидно, а на самом деле не так все это ясно. И с метеоритом неясно, и особенно с этим бортжурналом. И не верю я, что ему все ясно! По-моему, у него что-то на уме, и Вандер это тоже понимает, только не знает, как его зацепить... а может быть, считает, что это несущественно...

— Может быть, это и в самом деле несущественно... — пробормотал я неуверенно.

— А я и не говорю, что существенно! — возразила Майка. — Мне просто не нравится, как Комов себя ведет. Не понимаю я его. И вообще он мне не нравится! Мне о нем все уши прожужжали, а я теперь хожу и считаю дни, сколько мне с ним работать осталось... В жизни больше никогда с ним работать не буду!

— Ну, не так уж много и осталось, — примирительно сказал я, — всего-то еще дней двадцать...

На том мы и расстались. Майка пошла приводить в порядок свои измерения и квартирньерские кроки, а я отправился в рубку, где меня ожидал маленький сюрприз: Том сообщал, что закладка фундаментов закончена, и предлагал принять работу. Я накинул доху и побежал на стройплощадку.

Солнце уже зашло, сумерки сгустились. Странные здесь сумерки — темно-фиолетовые, как разведенные чернила. Луны нет, зато в изобилии северное сияние, да еще какое! Гигантские полотнища радужного света бесшумно развеваются над черным океаном, сворачиваются и разворачиваются, трепещут и вздрагивают, словно под ветром, переливаются белым, зеленым, розовым и вдруг мгновенно гаснут, оставив в глазах смутные цветные пятна, а потом вновь возникают, и тогда исчезают звезды, исчезают сумерки, все вокруг окрашивается в неестественные, но чистейшие цвета — туман над болотом становится красно-синим, айсберг вдали мерцает, как глыба янтаря, а по пляжу стремительно несутся зеленоватые тени.

Яростно растирая мерзнущие щеки и нос, я осматривал в этом чудном свете готовые фундаменты. Том, неотступно следовавший за мной по пятам, услужливо сообщал необходимые цифры, а когда сияние гасло — не менее услужливо включал прожекторы. И было, как всегда, мертвенно-тихо, только похрустывал у меня под каблуками смерзшийся песок. Потом я услышал голоса: Майка и Вандерхузе вышли подышать свежим воздухом и полюбоваться небесным спектаклем. Майке очень нравилось северное сияние — единственное, что ей нравилось на этой планете. Я был довольно далеко от корабля, метрах в ста, и не видел их, но голоса слышал совершенно отчетливо. Впрочем, сначала я слушал их вполуха. Майка говорила что-то о поврежденных верхушках деревьев, а Вандерхузе гудел об эрозии бортовой квазиорганики — по-видимому, они снова обсуждали причины и обстоятельства гибели «Пеликана».

Была в их беседе какая-то странность. Повторяю: я вначале не очень-то прислушивался и только потом понял, в чем дело. Они разговаривали, словно не слушая друг друга. Например, Вандерхузе говорил: «Один планетарный двигатель у них уцелел, иначе они бы просто не могли маневрировать в атмосфере...» А Майка долбила свое: «Нет, Яков, не менее десяти-пятнадцати лет. Посмотрите на эти наплывы...»

Я спустился в один из фундаментов, чтобы осмотреть дно, а когда вылез, разговор сделался более связным, но зато менее понятным. Они словно репетировали какую-то пьесу.

— А это еще что такое? — спрашивала Майка.

— Я бы сказал, что это игрушка, — отвечал Вандерхузе.

— Я бы тоже так сказала. Но зачем?

— Хобби. Ничего удивительного, весьма распространенное хобби.

В общем, это было похоже, как мы развлекались на Базе в ожидании формировки. Вадим, скажем, ни с того ни с сего орал на всю столовую: «Капитан! Принимаю решение сбросить хвостовую часть и уходить в подпространство!» — на что какой-нибудь другой остряк немедленно откликнулся: «Ваше решение одобряю, капитан! Не забудьте головную часть, капитан!» — и так далее.

Впрочем, странный этот разговор скоро прекратился. Явственно чмокнула перепонка люка, и снова наступила тишина. Я осмотрел последний фундамент, похвалил Тома за хорошую работу и приказал ему переключить Джека на следующий этап. Сполохи погасли, и в наступившей тьме ничего не было видно, кроме бортовых огней моих киберов. Чувствуя, что кончик носа у меня вот-вот отвалится, я рысцой побежал к кораблю, нашарил перепонку и вскочил в кессон. Кессон — это прекрасно. Это одно из самых чудесных помещений корабля. Наверное, это потому, что кессон — первое помещение корабля, которое дарует тебе сладостное ощущение дома: вернулся домой, в родное, теплое, защищенное, из чужого, ледяного, угрожающего. Из тьмы в свет. Я сбросил доху и, на ходу побрякивая и растирая ладони, направился в рубку.

Вандерхузе уже сидел там, обложенный своими бумажками, и, скорбно склонив голову, переписывал начисто очередную страницу заключения. Шифрующая машинка бойко стрекотала под его пальцами.

— А мои ребятки уже фундаменты закончили, — похвастался я.

— Угу, — отозвался Вандерхузе.

— А что у вас там за игрушки? — спросил я.

— Игрушки... — рассеянно повторил Вандерхузе. — Игрушки? — переспросил он, не переставая стрекотать машинкой. — Ах, игрушки... — Он отложил готовый листок и взял другой.

Я подождал немного и напомнил:

— Так что это за игрушки?

— Что это за игрушки... — со значительностью в голосе повторил Вандерхузе и, задрав голову, поглядел на меня. — Ты так ставишь вопрос? Это, видишь ли... А впрочем, кто его знает, что это за игрушки. Там, на «Пеликане»... Извини, Стась, я сначала закончу, как ты полагаешь?

Я на цыпочках прошел к своему пульту, последил немного за работой Джека, который принялся уже возводить стены метеостанции, а потом, так же на цыпочках, вышел из рубки и отправился к Майке.

Все мыслимое освещение в каюте Майки было включено, а сама она восседала по-турецки на койке и тоже была очень занята. На столе, на койке, на полу расстилались простыни-склейки, карты, кроки, раздвинутые гармошки аэрофотографий, наброски и записи, и Майка по очереди все это просматривала, делала какие-то пометки, иногда хватала лупу, а иногда — бутылку с соком, стоявшую на стуле рядом. Понаблюдав за ней некоторое время, я выбрал момент, когда бутылка с соком покинула стул, и уселся на стул сам, так что когда Майка не глядя сунула бутылку обратно, то попала мне прямо в протянутую руку.

— Спасибо, — сказал я и отхлебнул.

Майка приподняла голову.

— А, это ты? — произнесла она с неудовольствием. — Ты чего?

— Просто так зашел, — сказал я благодушно. — Нагулялась?

— И не думала, — возразила она, отбирая у меня бутылку. — Сижу как проклятая, вчера вечером не работала, накопилось тут всякого... Какое тут гулянье!

Она вернула мне бутылку, я машинально отхлебнул, ощущая смутное беспокойство, и тут у меня словно пелена с глаз упала: Майка была одета по-домашнему, в свою любимую пушистую кофту и шорты, на голове у нее был платок, и волосы под платком были влажные.

— В душе была? — тупо спросил я.

Она что-то ответила, но я и так уже все понял. Я встал. Я аккуратно поставил бутылку на сиденье. Я пробормотал что-то, не помню — что. Я каким-то образом очутился в коридоре, потом у себя в каюте, погасил зачем-то верхний свет, включил зачем-то ночничок, лег на койку и повернулся лицом к стене. Меня опять трясло. Помню, в голове моей крутились какие-то обрывочные мысли, вроде: «Теперь-то уж все пропало, все напрасно, теперь-то уж окончательно и бесповоротно». Я поймал себя на том, что опять прислушиваюсь. И я опять что-то слышал, что-то неподобающее. Тогда я рывком поднялся, полез в ночной столик, взял таблетку снотворного и положил под язык. Потом я снова лег. По стенам топотали ящерицы, затененный потолок медленно поворачивался, ночник то совсем меркнул, то разгорался нестерпимо ярко, погибающие мухи отчаянно зудели по углам. Кажется, приходила Майка, смотрела на меня с беспокойством, чем-то укрыла и исчезла, а потом появился Вадик, уселся у меня в ногах и сказал сердито: «Что же ты валяешься? Целая комиссия тебя ждет, а ты разлежся». — «Да ты громче говори, — сказала ему Нинон, — у него же что-то с ушами, он не слышит». Я сделал каменное лицо и сказал, что все это чепуха. Я встал, и все вместе мы вошли в разбитый «Пеликан», вся

органика в нем распалась, и стоял острый нашатырный запах, как тогда в коридоре. Но это был не совсем «Пеликан», скорее уж это была стройплощадка, копошились мои ребяташки, посадочная полоса изумительно сверкала под солнцем, и я все боялся, что Том наедет на две мумии, которые лежали поперек, то есть это все думали, что мумии, а на самом деле это были Комов и Вандерхузе, только надо было, чтобы этого никто не заметил, потому что они разговаривали и слышал их только я. Но от Майки не скроешься. «Разве вы не видите, что ему плохо?» — сердито сказала она и положила мне на рот и нос сырой платок, смоченный в нашатырном спирте. Я чуть не задохнулся, замотал головой и сел на койке.

Глаза у меня были открыты, и в свете ночника я сразу увидел перед собой человека. Он стоял возле самой койки и, наклонившись, внимательно смотрел мне прямо в лицо. В слабом свете он казался темным, почти черным — бредовая скособоченная фигура без лица, зыбкая, без четких очертаний, и такой же зыбкий, нечеткий отблеск лежал у него на груди и на плече.

Уже точно зная, чем это кончится, я протянул к нему руку, и рука моя прошла сквозь него, как сквозь воздух, а он заколыхался, начал таять и через несколько секунд исчез без следа. Я откинулся на спину и закрыл глаза. А вы знаете, что у алжирского дея под самым носом шишка? Под самым носом... Я был мокрый как мышь, и мне было невыносимо душно, я почти задышался.

Глава четвертая. Призраки и люди

Я проснулся поздно, с тяжелой головой и с твердым намерением сразу же после завтрака уединиться где-нибудь с Вандерхузе и выложить ему все. Кажется, никогда еще в жизни я не чувствовал себя таким несчастным. Все было кончено для меня, поэтому я не стал даже делать зарядку, а просто принял усиленный ионный душ и побрел в кают-компанию. Уже на пороге я сообразил, что вчера вечером за всеми своими неприятностями я начисто забыл отдать повару распоряжение насчет завтрака, и это меня окончательно доконало. Пробормотав какое-то невнятное приветствие и чувствуя, что от горя и стыда я красен как вареный рак, я уселся на свое место и уныло оглядел стол, стараясь ни с кем не встречаться глазами. Трапеза была, прямо скажем, монастырская, послушническая была трапеза. Все питались черным хлебом и молоком. Вандерхузе посыпал свой ломоть солью. Майка помазала свой ломоть маслом. Комов жевал хлеб всухомятку, не прикасаясь даже к молоку.

У меня аппетита не было никакого — подумать было страшно жевать что-нибудь. Я взял себе стакан молока, отхлебнул. Боковым зрением я видел, что Майка смотрит на меня и что ей очень хочется спросить, что со мной и вообще. Однако она ничего не спросила, а Вандерхузе принялся многословно рассуждать, какая это с медицинской точки зрения полезная вещь — разгрузочный день, и как хорошо, что у нас сегодня именно такой завтрак, а не какой-нибудь другой. Он подробно объяснил нам, что такое пост и что такое великий пост, и не без уважения отозвался о ранних христианах, которые дело свое знали туго. Заодно он рассказал нам, что такое масленица, но скоро, впрочем, почувствовал, что слишком увлекается описанием блинов с икрой, с балыком, с семгой и другими вкусными вещами, оборвал себя и принялся в некотором затруднении справлять бакенбарды. Разговор не завязывался. Я беспокоился за себя, Майка беспокоилась за меня. А что касается Комова, то он опять, как и вчера, был явно не в своей тарелке. Глаза у него были красные, он большей частью смотрел в стол, но время от времени вскидывал голову и озирался, как будто его окликали. Хлеба он крошил вокруг себя ужасно и продолжал крошить, так что мне захотелось дать ему по рукам, как маленькому. Так мы и сидели унылой компанией, а бедный Вандерхузе из сил выбивался, стараясь нас рассеять.

Он как раз мыкался с какой-то длиннющей заунывной историей, которую придумывал на ходу и никак не мог придумать до конца, как вдруг Комов издал странный сдавленный звук, словно сухой кусок хлеба встал ему наконец поперек горла. Я взглянул на него через стол и испугался. Комов сидел прямой, вцепившись обеими руками в край столешницы, красные глаза его вылезли из орбит, он смотрел куда-то мимо меня и стремительно бледнел. Я обернулся. Я обмер. У стены, между фильмотекой и шахматным столиком, стоял мой давешний призрак.

Теперь я видел его совершенно отчетливо. Это был человек, во всяком случае — гуманоид, маленький, тощий, совершенно голый. Кожа у него была темная, почти черная, и блестела, словно покрытая маслом. Лица его я не разглядел или не запомнил, но мне сразу бросилось в глаза, как и в ночном моем кошмаре, что человек этот был весь какой-то скособоченный и словно бы размытый. И еще — глаза: большие, темные, совершенно неподвижные, слепые, как у статуи.

— Да вот же он! Вот он! — гаркнул Комов.

Он указывал пальцем совсем в другую сторону, и там у меня на глазах прямо из воздуха возникла новая фигура. Это был все тот же застывший лоснящийся призрак, но теперь он застыл в стремительном рывке, на бегу, как фотография спринтера на старте. И в ту же секунду Майка бросилась ему в ноги. С грохотом полетело в сторону кресло, Майка с воинственным воплем проскочила сквозь призрак и врезалась в экран видеофона, я еще успел заметить, как призрак заколебался и начал таять, а Комов уже кричал:

— Дверь! Дверь!

И я увидел: кто-то маленький, белый и матовый, как стена кают-компании, согнувшись в неслышном беге, скользнул в дверь и исчез в коридоре. И тогда я рванулся за ним.

Теперь об этом стыдно вспоминать, но тогда мне было совершенно безразлично, что это за существо, откуда оно, почему оно здесь и зачем, — я испытывал только безмерное облегчение, уже понимая, что с этой минуты бесповоротно кончились все мои кошмары и страхи, и еще я испытывал страстное желание догнать, схватить, скрутить и притащить.

В дверях я столкнулся с Комовым, сбил его с ног, споткнулся о него, пробежал по коридору на четвереньках, коридор был уже пуст, только резко и знакомо пахло нашатырным спиртом, позади что-то кричал Комов, стучали дробно каблуки, я вскочил, промчался через кессон, нырнул в люк, еще не успевший зарости перепонкой, и вылетел наружу, в лиловатое сияние солнца.

Я сразу увидел его. Он бежал к стройплощадке, бежал легко, едва касаясь босыми ногами мерзлого песка, он был все такой же скособоченный и как-то странно двигал на бегу разведенными локтями, но теперь он был не темный и не матово-белый, а светло-лиловый, и солнце отсвечивало на его тощих плечах и боках. Он бежал прямо на моих киберов, и я замедлил бег, ожидая, что сейчас он испугается и свернет вправо или влево, но он не испугался, он проскочил в десяти шагах от Тома, и я глазам своим не поверил, когда этот величественный дурак вежливо просигналил ему обычное «жду приказаний».

— К болоту! — кричал позади задыхающийся голос Майки. — Отжимай его к болоту!

Маленький абориген и без того бежал по направлению к болоту. Бегать, надо сказать, он умел, и расстояние между нами сокращалось очень медленно. Ветер свистел у меня в ушах, издали что-то кричал Комов, но его решительно заглушала Майка.

— Левее, левее бери! — азартно вопила она.

Я взял левее, выскочил на посадочную полосу, на уже готовый участок, ровный, с удобнейшей рубчатой поверхностью, и здесь дело у меня пошло лучше — я стал нагонять. «Не уйдешь, — твердил я про себя, — нет, брат, теперь не уйдешь. Ты мне за все ответишь...» Я глядел не отрываясь на его быстро работающие лопатки, на мелькающие голые ноги, на клочья пара, взлетающие из-за его плеча. Я нагонял и испытывал

ликование. Полоса кончалась, но до серой пелены над болотом оставалось всего шагов сто, и я нагонял.

Добежав до края трясины, до унылых зарослей карликового тростника, он остановился. Несколько секунд он стоял как бы в нерешительности, потом посмотрел на меня через плечо, и я снова увидел его большие темные глаза, никакие не застывшие, а, напротив, очень живые и вроде бы смеющиеся, и вдруг он присел на корточки, обхватил руками колени и покатился. Я даже не сразу понял, что произошло. Только что стоял человек, странный человек, наверное, и не человек вовсе, но по обличью все-таки человек, и вдруг человека не стало, а по трясины, через непроходимую бездонную топь, катится, разбрызгивая грязь и мутную воду, какой-то нелепый серый колобок. Да еще как катится! Я не успел добежать до берега, а он уже исчез за клочьями тумана, и только слышались оттуда, из-за сероватой пелены, затихающие шорохи, плески и тоненький пронзительный свист.

С топотом набежала Майка и остановилась рядом, тяжело дыша.

— Ушел, — констатировала она с досадой.

— Ушел, — сказал я.

Несколько секунд мы стояли, вглядываясь в мутные клубы тумана. Потом Майка вытерла со лба пот и проговорила:

— Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...

— А от тебя, квартирьер, и подавно уйду, — добавил я и огляделся.

Так. Дураки, значит, бегали, а умные, сами понимаете, стояли и смотрели. Мы с Майкой были вдвоем. Маленькие фигурки Комова и Вандерхузе темнели рядом с кораблем.

— А ничего себе пробежка получилась, — проговорила Майка, тоже глядя в сторону корабля. — Километра три, не меньше, как вы полагаете, капитан?

— Согласен с вами, капитан, — отозвался я.

— Слушай, — задумчиво сказала Майка. — А может быть, это все нам почудилось?

Я сгреб ее за плечи. Чувство свободы, здоровья, восторга, ощущение огромных сияющих перспектив с новой силой взорвалось во мне.

— Что ты в этом понимаешь, салажка! — гаркнул я, чуть не плача от счастья и трясая ее изо всех сил. — Что ты понимаешь в галлюцинациях! И не надо тебе ничего понимать! Живи счастливо и ни о чем таком не задумывайся!

Майка растерянно хлопала на меня глазами, пыталась вырваться, а я тряхнул ее напоследок хорошенько, обхватил за плечи и потащил к кораблю.

— Подожди, — слабо отбивалась ошеломленная Майка. — Что ты, в самом деле... Да отпусти ты меня, что за телячьи нежности?

— Идем, идем, — приговаривал я. — Идем! Сейчас нам любимец доктора Мбоги вломит — чует мое сердце, что зря мы эту беготню устроили, не надо было нам ее устраивать...

Майка рывком освободилась, постояла секунду, потом присела на корточки, нагнула голову и, обхватив колени руками, качнулась вперед.

— Нет, — сказала она, снова выпрямляясь. — Этого я не понимаю.

— И не надо, — сказал я. — Комов нам все объяснит. Сначала выволочку даст, ведь мы ему контакт сорвали, а потом все-таки объяснит...

— Слушай, холодно! — сказала Майка, подпрыгнув на месте. — Бежим?

И мы побежали. Первые мои восторги утихли, и я стал соображать, что же все-таки произошло. Получалось, что планета-то на самом деле обитаемая! Да еще как обитаемая — крупные человекоподобные существа, может быть, даже разумные, может быть, даже цивилизованные...

— Стась, — сказала Майка на бегу, — а может быть, это пантанин?

— Откуда? — удивился я.

— Ну... Мало ли откуда... Мы же не знаем всех деталей проекта. Может, переброска уже началась.

— Да нет, — сказал я. — Не похож он на пантианина. Пантиане рослые, краснокожие... Потом они одеты, елки-палки, а этот совсем голый!

Мы остановились перед люком, и я пропустил Майку вперед.

— Бр-р-р! — произнесла она, растирая плечи. — Ну что, пойдём фитиль получать?

— Полуметровый, — сказал я.

— Хорошо смазанный, — сказала Майка.

— Семьдесят пять миллиметров в диаметре, — сказал я.

Мы крадучись проникли в рубку, но остаться незамеченными нам не удалось. Нас ждали. Комов расхаживал по рубке, заложив руки за спину, а Вандерхузе, глядя в пространство и выпятив челюсть, наматывал свои бакенбарды: правый на палец правой руки, а левый — на палец левой. Увидев нас, Комов остановился, но Майка не дала ему заговорить.

— Ушел, — деловито доложила она. — Ушел прямо через трясину, причем совершенно необычным способом...

— Помолчите, — прервал ее Комов.

«Сейчас начнется», — подумал я, заранее настраиваясь на отбрыкивание и отругивание. И не угадал. Комов приказал нам сесть, уселся сам и обратился прямо ко мне:

— Я вас слушаю, Попов. Рассказывайте все. До мельчайших подробностей.

Интересно, что я даже не удивился. Такая постановка вопроса показалась мне совершенно естественной. И я рассказал все — о шорохах, о запахах, о детском плаче, о криках женщины, о странном диалоге вчера вечером и о черном призраке сегодня ночью. Майка слушала меня, приоткрыв рот, Вандерхузе хмурился и укоризненно качал головой, а Комов не отрываясь глядел мне в лицо — прищуренные глаза его вновь были пристальны и холодны, лицо затвердело, он покусывал нижнюю губу и время от времени напряженно сплетал пальцы, похрустывая суставами. Когда я закончил, воцарилось молчание. Потом Комов спросил:

— Вы уверены, что это плакал ребенок?

— Д-да... Во всяком случае, очень похоже...

Вандерхузе шумно перевел дух и похлопал ладонью по подлокотнику кресла.

— И ты все это вытерпел! — проговорила Майка с испугом. — Бедный Стасик!

— Должен тебе сказать, Стась... — внушительно начал Вандерхузе, но Комов перебил его.

— А камни? — спросил он.

— Что — камни? — не понял я.

— Откуда взялись камни?

— Это на стройплощадке? Киберы натаскали, наверное. При чем это здесь?

— Откуда киберы могли взять камни?

— Н-ну... — начал я и замолчал. Действительно, откуда?

— Кругом песчаный пляж, — продолжал Комов. — Ни одного камешка. Киберы с площадки не отлучались. Откуда же на полосе булыжники и откуда на полосе сучья? — Он оглядел нас и усмехнулся. — Все это риторические вопросы, разумеется. Могу добавить, что у нас за кормой, прямо под маяком, целая россыпь булыжников. Очень любопытная россыпь. Могу также добавить... Простите, вы кончили, Стась? Спасибо. А теперь послушайте, что было со мной.

Комову, оказывается, тоже пришлось нелегко. Правда, испытания его были несколько иного рода. Испытания интеллекта. На второй день после прибытия, запуская в озеро пантианских рыб, он заметил в двадцати шагах от себя необычное ярко-красное пятно, которое расплылось и исчезло, прежде чем он решился приблизиться. На следующий день он обнаружил на самой макушке высоты 12 дохлую рыбу, явно одну из

запущенных накануне. Под утро четвертого дня он проснулся с явственным ощущением, что в каюте находится кто-то посторонний. Постороннего не оказалось, но Комову послышался шелчок лопнувшей перепонки люка. Выйдя из корабля, он обнаружил, во-первых, россыпь камней у кормы, а во-вторых, камни и охапки сучьев на стройплощадке. После разговора со мной он окончательно утвердился в мысли, что в окрестностях корабля происходит неладное. Он уже был почти уверен, что поисковые группы проглядели какой-то чрезвычайно важный фактор, действующий на планете, и только глубокая убежденность в том, что разумную жизнь проглядеть было бы невозможно, удерживала его от самых решительных шагов. Он только принял все меры, чтобы район действия нашей группы не стал объектом нашествия «любопытствующих бездельников». Именно поэтому он изо всех сил старался сформулировать экспертное заключение таким образом, чтобы оно не вызывало ни малейших сомнений. Между тем мое возбужденно-подавленное состояние прекрасно подтверждало его предварительный вывод о том, что неизвестные существа способны проникать в корабль. Он стал ждать этого проникновения и дождался его сегодня утром.

— Резюмирую, — объявил он, словно читая лекцию. — По крайней мере этот район планеты, вопреки данным предварительных исследований, обитаем крупными позвоночными, причем есть все основания предполагать, что существа эти разумны. По-видимому, это троглодиты, приспособившиеся к жизни в подземных пустотах. Судя по тому, чему мы были свидетелями, средний абориген анатомически напоминает человека, обладает ярко выраженной способностью к мимикрии, а также и, вероятно, в связи с этим — способностью к воспроизводству защитно-отвлекающих фантомов. Должен сказать, что для крупных позвоночных такая способность была до сих пор отмечена только у некоторых грызунов на Пандоре, на Земле же этой способностью обладают некоторые виды головоногих моллюсков. А теперь я хотел бы особенно подчеркнуть, что, несмотря на эти нечеловеческие и вообще негуманоидные способности, здешний абориген не только в анатомическом, но и в физиологическом и, в частности, в нейрологическом отношении необычайно, небывало близок к земному человеку. Я кончил.

— Как — кончили? — вскричал я, испугавшись. — А мои голоса? Значит, галлюцинации были?

Комов усмехнулся.

— Успокойтесь, Стась, — сказал он. — С вами все в порядке. Ваши «голоса» легко объясняются, если предположить, что устройство их голосового аппарата идентично нашему. Сходство голосового аппарата плюс развитая способность к имитации, плюс гипертрофированная фонетическая память...

— Стойте, — сказала Майка. — Я понимаю, они могли подслушать наши разговоры, но как же женский голос?

Комов кивнул.

— Да, приходится предположить, что они присутствовали при агонии.

Майка присвистнула.

— Слишком замысловато, — пробормотала она с сомнением.

— Предложите другое объяснение, — холодно возразил Комов. — Впрочем, вероятно, мы скоро узнаем имена погибших. Если пилота звали Александром...

— Ну хорошо, — сказал я. — А ребенок плакал?..

— А вы уверены, что это плакал ребенок?

— А с чем это можно спутать?

Комов уставился на меня, плотно прижал пальцем верхнюю губу и вдруг приглушенно залаял. Именно залаял — другого слова я не подберу.

— Что это было? — спросил он. — Собака?

— Похоже, — сказал я с уважением.

— Так вот, это я произнес фразу на одном из наречий Леониды.

Я был сражен. Майка тоже. Некоторое время все молчали. Все было несомненно так, как он говорил. Все объяснялось, все получалось очень изящно, но... Было, конечно, очень приятно сознавать, что все страхи остались позади и что именно нашей группе повезло открыть еще одну гуманоидную расу. Однако вместе с тем это означало самую решительную перемену в наших судьбах. Да и не только в наших. Во-первых, невооруженным глазом было видно, что проекту «Ковчег» конец. Планета занята, придется искать для пантиан другую. Во-вторых, если окончательно выяснится, что аборигены разумны, нас, наверное, сейчас же попрут отсюда, а вместо нас прибудет сюда Комиссия по контактам. Все эти соображения были очевидны не только мне, конечно, но и остальным. Вандерхузе расстроено рванул себя за бакенбард и сказал:

— Почему же именно разумные? По-моему, пока совершенно ниоткуда не следует, что они непременно разумные, как вы полагаете, Геннадий?

— Я не утверждаю, что они непременно разумные, — возразил Комов. — Я сказал только: есть все основания предполагать, что это так.

— Ну какие же это такие все основания? — продолжал расстраиваться Вандерхузе. Очень ему не хотелось покидать насиженное место. Известна была за ним такая слабость — любовь к насиженным местам. — Что это за все основания? Внешний облик разве что...

— Дело не только в анатомии, — сказал Комов. — Камни под маяком расположены в явном порядке, это какие-то знаки. Камни и ветки на посадочной полосе... Я не хочу ничего утверждать категорически, но все это очень похоже на попытку войти в контакт, осуществляемую гуманоидами с первобытной культурой. Тайная разведка и одновременно не то дары, не то предупреждение...

— Да, похоже на то, — пробормотал Вандерхузе и впал в прострацию.

Снова последовало молчание, затем Майка тихонько спросила:

— А откуда следует, что они так уж особенно близки нам по своей физиологической и нервной организации?

Комов удовлетворенно покивал.

— Здесь мы тоже располагаем только косвенными соображениями, — сказал он. — Но это достаточно веские соображения. Во-первых, аборигены способны проникать в корабль. Корабль их впускает. Для сравнения напомним, что ни тагорцу, ни даже пантианину, при всем их огромном сходстве с человеком, люковую перепонку не преодолеть. Люк просто не раскроется перед ним...

Тут я хлопнул себя по лбу.

— Елки-палки! Значит, все мои киберы были в полном порядке! Просто аборигены, наверное, бегали перед Томом, и он останавливался, потому что боялся наехать на человека... А потом они, наверное, считали Тома за живое существо, размахивали руками и случайно подали ему сигнал: «Опасность! Немедленно в корабль!» Это же очень простой сигнал... — Я показал. — Ну, мои ребяташки и полезли в трюм наперегонки... Конечно, так оно все и было... Да я и сейчас своими глазами видел: Том реагировал на аборигена как на человека.

— То есть? — быстро спросил Комов.

— То есть когда абориген появился в поле его визиров, Том просигналил: «Жду приказаний».

— Это очень ценное наблюдение, — произнес Комов.

Вандерхузе тяжело вздохнул.

— Да, — сказала Майка. — Конец «Ковчегу». Жалко.

— Что же теперь будет? — спросил я, ни к кому в особенности не обращаясь.

Мне не ответили. Комов поднял листки со своими записями, под ними обнаружилась коробочка диктофона.

— Прошу прощения, — объявил он, очаровательно улыбаясь. — Чтобы не терять времени зря, я нашу дискуссию записал. Благодарю за точно поставленные вопросы.

Стась, я попрошу вас, закодируйте все это и отправьте в экстренном импульсе прямо в Центр, копию на Базу.

— Бедный Сидоров, — негромко сказал Вандерхузе. Комов коротко глянул на него и снова опустил глаза на бумаги.

Майка отодвинула кресло.

— Во всяком случае, с моим квартирньерством здесь покончено, — проговорила она. — Пойду собираться.

— Одну минуту, — остановил ее Комов. — Здесь спросили, что же теперь будет. Отвечаю. Как полномочный член Комиссии по контактам я беру командование на себя. Объявляю весь наш район зоной предполагаемого контакта. Яков, прошу вас, составьте соответствующую радиограмму. Все работы по проекту «Ковчег» прекращаются. Роботы демобилизуются и переводятся в трюм. Выход из корабля только с моего личного разрешения. Сегодняшняя охота с борзыми, вероятно, уже создала для контакта определенные трудности. Новые недоразумения были бы крайне нежелательны. Итак, Майя, прошу вас загнать глайдер в ангар. Стась, прошу заняться вашей киберсистемой... — Он поднял палец. — Но сначала отправьте запись дискуссии... — Он улыбнулся и хотел сказать еще что-то, но в это время затрещал дешифратор рации.

Вандерхузе протянул длинную руку, извлек из приемного кармана карточку радиограммы и пробежал ее глазами. Брови его задрались.

— Гм, — сказал он. — На лету схватывают. Вы, случайно, не индуктор, Геннадий?

Он передал карточку Комову. Комов тоже пробежал ее глазами, и брови его тоже задрались.

— Вот этого я уже не понимаю, — пробормотал он, бросил карточку на стол и прошелся по рубке, заложив руки за спину.

Я взял карточку. Майка возбужденно сопела у меня над ухом. Радиограмма действительно была неожиданная.

ЭКСТРЕННАЯ, НУЛЬ-СВЯЗЬ. ЦЕНТР, КОМИССИЯ ПО КОНТАКТАМ, ГОРБОВСКИЙ — НАЧАЛЬНИКУ БАЗЫ «КОВЧЕГ» СИДОРОВУ. НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ ВСЕ РАБОТЫ ПО ПРОЕКТУ. ПОДГОТОВИТЬ ВОЗМОЖНУЮ ЭВАКУАЦИЮ ЛИЧНОГО СОСТАВА И ОБОРУДОВАНИЯ. ДОПОЛНЕНИЕ — ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ КОМКОНА КОМОВУ. ОБЪЯВЛЯЮ РАЙОН ЭР-2 ЗОНОЙ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО КОНТАКТА. ОТВЕТСТВЕННЫМ НАЗНАЧАЕТЕСЬ ВЫ.

ГОРБОВСКИЙ.

— Вот это да! — сказала Майка с восхищением. — Ай да Горбовский!

Комов остановился и исподлобья оглядел нас.

— Прошу всех приступить к выполнению моих распоряжений. Яков, найдите мне, пожалуйста, копию нашего экспертного заключения.

Они с Вандерхузе погрузились в изучение копии, Майка вышла загонять глайдер, а я устроился возле рации и принялся кодировать нашу дискуссию. Однако не прошло и двух минут, как дешифратор завершал снова. Комов отпихнул Вандерхузе и кинулся к рации. Перегнувшись через мое плечо, он жадно читал строчки, появляющиеся на карточке.

ЭКСТРЕННАЯ, НУЛЬ-СВЯЗЬ. ЦЕНТР, КОМИССИЯ ПО КОНТАКТАМ, БАДЕР — КАПИТАНУ ЭР-2 ВАНДЕРХУЗЕ. СРОЧНО ПОДТВЕРДИТЕ ОБНАРУЖЕНИЕ ОСТАНКОВ ДВУХ, ПОВТОРЯЮ, ДВУХ ТЕЛ НА БОРТУ КОРАБЛЯ И СОСТОЯНИЕ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА, ОПИСАННОЕ В ВАШЕМ ЭКСПЕРТНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ.

БАДЕР.

Комов перебросил карточку Вандерхузе и покусал ноготь большого пальца.

— Вот, значит, в чем дело, — проговорил он. — Так-так... — Он повернулся ко мне. — Стась, что вы сейчас делаете?

— Кодирую, — ответил я угрюмо. Я ничего не понимал.

— Дайте-ка мне диктофон, — сказал он. — Пока воздержимся. — Он спрятал диктофон в нагрудный карман и аккуратно застегнул клапан. — Значит, так. Яков. Подтвердите то, о чем они вас просят. Стась. Передайте подтверждение. А потом, Яков, я вас попрошу... Вы разбираетесь в этом лучше меня. Окажите мне любезность, поройтесь в нашей фильмотеке и просмотрите всю официальную документацию относительно бортовых журналов.

— Я и так знаю все относительно бортовых журналов, — возразил Вандерхузе недовольно. — Вы мне лучше просто скажите, что вас интересует.

— Я и сам толком не знаю, что меня интересует. Меня интересует, случайно или намеренно был стерт боржурнал. Если намеренно, то почему. Вы же видите, Бадера это тоже интересует... Не ленитесь, Яков. Существуют же все-таки какие-то правила, предусматривающие уничтожение боржурнала.

— Не существует таких правил, — проворчал себе под нос Вандерхузе и тем не менее отправился оказывать любезность.

Комов сел писать подтверждение, а я мучительно соображал, что же такое происходит, почему такая паника и как в Центре могли усомниться в совершенно четких формулировках заключения. Не могли же они там подумать, что мы спутали останки землянина с останками какого-нибудь аборигена и добавили лишний труп... И как все-таки, елки-палки, Горбовский умудрился догадаться о том, что у нас здесь происходит? Никакого толку от моих рассуждений не было, и я с тоской смотрел на рабочие экраны, где все было так ясно и понятно, и я с горечью подумал, что туповатый человек самым печальным образом напоминает кибера. Вот я сейчас сижу, тупо выполняю приказания: сказали кодировать — кодировал, сказали прекратить — прекратил, а что происходит, зачем все это, чем все это кончится — ничего не понимаю. Совершенно как мой Том: работает сейчас, бедняга, в поте лица, старается получше выполнить мои распоряжения и ведь знать не знает, что через десять минут я приду, загоню его со всей компанией в трюм, и работа его окажется вся ни к чему, и сам он станет никому не нужным...

Комов передал мне подтверждение, я закодировал текст, отослал его и хотел было уже пересесть за свой пульт, как вдруг раздался вызов с Базы.

— ЭР-два? — осведомился глуховатый спокойный голос. — Сидоров говорит.

— ЭР-два слушает! — откликнулся я немедленно. — Говорит кибертехник Попов. Кого вам, Михаил Альбертович?

— Комова, пожалуйста.

Комов уже сидел в соседнем кресле.

— Я тебя слушаю, Атос, — сказал он.

— Что у вас там произошло? — спросил Сидоров.

— Аборигены, — ответил Комов, помедлив.

— Поподробнее, если можно, — сказал Сидоров.

— Прежде всего, имей в виду, Атос, — сказал Комов, — я не знаю и не понимаю, откуда Горбовский узнал об аборигенах. Мы сами начали понимать, что к чему, всего два часа назад. Я подготовил для тебя информацию, начал уже ее кодировать, но тут все так запуталось, что я вынужден просить тебя потерпеть еще некоторое время. Меня тут старик Бадер на такую идею навел... Одним словом, потерпи, пожалуйста.

— Понятно, — сказал Сидоров. — Но сам факт существования аборигенов достоверен?

— Абсолютно, — сказал Комов.

Было слышно, как Сидоров вздохнул.

— Ну что ж, — сказал он. — Ничего не поделаешь. Начнем все сначала.

— Мне очень жаль, что все так получилось, — произнес Комов. — Честное слово, жаль.

— Ничего, — сказал Сидоров. — Переживем и это. — Он помолчал. — Как ты намерен действовать дальше? Будешь ждать Комиссию?

— Нет. Я начну сегодня же. И я очень прошу тебя: оставь ЭР-два с экипажем в моем распоряжении.

— Разумеется, — сказал Сидоров. — Ну, не буду тебе мешать. Если что-нибудь понадобится...

— Спасибо, Атос. И не огорчайся, все еще наладится.

— Будем надеяться.

Они распрощались. Комов покусал ноготь большого пальца, с каким-то непонятым раздражением посмотрел на меня и снова принялся ходить по рубке. Я догадывался, в чем тут дело. Комов и Сидоров были старые друзья, вместе учились, вместе где-то работали, но Комову всегда и во всем везло, а Сидорова за глаза называли Атос-неудачник. Не знаю, почему это так сложилось. Во всяком случае, Комов должен был сейчас испытывать большую неловкость. А тут еще радиограмма Горбовского. Получалось так, будто Комов информировал Центр, минуя Сидорова...

Я тихонько перебрался к своему пульту и остановил киберов. Комов уже сидел за столом, грыз ноготь и тарасился на разбросанные листки. Я попросил разрешения выйти наружу.

— Зачем? — вскинулся было он, но тут же спохватился. — А, киберсистема... Пожалуйста, пожалуйста. Но как только закончите, немедленно возвращайтесь.

Я загнал ребятишек в трюм, демобилизовал их, закрепил на случай внезапного старта и постоял немного около люка, глядя на опустевшую стройплощадку, на белые стены несостоявшейся метеостанции, на айсберг, все такой же идеальный и равнодушный... Планета казалась мне теперь какой-то другой. Что-то в ней изменилось. Появился какой-то смысл в этом тумане, в карликовых зарослях, в скалистых отрогах, покрытых лиловатыми пятнами снега. Тишина осталась, конечно, но пустоты уже не было, и это было хорошо.

Я вернулся в корабль, заглянул в кают-компанию, где сердитый Вандерхузе копался в фильмотеке, чувства меня распирали, и я отправился утешаться к Майке. Майка расстелила по всей каюте огромную склейку и лежала на ней с лупой в глазу. Она даже не обернулась.

— Ничего не понимаю, — сказала она сердито. — Негде им здесь жить. Все маломальски годные для обитания точки мы обследовали. Не в болоте же они барахтаются, в самом деле!..

— А почему бы не в болоте? — спросил я, усаживаясь.

Майка села по-турецки и воззрилась на меня через лупу.

— Гуманоид не может жить в болоте, — объявила она веско.

— Почему же, — возразил я. — У нас на Земле были племена, которые жили даже на озерах, в свайных постройках...

— Если бы на этих болотах была хоть одна постройка... — сказала Майка.

— А может быть, они живут как раз под водой, наподобие водяных пауков, в таких воздушных колоколах?

Майка подумала.

— Нет, — сказала она с сожалением. — Он бы грязный был, грязи бы в корабль натащил...

— А если у них водоотталкивающий слой на коже? Водоотталкивающий... Видела, как он лоснится? И удрал он от нас — куда? И такой способ передвижения — для чего?

Дискуссия завязалась. Под давлением многочисленных гипотез, которые я выдвигал, Майка принуждена была согласиться, что теоретически аборигенам ничто не препятствует

жить в воздушных колоколах, хотя лично она, Майка, все-таки склонна полагать, что прав Комов, который считает аборигенов пещерными людьми. «Видел бы ты, какие там ущелья, — сказала она. — Вот бы куда сейчас слазить...» Она стала показывать по карте. Места даже на карте выглядели неприветливо: сначала полоса сопок, поросших карликовыми деревьями, за ней изборозжденные бездонными разломами скалистые предгорья, наконец сам хребет, дикий и жестокий, покрытый вечными снегами, а за хребтом — бескрайняя каменистая равнина, унылая, совершенно безжизненная, изрезанная вдоль и поперек глубокими каньонами. Это был насквозь промерзший, стылый мир, мир ошетилившихся минералов, и при одной мысли о том, чтобы здесь жить, ступать босыми ногами по этому каменному крошеву, кожа на спине у меня начинала ежиться.

«Ничего страшного, — утешала меня Майка, — я могу показать тебе инфрасъемки этой местности, под этим плато есть обширные участки подземного тепла, так что если они живут в пещерах, то от холода они во всяком случае не страдают». Я сейчас же вцепился в нее: а что же они едят? «Если есть пещерные люди, — сказала Майка, — могут быть и пещерные животные. А потом — мхи, грибы, и еще можно представить себе растения, которые осуществляют фотосинтез в инфракрасном свете». Я представил себе эту жизнь, жалкую пародию на то, что считаем жизнью мы, упорную, но вялую борьбу за существование, чудовищное однообразие впечатлений, и мне стало ужасно жалко аборигенов. И я объявил, что забота об этой расе — задача тоже достаточно благородная и благодарная. Майка возразила, что это совсем другое дело, что пантиане обречены, и если бы нас не было, они бы просто исчезли, прекратили бы свою историю; а что касается здешнего народа, то это еще бабушка надвое сказала, нужны ли мы им. Может быть, они и без нас процветают.

Это у нас старый спор. По моему мнению, человечество знает достаточно, чтобы судить, какое развитие исторически перспективно, а какое — нет. Майка же в этом сомневается. Она утверждает, что мы знаем ничтожно мало. Мы вошли в соприкосновение с двенадцатью разумными расами, причем три из них — негуманоидные. В каких отношениях мы находимся с этими негуманоидами, сам Горбовский, наверное, не может сказать: вступили мы с ними в контакт или не вступили, а если вступили, то по обоюдному ли согласию или навязали им себя, а может быть, они вообще воспринимают нас не как братьев по разуму, а как редкостное явление природы, вроде необычных метеоритов. Вот с гуманоидами все ясно: из девяти гуманоидных рас только три согласились иметь с нами что-либо общее, да и то леонидяне, например, охотно делятся с нами своей информацией, а нашу, земную, очень вежливо, но решительно отвергают. Казалось бы, совершенно очевидная вещь: квазиорганические механизмы гораздо рациональнее и экономичнее прирученных животных, но леонидяне от механизмов отказываются. Почему? Некоторое время мы спорили — почему, запутались, незаметно поменялись точками зрения (это у нас с Майкой бывает сплошь и рядом), и Майка наконец заявила, что все это вздор.

— Не в этом дело. Понимаешь ли ты, в чем состоит главная задача всякого контакта? — спросила она. — Понимаешь ли ты, почему человечество вот уже двести лет стремится к контактам, радуется, когда контакты удаются, горюет, когда ничего не получается?

Я, конечно, понимал.

— Изучение разума, — сказал я. — Исследование высшего продукта развития природы.

— Это, в общем, верно, — сказала Майка, — но это только слова, потому что на самом-то деле нас интересует не проблема разума вообще, а проблема нашего, человеческого разума, иначе говоря, нас прежде всего интересуем мы сами. Мы уже пятьдесят тысяч лет пытаемся понять, что мы такое, но, глядя изнутри, эту задачу не решить, как невозможно поднять себя самого за волосы. Надо посмотреть на себя извне, чужими глазами, совсем чужими...

— А зачем это, собственно, нужно? — агрессивно осведомился я.

— А затем, — веско сказала Майка, — что человечество становится галактическим. Вот как ты представляешь себе человечество через сто лет?

— Как представляю? — Я пожал плечами. — Да так же, как ты... Конец биологической революции, преодоление галактического барьера, выход в нуль-мир... ну, широкое распространение контактного видения, реализация П-абстракций...

— Я тебя не спрашиваю, как ты себе представляешь достижения человечества через сто лет. Я тебя спрашиваю: как ты представляешь себе само человечество через сто лет?

Я озадаченно поморгал. Я не улавливал разницы. Майка смотрела на меня победительно.

— Про идеи Комова слышал? — спросила она. — Вертикальный прогресс и все такое прочее...

— Вертикальный прогресс? — Что-то такое я вспоминал. — Подожди... Это, кажется, Боровик, Микава... Да?

Она полезла в стол и принялась там копать.

— Вот ты тогда плясал в баре со своей Танечкой, а Комов собирал в библиотеке ребят... На! — Она протянула мне кристаллофон. — Послушай.

Я неохотно нацепил кристаллофон и стал слушать. Это было что-то вроде лекции, читал Комов, и запись начиналась с полуслова. Комов говорил неторопливо, просто, очень доступно, применяясь, по-видимому, к уровню аудитории. Он приводил много примеров, острил. Получалось у него примерно следующее.

Земной человек выполнил все поставленные им перед собой задачи и становится человеком галактическим. Сто тысяч лет человечество пробиралось по узкой пещере, через завалы, через заросли, гибло под обвалами, попадало в тупики, но впереди всегда была синева, свет, цель, и вот мы вышли из ущелья под синее небо и разлились по равнине. Да, равнина велика, есть куда разливаться. Но теперь мы видим, что это — равнина, а над нею — небо. Новое измерение. Да, на равнине хорошо, и можно вволю заниматься реализацией П-абстракций. И казалось бы, никакая сила не гонит нас вверх, в новое измерение... Но галактический человек не есть просто земной человек, живущий в галактических просторах по законам Земли. Это нечто большее. С иными законами существования, с иными целями существования. А ведь мы не знаем ни этих законов, ни этих целей. Так что, по сути, речь идет о формулировке идеала галактического человека. Идеал земного человека строился в течение тысячелетий на опыте предков, на опыте самых различных форм живого нашей планеты. Идеал человека галактического, по-видимому, следует строить на опыте галактических форм жизни, на опыте историй разных разумов Галактики. Пока мы даже не знаем, как подойти к этой задаче, а ведь нам предстоит еще решать ее, причем решать так, чтобы свести к минимуму число возможных жертв и ошибок. Человечество никогда не ставит перед собой задач, которые не готово решить. Это глубоко верно, но ведь это и мучительно...

Заканчивалась запись тоже на полуслове.

Честно говоря, все это до меня как-то не дошло. При чем здесь галактический идеал? По-моему, люди в космосе совсем не становятся какими-то там галактическими. Я бы сказал, наоборот, люди несут в космос Землю — земной комфорт, земные нормы, земную мораль. Если уж на то пошло, то для меня, да и для всех моих знакомых идеалом будущего является наша маленькая планетка, распространившаяся до крайних пределов Галактики, а потом, может быть, и за эти пределы. В таком примерно плане я принялся было излагать Майке свои соображения, но тут мы заметили, что в каюте, должно быть уже некоторое время, присутствует Вандерхузе. Он стоял, прислонившись к стене, тербил свои рысьи бакенбарды и разглядывал нас с задумчиво-рассеянным верблюжьим выражением на физиономии. Я встал и пододвинул ему стул.

— Спасибо, — произнес Вандерхузе, — но я лучше постою.

— А что вы думаете по этому поводу? — спросила его Майка воинственно.

— По какому поводу?

— По поводу вертикального прогресса.

Вандерхузе некоторое время молчал, затем вздохнул и произнес:

— Неизвестно, кто первый открыл воду, но уж наверняка это сделали не рыбы.

Мы напряженно задумались. Потом Майка просияла, подняла палец и сказала:

— О!

— Это не я, — меланхолично возразил Вандерхузе. — Это очень старый афоризм.

Мне он давно нравился, только все не было случая его привести. — Он помолчал минуту, потом сказал: — Насчет бортжурнала. Представляете себе, действительно, было такое правило.

— Какой бортжурнал? — спросила Майка. — При чем здесь бортжурнал?

— Комов попросил меня отыскать правила, предписывающие уничтожать бортжурналы, — грустно объяснил Вандерхузе.

— Ну? — сказали мы одновременно.

Вандерхузе снова помолчал, потом махнул рукой.

— Срам, — сказал он. — Есть, оказывается, одно такое правило. Вернее, было. В старом «Своде инструкций». В новом — нет. Откуда мне было знать? Я же не историк.

Он надолго задумался. Майка нетерпеливо поерзала.

— Да, — сказал Вандерхузе. — Так вот, если ты потерпел крушение на неизвестной планете, населенной разумными существами — негуманоидами либо гуманоидами, но пребывающими в стадии ярко выраженной машинной цивилизации, — ты обязан уничтожить все космографические карты и бортовые журналы.

Мы с Майкой переглянулись.

— Этот бедняга, командир «Пеликана», — продолжал Вандерхузе, — наверное, здорово знал старинные законы. Ведь этому правилу, наверное, лет двести, его выдумали еще на заре звездоплавания, выдумали из головы, стараясь все предусмотреть. Но разве все предусмотреть? — Он вздохнул. — Конечно, можно было догадаться, почему с бортжурналом произошла такая штука. Вот Комов и догадался... И вы знаете, как он реагировал на мое сообщение?

— Нет, — сказал я. — Как?

— Он кивнул и перешел к другим делам, — сказала Майка.

Вандерхузе посмотрел на нее с восхищением.

— Правильно! — сказал он. — Именно кивнул и именно перешел. Я бы на его месте целый день радовался, что я такой догадливый...

— Что же это, значит, получается? — сказала Майка. — Значит, либо негуманоиды, либо гуманоиды, но на стадии машинной цивилизации. Ничего не понимаю. Ты что-нибудь понимаешь? — спросила она меня.

Меня очень забавляет эта манера Майки с гордостью объявлять, что она ничего не понимает. Я и сам так поступаю частенько.

— Они подъехали к «Пеликану» на велосипедах, — сказал я.

Майка нетерпеливо отмахнулась.

— Машинной цивилизации здесь нет, — пробормотала она. — Негуманоидов здесь тоже нет...

Голос Комова по интеркому провозгласил:

— Вандерхузе, Глумова, Попов! Прошу явиться в рубку.

— Началось! — сказала Майка, вскакивая.

Мы гурьбой ввалились в рубку. Комов стоял у стола и вкладывал в пластиковый чехол портативный транслятор. Судя по положению переключателей, транслятор был подключен к бортовому вычислителю. Лицо у Комова было непривычно озабоченное, какое-то очень человеческое, без этой своеобразной, оскомину набившей ледяной сосредоточенности.

— Сейчас я выхожу, — объявил он. — Первый сикурс. Яков, вы остаетесь за старшего. Главное: обеспечить непрерывное круговое наблюдение и бесперебойную

работу бортового вычислителя. При появлении аборигенов немедленно известить меня. Рекомендую установить у обзорных экранов трехсменную вахту. Майя, ступайте к экранам прямо сейчас же. Стась, там мои радиограммы. Передайте их как можно быстрее. Я думаю, нет надобности объяснять, почему никто не должен выходить из корабля. Вот и все. Давайте за дело.

Я подсел к рации и принялся за дело. Комов и Вандерхузе о чем-то негромко говорили у меня за спиной. Майка на другом конце рубки настраивала экраны кругового обзора. Я перебрал радиограммы. Да, пока мы решали философские проблемы, Комова здесь здорово теребили. Почти все его радиограммы были ответами. Иерархию срочности, за неимением специальных указаний, я устанавливал сам.

ЭР-2, КОМОВ — ЦЕНТР, ГОРБОВСКОМУ. БЛАГОДАРЮ ЗА ЛЮБЕЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, НЕ СЧИТАЮ СЕБЯ ВПРАВЕ ОТРЫВАТЬ ВАС ОТ БОЛЕЕ ВАЖНЫХ ЗАНЯТИЙ, БУДУ ДЕРЖАТЬ ВАС В КУРСЕ ВСЕХ ПОДРОБНОСТЕЙ.

ЭР-2, КОМОВ — ЦЕНТР, БАДЕРУ. ОТ ПОСТА ГЛАВНОГО КСЕНОЛОГА ПРОЕКТА «КОВЧЕГ-2» ВЫНУЖДЕН ОТКАЗАТЬСЯ. РЕКОМЕНДУЮ АМИРЭДЖИБИ.

ЭР-2, КОМОВ — БАЗА, СИДОРОВУ. УМОЛЯЮ, ИЗБАВЬ МЕНЯ ОТ ДОБРОВОЛЬЦЕВ.

ЭР-2, КОМОВ — ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРЕСС-ЦЕНТР, ДОМБИНИ. ПРИСУТСТВИЕ ЗДЕСЬ ВАШЕГО НАУЧНОГО КОММЕНТАТОРА СЧИТАЮ ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫМ. ЗА ИНФОРМАЦИЕЙ ПРОШУ ОБРАЩАТЬСЯ В ЦЕНТР, КОМИССИЯ ПО КОНТАКТАМ.

И так далее, в том же духе. Штук пять радиограмм было в Центральный Информаторий. Этих я не понял.

Работа моя была в самом разгаре, когда дешифратор снова заверещал.

— Откуда? — спросил меня Комов с другого конца рубки. Он стоял рядом с Майкой и осматривал окрестности.

— «Центр, исторический отдел...» — прочитал я.

— А, наконец-то! — сказал Комов и направился ко мне.

...ПРОЕКТ «КОВЧЕГ», — читал я. — ЭР-2, ВАНДЕРХУЗЕ, КОМОВУ. ИНФОРМАЦИЯ. ОБНАРУЖЕННЫЙ ВАМИ КОРАБЛЬ РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР ТАКОЙ-ТО ЕСТЬ ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ ЗВЕЗДОЛЕТ «ПИЛИГРИМ». ПРИПИСАН К ПОРТУ ДЕЙМОС, ОТБЫЛ ВТОРОГО ЯНВАРЯ ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОГО ГОДА В СВОБОДНЫЙ ПОИСК В ЗОНУ «Ц». ПОСЛЕДНИЙ ОТЗЫВ ПОЛУЧЕН ШЕСТОГО МАЯ ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОГО ГОДА ИЗ ОБЛАСТИ «ТЕНЬ». ЭКИПАЖ: СЕМЕНОВА МАРИЯ-ЛУИЗА И СЕМЕНОВ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ. С ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО АПРЕЛЯ ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО ГОДА ПАССАЖИР: СЕМЕНОВ ПЬЕР АЛЕКСАНДРОВИЧ. АРХИВ «ПИЛИГРИМА»...

Там было еще что-то, но тут вдруг Комов засмеялся у меня за спиной, и я с изумлением обернулся к нему. Комов смеялся, Комов сиял.

— Так я и думал! — торжествующе сказал он, а мы все смотрели на него, разинув рты. — Так я и думал! Это человек! Вы понимаете, ребята? Это человек!

Глава пятая. Люди и нелюди

— Стоять по местам! — весело скомандовал Комов, подхватил футляры с аппаратурой и удалился.

Я посмотрел на Майку. Майка стояла столбом посередине рубки с затуманенным взором и беззвучно шевелила губами — соображала.

Я посмотрел на Вандерхузе. Брови у Вандерхузе были высоко задраны, баки растопырились, впервые на моей памяти он был похож не на млекопитающее, а на черт-рыбу, вытащенную из воды. На обзорном экране Комов, обвешанный аппаратурой, бодро шагал к болоту вдоль строительной площадки.

— Так-так-так! — произнесла Майка. — Вот, значит, почему игрушки...

— Почему? — живо поинтересовался Вандерхузе.

— Он с ними играл, — объяснила Майка.

— Кто? — спросил Вандерхузе. — Комов?

— Нет. Семенов.

— Семенов? — удивленно переспросил Вандерхузе. — Гм... Ну и что?

— Семенов-младший, — нетерпеливо сказал я. — Пассажир. Ребенок.

— Какой ребенок?

— Ребенок Семеновых! — сказала Майка. — Понимаете, зачем у них было это шьющее устройство? Чепчики всякие там, распашоночки, подгузнички...

— Подгузнички! — повторил пораженный Вандерхузе. — Так это у них родился ребенок! Да-да-да-да! Я еще удивился, где они подцепили пассажира и вдобавок однофамильца! Мне и в голову... Ну конечно!

Запел радиовывоз. Я машинально откликнулся. Это оказался Вадик. Говорил он торопливо и вполголоса — видно, боялся, что засекут...

— Что у вас там, Стась? Только быстро, мы сейчас снимаемся...

— Такое быстро не расскажешь, — сказал я недовольно.

— А ты в двух словах. Корабль Странников нашли?

— Каких Странников? — поразился я. — Где?

— Ну, этих... которых Горбовский ищет...

— Кто нашел?

— Вы нашли! Нашли ведь? — Голос его вдруг изменился. — Проверяю настройку, — строго произнес он. — Выключаюсь.

— Что там нашли? — спросил Вандерхузе. — Какой еще корабль?

Я отмахнулся.

— Это так, любопытные... Значит, родился он в апреле тридцать третьего, а отозвались они в последний раз в мае тридцать четвертого... Яков, как часто они должны были выходить на отзыв?

— Раз в месяц, — сказал Вандерхузе. — Если корабль находится в свободном поиске...

— Минуточку, — сказал я. — Май, июнь...

— Тринадцать месяцев, — сказала Майка.

Я не поверил и пересчитал сам.

— Да, — сказал я.

— Невероятно, правда?

— Что, собственно, невероятно? — осторожно спросил Вандерхузе.

— В день крушения, — сказала Майка, — младенцу был год и один месяц. Как же он выжил?

— Аборигены, — сказал я. — Семенов стер боржурнал. Значит, кого-то увидел... И нечего было Комову на меня лаять! Это был настоящий детский плач! Что я, годовалых детей не слышал?... Они все это записали, а когда он вырос, дали ему прослушать...

— Чтобы записать, нужно иметь технику, — сказала Майка.

— Ну, не записали, так запомнили, — сказал я. — Это неважно.

— Ага, — произнес Вандерхузе. — Он увидел либо негуманоидов, либо гуманоидов, но в стадии машинной цивилизации. И поэтому стер бортжурнал. По инструкции.

— На машинную цивилизацию не похоже, — сказала Майка.

— Значит, негуманоиды... — До меня вдруг дошло. — Ребята, — сказал я, — если здесь негуманоиды, то это такой случай, что я просто не знаю... Человек-посредник, понимаете? Он — и человек и нечеловек, гуманоид и негуманоид! Такого еще никогда не бывало. О таком даже мечтать никто не рискнул бы!

Я был в восторге. Майка тоже была в восторге. Перспективы ослепляли нас. Туманные, неясные, но ослепительно радужные. Дело было не только в том, что впервые в истории становился возможным уверенный контакт с негуманоидами. Человечество получало уникальнейшее зеркало, перед человечеством открывалась дверь в совершенно недоступный ранее, непостижимый мир принципиально иной психологии, и смутные комовские идеи вертикального прогресса обретали наконец экспериментальный фундамент...

— Чего ради негуманоиды станут возиться с человеческим ребенком? — задумчиво произнес Вандерхузе. — Зачем это им и что они в этом понимают?

Перспективы несколько потускнели, но Майка сейчас же сказала с вызовом:

— На Земле известны случаи, когда негуманоиды воспитывали человеческих детей.

— Так то на Земле! — сказал Вандерхузе грустно.

И он был прав. Все известные разумные негуманоиды отстояли от человека гораздо дальше, чем волки, медведи или даже осьминоги. Утверждал же такой серьезный специалист, как Крюгер, что разумные слизни Гарроты рассматривают человека со всей его техникой не как явление реального мира, а как плод своего невообразимого воображения...

— И тем не менее он уцелел и вырос! — сказала Майка.

И она тоже была права.

Я — человек по натуре скептический. Я не люблю зарываться и чрезмерно фантазировать. Не то что Майка. Но тут больше просто ничего нельзя было предположить. Годовалый ребенок. Ледяная пустыня. Один. Ведь ясно же, что сам по себе он выжить не смог бы. Причем с другой стороны — стертый бортжурнал. Что тут еще можно придумать? Какие-нибудь пришельцы-гуманоиды случайно оказались поблизости, выкормили младенца, а потом улетели... Чепуха ведь...

— А может быть, он не выжил? — сказала Майка. — Может быть, все, что от него осталось, это его плач и голоса его родителей?

На секунду мне показалось, что все рухнуло. Вечно эта Майка что-нибудь выдумает. Но я тут же сообразил:

— А как он проходит в корабль? Как он командует моими киберами? Нет, ребята, либо мы встретили в космосе точную — понимаете? — точную, идеальную реплику человечества, либо это космический Маугли. Не знаю, что более невероятно.

— И я не знаю, — сказала Майка.

— И я, — сказал Вандерхузе.

Из репродуктора раздался голос Комова:

— Внимание, на борту! Я вышел на позицию. Смотреть вокруг хорошенько. Мне отсюда видно не много. Радиogramмы были?

Я заглянул в приемный карман.

— Целая пачка, — сказал я.

— Целая пачка, — сказал Вандерхузе в микрофон.

— Стась, мои радиogramмы вы отправили?

— А... Еще не все, — сказал я, поспешно усаживаясь за рацию.

— Еще не все, — сообщил Вандерхузе в микрофон.

— Хлев на палубе! — объявил Комов. — Хватит философствовать, принимайтесь за дело. Майя, следите за экраном. Забудьте обо всем и следите за экраном. Попов, чтобы последняя моя радиограмма через десять минут была в эфире. Яков, зачитайте, что там пришло на мое имя...

Когда я закончил передачу и осмотрелся, все были заняты своими делами. Майка сидела за пультом обзора — на панорамном экране виднелся Комов, крошечная фигурка у самого берега; над болотом шевелился туман, и больше никакого движения на всех трехстах шестидесяти градусах в радиусе семи километров от корабля не было заметно. Комов сидел к нам спиной: очевидно, он ждал, что наш Маугли появится из болота. Майка медленно поворачивала голову из стороны в сторону, озирая окрестности, и время от времени давала на какой-нибудь подозрительный участок максимальное увеличение — тогда на экранах малых мониторов появлялся то поникший куст, то лиловая тень дюны на искрящемся песке, то неопределенное пятно в редкой щетине карликовых деревьев.

Вандерхузе монотонно бубнил в микрофон: «...варианты психотипа двоеточие шестнадцать эн дробь тридцать два дзета или шестнадцать эм... мама... дробь тридцать один эпсилон...» — «Достаточно, — говорил Комов. — Следующую». — «Земля Лондон Картрайт, уважаемый Геннадий, еще раз напоминаю о вашем обещании дать отзыв...» — «Достаточно. Следующую». — «Пресс-центр...» — «Достаточно. Дальше. Яков, читайте только то, что из Центра или с Базы». Пауза. Вандерхузе перебирает карточки. «Центр Бадер затребованная вами аппаратура нуль-транспортируется на Базу вышлите ваши предварительные соображения по следующим пунктам первое другие вероятные зоны обитания аборигенов...» — «Достаточно. Дальше...»

Тут меня вызвала База. Сидоров спрашивал Комова.

— Комов на контакте, Михаил Альбертович, — сказал я виновато.

— Контакт начался?

— Нет еще. Ждем.

Сидоров кашлянул.

— Ну ладно, я соединюсь с ним попозже. Это не срочно. — Он помолчал. — Волнуетесь?

Я прислушался к своим ощущениям.

— Н-не то что волнуемся... Странно как-то. Как во сне. Как в сказке.

Сидоров вздохнул.

— Не буду мешать, — сказал он. — Желаю удачи.

Я поблагодарил. Затем я оперся локтем на пульт, положил подбородок на ладонь и снова прислушался к своим ощущениям. Да, странно как-то. Человек — нечеловек. Наверное, на самом деле его нельзя называть человеком. Человеческий детеныш, воспитанный волками, вырастает волком. Медведями — медведем. А если бы человеческого детеныша взялся воспитывать спрут? Не съел бы, а стал воспитывать... Дело даже не в этом. И волк, и медведь, и спрут — все они лишены разума. Во всяком случае, того, что ксенологи называют разумом. А вот если нашего Маугли воспитали существа разумные, но в то же время в некотором смысле спруты?.. И даже еще более чужие, чем спруты... А ведь это они научили его выбрасывать защитные фантомы, научили мимикрии, — в человеческом организме нет ничего для таких штук, значит, это искусственное приспособление... Постой, а для чего ему мимикрия? От кого это он приучен защищаться? Планета-то ведь пуста! Значит, не пуста.

Я представил себе огромные пещеры, залитые призрачным лиловым светом, мрачные закоулки, в которых таится смертельная опасность, и маленького мальчика, который крадется вдоль липкой стены, готовый в любую секунду исчезнуть, раствориться в неверном сиянии, оставив врагу свою зыбкую, расплывающуюся тень. Бедный мальчуган. Его надо немедленно вывезти отсюда... Стоп-стоп-стоп! Это все чепуха. Это все не бывает. Не бывает так, чтобы существовала сложная, мудрая, многоопытная жизнь и не кишела бы вокруг нее жизнь попроще, поглупее. Сколько здесь обнаружили видов

живых существ? Не то одиннадцать, не то двенадцать — и это во всем диапазоне от вируса до человеческого детеныша. Нет, так не бывает. Тут что-то не то. Ладно, скоро узнаем. Мальчуган нам все расскажет. А если не расскажет? Много ли человеческие волчата рассказали людям о волках? На что же рассчитывает Комов? Мне захотелось сейчас же, немедленно спросить у Комова, на что он рассчитывает.

Вандерхузе, дочитав последнюю радиограмму, вытянулся в кресле, заложил руки за голову и произнес задумчиво:

— А ведь я знал Семеновых. Должен вам сказать, очень были славные и в то же время очень странные люди. Романтики старины. Конечно, Шура знал все старинные законы, он их вечно цитировал. Нам они казались смешными и нелепыми, а он находил в них какую-то прелесть... Катастрофа, агония, страшные чудовища лезут в корабль... Уничтожить бортжурнал, стереть свой след в пространстве — ведь на том конце следа Земля! Да, это очень на него похоже. — Вандерхузе помолчал. — Между прочим, таких, кто ищет уединения, гораздо больше, чем мы с вами думаем. Ведь уединение — не такая уж плохая вещь, как вы полагаете?

— Не для меня, — коротко сказала Майка, не отрываясь от экрана.

— Это потому, что ты молода, — возразил Вандерхузе. — В твоём возрасте Шура Семенов тоже любил дружить со многими и чтобы многие дружили с ним. И чтобы работать вместе — большой шумной компанией. И чтобы устраивать мозговые атаки, и все время быть в веселом напряжении, и чтобы все время соревноваться, все равно в чем — в прыжках ли с крыльями, в количестве острот на единицу времени, в знании наизусть каких-нибудь таблиц... во всем. А в промежутках во все горло распевать под нэкофон куплеты собственного сочинения. — Вандерхузе вздохнул. — Обычно это проходит с началом настоящей любви... Впрочем, об этом я ничего не знаю. Я знаю только, что с двадцатого года Шурик и Мари ушли в группу свободного поиска. С тех пор я их, собственно, ни разу не видел. Один раз говорил по видео... Я был тогда диспетчером, и Шура запрашивал у меня разрешение на выход с Пандоры. — Вандерхузе снова вздохнул. — Между прочим, у Шуры отец жив и сегодня, Павел Александрович. Надо будет обязательно к нему зайти, когда вернемся... — Он помолчал. — Если хотите знать, — объявил он, — я всегда был против свободного поиска. Архаизм. Бродят по космосу в одиночку, опасно, научный выход ничтожный, а иногда мешают... Помните историю с Каммерером? Они всё притворяются, будто мы уже овладели космосом, будто мы в космосе как дома. Неверно это. И никогда это не будет верно. Космос всегда будет космосом, а человек всегда останется всего лишь человеком. Он будет только становиться все более и более опытным, но никакого опыта не хватит, чтобы чувствовать себя в космосе как дома... По-моему, Шурик и Мари так ничего и не нашли в космосе, во всяком случае, ничего такого, о чем стоило бы рассказать хотя бы за столом в кают-компании.

— Но зато они были счастливы, — сказала Майка, не оборачиваясь.

— Почему ты так думаешь?

— Иначе бы они вернулись! Зачем им было что-то искать, если они и без того были счастливы? — Майка сердито посмотрела на Вандерхузе. — Что вообще стоит искать, кроме счастья?

— Я мог бы тебе ответить, что тот, кто счастлив, ничего и не ищет, — сказал Вандерхузе, — но я не подготовлен к такому глубокому спору, да и ты тоже, как ты полагаешь? Рано или поздно мы начнем обобщать понятие счастья на негуманоидов...

— На борту! — раздался голос Комова. — Смотреть внимательно!

— Именно это я и хотел сказать, — проговорил Вандерхузе, и Майка снова отвернулась к экрану.

Теперь мы смотрели на экран все втроем. Солнце было совсем низко, оно висело над самыми вершинами, и на сопках уже лежали тени. Ярко отсвечивала посадочная полоса, шапка пара над болотом казалась теперь тяжелой и неподвижной, а верхушка ее, через

которую пробивался солнечный свет, сделалась пронзительно-фиолетовой. Все вокруг было очень неподвижно, даже Комов.

— Пять часов, — негромко сказал Вандерхузе. — Не пора ли нам обедать? Геннадий, как вы будете есть?

— Мне ничего не надо, — сказал Комов. — Я захватил с собой. А вы поешьте, потом может стать не до того.

Я поднялся.

— Пойду готовить. Какие заказы?

И тут Вандерхузе сказал:

— Вижу!

— Где? — сейчас же спросил Комов.

— Идет к нам по берегу, со стороны айсберга. Градусах в шестидесяти влево от вашего направления на корабль.

— Ага, — сказала Майка. — Я тоже вижу! Действительно, идет.

— Не вижу! — нетерпеливо сказал Комов. — Дайте координаты по дальномеру.

Вандерхузе сунул лицо в нарамник дальномера и продиктовал координаты. Теперь и я увидел: вдоль самой кромки черной воды, не спеша, словно бы нехотя, брела к кораблю зеленоватая, странно скособоченная фигурка.

— Нет, не вижу, — сказал Комов с досадой. — Рассказывайте мне.

— Н-ну, значит, так... — начал Вандерхузе и откашлялся. — Идет медленно, смотрит на нас... В руках охалка каких-то прутьев... Остановился, поковырял ногой в песке... Бр-р-р, по такой холодине — нагишом... Пошел дальше... Смотрит в вашу сторону, Геннадий... Любопытно, анатомия у него не человеческая, точнее, не совсем человеческая... Вот опять остановился и все время смотрит в вашу сторону. Неужели вы его не видите, Геннадий? Он же прямо у вас на траверзе, к вам он сейчас ближе, чем к нам...

Пьер Александрович Семенов, космический Маугли, приближался. Сейчас до него было метров двести, и, когда Майка давала на мониторе увеличенное изображение, можно было рассмотреть даже его ресницы. Заходящее солнце как раз проглянуло в промежуток между двумя горными пиками, снова стало совсем светло, длинные тени протянулись вдоль пляжа.

Это был ребенок, мальчишка лет двенадцати, угловатый подросток, костлявый, длинноногий, с острыми плечами и локтями, но этим сходство с обычным мальчишкой и ограничивалось. Уже лицо у него не было мальчишеское — с человеческими чертами, но совершенно неподвижное, окаменевшее, застывшее, как маска. Только глаза у него были живые, большие, темные, и он стрелял ими налево и направо, словно сквозь прорези в маске. Уши у него были большие, оттопыренные, правое заметно больше левого, а из-под левого уха тянулся по шее до ключицы темный неровный шрам — грубый, неправильно заживший рубец. Рыжеватые свалывшиеся волосы беспорядочными космами спадали на лоб и на плечи, торчали в разные стороны, лихим хохлом вздымались на макушке. Жуткое, неприятное лицо, и вдобавок — мертвенного, синевато-зеленого оттенка, лоснящееся, словно смазанное каким-то жиром. Впрочем, так же лоснилось и все его тело. Он был совершенно голый, и, когда он подошел к кораблю совсем близко и бросил на песок охалку сучьев, стало видно, какой он весь жилистый, без всяких следов этой трогательной детской незащищенности. Он был костлявый, да, но не тощий — удивительно, по-взрослому жилистый, не мускулистый, не атлет, а именно жилистый, и еще стали видны страшные рваные шрамы — глубокий шрам на левом боку через ребра до самого бедра, отчего он и был таким скособоченным, и еще шрам на правой ноге, и глубокая вдавливание посередине груди. Да, видно, нелегко ему здесь пришлось. Планета старательно жевала и грызла человеческого детеныша, но, видимо, привела-таки его в соответствие с собой.

Он был теперь шагах в двадцати, у самого края мертвого пространства. Охалка прутьев лежала у его ног, а он стоял, опустив руки, и смотрел на корабль; он не мог, конечно, видеть объективов, но смотрел он, казалось, прямо нам в глаза. И поза у него была нечеловеческая. Не знаю, как это объяснить. Просто люди не стоят в такой позе. Никогда не стоят. Ни отдыхая, ни в ожидании, ни в напряжении. Левая нога у него была отставлена чуть назад и слегка согнута в колене, но всем весом он опирался именно на нее. И вперед он выставил левое плечо. У человека, готовящегося метнуть диск, можно на мгновение уловить подобную позу — долго так не простоишь, это неудобно, да и некрасиво, а он стоял, стоял несколько минут, а потом вдруг присел и стал перебирать свои прутья. Я сказал — присел, но это неправильно: он опустился на левую ногу, правую же, не сгибая, вытянул вперед — даже смотреть на него было неудобно, особенно когда он принялся возиться с прутьями, помогая рукам правой ногой. Потом он поднял к нам лицо, протянул руки — в каждом кулаке по пруту — и тут началось такое, что я вообще не берусь описывать.

Могу только сказать: лицо его ожило, и не просто ожило — оно взорвалось движениями. Не знаю, сколько там на лице у человека мускулов, но у него они все разом пришли в движение, и каждый самостоятельно, и каждый беспрестанно, и каждый необычайно сложно. Я не знаю, с чем это сравнить. Может быть, с бегом ряби на воде в солнечном свете, только рябь однообразна и хаотична, однообразна в своей хаотичности, а здесь сквозь фейерверк крошечных движений проглядывал какой-то определенный ритм, какой-то осмысленный порядок, это не была болезненная конвульсивная дрожь, агония, паника. Это был танец мускулов, если можно так выразиться. И начался этот танец с лица, а затем заплясали плечи, грудь, запели руки, и сухие прутья затрепетали в сжатых кулаках, принялись скрещиваться, сплетаться, бороться — с шорохом, с барабанной дробью, со стрекотом, словно целое поле кузнечиков развернулось под кораблем. Это длилось не больше минуты, но у меня зарябило в глазах и заложило уши. А затем все пошло на убыль. Пляска и пение ушли из палочек в руки, из рук в плечи, затем в лицо, и все кончилось. На нас снова глядела неподвижная маска. Мальчик легко поднялся, шагнул через кучку прутьев и вдруг ушел в мертвое пространство.

— Почему вы молчите? — надрылся Комов. — Яков! Яков! Вы слышите меня? Почему молчите?

Я очнулся и поискал глазами Комова. Ксенопсихолог стоял в напряженной позе, лицом к кораблю, длинная тень тянулась по песку от его ног. Вандерхузе откашлялся и проговорил:

— Слышу.

— Что произошло?

Вандерхузе помедлил.

— Не берусь рассказать, — сказал он. — Может быть, вы, ребята?

— Он разговаривал! — произнесла Майка сдавленным голосом. — Это он разговаривал!..

— Слушайте, — сказал я. — А он не к люку пошел?

— Возможно, — сказал Вандерхузе. — Геннадий, он ушел в мертвое пространство. Возможно, он пошел к люку...

— Следите за люком, — быстро скомандовал Комов. — Если он войдет, сейчас же сообщите мне, а сами запритесь в рубке... — Он помолчал. — Жду вас через час, — проговорил он с какой-то новой интонацией, обычным спокойно-деловым тоном и словно бы отвернувшись от микрофона. — За час вы управитесь?

— Не понял, — сказал Вандерхузе.

— Запритесь! — раздраженно закричал Комов прямо в микрофон. — Понимаете? Запритесь, если он войдет в корабль!

— Это я понял, — сказал Вандерхузе. — Где вы нас ждете через час?

Наступило молчание.

— Жду вас через час, — снова отвернувшись от микрофона, деловито повторил Комов. — За час вы управитесь?

— Где? — сказал Вандерхузе. — Где ждете?

— Яков, вы меня слышите? — громко спросил Комов с беспокойством.

— Слышу вас отлично, — произнес Вандерхузе и растерянно оглянулся на нас. — Вы сказали, что ждете нас через час. Где?

— Я не говорил... — начал Комов, но тут его прервал голос Вандерхузе, такой же глуховатый, словно в отдалении от микрофона:

— А не пора ли нам обедать? Стась там, наверное, соскучился, как ты полагаешь, Майка?

Майка нервно захихикала.

— Это же он... — проговорила она, тыча пальцем в экран. — Это же он... там...

— Что происходит, Яков? — гаркнул Комов.

Станный голос — я даже не сразу понял чей — произнес:

— Я тебя, старикашечку моего, вылечу, на ноги поставлю, в люди выведу...

Майка, уткнувшись лицом в ладони, икала от нервного хохота, поджимая колени к подбородку.

— Ничего особенного, Геннадий, — произнес Вандерхузе, вытирая платком вспотевший лоб. — Недоразумение. Клиент разговаривает нашими голосами. Мы его слышим через внешнюю акустику. Маленькое недоразумение, Геннадий.

— Вы его видите?

— Нет... Впрочем, вот он появился.

Мальчик снова стоял возле своих прутьев, уже в другой, но такой же неудобной позе. Он опять глядел нам прямо в глаза. Потом рот его приоткрылся, губы странно искривились, обнажив десны и зубы в левом углу рта, и мы услышали голос Майки:

— В конце концов, если бы у меня были ваши бакенбарды, я бы, может быть, относилась к жизни совсем по-другому...

— Сейчас он говорит голосом Майки, — невозмутимо сообщил Вандерхузе. — А сейчас посмотрел в вашу сторону. Вы его все еще не видите?

Комов молчал. Мальчик все стоял, повернув голову в его сторону, совершенно неподвижный, словно окаменелый, — странная фигура в сгущающихся сумерках. И вдруг я понял, что это не он. Фигура расплывалась. Сквозь нее проступила темная кромка воды.

— Ага, вижу! — с удовлетворением сказал Комов. — Он стоит шагах в двадцати от корабля, так?

— Так, — сказал Вандерхузе.

— Не так, — сказал я.

Вандерхузе присмотрелся.

— Д-да, пожалуй, не так, — согласился он. — Это, пожалуй... Как вы это называете, Геннадий? Фантом?

— Стойте, — сказал Комов. — Вот теперь я его вижу по-настоящему. Он идет ко мне.

— Ты видишь его? — спросила меня Майка.

— Нет, — ответил я. — Темно уже.

— Не в темноте дело, — возразила Майка.

Наверное, она была права. Солнце, правда, зашло, и сумерки сгустились, но Комова я на экране различал и видел тающий фантом, и взлетную полосу, и айсберг вдаль, а вот мальчика я больше не видел.

Потом я увидел, что Комов сел.

— Подходит, — проговорил он вполголоса. — Сейчас я буду занят. Не отвлекайте меня. Продолжайте внимательно следить за окрестностями, но никаких локаторов, никаких активных средств вообще. Попробуйте обойтись инфракраской. Все.

— Доброй охоты, — сказал Вандерхузе в микрофон и поднялся. Вид у него был торжественный. Он строго посмотрел на нас поверх носа, привычным плавным движением взбил бакенбарды и произнес: — Стада в хлевах, свободны мы до утренней зари.

Майка судорожно зевнула и проговорила:

— Спать мне хочется, что ли? Или это от нервов?

— Между прочим, спать нам теперь придется мало, — заявил Вандерхузе. — Давайте сделаем так. Пусть Майка идет отдыхать. Я останусь у экрана, а Стась пусть спит у рации. Через четыре часа я его разбужу, как ты полагаешь, Стась?

Я не возражал, хотя и сомневался, что Комов столько высидит на морозе. Майка, продолжая зевать, не возражала тоже. Когда она ушла, я предложил Вандерхузе сварить кофе, но он отказался под каким-то смехотворным предлогом — наверное, он хотел, чтобы я поспал. Тогда я устроился возле рации, просмотрел новые радиограммы, не обнаружил ничего срочного и передал их Вандерхузе.

Некоторое время мы молчали. Спать совсем не хотелось. Я так и этак прикидывал, какими же должны быть воспитатели Пьера Семенова. Человеческий детеныш, воспитанный волком, бегаёт на четвереньках и рычит. Медвежий человек — тоже. Вообще воспитание полностью определяет модус вивенди любого существа. То есть не то чтобы полностью, но заметно определяет. Почему, собственно, наш Маугли остался человеком прямоходящим? Это наводит на определенные размышления. Он ходит на ногах, он активно пользуется руками, это само по себе не есть что-то врожденное, это воспитывается. Он может говорить. Конечно, он не понимает, что он говорит, но видно, что та часть мозга, которая ведаёт речью, задействована у него великолепно... И ведь он запоминает все с одного раза! Странно, очень странно. Негуманоиды, о которых я знаю, были бы совершенно не способны так воспитать человеческого детеныша. Прокормить его, приручить — могли бы. Исследовать в своих странных лабораториях, похожих на гигантскую действующую модель кишечника, — тоже могли бы. Но увидеть в нем человека, идентифицировать в нем человека, сохранить в нем человека — вряд ли. Неужели это все-таки гуманоиды? Ничего не понимаю.

— Во всяком случае, — сказал вдруг Вандерхузе, — они гуманны в самом широком смысле слова, какой только можно придумать, раз они спасли жизнь нашему младенцу, и они гениальны, ибо сумели воспитать его похожим на человека, ничего, может быть, не зная о руках и ногах. Как ты полагаешь, Стась?

Я неопределенно хмыкнул, и он замолчал.

В рубке было тихо. База нас не беспокоила, Комов тоже на связь не выходил; на темном экране вспыхивали, переливаясь, радужные полотнища сполохов, и в их призрачном свете был едва виден Комов, сидевший совершенно неподвижно, а мальчика я так и не сумел разглядеть ни разу. Но дело у них явно шло на лад, потому что большой бортовой вычислитель время от времени принимался тихонько чавкать и урчать, переваривая и организуя информацию, получаемую с транслятора. Потом я задремал, и приснились мне, помнится, какие-то хмурые небритые осьминоги в синих спортивных костюмах и с зонтиками, они учили меня ходить, а мне было так смешно, что я все время падал, вызывая их крайнее неудовольствие. Проснулся я от мягкого и неприятного толчка в сердце. Что-то произошло. Что-то тревожное.

Вандерхузе сидел, напряженно пригнувшись к экрану, вцепившись руками в подлокотники.

— Стась! — окликнул он негромко.

— Да?

— Посмотри на экран.

Я и без того уже смотрел на экран, но не видел пока ничего особенного. Как и прежде, полыхали и переливались небесные огни, Комов сидел в прежней позе, далекий айсберг отсвечивал розовым и зеленым. Потом я увидел.

— Над горами? — шепотом спросил я.

— Да. Именно над горами.

— Что это такое?

— Не знаю.

— Давно?

— Не знаю. Я заметил эту штуку минуты две назад. Думал — смерч...

Я сначала тоже подумал, что это смерч. Над бледной иззубренной линией хребта, на фоне радужных полотнищ поднималось что-то вроде длинного тонкого хлыста — черная кривая, словно царапина на экране. Этот хлыст едва заметно вибрировал, гнулся, иногда словно бы проседал и снова распрямлялся, и заметно было, что он не гладкий, а как бы суставчатый, похожий на ствол бамбука. Он торчал над хребтом, до которого было по крайней мере километров десять, словно кто-то высунул из-за вершин исполинское удище. Он придавал знакомому пейзажу на экране нереальный вид декораций кукольного театра. Смотреть на это было как-то противоестественно и жутко-смешно, как если бы над вершинами появилась неправдоподобно громадная физиономия. В общем, это было что-то вне всяких масштабов, что-то невозможное, вне всяких представлений о пропорциях.

— Они? — спросил я шепотом.

— Невозможно, чтобы это было естественное... — проговорил Вандерхузе. — И невозможно, чтобы это было искусственное.

Я и сам чувствовал то же самое.

— Надо сообщить Комову, — сказал я.

— Комов отключился, — ответил Вандерхузе. Он наводил дальномер. — Расстояние не меняется. Четырнадцать километров. И эта штука страшно вибрирует, вся трясется. Амплитуда не меньше сотни метров... Совершенно невозможная штука.

— Какая же у него высота? — пробормотал я.

— Около шестисот метров.

— Елки-палки, — сказал я.

Он вдруг вскочил и нажал сразу две клавиши: наружного аварийного радиовызова «Всем немедленно вернуться на борт» и внутреннего сигнала «Всем собраться в рубке». Потом он повернулся ко мне и непривычно отрывистым голосом скомандовал:

— Стась! Бегом на пост УАС. Приведи в готовность носовую ПМП. Сиди и жди. Без команды — ничего.

Я выскочил в коридор. Из-за дверей кают слышались приглушенные отрывистые звонки сигнала сбора. Навстречу мне мчалась Майка, на ходу натягивая куртку. Она была в туфлях на босу ногу.

— Что случилось? — сиплым со сна голосом спросила она еще издали.

Я махнул рукой и по трапу ссыпался вниз, в пост управления активными средствами. Меня слегка лихорадило, но в общем я был спокоен. В известном смысле я был даже горд: ситуация складывалась редкостная. Настолько редкостная, что я был уверен: с момента первого старта этого корабля на пост УАС никто еще не заходил — разве что работники космодромов для профилактического осмотра автоматики.

Я повалился в кресло, врубил круговой экран, отключил автоматику ПМП и сразу же заблокировал кормовую установку, чтобы в суматохе не выпалить в надыр. Затем я взялся за верньеры ручной наводки, и изображение на экране поползло через черное перекрестие перед моими глазами: прополз клыкастый айсберг, проползла туманная масса над болотами, прополз Комов — теперь он стоял, озаряемый сполохами, спиной к нам и глядел в сторону гор... Еще немного повыше. Вот он. Черный, дрожащий, нелепый, совершенно невозможный. А рядом — второй, он покороче, но растет на глазах, вытягивается, гнется... Елки-палки, да как же они это делают? Какие же это мощности нужны и что это за материал такой? Ну и зрелище!.. Теперь это было так, будто чудовищный таракан прячется за горами и высунул оттуда свои усы. Я прикинул

телесный угол поражения и установил перекрестие таким образом, чтобы одним ударом поразить обе цели. Теперь оставалось только толкнуть ногой педаль...

— Пост УАС! — гаркнул Вандерхузе.

— Есть пост УАС! — отозвался я.

— Готовность!

— Есть готовность!

По-моему, это у нас очень лихо получилось. Как в кино.

— Обе цели видишь? — обыкновенным голосом спросил Вандерхузе.

— Да. Накрываю обе одним импульсом.

— Обрати внимание: сорок градусов к востоку — третья цель.

Я взглянул: действительно, еще один гигантский ус гнулся и трепетал в неверном свете сполохов. Это мне не понравилось. Успею или нет? Чего там, должен успеть... Я мысленно прорепетировал, как я выпускаю импульс, а затем двумя движениями разворачиваю пушку на третью цель. Ничего, успею.

— Вижу третью цель, — сказал я.

— Это хорошо, — сказал Вандерхузе. — Но ты, однако, не горячись. Стрелять только по моей команде.

— Вас понял, — буркнул я.

Вот даст он по кораблю каким-нибудь... этим... искривителем пространства каким-нибудь, дождешься тогда от тебя команды. Меня уже заметно трясло. Я стиснул руки, чтобы привести себя в порядок. Потом я посмотрел, как там Комов. Комов был ничего себе. Он снова сидел в прежней позе, повернувшись к гигантскому таракану боком. Я сразу успокоился, тем более что обнаружил наконец рядом с Комовым крошечную черную фигурку. Мне даже стало неловко.

Чего это я вдруг? Какие, собственно, основания для паники? Ну, выставил усы... Большие усы, не спорю, я бы даже сказал — сногшибательной величины усы. Но, в конце концов, никакие это, вероятно, не усы, а что-нибудь вроде антенн. Может быть, они просто за нами наблюдают. Мы за ними, а они за нами. И даже, собственно, не за нами, наверное, а за своим воспитанником, за Пьером Александровичем Семеновым наблюдают — как, мол, он здесь, не обижают ли его...

Вообще, если подумать, противометеоритная пушка — страшная штука, не хотелось бы ее здесь применять. Одно дело — сровнять с грунтом какую-нибудь скалу, чтобы расчистить посадочную площадку, или, скажем, завалить ущелье, когда нужен пресный водоем, а другое дело — вот так, по живому... А вообще-то применялись когда-нибудь ПМП как средство обороны? Пожалуй, да. Во-первых, был случай, не помню где, грузовой автомат потерял управление и стал валиться прямо на лагерь, — пришлось его сжечь. А потом, помнится, разбирали такой инцидент: на какой-то биологически активной планете корабль-разведчик подвергся «направленному непреодолимому воздействию биосферы»... То есть подвергся он или нет — до сих пор неизвестно, но капитан решил, что подвергся, и ударил из носовой пушки. Выжег он вокруг себя все, до самого горизонта, так что потом при расследовании эксперты только руками разводили. Капитана, помнится, от полетов отстранили надолго... Да, что и говорить, страшное средство — ПМП. Последнее средство.

Чтобы отвлечься от всяких таких мыслей, я произвел замеры расстояний до целей и рассчитал их высоту и толщину. Расстояния оказались: четырнадцать, четырнадцать с половиной и шестнадцать километров. Высота — от пятисот до семисот метров, а толщина у них у всех была примерно одинаковая: у основания около пятидесяти метров, а на самом кончике уса — меньше метра. И все они действительно были суставчатыми, как бамбуковые стволы или катушечные антенны. И еще мне показалось, что я различаю на их поверхности какое-то движение, направленное снизу вверх, этакую перистальтику, но, может быть, это была только игра света. Я попытался прикинуть свойства материала, из которого могут состоять такие вот образования, — получалась какая-то чепуха. Да,

пощупать бы их локатором-пробником, но нельзя, конечно. Неизвестно, как они к этому отнесутся. Да и не это главное. Главное — это то, что цивилизация здесь, пожалуй, технологическая. Высокоразвитая цивилизация. Что и требовалось доказать. Непонятно только, чего это они зарылись под землю, почему оставили свою родную планету во власти пустоты и тишины. Впрочем, если подумать, у каждой цивилизации свои представления о благоустроенности. Например, на Тагоре...

— Пост УАС! — гаркнул Вандерхузе над самым ухом, так что я вздрогнул. — Как видишь цели?

— Вижу цели... — откликнулся я машинально, но тут же осекся: усов над горами не было. — Нет целей, — упавшим голосом сказал я.

— Спишь на посту!

— Ничего не сплю... Только что были, своими глазами видел...

— И что ты видел своими глазами? — осведомился Вандерхузе.

— Цели. Три цели.

— А потом?

— А теперь их нет.

— Гм... — сказал Вандерхузе. — Странно это как-то произошло, как ты полагаешь?

— Да, — сочувственно сказал я. — Очень странно. Были — и вдруг нет.

— Комов возвращается, — сообщил Вандерхузе. — Может быть, он что-нибудь понимает?..

Действительно, Комов, обвешанный футлярами, неловкой походкой — очевидно, у него затекли ноги — возвращался к кораблю. Время от времени он оборачивался — надо полагать, прощался с Пьером Александровичем, но самого Пьера Александровича видно не было.

— Отбой, — сказал Вандерхузе. — Оставь все как есть и беги на камбуз, приготовь что-нибудь горячее и подкрепляющее. Геннадий, наверное, замерз как сосулька. Впрочем, голос у него был довольный, как ты полагаешь, Майка?

Я мигом очутился на кухне и принялся торопливо готовить глинтвейн, кофе и легкую закуску. Я очень боялся пропустить хоть слово из того, что будет рассказывать Комов. Но когда я бегом прикатил столик в рубку, Комов еще ничего не рассказывал. Он стоял перед столом, растирая замерзшую щеку, на столе была расстелена самая большая и подробная карта нашего района, и Майка пальцем показывала ему те места, откуда высовывались давешние усы-антенны.

— Здесь ничего нет! — возбужденно говорила Майка. — Здесь мерзлые скалы, каньоны в сто метров глубиной, вулканические пропасти — и ничего живого. Я пролетала здесь десятки раз. Тут даже кустарника нет.

Комов рассеянно-благодарно кивнул мне, взял в обе руки чашу с глинтвейном, погрузил в нее лицо и стал шумно прихлебывать, побряхтывая, обжигаясь и с наслаждением отдуваясь.

— И грунт здесь хрупкий, — продолжала Майка, — он бы не выдержал таких сооружений. Это же десятки, а может быть, и сотни тысяч тонн!

— Да, — произнес Комов и со стуком поставил пустую чашу на стол. — Что и говорить, странно. — Он сильно потер ладони. — Замерз как собака, — сообщил он. Это был опять совсем другой Комов — румяный, красноносый, доброжелательный, с блестящими веселыми глазами. — Странно, странно, ребята. Но это еще не самое странное — мало ли странного бывает на чужих планетах. — Он повалился в кресло и вытянул ноги. — Сегодня меня, знаете ли, трудно удивить. За эти четыре часа я слышался такого... Кое-что нуждается, конечно, в проверке. Но вот вам два фундаментальных факта, которые, так сказать, уже теперь лежат на поверхности. Во-первых, Малыш... его зовут Малыш... уже научился бегло говорить и понимать практически все, что говорят ему. Это мальчишка, который за всю свою сознательную жизнь ни разу не общался с людьми!

— Что значит — бегло? — недоверчиво спросила Майка. — После четырех часов обучения — бегло?

— Да, после четырех часов обучения — бегло! — торжествующе подтвердил Комов. — Но это во-первых. А во-вторых, Малыш пребывает в совершенной убежденности, что он — единственный обитатель этой планеты.

Мы не поняли.

— Почему же единственный? — спросил я. — Какой же он единственный?

— Малыш совершенно убежден, — с ударением произнес Комов, — что кроме него на этой планете нет ни одного разумного аборигена.

Воцарилось молчание. Комов поднялся.

— У нас много работы, — сказал он. — Завтра утром Малыш намерен нанести нам официальный визит.

Глава шестая. Нелюди и вопросы

Мы проработали всю ночь. В кают-компании был оборудован импровизированный диагностер с индикатором эмоций. Мы с Вандерхузе собрали его буквально из ничего. Приборчик получился маломощный, хилый, с безобразной чувствительностью, но кое-какие физиологические параметры он мерил более или менее удовлетворительно, а что касается индикатора, то фиксировал он у нас только три основные позиции: ярко выраженные отрицательные эмоции (красная лампочка на пульте), ярко выраженные положительные эмоции (зеленая лампочка) и вся остальная эмоциональная гамма (белая лампочка). А что было делать? В медотсеке стоял прекрасный стационарный диагностер, но было совершенно ясно, что Малыш не согласится так, ни с того ни с сего, укладываться в матово-белый саркофаг с массивной герметической крышкой. В общем, к девяти часам мы кое-как управились, и тут во весь рост встала проблема дежурства на посту УАС.

Вандерхузе как капитан корабля, отвечающий за безопасность, неприкосновенность и все такое прочее, категорически отказался отменить это дежурство. Майка, просидевшая на посту вторую половину ночи, естественно, льстила себя надеждой, что уж она-то присутствовать при официальном визите будет непременно. Однако она была горько разочарована. Выяснилось, что квалифицированно работать на диагностере может только Вандерхузе. Выяснилось дальше, что поддерживать в рабочем состоянии диагностер, в любую минуту рискующий потерять настройку, могу только я. И наконец, выяснилось, что Комов по каким-то своим высшим ксенопсихологическим соображениям считал нежелательным присутствие женщины на первой беседе с Малышом. Короче говоря, бледная от бешенства Майка снова отправилась на пост, причем сохранивший полное хладнокровие Вандерхузе не преминул проводить ее приемным раструбом диагностера, так что все желающие могли убедиться: индикатор эмоций действует — красная лампочка горела до тех пор, пока Майка не скрылась в коридоре. Впрочем, на посту УАС можно было слышать, что говорится в кают-компании, через интерком с усилителем.

В девять пятнадцать по бортовому времени Комов вышел на середину кают-компании и огляделся. Все было готово. Диагностер был настроен и включен, на столе красовались блюда со сладостями, освещение было отрегулировано под местный дневной свет. Комов коротко повторил инструкцию по поведению при контакте, включил регистрирующую аппаратуру и пригласил нас по местам. Мы с Комовым уселись за стол напротив двери, Вандерхузе втиснулся за панель диагностера, и мы стали ждать.

Он явился в девять сорок по бортовому времени.

Он остановился в дверях, вцепившись левой рукой в косяк и поджав правую ногу. Наверное, целую минуту он стоял так, разглядывая нас по очереди сквозь прорези своей мертвенной маски. Тишина была такая, что я слышал его дыхание — мерное, мощное, свободное, словно работал хорошо отлаженный механизм. Вблизи и при ярком свете он производил еще более странное впечатление. Все в нем было странным: и поза — по-

человечески совершенно неестественная и вместе с тем непринужденная, и блестящая, словно лаком покрытая зеленовато-голубая кожа, и неприятная диспропорция в расположении мышц и сухожилий, и необычайно мощные коленные узлы, и удивительно узкие и длинные ступни ног. И то, что он оказался не таким уж маленьким — ростом с Майку. И то, что на пальцах левой руки у него не было ногтей. И то, что в правом кулаке он сжимал горсть свежих листьев.

Взгляд его остановился наконец на Вандерхузе. Он смотрел на Вандерхузе так долго и так пристально, что мне пришла в голову дикая мысль: уж не догадывается ли Малыш о назначении диагностера, — а наш бравый капитан в конце концов с некоторой нервностью взбил согнутым пальцем свои бакенбарды и, вопреки инструкции, слегка поклонился.

— Феноменально! — громко и отчетливо произнес Малыш голосом Вандерхузе. На индикаторе затлела зеленая лампочка.

Капитан снова нервно взбил бакенбарды и искательно улыбнулся. И тотчас же лицо Малыша оживило. Вандерхузе был награжден целой серией ужасающих гримас, мгновенно сменявших друг друга. На лбу у Вандерхузе выступил холодный пот. Не знаю, чем бы все это кончилось, но тут Малыш отлепился наконец от косяка, скользнул вдоль стены и остановился возле экрана видеофона.

— Что это? — спросил он.

— Видеофон, — ответил Комов.

— Да, — сказал Малыш. — Все движется, и ничего нет. Изображения.

— Вот еда, — сообщил Комов. — Хочешь поесть?

— Еда — отдельно? — непонятно спросил Малыш и приблизился к столу. — Это еда? Не похоже. Шарада.

— Не похоже на что?

— Не похоже на еду.

— Все-таки попробуй, — посоветовал Комов, придвигая к нему блюдо с меренгами.

Тогда Малыш вдруг упал на колени, протянул вперед руки и открыл рот. Мы молчали, опешив. Малыш тоже не двигался. Глаза его были закрыты. Это длилось всего несколько секунд, затем он вдруг мягко повалился на спину, сел и резким движением разбросал на полу перед собою смятые листья. По лицу его снова пробежала ритмичная рябь. Быстрыми и какими-то очень точными касаниями пальцев он принялся передвигать листики, время от времени помогая себе ногой. Мы с Комовым, привстав с кресел и вытянув шеи, следили за ним. Листья словно сами собой укладывались в странный узор, несомненно правильный, но не вызывающий решительно никаких ассоциаций. На мгновение Малыш застыл в неподвижности — и вдруг снова одним резким движением сгреб листья в кучку. Лицо его замерло.

— Я понимаю, — объявил он, — это — ваша еда. Я так не ем.

— Смотри, как надо, — сказал Комов.

Он протянул руку, взял меренгу, нарочито медленным движением поднес ее ко рту, откусил осторожно и принялся демонстративно жевать. По мертвенному лицу Малыша пробежала судорога.

— Нельзя! — почти крикнул он. — Ничего нельзя брать руками в рот. Будет плохо!

— А ты попробуй, — снова предложил Комов, взглянул в сторону диагностера и осекся. — Ты прав. Не надо. Что будем делать?

Малыш присел на левую пятку и сочным баритоном произнес:

— Сверчок на печи. Чушь. Объясни мне снова: когда вы отсюда уходите?

— Сейчас объяснить трудно, — мягко ответил Комов. — Нам очень, очень нужно узнать все о тебе. Ты ведь еще ничего о себе не рассказывал. Когда мы узнаем о тебе все, мы уйдем, если ты захочешь.

— Ты знаешь обо мне все, — объявил Малыш голосом Комова. — Ты знаешь, как я возник. Ты знаешь, как я сюда попал. Ты знаешь, зачем я к тебе пришел. Ты знаешь обо мне все.

У меня глаза на лоб полезли, а Комов как будто даже и не удивился.

— Почему ты думаешь, что я все это знаю? — спросил он спокойно.

— Я размышлял. Я понял.

— Это феноменально, — спокойно сказал Комов, — но это не совсем верно. Я ничего не знаю о том, как ты здесь жил до меня.

— Вы уйдете сразу, когда узнаете обо мне все? Это так?

— Да, если ты захочешь.

— Тогда спрашивай, — сказал Малыш. — Спрашивай быстро, потому что я тоже хочу тебя спросить.

Я взглянул на индикатор. Просто так взглянул. И мне стало не по себе. Только что там был нейтральный белый свет, а сейчас ярким рубиновым огнем горел сигнал отрицательных эмоций. Я мельком заметил, что лицо у Вандерхузе встревожено.

— Сначала расскажи мне, — произнес Комов, — почему ты так долго прятался?

— Курвиспат, — отчетливо выговорил Малыш и пересел на правую пятку. — Я давно знал, что люди придут снова. Я ждал, мне было плохо. Потом я увидел: люди пришли. Я стал размышлять и понял — если людям сказать, они уйдут, и тогда будет хорошо. Обязательно уйдут, но я не знал — когда. Людей четыре. Очень много. Даже один очень много. Но лучше, чем четыре. Я входил к одному и разговаривал днем. Я входил к одному и разговаривал ночью. Шарада. Тогда я подумал: один человек говорить не может. Я пришел к четверым. Было очень весело, мы играли с изображениями, мы бежали, как волна. Опять шарада. Вечером я увидел: один сидит отдельно. Ты. Я подумал и понял: ты ждешь меня. Я подошел. Чеширский кот! Вот как было.

Он говорил резко и отрывисто, голосом Комова, и только внесмысловые слова он произносил этим сочным незнакомым баритоном. Руки, пальцы его ни на секунду не оставались в покое, и сам он все время двигался, и движения его были стремительны и неуловимо плавны, он словно переливался из одной позы в другую. Фантастическое это было зрелище: привычные стены кают-компании, ванильный запах от пирожных, все такое домашнее, обычное — только странный лиловатый свет и в этом свете на полу гибкое, плавное и стремительное маленькое чудище. И тревожный рубиновый огонек на пульте.

— Откуда ты знал, что люди придут снова? — спросил Комов.

— Я размышлял и понял.

— А может быть, кто-нибудь рассказал тебе?

— Кто? Камни? Солнце? Кусты? Я один. Я и мои изображения. Но они молчат. С ними можно только играть. Нет. Люди пришли и ушли. — Он быстрым движением передвинул несколько листочков на полу. — Я подумал и понял: они придут снова.

— А почему тебе было плохо?

— Потому что люди.

— Люди никогда никому не вредят. Люди хотят, чтобы всем вокруг было хорошо.

— Я знаю, — сказал Малыш. — Я ведь уже говорил: люди уйдут, и будет хорошо.

— От каких действий людей тебе плохо?

— От всех. Они есть или они могут прийти — это плохо. Они уйдут навсегда — это хорошо.

Красный огонек на пульте буравил мне душу. Я не удержался и тихонько толкнул Комова ногой под столом.

— Откуда ты узнал, что если людям сказать, то они уйдут? — спросил Комов, не обратив на меня внимания.

— Я знал: люди хотят, чтобы всем вокруг было хорошо.

— Но как ты это узнал? Ты же никогда не общался с людьми.

— Я много размышлял. Долго не понимал. Потом понял.

— Когда понял? Давно?

— Нет, недавно. Когда ты ушел от озера, я поймал рыбу. Я очень удивился. Она почему-то умерла. Я стал размышлять и понял, что вы обязательно уйдете, если вам сказать.

Комов покусал нижнюю губу.

— Я заснул на берегу океана, — сказал он вдруг. — Когда я проснулся, то увидел: на мокром песке возле меня — следы человеческих ног. Я поразмыслил и понял: пока я спал, мимо меня прошел человек. Откуда я это узнал? Ведь я не видел человека, я увидел только следы. Я размышлял: раньше следов не было; теперь следы есть; значит, они появились, пока я спал. Это человеческие следы — не следы волн, не следы камня, который скатился с горы. Значит, мимо меня прошел человек. Пока я спал, мимо меня прошел человек. Так размышляем мы. А как размышляешь ты? Вот прилетели люди. Ты ничего о них не знаешь. Но ты поразмыслил и узнал, что они обязательно улетят навсегда, если ты поговоришь с ними. Как ты размышлял?

Малыш молчал долго — минуты три. На лице и на груди его вновь начался танец мускулов. Проворные пальцы двигали и перемещали листья. Потом он отпихнул листья ногой и сказал громким сочным баритоном:

— Это вопрос. По бим-бом-брамселям!

Вандерхузе затравленно кашлянул в своем углу, и Малыш сейчас же поглядел на него.

— Феноменально! — воскликнул он все тем же баритоном. — Я всегда хотел узнать: почему длинные волосы на щеках?

Воцарилось молчание. И вдруг я увидел, как рубиновый огонек погас и разгорелся изумрудный.

— Ответьте ему, Яков, — спокойно попросил Комов.

— Гм... — сказал Вандерхузе, порозовев. — Как тебе сказать, мой мальчик... — Он машинально взбил бакенбарды. — Это красиво, это мне нравится... По-моему, это достаточное объяснение, как ты полагаешь?

— Красиво... нравится... — повторил Малыш. — Колокольчик! — сказал он вдруг нежно. — Нет, ты не объяснил. Но так бывает. Почему только на щеках? Почему нет на носу?

— А на носу некрасиво, — наставительно сказал Вандерхузе. — И в рот попадают, когда ешь...

— Правильно, — согласился Малыш. — Но если на щеках и если идешь через кусты, то должен цепляться. Я всегда цепляюсь волосами, хотя они у меня наверху.

— Гм, — сказал Вандерхузе. — Видишь ли, я редко хожу через кусты.

— Не ходи через кусты, — сказал Малыш. — Будет больно. Сверчок на печи!

Вандерхузе не нашелся, что ответить, но по всему видно было, что он доволен. На индикаторе горел изумрудный огонек, Малыш явно забыл о своих заботах, и наш brave капитан, очень любивший детей, несомненно испытывал определенное умиление. К тому же ему, кажется, льстило, что его бакенбарды, служившие до сих пор только объектом более или менее плоских острот, сыграли такую заметную роль в ходе контакта. Но тут наступила моя очередь. Малыш неожиданно глянул мне в глаза и выпалил:

— А ты?

— Что — я? — спросил я, растерявшись, а потому агрессивно.

Комов немедленно и с явным удовольствием пнул меня в лодыжку.

— У меня вопрос к тебе, — объявил Малыш. — Тоже всегда. Но ты боялся. Один раз чуть меня не погубил — зашипел, заревел, ударил меня воздухом. Я бежал до самых сопок. То большое, теплое, с огоньками, делает ровную землю — что это?

— Машины, — сказал я и откашлялся. — Киберы.

- Киберы, — повторил Малыш. — Живые?
- Нет, — сказал я. — Это машины. Мы их сделали.
- Сделали? Такое большое? И двигается? Феноменально. Но ведь они большие!
- Бывают и больше, — сказал я.
- Еще больше?
- Гораздо больше, — сказал Комов. — Больше, чем айсберг.
- И они тоже двигаются?
- Нет, — сказал Комов. — Но они размышляют.

И Комов принялся рассказывать, что такое кибернетические машины. Мне было очень трудно судить о душевных движениях Малыша. Если исходить из предположения, что душевные движения его так или иначе выражались движениями телесными, можно было считать, что Малыш сражен наповал. Он метался по кают-компании, словно кот Тома Сойера, хлебнувший болеутолителя. Когда Комов объяснил ему, почему моих киберов нельзя считать ни живыми, ни мертвыми, он вскарабкался на потолок и бессильно повис там, прилипнув к пластику ладонями и ступнями. Сообщение о машинах, гигантских машинах, которые размышляют быстрее, чем люди, считают быстрее, чем люди, отвечают на вопросы в миллион раз быстрее, чем люди, скрутило Малыша в коlobок, развернуло, выбросило в коридор и через секунду снова швырнуло к нашим ногам, шумно дышащего, с огромными потемневшими глазами, отчаянно гримасничающего. Никогда раньше и никогда после не приходилось мне встречать такого благодарного слушателя. Изумрудная лампа на пульте индикатора сияла, как кошачий глаз, а Комов говорил и говорил, точными, ясными, предельно простыми фразами, ровным, размеренным голосом и время от времени вставлял интригующие: «Подробнее об этом мы поговорим позже» или: «Это на самом деле гораздо сложнее и интереснее, но ведь ты пока еще не знаешь, что такое гемостатика».

Едва Комов закончил, Малыш вскочил на кресло, обхватил себя своими длинными жилистыми руками и спросил:

- А можно сделать так, чтобы я говорил, а киберы слушали?
- Ты это уже делал, — сказал я.
- Он бесшумно, как тень, упал на руки на стол передо мной.
- Когда?

— Ты прыгал перед ними, и самый большой — его зовут Том — останавливался и спрашивал тебя, какие будут приказания.

- Почему я не слышал вопроса?

— Ты видел вопрос. Помнишь, там мигал красный огонек? Это был вопрос. Том задавал его по-своему.

Малыш перелился на пол.

— Феноменально! — тихо-тихо сказал он моим голосом. — Это игра. Феноменальная игра. Щелкунчик!

- Что значит «щелкунчик»? — спросил вдруг Комов.

— Не знаю, — сказал Малыш нетерпеливо. — Просто слово. Приятно выговаривать. Ч-чеширский кот. Щ-щелкунчик.

- А откуда ты знаешь эти слова?

— Помню. Два больших ласковых человека. Гораздо больше, чем вы... По бим-бом-брамселям! Щелкунчик... С-сверчок на печи. Мар-ри, Мар-ри! Сверчок кушать хоч-чет!

Честно говоря, у меня мороз пошел по коже, а Вандерхузе побледнел, и бакенбарды его обвисли. Малыш выкрикивал слова сочным баритоном: закрыть глаза — так и видишь перед собой огромного, полного крови и радости жизни человека, бесстрашного, сильного, доброго... Потом в интонации его что-то изменилось, и он тихонько пророкотал с неизъяснимой нежностью:

— Кошенька моя, ласонька... — И вдруг ласковым женским голосом: — Колокольчик!.. Опять мокренький...

Он замолчал, постукивая себя пальцем по носу.

— И ты все это помнишь? — слегка изменившимся голосом произнес Комов.

— Конечно, — сказал Малыш голосом Комова, — а ты разве не помнишь все?

— Нет, — сказал Комов.

— Это потому, что ты размышляешь не так, как я, — уверенно сказал Малыш. — Я помню все. Все, что было вокруг меня когда-нибудь, я уже не забуду. А когда забываю, надо только поразмыслить хорошенько, и все вспоминается. Если тебе интересно обо мне, я потом расскажу. А сейчас ответь мне: что вверху? Ты вчера сказал: звезды. Что такое звезды? Сверху падает вода. Иногда я не хочу, а она падает. Откуда она? И откуда корабли? Очень много вопросов, я очень много размышлял. Так много ответов, что ничего не понимаю. Нет, не так. Много разных ответов, и все они спутаны друг с другом, как листья... — Он сбил листья на полу в беспорядочную кучку. — Закрывают друг друга, мешают друг другу. Ты ответишь?

Комов принялся рассказывать, и Малыш опять заметался, трепеща от возбуждения. У меня зарябило в глазах, я зажмурился и стал думать, как же это аборигены не объяснили Малышу таких простых вещей; и как это они исхитрились так его одурачить, что он даже не подозревает об их существовании; и как это Малыш умудряется помнить так точно все, что слышал в младенчестве; и как это, в сущности, страшно — особенно то, что он ничего не понимает из запомненного.

Тут Комов вдруг замолчал, в нос мне ударил резкий запах нашатырного спирта, и я открыл глаза. Малыша в кают-компании не было, только слабый, совсем прозрачный фантом быстро таял над горстью рассыпанных листьев. В отдалении слабо чмокнула перепонка люка. Голос Майки обеспокоенно осведомился по интеркому:

— Куда это он так почесал? Что-нибудь случилось?

Я взглянул на Комова. Комов с шелестом потирал руки, задумчиво улыбаясь.

— Да, — проговорил он. — Любопытная картина получается... Майя! — позвал он. — Усы эти появлялись?

— Восемь штук, — сказала Майка. — Только сейчас пропали, а то торчали вдоль всего хребта... Причем, цветные — желтые, зеленые... Я сделала несколько снимков.

— Молодец, — похвалил Комов. — Теперь имейте в виду, Майя, при следующей встрече обязательно будете присутствовать вы... Яков, забирайте регистрограммы, пойдете ко мне. А вы, Стась... — Он встал и направился в угол, где был установлен блок видеофонографов. — Вот вам кассета, Стась, передайте все в экстренных импульсах прямо в Центр. Дубль я возьму себе, надо проанализировать... Где я тут видел проектор? А, вот он. Я думаю, в нашем распоряжении еще часа три-четыре, потом он снова придет... Да, Стась! Проглядите заодно радиограммы. Если есть что-нибудь стоящее... Только из Центра, с Базы или лично от Горбовского, или от Мбоги.

— Вы меня просили напомнить, — сказал я, поднимаясь. — Вам еще надо поговорить с Михаилом Альбертовичем.

— Ах, да! — Лицо Комова стало виноватым. — Знаете, Стась, это не совсем законно... Окажите любезность, выдайте запись сразу по двум каналам: не только в Центр, но и на Базу, лично и конфиденциально Сидорову. Под мою ответственность.

— Я и под свою могу, — проворчал я уже за дверь.

Придя в рубку, я вставил кассету в автомат, включил передачу и просмотрел радиограммы. На этот раз их было немного — всего три: видимо, Центр принял меры. Одна радиограмма была из Информатория и состояла из цифр, букв греческого алфавита и значков, которые я видел, только когда регулировал печатающее устройство. Вторая радиограмма была из Центра: Бадер продолжал настойчиво требовать предварительных соображений относительно других вероятных зон обитания аборигенов, возможных типов предстоящего контакта по классификации Бюлова и тому подобное. Третья радиограмма была с Базы, от Сидорова: Сидоров официально запрашивал Комова о порядке доставки заказанного оборудования в зону контакта. Я пораскинул умом и решил, что первая

радиограмма Комову может понадобиться; третью не передать неудобно перед Михаилом Альбертовичем; а что касается Бадера — пусть пока полежит. Какие там еще предварительные соображения.

Через полчаса транслирующий автомат просигналил, что передача закончена. Я вынул кассету, забрал две карточки с радиограммами и отправился к Комову. Когда я вошел, Комов и Вандерхузе сидели перед проектором. По экрану взад и вперед молнией проносился Малыш, виднелись наши с Комовым напряженные физиономии. Вандерхузе сидел, весь подавшись к экрану, поставив локти на стол и захватив бакенбарды в сжатые кулаки.

— ...резкое повышение температуры, — бубнил он. — Доходит до сорока трех градусов... И теперь обратите внимание на энцефалограмму, Геннадий... Вот она, волна Петерса, снова появляется...

На столе перед ними были расстелены рулоны регистрограмм нашего диагностера, множество рулонов валялось на полу и на койке.

— Ага... — задумчиво говорил Комов, ведя пальцем по регистрограмме. — Ага... Минуточку, а здесь у нас что было? — Он остановил проектор, повернулся, чтобы взять один из рулонов, и заметил меня. — Да? — сказал он с неудовольствием.

Я положил перед ним радиограммы.

— Что это? — спросил он нетерпеливо. — А... — Он пробежал радиограмму из Информатория, усмехнулся и отбросил ее в сторону. — Все не то, — сказал он. — Впрочем, откуда им знать... — Потом он проглядел радиограмму Сидорова и поднял глаза на меня. — Вы отправили ему?..

— Да, — сказал я.

— Хорошо, спасибо. Составьте от моего имени радиограмму, что оборудование пока не нужно. Вплоть до нового запроса.

— Хорошо, — сказал я и вышел.

Я составил и отправил радиограмму на Базу и решил посмотреть, как там Майка. Мрачная Майка старательно крутила верньеры. Насколько я понял, она тренировалась в наведении пушки на далеко разнесенные цели.

— Безнадежное дело, — объявила она, заметив меня. — Если все они одновременно в нас плюнут, нам каюк. Просто не успеть.

— Во-первых, можно увеличить телесный угол поражения, — сказал я, подходя. — Эффективность, конечно, уменьшится порядка на три, на четыре, но зато можно охватить четверть горизонта, а расстояния здесь небольшие... А во-вторых, ты действительно веришь, что в нас могут плюнуть?

— А ты?

— Да непохоже что-то...

— А если непохоже, то чего ради я здесь сижу?

Я опустил на пол возле ее кресла.

— Честно говоря, не знаю, — сказал я. — Все равно надо вести наблюдение. Раз уж планета оказалась биологически активной, надо выполнять инструкцию. Сторожа-разведчика ведь не разрешают выпускать...

Мы помолчали.

— Тебе его жалко? — спросила вдруг Майка.

— Н-не знаю, — сказал я. — Почему жалко? Я бы сказал — жутко. А жалеть... Почему, собственно, я должен его жалеть? Он бодрый, живой... Совсем не жалкий.

— Я не об этом. Не знаю, как это сформулировать... Вот я слушала, и мне тошно делалось, как Комов себя с ним держит. Ведь ему абсолютно наплевать на мальчишку...

— Что значит — наплевать? Комову надо установить контакт. Он проводит определенную стратегию... Ты ведь понимаешь, что без Малыша в контакт нам не вступить...

— Понимаю. От этого меня, наверное, и тошнит. Малыш-то ничего не знает об аборигенах... Слепое орудие!

— Ну, не знаю, — сказал я. — По-моему, ты здесь впадаешь в сентиментальность. Он ведь все-таки не человек. Он абориген. Мы налаживаем с ним контакт. Для этого надо преодолеть какие-то препятствия, разгадать какие-то загадки... Трезво надо к этому относиться, по-деловому. Чувства здесь ни при чем. Он ведь к нам тоже, прямо скажем, любви не испытывает. И испытывать не может. В конце концов, что такое контакт? Столкновение двух стратегий.

— Ох, — сказала Майка. — Скучно ты говоришь. Суконно. Тебе только программы составлять. Кибертехник.

Я не обиделся. Я видел, что Майке нечего возразить по существу, и я чувствовал, что ее действительно что-то мучает.

— Опять у тебя предчувствия, — сказал я. — Но ведь на самом-то деле ты и сама прекрасно понимаешь, что Малыш — это единственная ниточка, которая связывает нас с этими невидимками. Если мы Малышу не понравимся, если мы его не завоюем...

— Вот-вот, — прервала меня Майка. — В том-то и дело. Что бы Комов ни говорил, как бы он ни поступал, сразу чувствуется: его интересует только одно — контакт. Все для великой идеи вертикального прогресса!

— А как надо? — спросил я.

Она дернула плечом.

— Не знаю. Может быть, как Яков... Во всяком случае, он — единственный из вас — говорил с Малышом по-человечески.

— Ну, знаешь, — сказал я, несколько обидевшись, — контакт на бакенбардном уровне — тоже, в общем...

Мы помолчали, дуясь друг на друга. Майка с преувеличенным старанием крутила верньеры, нацеливая черное перекрестие на заснеженные зубцы хребта.

— В самом деле, Майка, — сказал я наконец, — ты что, не хочешь, чтобы контакт состоялся?

— Да хочу, наверное, — сказала Майка без всякого энтузиазма. — Ты же видел, я очень обрадовалась, когда мы впервые поняли, что к чему... Но вот прослушала я эту вашу беседу... Не знаю. Может быть, это потому, что я никогда не участвовала в контактах... Я все не так себе представляла.

— Нет, — сказал я, — здесь дело не в этом. Я догадываюсь, что с тобой происходит. Ты думаешь, что он — человек...

— Ты уже говорил это, — сказала Майка.

— Нет, ты дослушай. Тебе все время бросается в глаза человеческое. А ты подойди к этому с другой стороны. Не будем говорить про фантомы, про мимикрию — что у него вообще наше? В какой-то степени общий облик, прямохождение. Ну, голосовые связки... Что еще? У него даже мускулатура не наша, а уж это, казалось бы, прямо из генов... Тебя просто сбивает с толку, что он умеет говорить. Действительно, он великолепно говорит... Но и это ведь, в конце концов, не наше! Никакой человек не способен научиться бегло говорить за четыре часа. И тут дело даже не в запасе слов — надо освоить интонации, фразеологию... Оборотень это, если хочешь знать! А не человек. Мастерская подделка. Подумай только: помнить, что было с тобой в грудном возрасте, а может быть — как знать! — и в утробе матери... Разве это человеческое?... Вот ты видела когда-нибудь роботов-андроидов? Не видела, конечно, а я видел.

— Ну и что? — мрачно спросила Майка.

— А то, что теоретически идеальный робот-андроид может быть построен только из человека. Это будет сверхмыслитель, это будет сверхсилач, сверхэмоционал, все что угодно «сверх», в том числе и сверхчеловек, но только не человек...

— Ты, кажется, хочешь сказать, что аборигены превратили его в робота? — проговорила Майка, криво улыбаясь.

— Да нет же, — сказал я с досадой. — Я только хочу убедить тебя, что все человеческое в нем случайно, это просто свойство исходного материала... и что не нужно разводить вокруг него сантименты. Считаю, что ты ведешь переговоры с этими цветными усами...

Майка вдруг схватила меня за плечо и сказала вполголоса:

— Смотри, возвращается!

Я привстал и посмотрел на экран. От болота, прямо к кораблю, быстро семеня ногами, во весь дух чесала скособоченная фигурка. Короткая черно-лиловая тень моталась по земле перед нею, грязный хохол на макушке отсвечивал рыжим. Малыш возвращался, Малыш спешил. Длинными своими руками он обнимал и прижимал к животу что-то вроде большой плетеной корзины, доверху набитой камнями. Тяжеленная, должно быть, была корзина.

Майка включила интерком.

— Пост УАС — Комову, — громко сказала она. — Малыш приближается.

— Понял вас, — сейчас же откликнулся Комов. — Яков, по местам... Попов, смените Глумову на посту УАС. Майя, в кают-компанию.

Майка нехотя поднялась.

— Иди, иди, — сказал я. — Посмотри на него вблизи, сосуд скорби.

Она сердито фыркнула и взбежала по трапу. Я занял ее место. Малыш был уже совсем близко. Теперь он замедлил свой бег и смотрел на корабль, и снова у меня появилось ощущение, будто он глядит мне прямо в глаза.

И тут я увидел: над хребтом в серо-лиловом небе возникли из ничего, словно проявились, чудовищные усы чудовищных тараканов. Как и давеча, они медленно гнулись, вздрагивали, сокращались. Я насчитал их шесть.

— Пост УАС! — окликнул меня Комов. — Сколько усов на горизонте?

— Шесть, — ответил я. — Три белых, два красных, один зеленый.

— Вот видите, Яков, — сказал Комов, — строгая закономерность. Малыш к нам — усы наружу.

Приглушенный голос Вандерхузе отозвался:

— Отдаю должное вашей проницательности, Геннадий, и тем не менее дежурство полагаю пока обязательным.

— Ваше право, — коротко сказал Комов. — Майя, садитесь вот сюда...

Я доложил:

— Малыш скрылся в мертвом пространстве. Тащит с собой здоровенную плетенку с камнями.

— Понятно, — сказал Комов. — Приготовились, коллеги!

Я весь обратился в слух и сильно вздрогнул, когда из интеркома грянул рассыпчатый грохот. Я не сразу сообразил, что это Малыш разом высыпал на пол свои булжники. Я слышал его мощное дыхание, и вдруг совершенно младенческий голос произнес:

— Мам-ма!.. — И снова: — Мам-ма...

А затем раздался уже знакомый мне захлебывающийся плач годовалого младенца. По старой памяти у меня что-то съежилось внутри, и в то же мгновение я понял, что это: Малыш увидел Майку. Это продолжалось не больше полуминуты; плач оборвался, снова загремели камни, и голос Комова деловито произнес:

— Вот вопрос. Почему мне все интересно? Все вокруг. Почему у меня все время появляются вопросы? Ведь мне от них нехорошо. Они у меня чешутся. Много вопросов. Десять вопросов в день, двадцать вопросов в день. Я стараюсь спастись: бегаю, целый день бегаю или плаваю, — не помогает. Тогда начинаю размышлять. Иногда приходит ответ. Это — удовольствие. Иногда приходят много ответов, не могу выбрать. Это — неудовольствие. Иногда ответа не приходит. Это — беда. Очень чешется. Ш-шарада. Сначала я думал, вопросы идут изнутри. Но я поразмыслил и понял: все, что идет изнутри,

должно делать мне удовольствие. Значит, вопросы идут снаружи? Правильно? Я размышляю, как ты. Но тогда где они лежат, где они висят, где их точка?

Пауза. Потом снова раздался голос Комова — настоящего Комова. Очень похоже, только настоящий Комов говорил не так отрывисто, и голос его звучал не так резко. В общем, отличить было можно, если знаешь, в чем дело.

— Я мог бы уже сейчас ответить на этот твой вопрос, — медленно проговорил Комов. — Но я боюсь ошибиться. Боюсь ответить неправильно или неточно. Когда я узнаю о тебе все, я смогу ответить без ошибки.

Пауза. Загремели и заскрипели по полу передвигаемые камни.

— Ф-фрагмент, — сказал Малыш. — Вот еще вопрос. Откуда берутся ответы? Ты меня заставил думать. Я всегда считал: есть ответ — это удовольствие, нет ответа — беда. Ты мне рассказал, как размышляешь ты. Я вспоминал и вспомнил, что я тоже часто так размышляю, и часто приходит ответ. Видно, как он приходит. Так я делаю объем для камней. Вот такой. («Корзину», — подсказал Комов.) Да, корзину. Один прут цепляется за второй, второй — за третий, третий — дальше, и получается... корзина. Видно — как. Но гораздо чаще я размышляю, — снова загремели камни, — и ответ получается готовый. Есть куча прутьев, и вдруг — готовая корзина. Почему?

— И на этот вопрос, — сказал Комов, — я смогу ответить, только когда узнаю о тебе все.

— Тогда узнавай! — потребовал Малыш. — Узнавай скорее! Почему не узнаешь? Я расскажу сам. Был корабль, только больше твоего, теперь он съезжился, а был очень большой. Это ты знаешь сам. Потом было так.

Из интеркома донесся раздирающий хруст и треск, и сейчас же отчаянно, на нестерпимо высокой ноте завизжал ребенок. И сквозь этот визг, сквозь затихающий треск, удары, звон бьющегося стекла прохрипел мужской задыхающийся голос:

— Мари... Мари... Ма... ри...

Ребенок кричал, надрываясь, и некоторое время ничего больше не было слышно. Потом раздался какой-то шорох, сдавленный стон. Кто-то полз по полу, усеянному обломками и осколками, что-то покатилося с дребезгом. До жути знакомый женский голос простонал:

— Шура... Где ты, Шура?... Больно... Что случилось? Где ты? Я ничего не вижу, Шура... Да отзовись же, Шура! Больно как! Помоги мне, я ничего не вижу...

И все это сквозь непрекращающийся крик младенца. Потом женщина затихла, через некоторое время затих и младенец. Я перевел дух и обнаружил, что кулаки у меня сжаты, а ногти глубоко вонзились в ладони. Челюсти у меня онемели.

— Так было долго, — сказал Малыш торжественно. — Я устал кричать. Я заснул. Когда я проснулся, было темно, как раньше. Мне было холодно. Я хотел есть. Я так сильно хотел есть и чтобы было тепло, что сделалось так.

Целый каскад звуков хлынул из интеркома — совершенно незнакомых звуков. Ровное нарастающее гудение, частое щелканье, какие-то гулы, похожие на эхо; басистое, на пороге слышимости бормотание; писк, скрип, зудение, медные удары, потрескивание... Это продолжалось долго, несколько минут. Потом все разом стихло, и Малыш, чуть задыхаясь, сказал:

— Нет. Так мне не рассказать. Так я буду рассказывать столько времени, сколько я живу. Что делать?

— И тебя накормили? Согрели тебя? — спросил Комов ровным голосом.

— Стало так, как мне хотелось. И с тех пор всегда было так, как мне хотелось. Пока не прилетел первый корабль.

— А что это было? — спросил Комов и, на мой взгляд, очень удачно проимитировал звуковую кашу, которую мы только что слышали.

Пауза.

— А, понимаю, — сказал Малыш. — Ты совсем не умеешь, но я тебя понял. Но я не могу ответить. Ведь у тебя самого нет слова, чтобы назвать. А ты знаешь больше слов, чем я. Дай мне слова. Ты мне дал много ценных слов, но все не те.

Пауза.

— Какого это было цвета? — спросил Комов.

— Никакого. Цвет — это когда смотришь глазами. Там нельзя смотреть глазами.

— Где — там?

— У меня. Глубоко. В земле.

— А как там на ощупь?

— Прекрасно, — сказал Малыш. — Удовольствие. Ч-чеширский кот! У меня лучше всего. Так было, пока не пришли люди.

— Ты там спишь? — спросил Комов.

— Я там всё. Сплю, ем, размышляю. Только играю я здесь, потому что люблю глядеть глазами. И там тесно играть. Как в воде, только еще теснее.

— Но ведь в воде нельзя дышать, — сказал Комов.

— Почему нельзя? Можно. И играть можно. Только тесно.

Пауза.

— Теперь ты все обо мне узнал? — осведомился Малыш.

— Нет, — решительно сказал Комов. — Ничего я о тебе не узнал. Ты же видишь, у нас нет общих слов. Может быть, у тебя есть свои слова?

— Слова... — медленно повторил Малыш. — Это когда двигается рот, а потом слышно ушами. Нет. Это только у людей. Я знал, что есть слова, потому что я помню. По бим-бом-брамселям. Что это такое? Я не знаю. Но теперь я знаю, зачем многие слова. Раньше не знал. Было удовольствие говорить. Игра.

— Теперь ты знаешь, что значит слово «океан», — произнес Комов, — но океан ты видел и раньше. Как ты его называл?

Пауза.

— Я слушаю, — сказал Комов.

— Что ты слушаешь? Зачем? Я назвал. Так нельзя услышать. Это внутри.

— Может быть, ты можешь показать? — сказал Комов. — У тебя есть камни, прутья...

— Камни и прутья не для того, чтобы показывать, — объявил Малыш, как мне показалось, сердито. — Камни и прутья — для того, чтобы размышлять. Если тяжелый вопрос — камни и прутья. Если не знаешь, какой вопрос, — листья. Тут много всяких вещей. Вода, лед — он хорошо тает, поэтому... — Малыш помолчал. — Нет слов, — сообщил он. — Много всяких вещей. Волосы... и много такого, для чего нет слова. Но это там, у меня.

Послышался протяжный тяжкий вздох. По-моему, Вандерхузе. Майка вдруг спросила:

— А когда ты двигаешь лицом? Что это?

— Мам-ма... — сказал Малыш нежным мяукающим голосом. — Лицо, руки, тело, — продолжал он голосом Майки, — это тоже вещи для размышления. Этим вещей много. Долго все называть.

Пауза.

— Что делать? — спросил Малыш. — Ты придумал?

— Придумал, — ответил Комов. — Ты возьмешь меня к себе. Я посмотрю и сразу многое узнаю. Может быть, даже все.

— Об этом я размышлял, — сказал Малыш. — Я знаю, что ты хочешь ко мне. Я тоже хочу, но я не могу. Это вопрос! Когда я хочу, я все могу. Только не про людей. Я не хочу, чтобы они были, а они есть. Я хочу, чтобы ты пришел ко мне, но не могу. Люди — это беда.

— Понимаю, — сказал Комов. — Тогда я возьму тебя к себе. Хочешь?

— Куда?

— К себе. Туда, откуда я пришел. На Землю, где живут все люди. Там я тоже смогу узнать о тебе все, и довольно быстро.

— Но ведь это далеко, — проговорил Малыш. — Или я тебя не понял?

— Да, это очень далеко, — сказал Комов. — Но мой корабль...

— Нет! — сказал Малыш. — Ты не понимаешь. Я не могу далеко. Я не могу даже просто далеко и уж совсем не могу очень далеко. Один раз я играл на льдинах. Заснул. Проснулся от страха. Большой страх, огромный. Я даже закричал. Фрагмент! Лыдина уплыла, и я видел только верхушки гор. Я подумал, что океан проглотил землю. Конечно, я вернулся. Я очень захотел, и лыдина сразу пошла обратно к берегу. Но теперь я знаю, мне нельзя далеко. Я не только боялся. Мне было худо. Как от голода, только гораздо хуже. Нет, к тебе я не могу.

— Ну хорошо, — произнес Комов натужно-веселым голосом. — Наверное, тебе надоело отвечать и рассказывать. Я знаю, что ты любишь задавать вопросы. Задавай, я буду отвечать.

— Нет, — сказал Малыш, — у меня много вопросов к тебе. Почему падает камень? Что такое горячая вода? Почему пальцев десять, а чтобы считать, нужен всего один? Много вопросов. Но я не буду сейчас спрашивать. Сейчас плохо. Ты не можешь ко мне, я не могу к тебе, слов нет. Значит, узнать все про меня ты не можешь. Ш-шарада! Значит, не можешь уйти. Я прошу тебя: думай, что делать. Если сам не можешь быстро думать, пусть думают твои машины в миллион раз быстрее. Я уйду. Нельзя размышлять, когда разговариваешь. Размышляй быстрее, потому что мне хуже, чем вчера. А вчера было хуже, чем позавчера.

Загремел и покатился камень. Вандерхузе опять протяжно и тяжело вздохнул. Я глазом не успел моргнуть, а Малыш уже вихрем мчался к сопкам через строительную площадку. Я видел, как он проскочил взлетную полосу и вдруг исчез, словно его и не было. И в ту же секунду, как по команде, исчезли разноцветные усы над хребтом.

— Так, — сказал Комов. — Ничего не поделаешь. Яков, прошу вас, дайте радиogramму Сидорову, пусть доставит сюда оборудование, я вижу, без ментоскопа мне не обойтись.

— Хорошо, — сказал Вандерхузе. — Но я хотел бы обратить ваше внимание, Геннадий... За весь разговор на индикаторе ни разу не зажегся зеленый огонь.

— Я видел, — сказал Комов.

— Но ведь это не просто отрицательные эмоции, Геннадий. Это ярко выраженные отрицательные эмоции...

Ответа Комова я не расслышал.

Я просидел на посту весь вечер и половину ночи. Ни вечером, ни ночью Малыш больше не появлялся. Усы тоже не появлялись. И Майка тоже.

Глава седьмая. Вопросы и сомнения

За завтраком Комов был очень разговорчив. Ночью он, по-моему, совсем не спал, глаза у него были красные, щеки запали, но был он весел и возбужден. Он наливался крепким чаем и излагал нам свои предварительные соображения и выводы.

По его словам, теперь уже не было никакого сомнения в том, что аборигены подвергли организм мальчика самым коренным изменениям. Они оказались удивительно смелыми и знающими экспериментаторами: они изменили его физиологию и, частично, анатомию, невероятно расширили активную область его мозга, а также снабдили его новыми физиологическими механизмами, развитие которые на базе обычного человеческого организма с точки зрения современной земной науки представляется пока невозможным. Цель этих анатомо-физиологических изменений лежит, может быть, на поверхности: аборигены попросту стремились приспособить беспомощного человеческого

детеныша к совершенно нечеловеческим условиям существования в этом мире. Не совсем ясным представляется вопрос, зачем они так серьезно вмешались в работу центральной нервной. Можно допустить, конечно, что это получилось у них случайно, как побочное следствие анатомо-физиологических изменений. Но можно допустить также, что они использовали резервы человеческого мозга целенаправленно. Тогда возникает веер предположений. Например, они стремились сохранить у Малыша все его младенческие воспоминания и впечатления, с тем чтобы облегчить ему обратную адаптацию, если он вновь попадет в человеческое общество. Действительно, Малыш поразительно легко сошелся с нами, так что мы не кажемся ему ни уродами, ни чудовищами. Но не исключено также, что громадная память Малыша и феноменальное развитие его звуковоспроизводящих центров есть опять же лишь побочный результат работы аборигенов над его мозгом. Возможно, аборигены прежде всего стремились создать между собой и центральной нервной Малыша устойчивую психическую связь. То, что такая связь существует, представляется в высшей степени вероятным. Во всяком случае, трудно иначе объяснить такие факты, как спонтанное — внелогическое — появление у Малыша ответов на вопросы; непереносимое исполнение всех осознанных и даже неосознанных желаний Малыша; прикованность Малыша к этому району планеты. Сюда же, вероятно, относится и сильное психическое напряжение, в котором пребывает Малыш в связи с появлением людей. Сам Малыш не в состоянии объяснить, чем, собственно, ему мешают люди. Очевидно, что мы мешаем не ему. Мы мешаем аборигенам. И тут мы вплотную подходим к вопросу о природе аборигенов.

Простая логика заставляет нас предположить, что аборигены являются существами либо микроскопическими, либо гигантскими — так или иначе, несоизмеримыми с физическими размерами Малыша. Именно поэтому Малыш воспринимает их самих и их проявления как стихию, как часть природы, окружающей его с младенчества. («Когда я спросил его про усы, Малыш довольно равнодушно сообщил: усы он видит впервые, но он каждый день видит что-нибудь впервые. Слова же для обозначения подобных явлений мы подобрать не смогли».) Лично он, Комов, склонен предполагать, что аборигены представляют собой некие исполинские сверхорганизмы, чрезвычайно далекие как от гуманоидов, так и от негуманоидных структур, с которыми человек встречался прежде. Мы знаем о них пока ничтожно мало. Мы видели: чудовищные сооружения (или образования?) над горизонтом, появление и исчезновение которых явно связаны с посещениями Малыша. Мы слышали: ни с чем не ассоциируемые звуки, которые воспроизводил Малыш, описывая свой «дом». Мы поняли: аборигены находятся на чрезвычайно высоком уровне теоретического и практического знания, если судить по тому, во что они сумели превратить обыкновенного человеческого младенца. Вот и все. У нас пока даже вопросов не много, хотя вопросы эти, конечно, фундаментальны. Почему аборигены спасли и содержат Малыша, почему они вообще заинтересовались им, какое им до него дело? Откуда они знают людей — знают неплохо, разбираются в основах их психологии и социологии? Почему при всем том они так отталкиваются от общения с людьми? Как совместить очевидно высокий уровень знаний с полным отсутствием следов какой бы то ни было разумной деятельности? Или нынешнее плачевное состояние планеты как раз и есть следствие этой деятельности? Или состояние это является плачевным только с нашей точки зрения? Вот, собственно, и все основные вопросы. У него, Комова, есть кое-какие соображения на этот счет, но он полагает, что высказывать их пока преждевременно.

Во всяком случае, ясно, что сделанное открытие есть открытие первостепенной важности, реализовать его необходимо, но реализация возможна только через посредничество Малыша. Скоро должна прибыть ментоскопическая и прочая спецтехника. Использовать ее на все сто процентов мы сможем только в том случае, если Малыш нам будет полностью доверять и, более того, будет испытывать достаточно сильную в нас нужду.

— Я решил, что сегодня в контакт с ним не вступаю, — произнес Комов, отодвинув пустой стакан. — Сегодня ваша очередь. Стась, вы покажете ему своего Тома. Майка, вы будете играть с ним в мяч и катать его на глайдере. Не стесняйтесь с ним, ребята, веселее, проще! Представьте себе, что он — ваш младший братишка-вундеркинд... Яков, вам придется побыть на дежурстве. В конце концов, вы сами его учредили... Ну, а если Малыш доберется и до вас, как-нибудь соберитесь с силами и позвольте ему подергать вас за бакенбарды — очень он ими интересуется. А я притаюсь, как паук, буду за всем этим наблюдать и регистрировать. Поэтому, молодежь, извольте экипироваться «третьим глазом». Если Малыш будет спрашивать обо мне, скажите, что я размышляю. Пойте ему песни, покажите ему кино... Покажите ему вычислитель, Стась, расскажите, как он действует, попробуйте считать с ним наперегонки. Думаю, здесь ожидает вас некоторый сюрприз... И пусть он больше спрашивает, как можно больше. Чем больше, тем лучше... По местам, ребята, по местам!

Он вскочил и умчался. Мы посмотрели друг на друга.

— Вопросы есть, кибертехник? — спросила Майка. Холодно спросила, совсем не по-дружески. Это были ее первые слова за все утро. Она даже не поздоровалась со мной сегодня.

— Нет, квартирьер, — сказал я. — Вопросов нет, квартирьер. Вас вижу, но не слышу.

— Все это, конечно, хорошо, — задумчиво проговорил Вандерхузе. — Мне бакенов не жалко. Но!

— Вот именно, — сказала Майка, поднимаясь. — Но.

— Я хочу сказать, — продолжал Вандерхузе, — что вчера вечером была радиограмма от Горбовского. Он самым деликатным образом, но совершенно недвусмысленно просил Комова не форсировать контакт. И он снова намекал, что был бы рад к нам присоединиться.

— А что Комов? — спросил я.

Вандерхузе задрал голову и, лаская левый бакенбард, поглядел на меня поверх носа.

— Комов высказался об этом непочтительно, — сказал он. — Устно, конечно. Ответил же он в том смысле, что благодарит за совет.

— И? — сказал я. Мне очень хотелось поглядеть на Горбовского. Я его толком даже в хронике никогда не видел.

— И все, — сказал Вандерхузе, тоже поднимаясь.

Мы с Майкой отправились в арсенал. Там мы отыскивали и нацепили на лбы широкие пластинчатые обручи с «третьим глазом» — знаете, эти портативные телепередатчики для разведчиков-одиночек, чтобы можно было непрерывно передавать визуальную и акустическую информацию, все, что видит и слышит сам разведчик. Простая, но остроумная штука, ее совсем недавно стали включать в комплект оборудования ЭР. Пришлось немножко повозиться, пока мы подгоняли обручи, чтобы они не давили на виски и не сваливались на переносицу и чтобы объектив не экранировался капюшоном. При этом я отпускал отчаянные остроуты, всячески провоцировал Майку на шуточки в мой адрес и вообще пускался во все тяжкие, чтобы хоть немножко расшевелить ее. Все втуне — Майка оставалась хмурой, отмалчивалась или отвечала односложно. Вообще с Майкой это бывает, случаются у нее приступы хандры, и в таких случаях лучше всего оставить ее в покое. Но сейчас мне казалось, что Майка не просто хандрит, а злится, и злится именно на меня; почему-то я чувствовал себя виноватым перед нею и совершенно не понимал, как быть.

Потом Майка отправилась к себе в каюту искать мяч, а я выпустил на волю Тома и погнал его на посадочную полосу. Солнце уже поднялось, ночной мороз спал, но было все-таки еще очень холодно. Нос у меня сразу закоченел. Вдобавок легким, но очень злым ветерком тянуло с океана. Малыша нигде видно не было.

Я немного погонял Тома по полосе, чтобы дать ему размяться. Том был польщен таким вниманием и преданно испрашивал приказаний. Потом подошла Майка с мячом, и мы, чтобы не замерзнуть, минут пять постукали — честно говоря, не без удовольствия. Я все надеялся, что Майка, по обыкновению, войдет в азарт, но и здесь — втуне. В конце концов мне это надоело, и я прямо спросил, что случилось. Она поставила мяч на рубчатку, села на него, подобрав доху, и пригорюнилась.

— В чем все-таки дело? — повторил я.

Майка посмотрела на меня и отвернулась.

— Может быть, ты все-таки ответишь? — спросил я, повысив голос.

— Ветерок нынче, — произнесла Майка, рассеянно оглядывая небо.

— Что? — спросил я. — Какой ветерок?

Она постучала себя пальцем по лбу рядом с объективом «третьего глаза» и сказала:

— Ба-кал-да-ка. На-кас слы-кы-ша-кат.

— Са-ка-ма-ка ба-кал-да-ка, — ответил я. — Та-кам же-ке тра-кан-сля-ка-то-кор...

— И то верно, — сказала Майка. — Вот я и говорю тебе: ветерок, мол.

— Да, — подтвердил я. — Что ветерок, то ветерок.

Я постоял, чувствуя себя чертовски стесненно и пытаюсь придумать какую-нибудь нейтральную тему для беседы, ничего, кроме того же ветерка, не придумал, и тут мне пришло в голову, что неплохо бы пройтись. Я ведь ни разу еще не бродил по окрестностям, — без малого неделю здесь нахожусь, а на земле этой так толком и не стоял, только на экранах видел. К тому же был шанс наткнуться где-нибудь в зарослях на Малыша, особенно если он сам этого захочет, и это было бы уже не только приятно, но и полезно для дела: завязать с ним беседу в привычной для него обстановке. Я изложил все эти соображения Майке. Она молча встала и пошла к болоту, а я, погрузив нос в меховой воротник и засунув руки поглубже в карманы, поплелся следом. Том, изнемогая от услужливости, увязался было за мною, но я велел ему оставаться на месте и ждать дальнейших указаний.

В болото мы, конечно, не полезли, а двинулись в обход, продираясь через заросли кустарника. Жалкая была здесь растительность — бледная, худосочная, вялые синеватые листочки с металлическим отливом, хрупкие узловатые веточки, пятнистая оранжевая кора. Кусты редко достигали моего роста, так что вряд ли Вандерхузе рисковал бы здесь своими бакенбардами. Под ногами упруго подавался толстый слой палых листьев, перемешанных с песком. В тени искрился иней. Но при всем при том растительность эта вызывала определенное к себе уважение. Наверное, очень нелегко было ей здесь произрастать: ночью температура падала до минус двадцати, днем редко поднималась выше нуля, а под корнями — сплошной соленый песок. Не думаю, чтобы какое-нибудь земное растение сумело бы приспособиться к таким безрадостным условиям. И странно было представить себе, что где-то среди этих прозябших кустов бродит, ступая босыми пятками по заиндевелому песку, голый человечек.

Мне почудилось какое-то движение в густых зарослях справа. Я остановился, позвал: «Малыш!» — но никто не откликнулся. Мерзлая ледяная тишина окружала нас. Ни шелеста листвы, ни жужжания насекомых — все это вызывало неожиданное ощущение, словно мы плутали среди театральных декораций. Мы обогнули длинный язык тумана, высунувшийся из горячего болота, и стали подниматься по склону холма. Собственно, это была песчаная дюна, схваченная кустами. Чем выше мы поднимались, тем тверже становилась под ногами песчаная поверхность. Взобравшись на гребень, мы огляделись. Корабль скрывали от нас облака тумана, но посадочная полоса была видна хорошо. Весело и ярко блестела под солнцем рубчатка, сиротливо чернел посередине оставленный мяч, и грузный Том неуверенно топтался вокруг него — явно решал непосильную задачу: то ли убрать с полосы этот посторонний предмет, то ли при случае жизнь положить за эту забытую человеком вещь.

И тут я заметил следы на промерзшем песке — темные влажные пятна среди серебристого инея. Здесь проходил Малыш, проходил совсем недавно. Сидел на гребне, а потом поднялся и пошел вниз по склону, удаляясь от корабля. Цепочка следов тянулась в заросли, забившие дно лощины между дюнами. «Малыш!» — снова позвал я, и снова он не отозвался. Тогда я стал спускаться в лощину.

Я нашел его сразу. Мальчик лежал ничком, вытянувшись во всю длину, прижавшись щекой к земле и обхватив голову руками. Он казался очень странным и невозможным здесь, никак не вписывался он в этот ледяной пейзаж. Противоречил ему. В первую секунду я даже испугался, не случилось ли что-нибудь. Слишком уж здесь было холодно и неприятно. Я присел рядом с ним на корточки, окликнул, а потом, когда он промолчал, легонько шлепнул его по голому поджарому заду. Это я впервые прикоснулся к нему и чуть не заорал от неожиданности: он показался мне горячим, как утюг.

— Он придумал? — спросил Малыш, не поднимая головы.

— Он размышляет, — сказал я. — Трудный вопрос.

— А как я узнаю, что он придумал?

— Ты придешь, и он сразу тебе скажет.

— Мам-ма, — вдруг сказал Малыш.

Я взглянул. Майка стояла рядом.

— Мам-ма, — повторил Малыш, не двигаясь.

— Да, колокольчик, — сказала Майка тихо.

Малыш сел — перелился из лежачего положения в сидячее.

— Скажи еще раз! — потребовал он.

— Да, колокольчик, — сказала Майка. Лицо у нее побелело, резко проступили веснушки.

— Феноменально! — произнес Малыш, глядя на нее снизу вверх. — Щелкунчик!

Я прокашлялся.

— Мы тебя ждали, Малыш, — сказал я.

Он стал смотреть на меня. С большим трудом я удержался, чтобы не отвести глаза. Страшненькое все-таки было у него лицо.

— Зачем ты меня ждал?

— Ну, как зачем... — Я несколько растерялся, но меня тут же осенило. — Мы скучаем без тебя. Нам без тебя плохо. Нет удовольствия, понимаешь?

Малыш вскочил и сейчас же снова сел. Очень неудобно сел — я бы двух секунд так не просидел.

— Тебе плохо без меня?

— Да, — сказал я решительно.

— Феноменально, — проговорил он. — Тебе плохо без меня, мне плохо без тебя.

Ш-шарада!

— Ну почему же — шарада? — огорчился я. — Если бы мы не могли быть вместе, вот тогда бы была шарада. А сейчас мы встретились, можно играть... Вот ты любишь играть, но ты всегда играл один...

— Нет, — возразил Малыш, — только сначала я играл один. А потом я играл на озере и увидел свое изображение в воде. Хотел с ним играть, оно распалось. Тогда я очень захотел, чтобы у меня были изображения, много изображений, чтобы с ними играть. И стало так.

Он вскочил и легко побежал по кругу, оставляя свои диковинные фантомы — черные, белые, желтые, красные, — а потом сел посередине и горделиво огляделся. И должен вам сказать, это было зрелище: голый мальчишка на песке, и вокруг него дюжина разноцветных статуй в разных позах.

— Феноменально, — сказал я и посмотрел на Майку, приглашая ее принять хоть какое-нибудь участие в беседе. Мне было неловко, что я все время говорю, а она молчит.

Но она ничего не сказала, просто хмуро глядела, а фантомы зыбко колебались и медленно таяли, распространяя запах нашатырного спирта.

— Я всегда хотел спросить, — объявил Малыш, — зачем вы заворачиваетесь? Что это такое? — Он подскочил ко мне и дернул за полу дохи.

— Одежда, — сказал я.

— Одежда, — повторил он. — Зачем?

Я рассказал ему про одежду. Я не Комов. Сроду не читал лекций, особенно об одежде. Но без ложной скромности скажу: лекция имела успех.

— Все люди в одежде? — спросил пораженный Малыш.

— Все, — сказал я, чтобы покончить с этим вопросом. Я не совсем понимал, что его, собственно, поражает.

— Но людей много! Сколько?

— Пятнадцать миллиардов.

— Пятнадцать миллиардов, — повторил он и, выставив перед собой палец без ногтя, принялся сгибать и разгибать его. — Пятнадцать миллиардов! — сказал он и оглянулся на призрачные остатки фантомов. Глаза его потемнели. — И все в одежде... А еще что?

— Не понимаю.

— Что они еще делают?

Я набрал в грудь побольше воздуха и принялся рассказывать, что делают люди. Странно, конечно, но до сих пор я как-то не задумывался над этим вопросом. Боюсь, что у Малыша создалось впечатление, будто человечество занимается большей частью кибертехникой. Впрочем, я решил, что для начала и это неплохо. Малыш, правда, не метался, как во время лекций Комова, и не скручивался в узел, но слушал все равно, словно замороженный. И когда я кончил, совершенно запутавшись и отчаявшись дать ему представление об искусстве, он немедленно задал новый вопрос.

— Так много дел, — сказал он. — Зачем пришли сюда?

— Майка, расскажи ему, — взмолился я сиплым голосом. — У меня нос замерз...

Майка отчужденно посмотрела на меня, но все-таки принялась вяло и, на мой взгляд, совсем неинтересно рассказывать про блаженной памяти проект «Ковчег». Я не удержался, стал ее перебивать, пытаюсь расцветить лекцию живописными подробностями, затеял вносить поправки, и в конце концов вдруг оказалось, что опять говорю я один. Рассказ свой я счел необходимым закончить моралью.

— Ты сам видишь, — сказал я. — Мы начали было большое дело, но как только поняли, что твоя планета занята, мы сразу же отказались от нашей затеи.

— Значит, люди умеют узнавать, что будет? — спросил Малыш. — Но это неточно. Если бы люди умели, они бы давно отсюда ушли.

Я не придумал, что ответить. Тема показалась мне скользкой.

— Знаешь, Малыш, — сказал я бодро, — давай пойдем поиграем. Посмотришь, как интересно играть с людьми.

Малыш молчал. Я свирепо поглядел на Майку: что она, в самом деле, не могу же я один тащить на себе весь контакт!

— Пойдем поиграем, Малыш, — без всякого энтузиазма поддержала меня Майка. — Или хочешь, я покатаю тебя на летательной машине?

— Ты будешь летать в воздухе, — подхватил я, — и все будет внизу — горы, болота, айсберг...

— Нет, — сказал Малыш, — летать — это обычное удовольствие. Это я могу сам.

Я подскочил.

— Как — сам?

По лицу его прошла мгновенная рябь, поднялись и опустились плечи.

— Нет слов, — сказал он. — Когда захочу — летаю...

— Так полети! — вырвалось у меня.

— Сейчас не хочу, — сказал он нетерпеливо. — Сейчас мне удовольствие с вами. — Он вскочил. — Хочу играть! — объявил он. — Где?

— Побежали к кораблю, — предложил я.

Он испустил душераздирающий вопль, и не успело эхо замереть в дюнах, как мы уже наперегонки неслись через кустарник. На Майку я окончательно махнул рукой: пусть делает что хочет.

Малыш скользил меж кустов, как солнечный зайчик. По-моему, он не задел ни одной ветки и вообще ни разу не коснулся земли. Я в своей дохе с электроподогревом ломил напролом, как песчаный танк, только трещало вокруг. Я все время пытался его догнать, и меня все время сбивали с толку его фантомы, которые он поминутно оставлял за собой. На опушке зарослей Малыш остановился, дождался меня и сказал:

— У тебя так бывает? Ты просыпаешься и вспоминаешь, будто сейчас только видел что-то. Иногда это хорошо известное. Например, как я летаю. Иногда — совсем новое, такое, чего не видел раньше.

— Да, бывает, — сказал я, переводя дух. — Это называется сон. Ты спишь и видишь сны.

Мы пошли шагом. Где-то позади трещала кустарником Майка.

— Откуда это берется? — спросил Малыш. — Что это такое — сны?

— Небывалые комбинации бывалых впечатлений, — отбарабанил я.

Он не понял, конечно, и мне пришлось прочесть еще одну небольшую лекцию — о том, что такое сны, как они возникают, зачем они нужны и как было бы плохо человеку, если бы их не было.

— Чеширский кот! Но я так и не понял, почему я вижу во сне то, чего раньше не видел никогда.

Майка нагнала нас и молча пошла рядом.

— Например? — спросил я.

— Иногда мне снится, что я огромный-огромный, что я размышляю, что вопросы приходят ко мне один за другим, очень яркие вопросы, удивительные, и я нахожу ответы, удивительные ответы, и я очень хорошо знаю, как из вопроса образуется ответ. Это самое большое удовольствие, когда знаешь, как из вопроса образуется ответ. Но когда я просыпаюсь, я не помню ни вопросов, ни ответов. Помню только удовольствие.

— М-да, — сказал я уклончиво. — Интересный сон. Но объяснить его я тебе не могу. Спроси у Комова. Может быть, он объяснит.

— У Комова... Что такое — Комов?

Мне пришлось изложить ему нашу систему имен. Мы уже огибали болото, и перед нами открылся корабль и посадочная полоса. Когда я закончил, Малыш вдруг сказал ни с того ни с сего:

— Странно. Никогда со мной так не было.

— Как?

— Чтобы я хотел для себя и не мог.

— А что ты хочешь?

— Я хочу разделиться пополам. Сейчас я один, а чтобы стало два.

— Ну, брат, — сказал я, — тут и хотеть нечего. Это же невозможно.

— А если бы возможно? Плохо или хорошо?

— Плохо, конечно, — сказал я. — Я не совсем понимаю, что ты хочешь сказать... Можно разорваться пополам. Это совсем плохо. Можно заболеть: называется — раздвоение личности. Это тоже плохо, но это можно поправить.

— Больно? — спросил Малыш.

Мы ступили на рубчатку. Том уже катил навстречу, гоня перед собой мяч и радостно мигая сигнальными огоньками.

— Брось об этом, — сказал я. — Ты и в целом виде хорош.

— Нет, не хорош, — возразил Малыш, но тут набежал Том и началась потеха.

Из Малыша градом посыпались вопросы. Я не успевал отвечать. Том не успевал выполнять команды. Мяч не успевал касаться земли. И только Малыш все успевал.

Со стороны это выглядело, наверное, очень весело. Да нам и на самом деле было весело, даже Майка в конце концов разошлась. Наверное, мы были похожи на расшалившихся подростков, которые удрали с уроков на берег океана. Сначала еще была какая-то неловкость, сознание того, что мы не развлекаемся, а работаем, что за каждым нашим движением следят, что между нами и Малышом осталось что-то тяжелое, недоговоренное, а потом все это как-то забылось. Остался только мяч, летящий тебе прямо в лицо, и восторг удачного удара, и злость на неуклюжего Тома, и звон в ушах от удалого гиканья, и резкий отрывистый хохот Малыша — мы впервые услышали тогда его смех, самозабвенный, совсем детский...

Это была странная игра. Малыш придумывал правила на ходу. Он оказался невероятно вынослив и азартен, он не упускал ни единого случая продемонстрировать перед нами свои физические преимущества, он навязал нам соревнование, и как-то само собой получилось, что он стал играть один против нас троих, и мы все время проигрывали. Сначала он выигрывал, потому что мы поддавались. Потом он выигрывал, потому что мы не понимали его правил. Потом мы поняли правила, но нам с Майкой мешали дохи. Потом мы решили, что Том слишком неуклюж, и прогнали его. Майка вошла в азарт и заиграла в полную силу, я тоже делал все, что мог, но мы проигрывали очко за очком. Мы ничего не могли сделать с этим молниеносным дьяволенком, который перехватывал любые мячи, сам бил очень сильно и точно, негодуяще вопил, если мяч задерживался в наших руках дольше секунды, совершенно сбивал нас с толку своими фантомами или, того хуже, манерой мгновенно исчезать из виду и появляться столь же мгновенно совсем в другом месте. Мы не сдавались, конечно, — от нас столбом шел пар, мы задыхались, мы потели, мы орали друг на друга, но мы дрались до последнего. И вдруг все кончилось.

Малыш остановился, проводил взглядом мяч и сел на песок.

— Это было хорошо, — сказал он. — Я никогда не знал, что бывает так хорошо.

— Что? — крикнул я, задыхаясь. — Устал, Малыш?

— Нет. Вспомнил. Не могу забыть. Не помогает. Никакое удовольствие не помогает. Больше не зови меня играть. Мне плохо, а сейчас еще хуже. Скажи ему, чтобы он думал скорее. Я разорвусь пополам, если он быстро не придумает. У меня внутри все болит. Я хочу разорваться, но боюсь. Поэтому не могу. Если будет очень болеть, перестану бояться. Пусть думает быстро.

— Ну что ты, в самом деле, Малыш! — сказал я расстроено. Я не совсем понимал, что с ним происходит, но я видел, что ему действительно плохо. — Выбрось ты все это из головы! Просто ты не привык к людям. Надо чаще встречаться, больше играть...

— Нет, — сказал Малыш и вскочил. — Больше не приду.

— Ну почему же? — вскричал я. — Ведь было хорошо! Будет еще лучше! Есть другие игры, не только с мячом... С обручем, с крыльями!

Он медленно пошел прочь.

— Есть шахматы! — торопливо говорил я ему в спину. — Ты знаешь, что такое шахматы? Это величайшая игра, ей тысяча лет!..

Он приостановился. Я принялся торопливо и вдохновенно объяснять ему, что такое шахматы — простые шахматы, трехмерные шахматы, эн-мерные шахматы... Он стоял и слушал, глядя в сторону. Я кончил про шахматы и начал про покари. Я судорожно вспоминал все игры, какие знал.

— Да, — произнес Малыш. — Я приду.

И, уже больше не останавливаясь, он побрел, нога за ногу, к болоту. Некоторое время мы молча смотрели ему вслед, потом Майка крикнула: «Малыш!» — сорвалась с места, догнала его и пошла рядом. Я подобрал свою доху, оделся, отыскал доху Майки и нерешительно двинулся за ними. На душе у меня был какой-то неприятный осадок, и я не

понимал, в чем дело. Вроде бы все кончилось хорошо: Малыш обещал вернуться, значит, все-таки привязался к нам, значит, без нас ему теперь гораздо хуже, чем с нами... «Привыкнет, — повторял я про себя. — Ничего, привыкнет...» Я увидел, что Майка остановилась, а Малыш побрел дальше. Майка повернулась и, обхватив себя за плечи, побежала мне навстречу. Я подал ей доху и спросил:

— Ну что?

— Все в порядке, — сказала она. Глаза у нее были прозрачные и какие-то отчаянные.

— Я думаю, что в конце концов... — начал я и осекся. — Майка, — сказал я, — ты же «третий глаз» потеряла!

— Я его не потеряла, — сказала Майка.

Глава восьмая. Сомнения и решения

Малыш уходил от корабля на запад вдоль береговой линии, прямо через дюны и заросли. Сначала «третий глаз» интересовал его. Он останавливался, снимал обруч, вертел его в руках, и тогда у нас на приемном экране мелькало то бледное небо, то голубовато-зеленое лицо-маска, то заиндевельный песок. Потом он оставил обруч в покое. Не знаю, двигался ли он не так, как обычно, или обруч надел не совсем правильно, но впечатление было такое, словно объектив смотрит не прямо по ходу, а несколько вправо. По экрану, подрагивая, проплывали однообразные дюны, озябшие кусты, иногда возникали сизые горные вершины или появлялся вдруг черный океан со сверкающими айсбергами на горизонте.

По-моему, Малыш двигался без определенной цели — просто брел куда глаза глядят, подальше от нас. Несколько раз он поднимался на гребни дюн и смотрел в нашу сторону. На приемном экране появлялись ослепительно белый конус нашего ЭР-2, серебристая лента посадочной полосы, оранжевый Том, одиноко приткнувшийся к стене недостроенной метеостанции. Но на обзорном экране Малыша мы так и не обнаружили.

Примерно через час Малыш вдруг резко свернул к горам. Теперь солнце било прямо в объектив — и видно стало хуже. Дюны вскоре кончились, Малыш брел по редколесью, перешагивая через сгнившие сучья, среди корявых стволов с отставшей пятнистой корой, по бурой, пропитанной ледяной влагой земле. Раз он вскарабкался на одинокий гранитный валун, постоял, оглядываясь, потом спрыгнул, подобрал с земли два черных осклизлых сучка и пошел дальше, постукивая ими друг о друга. Сначала стук был беспорядочный, потом в нем появился ритм, а к ритму примешивалось не то жужжание, не то гудение. Звук этот, непрерывный и неприятный, становился все громче. Скорее всего, это гудел и жужжал сам Малыш — может быть, это была песня, а может быть, и разговор с самим собой.

Так он брел, стуча, жужжа и гудя, а между деревьев все чаще попадались каменные россыпи, замшелые валуны, громадные обломки скал. Потом на экране вдруг появилось озеро. Малыш, не останавливаясь, вошел в него, на мгновение мы увидели взбаламученную воду, затем изображение потускнело и исчезло — Малыш нырнул.

Под водой он был очень долго, я уже думал, что он утопил передатчик, и мы больше ничего не увидим, но минут через десять изображение появилось снова, мутное, размытое, струйчатое. Сначала мы почти ничего не различали, но вскоре в правой части экрана появилось изображение ладони, на которой прыгала и извивалась уродливая пантианская рыбка.

Когда объектив «глаза» очистился окончательно, Малыш бежал. Древесные стволы неслись на нас и в последние мгновения стремительно ускользали то вправо, то влево. Он бежал очень быстро, но мы не слышали ни топота, ни дыхания — только шумел ветер и мелькало солнце за путаницей голых ветвей. И вдруг произошло непонятное: Малыш как вкопанный остановился перед серым валуном и погрузил в него руки по локоть. Не знаю, может быть, там было хорошо замаскированное отверстие. По-моему, не было. Когда

через несколько секунд Малыш извлек руки, они были черные и блестящие, и это черное и блестящее стекало с кончиков пальцев и тяжело, с отчетливым мокрым стуком капало на землю. Потом руки исчезли из поля зрения и Малыш побежал дальше.

Он остановился перед диковинным сооружением, похожим на покосившуюся башню, и я не сразу понял, что это — разбитый корабль «Пеликан». Теперь я своими глазами увидел, как страшно ему досталось при падении и что с ним сделали долгие годы на этой планете. Зрелище было не из приятных. Между тем Малыш медленно приблизился, заглянул в отверстую дыру люка — на мгновение экран погрузился в непроглядную тьму, — затем так же медленно обошел несчастный корабль кругом. Он снова остановился перед люком, поднял руку и приложил черную ладонь с растопыренными пальцами к изъеденному эрозией борту. Он стоял так с минуту, и мы снова услышали его жужжание и гудение, и мне показалось, что из-под растопыренных пальцев поднимаются струйки синеватого дыма. Наконец он отнял руку и отступил на шаг. На мертвой почерневшей обшивке явственно виднелся отчетливый рельефный отпечаток — ладонь с растопыренными пальцами.

— Ух ты мой сверчок на печи, — произнес сочный баритон.

— Колокольчик!.. — откликнулся нежный женский голос.

— Зика! — почти шепотом проговорил баритон. — Зиканька!..

Заплакал младенец.

Отпечаток ладони резко метнулся в сторону и исчез. Теперь на экране виднелся горный склон — изборожденный трещинами гранит, старые осыпи, крошево острых камней, сверкающих изломанными гранями, поросли хилой жесткой травы, глубокие, непроницаемо черные расселины. Малыш поднимался по склону, мы видели его руки, цепляющиеся за выступы, зернистый камень толчками уходил вниз по экрану, стало слышно ровное шумное дыхание, а потом движение стало плавным и быстрым, у меня зарябило в глазах, склон вдруг отдалился, проваливаясь куда-то в сторону и вниз, и мы услышали резкий, хриплый, сразу же оборвавшийся смех Малыша. Малыш летел — это было несомненно.

На экране сияло серо-лиловое небо, а сбоку пульсировали какие-то мутные полупрозрачные клочья, словно обрывки запылившейся кисеи. Медленно прошло поперек экрана ослепительное лиловое солнце, пыльная кисея закрыла все и тут же исчезла. Мы увидели далеко внизу плоскогорье, затянутое сиреневой дымкой, ужасные шрамы бездонных ущелий, неправдоподобно острые пики, покрытые вечными снегами, — безрадостный ледяной мир, уходящий за горизонт, мертвый, истрескавшийся, ошетиненный. И мы увидели мощное, лаково отсвечивающее колено Малыша, повисшее над бездной, и его черную руку, крепко вцепившуюся в осязаемое ничто.

Честно говоря, в эту минуту я перестал верить своим глазам и посмотрел, ведется ли запись. Запись велась. Но у Вандерхузе вид был тоже озадаченный, а Майка недоверчиво щурилась и вертела шеей, словно ей мешал воротник. Только Комов был совершенно спокоен и неподвижен — сидел, оперев локти в панель и положив подбородок на сплетенные пальцы.

А Малыш уже падал. Каменная пустыня стремительно надвигалась, слегка поворачиваясь вокруг невидимой оси, и ясно было, куда уходила эта ось — в черную трещину, расколовшую бурое поле, загроможденное обломками скал. Трещина росла, ширилась, освещенный солнцем край ее казался гладким и совершенно отвесным, а о том, чтобы увидеть дно, не могло быть и речи, — там царил сплошной тьма. И в эту тьму стремительно ворвался Малыш; изображение исчезло, и Майка, протянув руку, включила усиление, но и с усилением ничего нельзя было разглядеть, кроме струящихся по экрану неопределенных серых полос. Затем Малыш издал пронзительный вопль, и движение остановилось. «Разбился!» — подумал я в ужасе. Майка изо всей силы вцепилась мне в запястье.

На экране виднелись какие-то смутные неподвижные пятна, все было серое и черное, и слышались странные звуки — какое-то бульканье, хриплое курлыканье, шипение. Возник знакомый черный силуэт руки с растопыренными пальцами и скрылся. Смутные пятна поплыли, сменяя друг друга, курлыканье и бульканье становилось то громче, то тише, разгорелся и погас оранжевый огонек, потом еще один, и еще... Что-то коротко взревело и пошло отдаваться многократным эхом. «Дайте инфра», — сквозь зубы проговорил Комов. Майка схватилась за верньер инфракрасного усиления и повернула его до отказа. Экран сразу посветлел, но я по-прежнему ничего не понимал.

Все пространство было заполнено фосфоресцирующим туманом. Правда, это был не обычный туман, в нем угадывалась какая-то структура — словно срез животной ткани под расфокусированным микроскопом, — и в этом структурном тумане угадывались места более светлые уплотнения и собрания темных пульсирующих зерен, и все это словно бы висело в воздухе, иногда вдруг совсем пропадало и появлялось вновь, а Малыш шел через это, будто на самом деле ничего этого не было, шел, вытянув перед собой светящиеся руки с растопыренными пальцами, и пальцы его вибрировали и содрогались в сложном и очевидном ритме, а вокруг — булькало, хрипело, журчало, звонко тикало.

Так он шел долго, и мы не сразу заметили, что рисунок структуры бледнеет, расплывается, и вот на экране осталось только молочное свечение и едва заметные очертания растопыренных пальцев Малыша. И тогда Малыш остановился. Мы поняли это по тому, что звуки перестали приближаться и удаляться. Те самые звуки. Целая лавина, целый каскад звуков. Хриплые гулы, басистое бормотание, задавленные пiski... что-то сочно лопнуло и разлетелось звонкими брызгами... зудение, скрип, медные удары... А потом в ровном сиянии проступили темные пятна, десятки темных пятен, больших и маленьких; сначала смутные, они принимали все более определенные очертания, становились все более похожими на что-то удивительно знакомое, и вдруг я догадался, что это такое. Это было совершенно невозможно, но я уже не мог отогнать от себя эту мысль. Люди. Десятки, сотни людей, целая толпа, выстроенная в правильном порядке и видимая словно бы несколько сверху... И тут что-то произошло. На какую-то долю мгновения изображение сделалось совершенно ясным. Слишком ненадолго, впрочем, чтобы можно было рассмотреть что-либо. Затем раздался отчаянный крик, изображение перевернулось и пропало вовсе. И сейчас же бешеный голос Комова произнес:

— Зачем вы это сделали?

Экран был мертв. Комов стоял, неестественно выпрямившись, сжатые кулаки его упирались в пульт. Он смотрел на Майку. Майка была бледна, но спокойна. Она тоже поднялась и теперь стояла перед Комовым лицо к лицу. Она молчала.

— Что случилось? — осторожно осведомился Вандерхузе. По-видимому, он тоже ничего не понимал.

— Вы либо хулиганка, либо... — Комов остановился. — Исключаю вас из группы контакта. Запрещаю вам выходить из корабля, входить в рубку и на пост УАС. Ступайте отсюда.

Майка, по-прежнему не говоря ни слова, повернулась и вышла. Ни секунды не раздумывая, я двинулся за ней.

— Попов! — резко сказал Комов.

Я остановился.

— Прошу вас немедленно передать эту запись в Центр. Экстренно.

Он смотрел мне прямо в глаза, и я почувствовал себя нехорошо. Такого Комова я еще никогда не видел. Такой Комов имел несомненное право приказывать, сажать под домашний арест и вообще подавлять любой бунт в самом зародыше. У меня было ощущение, что я сейчас разорвусь пополам. «Как Малыш», — мелькнуло у меня в голове.

Вандерхузе произнес, кашлянув:

— Э-э, Геннадий. Может быть, все-таки не в Центр? Горбовский ведь уже на Базе. Может быть, все-таки на Базу, как вы полагаете?

Комов все смотрел на меня. Суженные глаза его казались льдинками.

— Да, конечно, — проговорил он, совершенно, впрочем, спокойно. — Копию на Базу, Горбовскому. Благодарю вас, Яков. Попов, приступайте.

Мне ничего не оставалось делать, кроме как приступить. Но я был недоволен. Если бы мы носили фуражки, как в старину, я бы повернул свою фуражку козырьком назад. Но фуражки на мне не было, и поэтому я, извлекая из рекордера кассету, ограничился тем, что спросил с вызовом:

— А что, собственно, произошло? Что она такого сделала?

Некоторое время Комов молчал. Он уже снова сидел в своем кресле и, покусывая губу, барабанил пальцем по подлокотнику. Вандерхузе, растопырив бакенбарды, тоже смотрел на него с ожиданием.

— Она включила прожектор, — сказал наконец Комов.

Я не сразу понял.

— Какой прожектор?

Комов, не отвечая, показал пальцем на утопленную клавишу.

— А, — произнес Вандерхузе с огорчением.

А я ничего не сказал. Я взял кассету и пошел к рации. Если честно, говорить мне было нечего. Даже за меньшие провинности людей с шумом и позором вышибали из космоса. Майка включила аварийную лампу-вспышку, вмонтированную в обруч. И можно было представить себе, каково пришлось обитателям пещеры, когда в вечном мраке на мгновение вспыхнуло маленькое солнце. Разведчика, потерявшего сознание, по этой вспышке можно обнаружить с орбиты даже на освещенной стороне планеты... даже если он засыпан... Такой прожектор излучает в диапазоне от ультрафиолета до УКВ... Не было еще случая, чтобы разведчику не удалось отпугнуть такой вспышкой самое бешеное, самое кровожадное животное. Даже тахорги, которые вообще ничего на свете не боятся, тормозят задними ногами, останавливая свой неудержимый разбег... «С ума сошла, — подумал я безнадежно. — Совсем взбесилась...» Но вслух я сказал (усаживаясь за рацию):

— Подумаешь! Нажал человек не на ту клавишу, ошибся...

— Да, действительно, — произнес Вандерхузе. — Наверное, так оно и было. Она, очевидно, хотела включить инфракрасный прожектор... Клавиши рядом... Как вы полагаете, Геннадий?

Комов молчал. Что-то он там делал на пульте. Я не хотел на него смотреть. Я включил автомат и стал демонстративно глядеть в другую сторону.

— Неприятно, конечно, — бормотал Вандерхузе. — Ай-яй-яй-яй... В самом деле, ведь это может отразиться... Активное воздействие... Вряд ли приятное... Гм... У нас у всех несколько напряжены нервы в последнее время, Геннадий. Неудивительно, что девочка ошиблась... Мне самому хотелось, знаете ли, что-нибудь сделать... как-то улучшить изображение... Бедный Малыш. По-моему, это он закричал...

— Вот, — сказал Комов. — Можете полюбоваться. Три с половиной кадра.

Было слышно, как Вандерхузе озабоченно засопел. Я не удержался и оглянулся на них. Ничего не было видно за их сдвинутыми головами, поэтому я встал и подошел. На экране было то самое, что я увидел в последнее мгновение, но не успел воспринять. Изображение было отличное, и все-таки я совершенно не понимал, что это такое. Много людей, множество черных фигурок, абсолютно одинаковых, выстроенных в шахматном порядке. Стояли они как бы на ровной и хорошо освещенной площади. Передние фигурки были больше, задние, в полном соответствии с законами перспективы, меньше. Впрочем, ряды казались бесконечными и где-то вдали сливались в сплошные черные полосы.

— Это Малыш, — проговорил Комов. — Узнаете?

До меня дошло: действительно, это был Малыш, повторенный, как в бесчисленных зеркалах, бесчисленное множество раз.

— Похоже на многократное отражение, — пробормотал Вандерхузе.

— Отражение... — повторил Комов. — А где же тогда отражение лампы? И где у Малыша тень?

— Не знаю, — честно признался Вандерхузе. — Действительно, тень должна быть.

— А вы что думаете, Стась? — спросил Комов, не оборачиваясь.

— Ничего, — коротко сказал я и вернулся на свое место.

На самом-то деле я, конечно, думал, у меня мозги скрипели — так я думал, но придумать ничего не мог. Больше всего мне это напоминало формалистический рисунок пером.

— Да, не много мы узнали, — проговорил Комов. — Даже шерсти клочок оказался никудышным...

— Охо-хо-хо-хонюшки, — проговорил Вандерхузе, тяжело поднялся и вышел.

Мне тоже очень хотелось выйти и посмотреть, как там Майка. Но я взглянул на хронометр — до конца передачи оставалось еще минут десять. Комов шуршал и возился у меня за спиной. Потом рука его протянулась через мое плечо, и на пульт передо мной лег голубой бланк радиограммы.

— Это объяснительная записка, — сказал Комов. — Отправьте сразу же по окончании передачи записи.

Я прочел радиограмму.

ЭР-2, КОМОВ — БАЗА, ГОРБОВСКОМУ. КОПИЯ: ЦЕНТР, БАДЕРУ. НАПРАВЛЯЕТСЯ ВАМ ЗАПИСЬ С ПЕРЕДАТЧИКА ТИПА ТГ. НОСИТЕЛЬ МАЛЫШ. ЗАПИСЬ ВЕЛАСЬ С 13.46 ПО 17.02 БВ. ПРЕРВАНА ВСЛЕДСТВИЕ СЛУЧАЙНОГО ВКЛЮЧЕНИЯ ЛАМПЫ-ВСПЫШКИ ПО МОЕЙ НЕБРЕЖНОСТИ. СИТУАЦИЯ НА НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ.

Я не понял и перечитал радиограмму еще раз. Потом я оглянулся на Комова. Он сидел в прежней позе, положив подбородок на сплетенные пальцы, и смотрел на обзорный экран. Не то чтобы горячая волна благодарности захлестнула меня с головой. Нет, этого не было. Слишком мало симпатии испытывал я к этому человеку. Но должного ему нельзя было не отдать. В такой ситуации не всякий поступил бы столь же решительно и просто. И неважно, собственно, почему он так поступил: потому ли, что пожалел Майку (сомнительно), или устыдился своей резкости (более похоже на правду), или потому, что принадлежит к руководителям того типа, которые совершенно искренне считают проступки подчиненных своими проступками. Во всяком случае, для Майки опасность птичкой вылететь из космоса существенно уменьшилась, а позиция и реноме самого Комова заметно ухудшились. Ладно, Геннадий Юрьевич, при случае это вам зачтется. Такие действия надлежит всячески поощрять. А с Майкой мы еще поговорим. Какого дьявола, в самом деле? Что она — маленькая? В куклы она тут играть решила?

Автомат звякнул и выключился, я взялся за радиограмму. Вошел Вандерхузе, толкая перед собой столик на колесах. Совершенно бесшумно и с необыкновенной ловкостью, которая сделала бы честь самому квалифицированному киберу, он поставил поднос с тарелками у правого локтя Комова. Комов рассеянно поблагодарил. Я взял себе стакан томатного сока, выпил и налил еще.

— А салат? — огорченно спросил Вандерхузе.

Я покачал головой и сказал в спину Комову:

— У меня все закончено. Можно быть свободным?

— Да, — ответил Комов, не оборачиваясь. — Из корабля не выходить.

В коридоре Вандерхузе сообщил мне:

— Майка обедает.

— Истеричка, — сказал я со злостью.

— Напротив. Я бы сказал, что она спокойна и довольна. И никаких следов раскаяния.

Мы вместе вошли в кают-компанию. Майка сидела за столом, ела суп и читала какую-то книжку.

— Здорово, арестант, — сказал я, усаживаясь перед ней со своим стаканом.

Майка оторвалась от книжки и поглядела на меня, прищулив один глаз.

— Как начальство? — осведомилась она.

— В тягостном раздумье, — сказал я, разглядывая ее. — Решает, вздернуть ли тебя на фок-рее немедленно или довести до Дувра, где тебя повесят на цепях.

— А что на горизонтах?

— Без изменений.

— Да, — сказала Майка, — теперь он больше не придет.

Она сказала это с явным удовлетворением. Глаза у нее были веселые и отчаянные, как давеча. Я отхлебнул томатного сока и покосился на Вандерхузе. Вандерхузе с постным видом поедал мой салат. Мне вдруг пришло в голову: а капитан-то наш рад-радехонек, что не он командует в сей кампании.

— Да, — сказал я, — похоже на то, что контакт ты нам сорвала.

— Грешна, — коротко ответила Майка и снова уткнулась в книгу. Только она не читала. Она ждала продолжения.

— Будем надеяться, что дело обстоит не так плохо, — сказал Вандерхузе. — Будем надеяться, что это просто очередное осложнение.

— Вы думаете, Малыш вернется? — спросил я.

— Думаю, да, — сказал Вандерхузе со вздохом. — Он слишком любит задавать вопросы. А теперь у него появилась масса новых. — Он доел салат и поднялся. — Пойду в рубку, — сообщил он. — Сказать по правде, это очень некрасивая история. Я понимаю тебя, Майка, но ни в какой степени не оправдываю. Так, знаешь ли, не поступают...

Майка ничего не ответила, и Вандерхузе удалился, толкая перед собою столик. Как только шаги его затихли, я спросил, стараясь говорить вежливо, но строго:

— Ты это сделала нарочно или случайно?

— А ты как полагаешь? — спросила Майка, уставясь в книгу.

— Комов взял вино на себя, — сказал я.

— То есть?

— Лампа-вспышка была включена, оказывается, по его небрежности.

— Очень мило, — произнесла Майка. Она положила книжку и потянулась. — Великолепный жест.

— Это все, что ты можешь мне сказать?

— А что тебе, собственно, нужно? Чистосердечное признание? Раскаяние? Слезы в жилетку?

Я снова отхлебнул соку. Я сдерживался.

— Прежде всего я хотел бы узнать, случайно или нарочно?

— Нарочно. Что дальше?

— Дальше я хотел бы узнать, для чего ты это сделала.

— Я сделала это для того, чтобы раз и навсегда прекратить безобразие. Дальше?

— Какое безобразие? О чем ты говоришь?

— Потому что это было отвратительно! — сказала Майка с силой. — Потому что это было бесчеловечно. Потому что я не могла сидеть сложа руки и наблюдать, как гнусная комедия превращается в трагедию. — Она отшвырнула книжку. — И нечего сверкать на меня глазами! И нечего за меня заступаться! Ах, как он великодушен! Любимец доктора Мбоги! Все равно я уйду. Уйду в школу и буду учить ребят, чтобы они вовремя хватали за руку всех этих фанатиков абстрактных идей и дураков, которые им подпевают!

У меня было благое намерение выдержать вежливый, корректный тон до конца. Но тут терпение мое лопнуло. У меня вообще дело с терпением обстоит неважно.

— Нагло! — сказал я, не находя слов. — Нагло себя ведешь! Нагло!

Я попытался еще раз отхлебнуть соку, но выяснилось, что стакан пуст. Как-то незаметно я успел все выхлебать.

— А дальше? — спросила Майка, презрительно усмехаясь.

— Все, — сказал я угрюмо, разглядывая пустой стакан. Действительно, сказать мне было больше нечего. Расстрелял я весь свой боезапас. Вероятно, я и шел-то к Майке не для того, чтобы разобраться, а просто чтобы обругать ее.

— А если все, — сказала Майка, — то иди в рубку и целуйся со своим Комовым. А заодно со своим Томом и прочей своей кибертехникой. А мы, знаешь ли, просто люди, и ничто человеческое нам не чуждо.

Я отодвинул стакан и встал. Говорить больше было не о чем. Все было ясно. Был у меня товарищ — нет у меня товарища. Ну что ж, перебежусь.

— Приятного аппетита, — сказал я и на негнущихся ногах направился в коридор.

Сердце у меня колотилось, губы отвратительно дрожали. Я заперся у себя в каюте, повалился на постель и уткнулся носом в подушку. В голове у меня в горькой и бездонной пустоте кружились, сталкивались и рассыпались невысказанные слова. Глупо. Глупо!.. Ну ладно, ну не нравится тебе эта затея. Мало ли кому что не нравится! В конце концов, тебя сюда не приглашали, случайно ты здесь оказалась, так уж веди себя как полагается! Ведь не понимаешь же ничего в контактах, квартирьер несчастный... Снимай свои паршивые кроки и делай то, что тебе говорят! Ну что ты смыслишь в абстрактных идеях? И где ты их вообще видела — абстрактные? Ведь сегодня она абстрактная, а завтра без нее история остановится... Ну, хорошо, ну, не нравится тебе. Ну, откажись!.. Ведь так все шло славно, только-только с Малышом сошлись, такой парень чудесный, умница, с ним горы можно было бы своротить! Эх ты, квартирьер... Друг, называется... А теперь вот ни Малыша, ни друга... И Комов тоже хорош: ломится, как вездеход, напролом, ни посоветуется, ни объяснит ничего толком... Не-ет, чтобы я еще когда-нибудь в контактах участвовал — дудки! Кончится вся эта кутерьма, немедленно подаю заявление в проект «Ковчег-2»... Я стал рисовать сладостные картины, как я работаю в проекте «Ковчег-2» — с Вадиком, с Таней, с головастой Нинон, в конце концов. Как зверь буду работать, без болтовни, ни на что не отвлекаясь. Никаких контактов!.. Незаметно я заснул и спал так, что только бурболки отскакивали, как говаривал мой прадед. Все-таки за последние двое суток я не проспал и четырех часов. Еле-еле Вандерхузе меня добудился. Пора было на вахту.

— А Майка? — спросил я спросонок, но тут же спохватился. Впрочем, Вандерхузе сделал вид, что не расслышал.

Я принял душ, оделся и пошел в рубку. Давешние неприятные ощущения вновь овладели мною. Не хотелось ни с кем разговаривать, не хотелось никого видеть. Вандерхузе сдал вахту и ушел спать, сообщив, что вокруг корабля ничего не происходит и что через шесть часов меня сменит Комов.

Было ровно двадцать два по бортовому времени. На экране играли сполохи над хребтом, дул сильный ветер с океана — рвал в клочья туманную шапку над горячей трясиной, прижимал к промерзшему песку оголенные кусты, швырял на пляж клочья мгновенно замерзающей пены. На посадочной полосе, слегка кренясь навстречу ветру, торчал одинокий Том. Все сигнальные огни его сообщали, что он в простое, никаких заданий не имеет и пребывает в готовности выполнить любое приказание. Очень грустный пейзаж. Я включил внешнюю акустику, с минуту послушал рев океана, свист и завывание ветра, дробный стук ледяных капель по обшивке и снова отключился.

Я попытался представить себе, что сейчас делает Малыш, вспомнил горячий ячеистый туман, размытые сгустки света, а точнее — не света, конечно, а тепла, и это ровное сияние, наполненное кашей странных звуков, и загадочный строй отражений, которые не были отражениями... Ну что ж, ему там, наверное, тепло, уютно, привычно и есть, ох есть, о чем поразмышлять. Забился, наверное, в какой-нибудь каменный угол и тяжело переживает обиду, которую нанесла ему Майка. («Мам-ма...» — «Да, колокольчик», — вспомнил я.) С точки зрения Малыша все это должно выглядеть крайне

нечестно. Я бы на его месте больше сюда никогда бы не пришел... А ведь Комов так обрадовался, когда Майка нацепила на Малыша свой обруч. «Молодец, Майя, — сказал он. — Это хороший шанс, я бы не рискнул...» Впрочем, все равно из этой идеи ничего не получилось бы. Все-таки конструкторы ТГ многого не додумали. Объектив, например, надо было делать стерео... Хотя, конечно, ТГ предназначается совсем для других целей... Но кое-что подсмотреть все-таки удалось. Скажем, как Малыш летел. Только — каким образом летел, почему летел, на чем летел?.. И эта сцена у разбитого «Пеликана»... Планета невидимок. Да, наверное, любопытные вещи можно было бы здесь увидеть, если бы Комов разрешил запустить сторожа-разведчика. Может быть, теперь разрешит? Да и сторожа-разведчика не нужно. На первый случай просто пройтись локатором-пробником по горизонту...

Запел радиовывоз. Я подошел к радию. Незнакомый голос очень вежливо, я бы даже сказал — робко, попросил Комова.

— Кто вызывает? — осведомился я не очень приветливо.

— Это такой член Комиссии по контактам. Горбовский моя фамилия. — Я сел. — Мне очень нужно поговорить с Геннадием Юрьевичем. Или он, может быть, спит?

— Сейчас, Леонид Андреевич, — забормотал я. — Сию минутку, Леонид Андреевич... — Я торопливо включил интерком. — Комова в рубку, — сказал я. — Срочный вызов с Базы.

— Да не такой уж срочный... — запротестовал Горбовский.

— Вызывает Леонид Андреевич Горбовский! — торжественно добавил я в интерком, чтобы Комов там не слишком копался.

— Молодой человек... — позвал Горбовский.

— На вахте Стась Попов, кибертехник! — отрапортовал я. — За время моей вахты никаких происшествий не произошло!

Горбовский помолчал, потом неуверенно произнес:

— Вольно...

Послышался стук торопливых шагов, и в рубку быстро вошел Комов. Лицо у него было осунувшееся, глаза стеклянные, под глазами темные круги. Я поднялся и уступил ему место.

— Комов слушает, — проговорил он. — Это вы, Леонид Андреевич?

— Это я, здравствуйте... — отозвался Горбовский. — Слушайте, Геннадий, а нельзя ли нам сделать так, чтобы мы друг друга видели? Тут какие-то кнопки...

Комов только глянул на меня, и руки мои сами протянулись к пульту и подключили визор. Мы, радисты, обычно держим визор отключенным. По разным причинам.

— Ага, — удовлетворенно сказал Горбовский. — Вот я вас начинаю видеть.

На нашем экранчике тоже появилось изображение — знакомое мне по портретам и описаниям длинное и как бы слегка вдавленное внутрь лицо Леонида Андреевича. Правда, на портретах он обычно выглядел таким античным философом, а сейчас вид имел несколько унылый, разочарованный, и на широком утином носу его, к моему изумлению, имела место царапина — по-моему, совсем свежая. Когда изображение установилось, я отступил и тихонько уселся на место вахтенного. У меня появилось сильнейшее предчувствие, что я сейчас буду выгнан, поэтому я принялся сосредоточенно озирать терзаемые ураганом окрестности.

Горбовский сказал:

— Во-первых, большое вам спасибо, Геннадий. Я просмотрел все ваши материалы и должен вам сказать, что это нечто совершенно особенное. Безумно интересно. Изобретательно, изящно... молниеносно...

— Польщен, — отрывисто сказал Комов. — Но?

— Почему «но»? — удивился Горбовский. — «И» — вы хотите сказать. И большинство членов Комиссии придерживается того же мнения. Трудно поверить, что такая колоссальная работа проделана за двое суток.

— Я здесь ни при чем, — сухо сказал Комов. — Благоприятные обстоятельства, только и всего.

— Нет, не говорите, — живо возразил Горбовский. — Согласитесь, вы же заранее знали, с кем имели дело. Это непросто — знать заранее. А потом — ваша решительность, интуиция... энергия...

— Я польщен, Леонид Андреевич, — повторил Комов, чуть повысив голос.

Горбовский помолчал и вдруг очень тихо спросил:

— Геннадий, как вы представляете себе дальнейшую судьбу Малыша?

Ощущение, что меня сейчас же, немедленно, в мгновение ока, с невозможной быстротой и прямоотой попросят из рубки, достигло во мне апогея. Я съежился и перестал дышать.

Комов сказал:

— Малыш будет посредником между Землей и аборигенами.

— Я понимаю, — сказал Горбовский. — Это было бы прекрасно. А если контакт не состоится?

— Леонид Андреевич, — произнес Комов жестко. — Давайте говорить прямо. Давайте выскажем вслух то, о чем мы с вами сейчас думаем, и то, чего мы опасаемся больше всего. Я стремлюсь превратить Малыша в орудие Земли. Для этого я всеми доступными мне средствами и совершенно беспощадно, если так можно выразиться, стремлюсь восстановить в нем человека. Вся трудность заключается в том, что человеческая психика, человеческое, земное отношение к миру в высшей степени, по-видимому, чужды аборигенам, воспитавшим Малыша. Они отталкиваются от нас, они не хотят нас. И этим отношением к нам насквозь пропитано все подсознание Малыша. К счастью или к несчастью, аборигены оставили в Малыше достаточно человеческого, чтобы мы получили возможность завладеть его сознанием. Ситуация, возникшая сейчас, — ситуация критическая. Сознание Малыша принадлежит нам. Подсознание — им. Конфликт очень тяжелый и рискованный, я это прекрасно сознаю, но этот конфликт разрешим. Мне нужно еще буквально несколько дней, чтобы подготовить Малыша. Я раскрою ему истинное положение дел, освобожу его подсознание, и Малыш превратится целиком и полностью в нашего сотрудника. Вы не можете не понимать, Леонид Андреевич, какую ценность представляет для нас такое сотрудничество... Я предвижу множество трудностей. Например, подсознательное отталкивание в принципе может превратиться у Малыша — после того как мы раскроем ему истинное положение дел — в сознательное стремление защититься от нас свой «дом», своих спасителей и воспитателей. Может быть, возникнут новые опасные напряжения. Но я уверен: мы сумеем убедить Малыша, что наши цивилизации — это равные партнеры со своими достоинствами и недостатками, и тогда он, как посредник между нами, сможет всю жизнь черпать и с той, и с другой стороны, не опасаясь ни за тех, ни за других. Он будет горд своим исключительным положением, жизнь его будет радостна и полна... — Комов помолчал. — Мы должны, мы обязаны рискнуть. Такого случая больше не будет никогда. Вот моя точка зрения, Леонид Андреевич.

— Понимаю, — сказал Горбовский. — Знаю ваши идеи, ценю их. Знаю, во имя чего вы предлагаете рискнуть. Но согласитесь, риск не должен превышать какого-то предела. Поймите, с самого начала я был на вашей стороне. Я знал, что мы рискуем, мне было страшно, но я все думал: а вдруг обойдется? Какие перспективы, какие возможности!.. И еще я все время думал, что мы всегда успеем отступить. Мне и в голову не приходило, что мальчик окажется таким коммуникабельным, что дело пойдет так далеко уже через двое суток. — Горбовский сделал паузу. — Геннадий, контакта ведь не будет. Пора бить отбой.

— Контакт будет! — сказал Комов.

— Контакта не будет, — мягко, но настойчиво повторил Горбовский. — Вы ведь прекрасно понимаете, Геннадий, что мы имеем дело со свернувшейся цивилизацией. С разумом, замкнутым на себя.

— Это не замкнутость, — сказал Комов. — Это квазизамкнутость. Они стерилизовали планету и явно поддерживают ее в таком состоянии. Они почему-то спасли и воспитали Малыша. Они, наконец, очень неплохо осведомлены о человечестве. Это квазизамкнутость, Леонид Андреевич.

— Ну, Геннадий, абсолютная замкнутость — это теоретическая идеализация. Конечно, всегда остается какая-то функциональная деятельность, направленная вовне, например, санитарно-гигиеническая. Что же касается Малыша... Конечно, все это домыслы, но ведь если цивилизация достаточно стара, гуманизм ее мог превратиться в безусловный социальный рефлекс, в социальный инстинкт. Ребенок был спасен просто потому, что в такой акции испытывалась потребность...

— Все это возможно, — сказал Комов. — Не в домыслах сейчас дело. Важно то, что это квазизамкнутость, что лазейки для контакта остаются. Конечно, процесс сближения будет очень длителен. Может быть, понадобится на полтора, на два порядка больше времени, чем для сближения с обычной разомкнутой цивилизацией... Нет, Леонид Андреевич. Обо всем этом я думал, и вы сами хорошо понимаете, что ничего нового вы мне не сказали. Ваше мнение против моего — и только. Вы предлагаете отступить, а я хочу использовать этот единственный шанс до конца.

— Геннадий, не только я думаю, что контакта не будет, — тихонько сказал Горбовский.

— Кто же еще? — осведомился Комов с легкой иронией. — Август-Иоганн-Мария Бадер?

— Нет, и не только Бадер. Честно говоря, я скрыл от вас одну козырную карту, Геннадий... Вам никогда не приходило в голову, что Шура Семенов стер боржурнал не на планете, а еще в космосе; не потому, что увидел разумных чудовищ, а потому, что еще в космосе подвергся нападению и решил, что на планете господствует высокоразвитая агрессивная цивилизация? Нам это в голову пришло. Не сразу, конечно, — вначале мы просто сделали правильные выводы из неверной предпосылки, как и вы. Но как только эта мысль пришла нам в голову, мы принялись обшаривать околопланетное пространство. И вот два часа назад пришло сообщение, что он, наконец, обнаружен. — Горбовский замолчал.

Я прилагал гигантские усилия, чтобы не закричать: «Кто? Кто обнаружен?» Помоему, Горбовский ждал такого возгласа. Но не дождался. Комов безмолвствовал. Горбовский был вынужден продолжать.

— Он великолепно замаскирован. Он поглощает почти все лучи. Мы бы никогда не нашли его, если бы не искали специально, да и то пришлось применить что-то совсем новое — мне объясняли, но я не понял, что именно — какой-то вакуумный концентратор. В общем, мы его нащупали и взяли на абордаж. Спутник-автомат, что-то вроде вооруженного часового. Судя по некоторым деталям конструкции, его установили здесь Странники. Очень давно установили, порядка сотни тысяч лет назад. К счастью для участников проекта «Ковчег», он нес на себе всего два заряда. Первый заряд был выпущен в незапамятные времена, мы уже теперь и не узнаем, наверное, по кому. Второй заряд пришелся на долю Семеновых. Странники считали эту планету запрещенной, много объяснения я придумать не могу. Вопрос: почему? В свете того, что мы знаем, ответ может быть только один: они на своем опыте поняли, что местная цивилизация некоммуникабельна, более того — она замкнута, более того — контакт грозит серьезными потрясениями для этой цивилизации. Если бы на моей стороне был только Август-Иоганн-Мария Бадер... Но, насколько я помню, вы всегда с большим уважением отзывались о Странниках, Геннадий. — Горбовский снова помолчал. — Однако дело не только в этом. При прочих равных условиях мы, невзирая даже на мнение Странников,

могли бы позволить себе очень осторожные, очень постепенные попытки развернуть этих свернувшихся аборигенов. В худшем случае наш опыт обогатился бы еще одним отрицательным результатом. Мы бы поставили здесь какой-нибудь предупреждающий знак и убрались бы восвояси. Это было бы делом только наших двух цивилизаций... Но дело в том, что между нашими двумя цивилизациями, как между молотом и наковальней, оказалась сейчас третья, и за эту третью, Геннадий, за единственного ее представителя, Малыша, мы вот уже несколько суток несем всю полноту ответственности.

Я услышал, как Комов глубоко вздохнул, и наступило долгое молчание. Когда Комов заговорил снова, голос у него был какой-то необычный, какой-то надломленный. Заговорил он о Странниках: сначала подивился тому, что Странники, поставив охранный спутник, пошли на риск, граничащий с преступлением, но потом сам же вспомнил косвенные данные, согласно которым Странники всегда путешествуют целыми эскадрами и всякий одиночный звездолет в их представлении не может быть ничем иным, кроме автоматического зонда. Поговорил он также о том, что и на Земле приходит к концу полувекковая варварская эпоха одиночных полетов в свободный поиск — слишком много жертв, слишком много нелепых ошибок, слишком мало толку. «Да, — соглашался Горбовский, — я тоже об этом думал». Потом Комов вспомнил о случаях загадочного исчезновения автоматических разведчиков, запущенных к некоторым планетам. «У нас все руки не доходили проанализировать эти исчезновения, а ведь теперь они предстают в новом свете». — «И верно! — с энтузиазмом подхватил Горбовский. — Об этом я как раз не подумал, это очень интересная мысль». Поговорили об охранным спутнике, подивились, что он нес только два заряда, попытались прикинуть, каковы же в этом случае должны быть представления Странников об обитаемости Вселенной, нашли, что в конечном счете они не очень отличаются от наших представлений, но сама собой возникает мысль, что Странники, по-видимому, намеревались вернуться сюда, да вот почему-то не вернулись — возможно, прав Боровик, полагая, что Странники вообще покинули Галактику. Комов полушутливо предположил, что аборигены и есть Странники — угомонившиеся, насытившиеся внешней информацией, замкнувшиеся на себя. Горбовский опять намекнул на идеи Комова и тоже в шутку стал его допрашивать, как надлежит оценивать такую эволюцию Странников в свете теории вертикального прогресса.

Потом поговорили о здоровье доктора Мбоги, перескочили внезапно на умиротворение какой-то Островной Империи и о роли в этом умиротворении некоего Рудольфа, которого они почему-то тоже называли Странником; плавно и как-то неуловимо перешли от Рудольфа к вопросу о пределах компетенции Совета Галактической Безопасности, согласились на том, что в компетенцию эту входят только гуманоидные цивилизации... Очень скоро я перестал понимать, о чем они говорят, а главное — почему они говорят именно об этом.

Потом Горбовский сказал:

— Я вас совсем заморил, Геннадий, извините. Идите отдыхать. Очень приятно было с вами побеседовать. Мы таки давненько не видались.

— Но скоро, конечно, увидимся вновь, — проговорил Комов с горечью.

— Да, думаю, дня через два. Бадер уже в пути, Боровик тоже. Я думаю, что послезавтра весь КОМКОН будет на Базе.

— Значит, до послезавтра, — сказал Комов.

— Передайте привет вашему вахтенному... Стасю, кажется. Очень он у вас... такой... строевой, я бы сказал. И Якову, Якову обязательно передавайте привет! Ну, и всем остальным, конечно.

Они попрощались.

Я сидел тихо, как мышь, и продолжал бессмысленно таращиться на обзорный экран, ничего не видя, ничего не понимая. За спиной у меня не было слышно ни звука. Минуты тянулись нестерпимо медленно. От желания обернуться у меня окаменела шея и колело

под лопаткой. Мне было совершенно ясно, что Комов сражен. Во всяком случае, я был сражен наповал. Я искал ответ за Комова, но в голове у меня бессмысленно вертелось только одно: «А что мне Странники? Подумаешь, Странники! Я сам, в некотором роде, Странник...»

Вдруг Комов сказал:

— Ну а ваше мнение, Стась?

Я чуть было не ляпнул: «А что нам Странники?» — но удержался. Посидел секунду в прежней позе для значительности, а потом повернулся вместе с креслом. Комов, положив подбородок на сплетенные пальцы, смотрел на потухший экранчик визора. Глаза его были полузакрыты, рот какой-то скорбный.

— Наверное, придется выждать... — сказал я. — Что ж делать... Да и Малыш, может быть, больше не придет... Во всяком случае, не скоро придет...

Комов усмехнулся краем рта.

— Малыш-то придет, — сказал он. — Малыш слишком любит задавать вопросы. А представляете, сколько у него теперь новых вопросов?

Это было почти слово в слово то, что сказал в кают-компании Вандерхузе.

— Тогда, может быть... — пробормотал я нерешительно, — может быть, и на самом деле лучше...

Ну что я мог ему сказать? После Горбовского, после самого Комова, что мог сказать незаметный рядовой кибертехник, двадцати лет, стаж практической работы шесть с половиной суток, — парень, может быть, и неплохой, трудолюбивый, интересующийся и все такое, но, прямо надо признать, не великого ума, простоватый, невежественный...

— Может быть, — вяло сказал Комов. Он поднялся, направился, шаркая подошвами, к выходу, но на пороге остановился. Лицо его вдруг исказилось. Он почти выкрикнул: — Неужели же никто из вас не понимает, что Малыш — это случай единственный, случай, по сути дела, невозможный, а потому единственный и последний! Ведь этого больше не случится никогда. Понимаете? Ни-ког-да!

Он ушел, а я остался сидеть лицом к рации и спиной к экрану и старался разобраться не столько даже в мыслях своих, сколько в чувствах. Никогда!.. Конечно, никогда. Как мы все здесь запутались! Бедный Комов, бедная Майка, бедный Малыш... А кто самый бедный? Теперь мы, конечно, отсюда уйдем. Малышу станет полегче, Майка пойдет учиться на педагога, так что, пожалуй, самый бедный — Комов. Это же надо придумать: наткнуться — лично наткнуться! — на уникальнейшую ситуацию, на уникальнейшую возможность подвести наконец под свои идеи экспериментальный базис, и вдруг — все вдребезги! Вдруг тот самый Малыш, который должен был стать верным помощником, неопенимым посредником, главным тараном, сокрушающим все преграды, сам превращается в главное препятствие... Ведь нельзя же ставить вопрос: будущее Малыша или вертикальный прогресс человечества. Тут какая-то логическая каверза, вроде апорий Зенона... Или не каверза? Или на самом деле вопрос так и следует ставить? Человечество все-таки... В задумчивости я повернулся в кресле лицом к экрану, рассеянно оглядел окрестности и ахнул. Великие вопросы мгновенно вылетели у меня из головы.

Урагана как не бывало. Все вокруг было бело от инея и снега, а Том стоял совсем рядом с кораблем, на самой границе мертвой зоны, перед входным люком, и я сразу понял, что это Малыш сидит там на снегу и не решается войти — одинокий, раздираемый между двумя цивилизациями...

Я вскочил и галопом понесся по коридору. В кессоне я машинально схватил было доху, но тут же бросил ее, всем телом ударил в перепонку люка и вывалился наружу. Малыша не было. Глупый Том зажег огонек, испрашивая приказаний. Все было белое и искрилось в свете сполохов. Но у самого люка, у меня под ногами, чернел какой-то круглый предмет. Я попятился. Черт знает, какая дикость представилась мне на мгновение. Я даже не сразу заставил себя нагнуться.

Это был наш мяч. А на мяч был напаян обруч с «третьим глазом». Объектив был разбит, и вообще обруч выглядел так, словно побывал под обвалом.

И ни одного следа на снежной пелене.

Заключение

Он вызывает меня всякий раз, когда ему хочется побеседовать.

— Здравствуй, Стась, — говорит он. — Побеседуем? Давай?

Для связи выделено четыре часа в сутки, но он никогда не выдерживает расписания. Он его не признает. Он вызывает меня, когда я сплю, когда я сижу в ванне, когда я пишу отчеты, когда я готовлюсь к очередному разговору с ним, когда я помогаю ребятам, которые по винтику перебирают охранный спутник Странников... Я не сержусь. На него нельзя сердиться.

— Здравствуй, Малыш, — отзываюсь я. — Конечно, давай побеседуем.

Он жмурится, как бы от удовольствия, и задает свой стандартный вопрос:

— Ты сейчас настоящий, Стась? Или это твое изображение?

Я уверяю его, что это я, собственной персоной, Стась Попов, лично и без никаких изображений. Уже много раз я объяснял ему, что не умею строить изображения, и он, по моему, давным-давно это понял, но вопрос остается. Может быть, он так шутит, может быть, без этого вопроса он не представляет себе нормальный обмен приветствиями, а может быть, ему просто нравится слово «изображение». Есть у него любимые слова — «изображение», «феноменально», «по бим-бом-брамселям»...

— Почему глаз видит? — начинает он.

Я объясняю ему, почему видит глаз. Он внимательно слушает, то и дело прикасаясь к своим глазам длинными чуткими пальцами. Он великолепно умеет слушать, и хотя теперь он бросил эту свою манеру — метаться как угорелый, когда его что-нибудь особенно поражает, — я все время чувствую в нем какой-то азарт, скрытую буйную страсть, неопишуемый, недоступный мне, к сожалению, всепоглощающий восторг узнавания.

— Феноменально! — хвалит он, когда я заканчиваю. — Щелкунчик! Я это обдумую, а потом спрошу еще раз...

Между прочим, эти его одинокие размышления над прослушанным (бешеный танец лицевых мускулов, замысловатые узоры из камней, прутьев, листьев) наводят его иногда на очень странные вопросы. Вот и сейчас:

— Как узнали, что люди думают головой? — спрашивает он.

Я слегка ошарашен и начинаю барахтаться. Он слушает меня по-прежнему внимательно, и постепенно я выплываю, нащупываю твердую почву под ногами, и все идет вроде бы гладко, и оба мы вроде бы довольны, но когда я заканчиваю, он объявляет:

— Нет. Это очень частное. Это не всегда и не везде. Если я думаю только головой, то почему я совсем не могу размышлять без рук?..

Я чувствую, что мы вступаем на скользкую почву. Центр категорически предписал мне любой ценой уклоняться от разговоров, которые могли бы навести Малыша на идею аборигенов. И предписал, надо сказать, правильно. Совсем избежать таких разговоров не удастся, и в последнее время я заметил, что Малыш как-то очень болезненно переживает даже собственные ссылки на свой образ жизни. Может быть, начинает догадываться? Кто его знает... Я уже несколько дней жду его прямого вопроса. Хочу этого вопроса и боюсь его...

— Почему вы можете, а я не могу?

— Этого мы еще толком не знаем, — признаюсь я и осторожно добавляю: — Есть предположение, что ты все-таки не совсем человек...

— Тогда что же такое человек? — немедленно осведомляется он. — Что такое человек совсем?

Я очень неважно представляю себе, как можно ответить на такой вопрос, и обещаю рассказать ему об этом в следующую встречу. Он сделал из меня настоящего энциклопедиста. Иногда я круглые сутки глотаю и перевариваю информацию. Главный Информаторий работает на меня, крупнейшие специалисты по самым различным отраслям знания работают на меня, я обладаю правом в любую минуту связаться с любым из них и просить разъяснений — относительно моделирования П-абстракций, обмена веществ у абиссальных форм жизни, методики построения шахматных этюдов...

— У тебя усталый вид, — сочувственно замечает Малыш. — Ты устал?

— Ничего, — говорю я. — Терпеть можно.

— Странно, что ты устаешь, — сообщает он задумчиво. — Я почему-то никогда не устаю. А что такое, собственно, усталость?

Я набираю в грудь побольше воздуха и принимаюсь объяснять ему, что такое усталость. Не переставая слушать, он раскладывает перед собою камешки, которые обработал для него старый добрый Том, придав им форму кубиков, шаров, параллелепипедов, конусов и более сложных фигур. К тому моменту, когда я заканчиваю, перед Малышом вырастает сложнейшее сооружение, решительно ни на что не похожее, но тем не менее в своем роде гармоническое и странно осмысленное.

— Ты рассказал хорошо, — говорит Малыш. — Скажи мне, наша беседа записывается?

— Да, конечно.

— Изображение хорошее, четкое? Изображение!

— Как всегда.

— Тогда пусть эту фигуру посмотрит дед. Посмотри, дед: узлы остывания здесь, здесь и здесь...

Дед Малыша, Павел Александрович Семенов, работает в области реализации абстракций в смысле Парсиваля. Он довольно рядовой ученый, но большой эрудит, и Малыш поддерживает с ним постоянную творческую связь. Павел Александрович говорил мне, что Малыш мыслит зачастую наивно, но всегда оригинально, и некоторые из его построений представляют определенный интерес для теории Парсиваля.

— Обязательно, — говорю я. — Непременно передам. Сегодня же.

— А может быть, это пустяки, — вдруг заявляет Малыш и одним движением сметает всю свою конструкцию. — Что сейчас делает Лева? — спрашивает он.

Лева — это старший инженер Базы, большой шутник и анекдотчик. Когда Лева беседует с Малышом, околопланетный эфир заполняется хохотом и азартными визгами, а я испытываю что-то вроде ревности. Малыш очень любит Леву и обязательно каждый раз спрашивает о нем. Иногда он спрашивает и о Вандерхузе, и тогда чувствуется, что сладостная тайна бакенбард до сих пор осталась для него неразгаданной и острой. Раз или два он спросил о Комове, и мне пришлось объяснить ему, что такое проект «Ковчег-2», а также зачем этому проекту нужен ксенопсихолог. А вот о Майке он не спросил ни разу. Когда я сам попытался заговорить о ней, когда попытался объяснить, что Майка, если и обманывала, то для его же, Малыша, пользы, что из нас четверых именно Майка первая поняла, как тяжело Малышу и как он нуждается в помощи, — когда я попытался все это ему растолковать, он просто встал и ушел. И точно так же он встал и ушел, когда я однажды, к слову, принялся объяснять ему, что такое ложь...

— Лева спит, — говорю я. — У нас тут сейчас ночь, вернее, ночное время бортовых суток.

— Значит, ты тоже спал? Я тебя опять разбудил?

— Это нестрашно, — говорю я искренне. — Мне интереснее с тобою, чем спать.

— Нет. Ты иди и спи, — решительно распоряжается Малыш. — Странные мы все-таки существа. Обязательно нам нужно спать.

Это «мы» подобно бальзаму проливается на мое сердце. Впрочем, Малыш последнее время часто говорит «мы», и я уже понемножку начал привыкать.

— Иди спать, — повторяет Малыш. — Но только скажи мне сначала: пока ты спишь, никто не придет на этот берег?

— Никто, — говорю я, как обычно. — Можешь не беспокоиться.

— Это хорошо, — говорит он с удовлетворением. — Так ты спи, а я пойду поразмышляю.

— Конечно, иди, — говорю я.

— До свидания, — говорит Малыш.

— До свидания, — говорю я и отключаюсь.

Но я знаю, что будет дальше, и я не иду спать. Мне совершенно ясно, что сегодня я опять не высплусь.

Он сидит в своей обычной позе, к которой я привык и которая уже не кажется мне мучительной. Некоторое время он всматривается в потухший экран во лбу старины Тома, потом поднимает глаза к небу, как будто надеется увидеть там, на двухсоткилометровой высоте, мою Базу, состыкованную со спутником Странников, а за его спиной расстилается знакомый мне пейзаж запрещенной планеты Ковчег — песчаные дюны, шевелящаяся шапка тумана над горячей топью, хмурый хребет вдали, а над ним — тонкие длинные линии колоссальных, по-прежнему и, может быть, навсегда загадочных сооружений, словно гибкие, тревожно трепещущие антенны чудовищного насекомого.

Там у них сейчас весна, на кустах распустились большие, неожиданно яркие цветы, над дюнами струится теплый воздух. Малыш рассеянно озирается, пальцы его перебирают отшлифованные камешки. Он смотрит через плечо в сторону хребта, отворачивается и некоторое время сидит неподвижно, понунив голову. Потом, решившись, он протягивает руку прямо ко мне и нажимает клавишу вызова под самым носом у Тома.

— Здравствуй, Стась, — говорит он. — Ты уже поспал?

— Да, — отвечаю я. Мне смешно, хотя спать хочется ужасно.

— А хорошо было бы сейчас поиграть, Стась. Верно?

— Да, — говорю я. — Это было бы неплохо.

— Сверчок на печи, — говорит он и некоторое время молчит.

Я жду.

— Ладно, — бодро говорит Малыш. — Тогда давай опять побеседуем. Давай?

— Конечно, — говорю я. — Давай.

Из архива

Аркадий Стругацкий Гость из Полудня

Пролог

Ожесточенная пулеметно-ружейная трескотня, звонкие удары пушечных выстрелов, характерный лязг и скрип танковых гусениц, рев моторов.

На вершине холма стоит Женщина из будущего. Руки ее стиснуты перед грудью, на лице выражение изумления, ужаса, испуганного внимания. Тонкая фигура ее, облаченная в сверкающий комбинезон, четко выделяется на фоне клубов дыма от горящего леса.

Три фашистских танка и несколько десятков эсэсовцев-автоматчиков наступают во фланг партизан вдоль берега болота. Танки идут медленно, опасаясь мин, передний словно нащупывает дорогу, тяжело переваливаясь на гнилых пнях, шлепая гусеницами по топкой грязи. Башни танков повернуты влево, они бьют из пушек по партизанским позициям — бьют методично, по очереди, чтобы не мешать друг другу пристреливаться. Фашистские автоматчики почти не стреляют, они наступают умело, перебежками, хорошо пользуясь складками местности.

Это превосходно отлаженный боевой механизм, машина убийства, выполняющая привычную и даже слегка поднадоевшую работу. За башней переднего танка сидит на корточках Рудольф, командир танкистов, лейтенант СС. Он — мозг, дирижер этого оркестра смерти — жестами отдает команды идущим позади машинам и эсэсовским автоматчикам. Партизанские пули то и дело шелкают по броне, разбрызгивают грязь вокруг гусениц, вздымают столбики воды в темных лужах.

Лицо Женщины из будущего. Она подносит ко рту кулак, закусывает костяшки.

Передовой секрет партизан, крошечный окопчик у берега болота. Двое партизан — старик и молодой — растерянно глядят на приближающиеся танки. Банг... банг... банг... — удары танковых пушек. Это не по ним, это по их товарищам справа, но молодой утыкается лицом в бруствер и зажимает уши ладонями. Старик неуверенно поднимает на бруствер ручной пулемет.

Штаб командира фашистских карателей гауптштурмфюрера Штрассера. Редколесье, бронетранспортер. Штрассер в длинном блестящем плаще проаживается по полянке, искоса поглядывает на двух радистов, расположившихся неподалеку. Пронесят на носилках раненого. Штрассер подходит к радистам:

— Напомните командирам групп: через двадцать минут общая атака. Если до этого будут две ракеты, общее отступление.

Передний танк с изображением морского конька на лобовой броне подминает под себя проволочное ограждение, колья которого торчат из черной воды.

— Господи, спаси и помилуй, — бормочет старик и дает первую очередь.

Рудольф ныряет за башню. Банг... банг... банг...

Старик хватает молодого за плечо, сует ему приклад пулемета, а сам садится на дно окопчика и принимается торопливо вязать связку из пяти немецких гранат с длинными деревянными ручками.

Наискосок по склону, скользя и спотыкаясь, бегут десять партизан. Впереди с автоматом под мышкой, неловко размахивая рукой, чтобы удержать равновесие, спешит Комиссар, крупный, нескладный, в сползающих на нос очках в металлической оправе. За ним, не отставая, Медсестра с толстой сумкой через плечо, пулеметчики с пулеметом на треноге и коробками лент и еще двое с ящиком гранат. Банг... банг... банг...

— Борька, — задыхаясь говорит Комиссар. — Давай скоренько к Петренко на боепитание, вели еще гранат побольше...

Один из партизан отделяется от группы и бежит вправо, ныряя между кустами.

«Морской конек» соскальзывает боком в болотную жижу, правая гусеница его бешено вращается, поднимая фонтаны воды. Рудольф поворачивается к задним машинам. Уверенный жест регулировщика, и обе махины послушно сворачивают влево, обходя неудобное место. Банг! — пушка первого танка. И с правильными промежутками в три секунды: Банг... банг... — пушки задних танков. «Морской конек» с оглушительным ревом, окутываясь выхлопными газами, рывком выбирается из трясины и снова занимает позицию во главе колонны.

В окопчике секрета старик заканчивает вязать связку. Молодой стреляет непрерывно, лицо его черно от пороховой гари. «Морской конек» движется прямо на них. Пульсирующее пламя на фоне темной брони — бьет танковый пулемет. Очередь взбивает землю на бруствере, молодой кричит и сползает вниз.

Комиссар и его группа соскакивают в более просторный окоп шагах в пятидесяти позади секрета. Прыгают торопливо, чуть ли не на плечи друг другу, и все же последний остается наверху, ничком, свесив в окопчик мертвые руки. Впереди в секрете снова отчаянно кричит молодой. Медсестра выскакивает из окопа и бежит к нему.

— Куда? Татьяна! Назад... Ну, куда? — кричит Комиссар задыхающимся голосом. Лицо его заливают пот. Он некоторое время смотрит вслед девушке, вытянув шею, затем машет рукой и осматривается. Его бойцы вяжут связки гранат и устанавливают пулемет.

Танки надвигаются, до окопчика секрета уже рукой подать. Автоматчики ловко и точно, как на учениях, начинают разворачиваться цепью влево, охватывая фланг партизанской позиции. Видимо, немцы не замечают группу Комиссара.

— Живо, живо, ребятки! — хрипло говорит Комиссар. — Сейчас мы их встретим. Танк — он ведь слепой, главное, не теряйтесь... (Пулеметчику.) Коля! Как только мы ударим по танкам, бей по пехоте кинжальным... Видишь, они к нам боком... Узенько бей, с рассеянием в глубину... Ах, какая неприятность... И как мы это упустили?

Старик в окопчике поднимается со связкой, когда сверху на него прыгает Медсестра.

— Ой ты! — испуганно вскрикивает он и приседает. — Очумела! Откуда это ты?

Ответа не слышно, все заглушает рев танка, карабкающегося на возвышенность. Банг... банг... банг... Старик выглядывает и сразу прячется.

— Пропали мы, Танька...

Медсестра поднимает голову. Старик неподвижным взглядом смотрит на нее, губы его шевелятся, будто он читает молитву. Медсестра вдруг выхватывает у него связку гранат, едва не роняет ее — тяжеленная! — и лезет из окопчика навстречу танкам.

— Куда? — ошеломленно кричит старик. — Куда, дура?

Он хватается за ногу, в руке остается сапог. Миг — и девушка стоит на бруствере, в одном сапоге, прижимая к груди связку. Танк черной горячей глыбой прямо перед нею.

Рудольф за башней, повернувшись к партизанам спиной, что-то приказывает жестами задним машинам.

Девушка делает шаг вперед.

«Морской конек» надвигается.

Женщина из будущего наклоняет голову и закрывает лицо руками.

Медсестра пробегает навстречу танку несколько шагов, ставит связку на землю и изо всех сил рвет шнур из рукоятки.

Танковый пулемет обдает ее пульсирующим пламенем.

Медсестра с трудом выпрямляется и слабым движением, раскачав, бросает связку перед собой, прямо под танк.

Видимо, водитель только в последнюю секунду понял опасность. Танк с ходу останавливается, бешено вертится в грязи правая гусеница. От резкого толчка Рудольф кубарем летит с брони в сторону.

Взрыв.

Оседают вздыбленная земля. Полная тишина.

Ноги Медсестры — одна в неуклюжем кирзовом сапоге, другая, маленькая, худая, в порванном чулке и размотавшейся портянке. Неподвижные пальцы впились в рыхлую землю.

Танк горит. Из бортового люка свесился мертвый танкист, пламя лижет его белобрысые волосы. Линяет и свертывается изображение морского конька.

Сбоку стоит весь обмазанный грязью Рудольф.

Неподвижно застыли задние танки.

Смотрит Рудольф.

Смотрит старик из окопчика. Смотрит Комиссар. Смотрят его бойцы.

Огромными остановившимися глазами смотрит Женщина из будущего.

Тишина лопается. Снова трещат выстрелы. Комиссар, очнувшись, толкает в спину пулеметчика.

— Давай, Коля!

Пулемет стреляет. Видно, как пораженные внезапным фланговым огнем автоматчики прижались к земле и начали отползать. Руки второго номера все в кровавых ссадинах, ловко и торопливо подающие ленту. А Комиссар все смотрит на горящий танк. Из-под очков текут слезы, он не вытирает их, лицо его неподвижно и спокойно, он только бормочет укоризненно:

— Эх, Таня, Танечка, Татьяна Ивановна...

Рудольф, чавкая ботинками по грязи, идет к уцелевшим танкам. Порыв ветра относит клубы дыма, и его долговязая фигура появляется в поле зрения Комиссара. Комиссар протирает очки, кладет на бруствер ствол автомата. Очередь. Вокруг Рудольфа фонтанчики воды. Он приостанавливается, затем с трудом, прихрамывая, идет дальше. Дым вновь скрывает его.

Танкисты второго танка втаскивают его в люк.

Панорама сверху и вдаль: на переднем плане окоп Комиссара, дальше окопчик секрета, перед ним горящий чадным пламенем танк. Правее залегшие эсэсовцы. Оба танка позади горячей машины задвигались и медленно двинулись задним ходом. Их башни по-прежнему повернуты влево. Банг... банг... Боевая машина фашистов дала перебой, но она цела и продолжает работать. Из танка, куда забрался Рудольф, взлетает ракета. Сейчас же отвечает ракетой цепь автоматчиков. Банг... банг...

В штабе Штрассера радист кричит:

— Господин гауптштурмфюрер! Командиры групп передают: две ракеты на правом фланге!

Штрассер досадливо щелкает пальцами. Затем приказывает:

— Минометной и артиллерийской группам открыть заградительный огонь. Командирам пехотных групп: общее отступление.

Трясущая спина пулеметчика, ловкие руки второго номера, подающие ленту. Один из партизан нерешительно ставит под ноги готовую связку гранат и смотрит на Комиссара.

— Может, вперед, товарищ комиссар?

Комиссар не отвечает, напряженно вглядываясь в поле боя. Танки по-прежнему методично бьют из пушек и отступают к кустарнику, куда стягиваются отступающие эсэсовцы. Эсэсовцы отходят в полном порядке, оставив несколько трупов и унося раненых. Из башни танка высоко в небо взлетают две ракеты. Панорама быстро перемещается вправо, там тают над партизанскими позициями дымы разрывов, горит кустарник. За гребнем холма взлетают две ответные ракеты.

— Сейчас Григорий Петрович в контратаку перейдет, — говорит боец рядом с Комиссаром.

— Я его тогда расстреляю после боя, — сквозь зубы отзывается Комиссар.

Танки, двигаясь среди кустов взад и вперед, медленно отходят, закрывая собой автоматчиков.

В окоп вваливается подросток с винтовкой — волосы растрепаны, на щеке свежая царапина.

— Товарищ комиссар, Батя велел с места не двигаться, стоять, где стоите...

— Не слепой, — также сквозь зубы говорит Комиссар. — Где он сейчас, Батя?

— У Григория Петровича... Ой, что там делается! Человек пятьдесят побило, Григорий Петрович тяжело ранен... Батю оцарапало...

— Вот, понимаешь... А у нас, понимаешь, Таня... Татьяна Ивановна...

Женщина из будущего неподвижно стоит — или парит? — на фоне клубов дыма. Дым становится гуще, постепенно заволакивает ее...

Часть 1

Штаб партизанской базы. Землянка, обшитые тесом стены, низкий бревенчатый потолок, дверь, завешенная попоной. У стола, где попеременно стоят консервные банки, патронные пачки, бутылка с водкой, закопченный чайник, сидит Комиссар и снаряжает автоматный диск. Комиссар болен — его знобит, лихорадит. Медленно, по одному берет он забинтованными пальцами патроны из пачки. Тускло поблескивают очки, из-под расстегнутой телогрейки видна гимнастерка. Из нагрудного кармана — разлохмаченный край блокнота, огрызок карандаша острием вверх. Волосы на голове мокрые и слежавшиеся, на макушке влажный вихор.

Попона откидывается, входит Батя, командир базы. Это низенький плотный дядька лет пятидесяти, в грязном городском пальто, перепоясанном командирским ремнем довоенного образца. Ремень затянут слабо и с правой стороны отвисает под тяжестью пистолетной кобуры. На голове картуз поверх намотанного в несколько слоев бинта.

Комиссар взглядывает на него и вновь склоняется над диском. Батя расстегивает ремень, стаскивает пальто, садится и с видимым наслаждением стягивает облепленные глиной сапоги. Затем шлепает босыми ногами в угол и пьет воду из ведра на табурете. Не оборачиваясь, между глотками:

— У Григория был?

— У Семена теперь. Был. Полчаса назад. Под утро опять пойду.

— Где посты расставил?

— На старых местах. Старые окопы подправили... Еще правее битого танка новый отрыли, поставили станковый пулемет.

— А в самом танке не пробовали? Железо все-таки...

— Горит он еще. Вонь такая, хоть святых выноси. Может, ближе к утру... Гранат туда надо бы побольше.

Батя возвращается к столу, присаживается, отламывает от краюхи кусочек хлеба, устало жует. Из-под повязки по небритой щеке ползет струйка крови. Батя стирает ее, секунду смотрит на ладонь, вытирает ладонь о штаны.

— Думаешь, значит, завтра опять полезут?

— Обязательно.

— И опять там же?

— Больше нигде.

— Да-а...

Батя берет бутылку, смотрит ее на свет лампы, снова ставит на стол.

— Я одного, комиссар, не пойму. Почему они отступили? Ведь еще бы немного, и...

— Решили, видимо, что первый подорвался на mine. Таня-то у него прямо из-под носа выскочила, никто ее не заметил...

— Должно быть, так. Ночью, выходит, саперы могут ползть...

— Могут...

Слышна серия недалеких взрывов: Штрассер ведет по партизанским позициям беспокоящий огонь. С потолка сыпятся опилки, крошки засохшей глины. Батя:

— Погодя схожу туда.

— Не надо. Я туда Волейчука послал.

— Ну, все-таки...

Батя, поколебавшись, вновь берет бутылку, вопросительно смотрит на Комиссара:

— Будешь?

— Не буду. Сам выпей. Да вздремни час-другой.

Батя выпивает из жестяной кружки, крутит головой.

— Нет, схожу все-таки. Дождь собирается, самая погода для них.

— За погоду ты спасибо скажи, нам бы под «юнкерсами» и двух суток не высидеть.

— Да, попались мы...

Снова минометные разрывы.

— Слушай, — говорит Батя. — Откуда здесь танки?

— Не знаю. В городе у Штрассера ни одного не было. Только броневики. Автоматчиков с ними видел? Полагаю, это не жандармерия какая-нибудь, не инвалидная команда. Похоже, что матерые волки, ваффены. Может быть, Штрассер у проходящего эшелона выпросил на денек-другой...

— М-да. Сегодня три выпросил, завтра — десяток...

Молчание. Снова капля крови ползет из-под бинта. Батя раздраженно смахивает ее.

— Коновал чертов, перевязать толком не умеет... Фельдшер, называется...

— Кто?

— Да Сашка, кто еще? Карякин.

— Карякин — ветеринар, студент. Он же два года поезда под откос пускает, какой он тебе фельдшер... А чего ты в госпиталь не сходил?

— Там Моисеичу и без моих царапин дел по горло. Шестьдесят трое раненых...

— А мне сказали — пятьдесят семь... (После паузы.) Тани вот больше нет.

— Многих сегодня больше нет.

Комиссар защелкивает крышку диска, вставляет его в автомат и встает, чтобы повесить оружие на стену. Там от припадка слабости он останавливается, прижавшись лбом к висящему рюкзаку. Батя, тараща глаза на огонь лампы, продолжает:

— Небо, знаешь, в овчинку... Все хорошо, все нормально, и вдруг на тебе — выползают откуда ни возьмись эти три сволочи и в три ствола по Гришкиным позициям, как тебе в тире... Головы не поднять, ни укрыться, ни отойти... Парамонова Федю убили, тебе доложили?

— Доложили. Когда бы не Татьяна, все бы вы там остались.

— Татьяна, да... Ну, ты ведь тоже у нас не промах...

— С гранаткой на танк, знаешь, раз на раз не приходится.

Комиссар, превозмогая себя, поворачивается и идет к столу. Берет чайник и с усилием тянет из носика воду. Батя задумчиво:

— Интересно, что в этих танках так долго горит? Ну, железо и железо...

Комиссар молчит. Батя с кряхтением растирает колени.

— Слушай, комиссар, я вздремну часок, а? Как ты полагаешь?

— Давай, конечно...

— А ты?

— Не засну. Ложись, не беспокойся.

Батя укладывается на лавке у стены, ворочается, устраиваясь поудобнее, затем затихает. Комиссар сидит, уставясь на огонек коптилки. Огонек расплывается, заполняя весь экран. Вновь дробно грохочут минометные разрывы. Словно в ответ, Батя произносит с лавки ясным, не сонным голосом:

— Пушек бы нам, комиссар. Штучек пять бы. А?

Комиссар молчит.

— Или мин противотанковых по крайности... хотя бы сотню...

— Спи.

— Сплю.

Снова расплывается перед глазами Комиссара огонек лампы. Комиссар кладет подбородок на руки и закрывает глаза. Когда он вновь поднимает веки, перед ним по другую сторону стола стоит Женщина из будущего.

Несколько секунд они глядят друг на друга. По серебристому комбинезону Женщины стекают струйки воды, прекрасное лицо ее тоже мокрое.

Комиссар говорит:

— Что, дождь?

— Да. Очень неудобно.

— Садитесь.

Женщина садится. Они глядят друг на друга через огонек лампы.

— Есть хотите? — спрашивает Комиссар.

— Нет, спасибо. (Помолчав.) Я пришла из будущего.

— Ясно.

— Вы не удивляетесь?

— Нет. Это вполне естественно. Что же вы, пришли посмотреть?

— Да... Только это не так просто... Смотреть на то, что здесь происходит, — очень трудно. Невозможно трудно.

— Вы из какого к нам века?

— Боюсь, не смогу вам объяснить. Понимаете, будущее является понятием вероятностным, и я не взялась бы точно...

— Ну и не надо. Бог с ним, с веком. Так что бы вы хотели?

Женщина оглядывается, смотрит на спящего Батю. Комиссар успокаивающе говорит:

— Это наш командир. Он не спал трое суток.

— Я знаю. Я видела. Огонь, земля вставала дыбом, горела земля, трава, кустарник горел над болотом...

— Умирили люди.

— Да. Умирили люди. Я видела, как взрывом разнесло мальчика. А ему было не больше...

— Да, он был совсем молоденький. Но это ничего не значит.

— Это очень много значит. Нельзя, чтобы мальчиков...

— А кого можно?

— Да, я понимаю. Но вот эта Таня...

— Таня. Татьяна Ивановна. Понимаете... — Комиссар трет лоб, снимает очки и трет опухшие веки. — Был такой Иван Полещук. Иван Семенович. Это его дочь. Хорошая была семья. Мы с ним еще до войны... до революции... Это было еще при царизме. Он меня в кружок привел. Потом гражданская... Ладно, все это прошло. Вот сегодня Таню. Так ведь не только Таню...

— Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем было гибнуть Тане? Зачем гибнуть вам всем? Вам, десяткам других людей...

— Вы спрашиваете, зачем нам воевать?

— Да. Вы ведь не армия, вы ничего не решаете...

— А что нам, по-вашему, делать?

— Уйти.

— Уйти?

— Да! Уйти отсюда! Послушайте, вы здесь командир. Сейчас ночь, дождь. Разбудите всех, соберитесь потихоньку и уходите.

— Куда, позвольте вас спросить?

— Куда угодно. Мир велик. Вы себе представить не можете, как он велик... Здесь всюду огромные леса, я видела. Сейчас лето, не так холодно, надо затаиться, переждать...

Комиссар (медленно):

— Погодите, одну минуту. Боюсь, вы не понимаете.

— Чего я не понимаю?

— Ничего не понимаете. Мы окружены. Мы бы и рады выйти, но мы окружены. Смотрите... (Разворачивает карту.) Вот высота. Здесь мы. На западе лес. Видите, за речкой. Там немцы. На севере лес. Тоже немцы. На востоке... Смотрите, на юге, у нас за спиной, болото. Непроходимое. Мы прижаты к нему. Штрассер оставил нам только одну дорожку — на восток. Видите? Лощина. И вся как на ладони. А у нас только после сегодняшнего около сорока раненых. Понимаете?

— Но вы... вы пытались?

— Еще бы! Вчера и позавчера. Сюда вот, на запад. Но Штрассер — обстоятельный человек. Два раза мы штурмовали через речку. Потеряли... Пулеметы. В упор. Речка.

— Но тогда...

— Совершенно верно. Мы обречены. Первый же ясный день, звено «юнkersов», и от нас ничего не останется. А теперь и без «юнkersов» все ясно. Черт принес эти танки... Завтра нам конец. Сегодня они репетировали.

— Я уверена, что выход можно найти.

— Каким образом?

— Вы говорите — Штрассер. Кто это? Командир той стороны? Немец? Вы его знаете?

— Да. Старый знакомый. Генрих Штрассер. Я его хорошо знаю. Гауптштурмфюрер Штрассер. Еще бы! Знакомы...

— Боюсь...

— Здесь при царе была лесопилка Штрассера. Он — сын. Образование по тем временам лучшее — Геттинген, Петербургский университет. Теперь он явился получать по старым вексям.

— Вексям? Деньги?

Комиссар (не слушая):

— Да, мы отлично знаем друг друга. В городе он меня выследил, вот нам с Таней и пришлось уйти в лес. Два года он за мной охотился, а я — за ним. Я в него три раза стрелял. А он в меня — я уж и не знаю, сколько раз. Ну, как видите, настиг он меня наконец. Впрочем, не меня одного, конечно. Весь отряд. Мы ему немало крови попортили. Приятно вспомнить.

— Но ведь если вы с ним знакомы...

— Знакомы, знакомы. Я ему еще в семнадцатом году в рыло дал...

— Может быть, можно договориться...

— Со Штрассером?

— Речь идет не о вашей жизни. Речь идет о судьбе десятков людей.

— Судьба наша уже решена. Штрассер — господин основательный. Первый же ясный день... Видите, даже танки где-то достал. Это сейчас-то!

— Нет, этого нельзя допустить.

— Чего?

— Уничтожения.

— Как же этого не допустить?

— Вы готовы уйти отсюда?

— Уйти — готовы. А вот отсиживаться...

— Я устрою это дело.

— Интересно. Каким же образом?

— Я пойду к нему.

— К кому, к Штрассеру?

— Да. Я поговорю с ним, и он вас выпустит.

Комиссар невесело смеется.

— Не смейтесь! Я добьюсь, чтобы Штрассер выпустил отряд!

Батя на скамейке заворочался во сне, приоткрыл глаза и пробормотал сонным голосом:

— Что-то чушь ты мелешь, комиссар...

— Спи, Батя, спи, — нетерпеливо отзывается Комиссар и снова поворачивается к Женщине. — Вы не понимаете, о чем говорите.

— Может быть. Но своим глазам я верю. Выслушайте меня внимательно. Я прошла над всею нашей старой Землей. Она опоясана огнями фронтов. Человечество кипит, рождается невиданное, новое... Творится история, гибнут старинные цивилизации, и на их развалинах возникают новые, еще небывалые общества...

— Да, это так.

— Слушайте. Я только что была на востоке. Там... — Она встает, протягивает руку; на лице и на всей фигуре ее появляются кровавые отблески, словно от недалекого пожара. — Там столкнулись сейчас исполинские массы людей и металла. Именно там овеществляется в эти минуты великая математика истории. Там решается все!

Комиссар как эхо:

— Там решается все.

— А вы? Зачем же вы? Вы знаете, что ваша страна победит?

— Знаю.

— Вы знаете, что людей, подобных Штрассеру, будут выслеживать, как зайцев, ловить в капканы, как загнанных волков, вешать, как закоренелых преступников?

— Конечно, знаю.

— Так зачем же вы решились на верную гибель? Зачем вы вообще начали все это? Зачем гибнут люди? Разве мало и без того льется крови на востоке?

Попона на двери откидывается. Входят двое партизан, ведут Перебежчика. Перебежчик — худенький парень в грязной телогрейке, без шапки. Под глазом у него синяк. Все трое насквозь промокли под дождем.

(Женщину не видит и не слышит никто, кроме Комиссара. В следующей части, в фашистском штабе, ее будет видеть и слышать только Штрассер.)

Первый партизан: Товарищ комиссар, перебежчика поймали.

Перебежчик стоит перед столом, опустив голову.

— Леша? — спрашивает Комиссар тихо.

Молчание. Затем Второй партизан, откашлявшись, докладывает:

— Лешка этот... Алексей, значит, Черемных. Поймали, товарищ комиссар, пытался, значит, переползти на территорию противника.

Леша (отчаянно): Не было измены, товарищ комиссар! Не было! Уйти хотел! От верной смерти уйти!

Второй партизан: Молчи, сволочь...

Комиссар: Леша, Леша, как же ты... Ну, рассказывай, как у тебя получилось...

Леша: Не мог я больше, товарищ комиссар! Я весь день под пушками, всех ведь убило! Женьку Кондратьева, Совета Ефремова, Борю Кузьмина. Завтра опять начнется... Не мог я больше, товарищ комиссар!

— Где его взяли? — спрашивает Комиссар.

Первый партизан: На болоте. В лес намылился. При оружии.

Леша: Не к ним я... Уйти хотел, умереть страшно! Хотел в лес уйти, а там опять к нашим пристать, к морошковским...

— Страшно, Леша? — тихо спрашивает Комиссар.

Леша: Страшно, Еремей Николаевич... Сегодня еле выжил, а завтра ведь опять...

— В лес, значит, — тихо продолжает Комиссар, глядя на Женщину. Та, не отрываясь, глядит на Лешу. — В лес, к своим. Здесь тебе уже чужие. А у нас здесь шесть десятков раненых. Так ведь? — обращается он к Первому партизану.

Первый партизан: Точно. Поболе шести десятков.

— Вот видишь, Леша, — продолжает Комиссар, — больше шестидесяти раненых. И они в лес не могут. И Таня, Татьяна Ивановна. Помнишь Таню, Леша? Как она тебя на себе волокла от того мостика, что мы на Сурожии завалили? Вот так, Леша. Предатель ты, выходит...

Леша: От смерти уходил! Не к фашистам!

— Все, Леша, — твердо говорит Комиссар. — Расстреляем мы тебя.

Леша: Не надо меня расстреливать, товарищ комиссар...

— А как же, Лешенька? Струсил ты, дезертировал, товарищей бросил, раненых... Перед строем бы тебя расстрелять полагается, да только сам видишь, какой тут сейчас строй... Так что расстреляем без церемоний.

Женщина: Это жестоко, Комиссар.

Комиссар: Жестоко, конечно. Да ведь война у нас, ничего не поделаешь, сами видите.

Женщина: Вы должны простить его...

(Дальше Комиссар ведет разговор сразу с двумя — с Женщиной и с Лешей.)

Ком<иссар> (жестко): Ты здесь зачем?

Леша: Родину защищать... пока последний оккупант...

Женщ<ина>: Я здесь для того, чтобы найти подтверждение своей идее.

Ком<иссар>: А на деле получилось, что только путаешься под ногами!

Леша: Я все понял, товарищ комиссар... больше не повторится... простите меня, товарищ комиссар, Еремей Николаевич...

Женщ<ина>: Я не хочу путаться, но я уверена, что войны и революции пролили больше крови, чем это необходимо...

Ком<иссар>: Хочешь убедить нас, что можно победить, не проливая крови?

Леша: Я проливал, товарищ комиссар... и еще пролью, верните мне только оружие... Я их накладу завтра, вот увидите...

Женщ<ина>: Хочу убедить вас, что можно победить, проливая не больше крови, чем необходимо...

Ком<иссар>: Сколько же необходимо?

Леша: Сколько надо, столько и положу... Простите, товарищ комиссар, не повторится больше... Жизни не пожалею!

Женщ<ина>: Не знаю. Но советские войска все равно будут здесь через год. Зачем же этот акт отчаяния? Зачем вы так легко расстаетесь с жизнью?

Ком<иссар>: Жизней мы здесь не жалеем, это верно. (Партизанам.) Уведите его. Расстреляйте.

Партизаны выводят плачущего Лешу.

— Это чудовищно несправедливо, — взволнованно говорит Женщина. — Он же так молод... Через два года, всего через два ваших года окончится война...

Слышится короткая автоматная очередь, затем, после паузы, одиночный выстрел. Молчание.

— Нам невероятно трудно вас понять, — тихо говорит Женщина.

— Не думаю. Ты ошибаешься, девушка. Это тебе трудно нас понять. Поэтому ты и пришла сюда... пожалеть несчастеньких. Если бы я хоть на секунду подумал, что там, в будущем, все такие как ты, тогда действительно драться и отдавать жизни вроде бы не стоило...

Женщина опускает голову.

— Да, не буду скрывать. Так у нас думают немногие. Но имею же я право...

— Конечно, имеешь. Леша вот сейчас жизнью поплатился за то, чтобы ты там имела все права...

— Я не знаю... Это ожесточение какое-то... что-то нечеловеческое... или сверхчеловеческое... Погодите, не перебивайте. Да, идет война. Решаются судьбы мира, человечества. Вы верите, что победите. А мы знаем, что вы победите. Это одно и то же. Но ведь тогда...

— Тогда нужно уйти в леса, затаиться и переждать?

— Да, конечно! Десяток эшелонов, которые вы пустили под откос, несколько дюжин полицейских и фашистов, которых вы убили... Как это может влиять на битвы таких масштабов? А за каждый свой эшелон, за каждого убитого фашиста они сжигают целые деревни, уничтожают стариков, женщин, детей...

— А если бы мы сидели, притаившись, и помалкивали, они бы не жгли и не убивали?

Пауза.

— Я не говорила этого. Я знаю, что такое фашизм.

Комиссар (грубо):

— Ни хрена ты не знаешь, девушка. Если бы знала, ты бы...

— Я не хотела...

— Давай кончать. Ты мне надоела, оппортунистка из будущего. Возвращайся к себе и передай нашу просьбу, чтобы нам больше таких слюнтяек не присылали. Иди с глаз долой.

— Еще одно слово.

— Последнее.

— Если бы Штрассер дал вам дорогу, вы бы ушли?

— Еще бы!

— Я сделаю это. Я упрошу Штрассера, и он выпустит вас.

Комиссар хохочет. Он смеется, снимает очки, вытирает слезы на глазах, закашливается. Батя в углу на лавке зашевелился и спустил на пол босые ноги.

— Ты чего развеселился, комиссар?

Комиссар надевает очки, озирается. Женщина исчезла.

— Так. Представил себе, как Штрассер... Да, Лешка Черемных пойман при попытке дезертировать.

Батя: С-сукин сын! Ну?

Комиссар: Я приказал его пристрелить.

Часть 2

Штаб Штрассера. Домик лесника. Высокое крыльцо, высокая крыша. У крыльца двое автоматчиков. Позади дома стоит бронемашина.

Штрассер сидит один в большой горнице — стол, старомодный комод, иконы в углу. На широкой постели брошена черная эсэсовская шинель, фуражка с черепом-кокардой. На столе заморские консервы, бутылка коньяка, рюмка. В стакане с водой — полевой цветок. Штрассер раскладывает пасьянс — он толст, благодушен, мундир расстегнут.

В соседней комнате — грохот шагов, голоса. Распахивается дверь, входит, опираясь на свежесрезанную палку, Рудольф в танкистском комбинезоне и в пилотке.

— Разрешите, гауптштурмфюрер?

— Прошу вас, Рудольф. Садитесь. Коньяку?

— Если позволите.

Рудольф мрачен, зол, разъярен. Но держится подтянуто, несмотря на ранение. Штрассер наливает в рюмку коньяк и снова принимается за пасьянс.

— Я прождал там битых два часа, — говорит Рудольф. — Почему не прибыли саперы?

— Они не понадобятся.

— Я потерял машину и лучший экипаж. Гренадеры потеряли восемь человек.

— Знаю. Мне доложили. Мы на войне, Рудольф. Здесь такой же фронт, как под Курском.

— Вшивые бандиты. Почему вы не прислали саперов?

— Там нет мин, Рудольф. Дорога свободна.

Рудольф ставит пустую рюмку на стол. Пауза.

— Я потерял машину и лучший экипаж, — медленно говорит он. — Вы знали, что мин нет, и вы...

— Глупости, Рудольф. Ничего я не знал. Узнал только час назад, мне привели пленного.

— Так.

— Ваш танк подорвался не на mine. Его сожгла сумасшедшая девка. Взорвала на себе.

— Так.

— А мин там никаких нет, как я и предполагал.

— Я потерял машину. Из-за какой-то девки. Меня разжалуют и правильно сделают.

Штрассер укоризненно качает головой.

— Рудольф, Рудольф, не мелите чепуху. Вы с гренадерами сделали отличное дело. Вы нащупали в позиции противника брешь. Вы уничтожили десятки партизан. Вы смяли их фланг. Завтра... сегодня мы ударим снова и все будет кончено. Танк — это всего один танк. Не больше. Это фронт, Рудольф. Не забывайте. Не вшивые бандиты, а фанатики.

Штрассер снова наполняет рюмку Рудольфа. Рудольф мрачно смотрит на нее.

— У меня большая просьба, гауптштурмфюрер.

— Прошу, Рудольф. Все, что в моих силах.

— Это в ваших силах. Завтра, когда все будет кончено...

— Пленных?

— Да. Всех, кто уцелеет, отдайте мне.

— По рукам. Кроме одного. Впрочем, он-то не уцелеет.

— Всех живых.

— Согласен.

— Я буду сдирать с них кожу, заживо.

— Не возражаю.

— Я привяжу их к танкам и разорву пополам.

— Если это доставит вам удовольствие.

— Я устрою поминки по моему экипажу...

Рудольф хватает рюмку и залпом опрокидывает ее в рот. Штрассер одобритительно улыбается.

— Давно бы так, Рудольф. Как ваша рана?

— Пустяк. Царапина. Но за нее я тоже расплачусь. Жаль, что эта девка...

— Ничего, Рудольф. Там, как выяснилось, шесть десятков раненых... Вот мне, вероятно, повеселиться не удастся.

Рудольф вопросительно смотрит на Штрассера.

— Есть там один человек... старый знакомый.

— Вот как?

— Вы знаете, Рудольф, что я — уроженец этих мест? Тридцать лет назад я с отцом окопался в этих лесах. И этот домик я помню... Ну, это все сантименты. Ложитесь и отдыхайте, Рудольф. Завтра... сегодня нам придется основательно потрудиться.

Рудольф устало поднимается, опираясь на палку.

— Куда прикажете, гауптштурмфюрер?

— А вот сюда, на постель. Все ваше, кажется, сгорело? Снимайте обувь и забирайтесь под одеяло.

Рудольф укладывается. Штрассер кладет несколько карт, затем задумывается и смотрит на ацетиленовую лампу. Огонь лампы расплывается и заполняет экран. Штрассер закрывает глаза, а когда вновь поднимает веки, перед ним по другую сторону стола стоит Женщина из будущего.

Первая реакция Штрассера — огромное изумление. Потом он медленно встает и начинает застегивать пуговицы мундира.словно спохватившись, быстро пододвигает к себе кобуру с пистолетом, лежащую на столе. Секунду медлит в нерешительности, снова садится и, откинувшись на спинку стула, складывает руки на животе.

— Итак... — говорит он.

— Мне надо поговорить с вами... Я из будущего, и мне обязательно надо поговорить с вами.

Штрассер задумчиво глядит на нее:

— Такого со мной никогда еще не было.

Он оглядывается на спящего Рудольфа:

— Превосходно... Предположим, что это бред наяву. Предположим, что вы из будущего. Чему обязан скромный гауптштурмфюрер таким неожиданным посещением?

Женщина открывает было рот, но Штрассер перебивает ее:

— Кстати... По-моему, вы говорите не по-немецки. Или мне показалось?

— Нет, вам не показалось — я говорю по-русски. Но если вам удобнее...

— Нет, нет — русский я знаю хорошо. Как-никак я здесь родился. Но откуда в будущем русский язык? Через несколько десятков лет все в мире, кому только положено разговаривать, будут говорить только по-немецки. Вот вам еще одно доказательство, что я брежу... или что вы — просто хитрая шпионка. Надо признать, удачливая шпионка, затеявшая весь этот маскарад, чтобы обмануть доброго старого Штрассера.

— Вы не кажетесь мне ни добрым, ни слишком старым... Вы же профессиональный убийца, откуда вам быть добрым?

Штрассер смеется:

— Ну, так уж и убийца... Скажите лучше — мусорщик, который очищает жизненное пространство для своих благородных потомков, трудится в поте лица, удобряя тучные нивы для тысячелетней империи.

— Тысячелетней империи не будет.

Штрассер поднимает левую бровь:

— А что же будет?

Женщина молча наклоняется над столом и протягивает руку к голове Штрассера. Тот отшатывается и снова хватается за кобуру.

— Не бойтесь, — говорит Женщина. — Я не могу причинить вам вред, если бы даже хотела.

Она кладет ладонь на лоб Штрассера.

Начинает звучать немецкая детская песенка: «Ах, мой милый Августин...»

Наплывом появляется панорама: бескрайнее поле, покрытое зреющими хлебами. На поле редкой цепочкой работают несколько десятков человек, одетых во что-то яркое.

Вдали, за полем — огромное здание, причудливая стилизация под средневековый замок из стекла, гранита и стали.

И над всей этой идиллией — мелодия старинной немецкой песенки.

Неожиданно — крупные планы работающих людей.

Изможденные лица мужчин и женщин, всклокоченные, нечесанные бороды, спутанные волосы на головах. Все одеты одинаково — в длинные рубахи без рукавов, по-арестантски полосатые красными и белыми полосами.

Шея каждого схвачена толстым металлическим ошейником.

Деталь — готическая надпись на ошейнике.

Голос Штрассера за кадром читает:

— Так: «Собственность баронов Штрассеров».

Теперь мы видим крупно стилизованный замок. Металлический подъемный мост через глубокий ров. Стальные решетки ворот.

То, что издали представлялось башенками, украшениями на стенах — броневые колпаки с торчащими из них пулеметами. Черные репродукторы, из которых льется невинная немецкая песенка.

Голос Штрассера за кадром:

— Теперь я готов поверить, что не брежу... Вы действительно из будущего. Но... милая фройлен — это же и есть тысячелетняя империя.

Изображение меркнет, на экране снова появляется лицо Женщины. Она качает головой.

— Нет, Штрассер, не обольщайтесь. Это я просто хотела узнать, как вы себе представляете эту самую «империю». Это мираж, фантом, Штрассер. Империя ваша развалится через два года, всего через два года, а не через тысячу лет. И тогда вас, как и других убийц, поймают и повесят на площадях.

Штрассер машинально трет шею:

— Да-а, перспектива незавидная. Но до сих пор вешал я, и у меня нет оснований полагать, что это положение когда-нибудь изменится.

— Изменится, Штрассер, и очень скоро. Я здесь не для того, чтобы спорить с вами... Я хочу предложить вам снять осаду и вернуться в город.

Штрассер глядит, вытаращив глаза:

— Снять осаду? Вы в своем уме, милая? Я охотился за этими бандитами полтора года, я загнал их наконец в капкан. И вы предлагаете мне снять осаду? Ей-богу, если бы я не был уверен, что брежу, я разбудил бы Рудольфа, и мы посмеялись бы вместе...

— Послушайте, Штрассер. Вы все равно обречены и вам не спастись, но подумайте о своих солдатах. Я была на той стороне, я видела партизан. Они полны решимости. Голыми руками вы их не возьмете. Вам придется положить здесь половину своих солдат.

— На то и война.

— Ваше дело проиграно. То, чем вы занимаетесь, — это уже не война, это бессмысленная бойня. Каждая погибшая здесь жизнь, не только жизнь партизан, но и жизнь ваших солдат камнем повиснет на вашей совести, Штрассер.

Штрассер хрипло смеется:

— Но вы же говорите, что меня все равно повесят. Вы что, боитесь за целостность веревки? Нет уж, дорогая. Они будут истреблены до последнего человека, чего бы мне это ни стоило. Для такого дела я не пожалею последнего солдата. Да если бы я мог поверить, что через два года меня действительно повесят, я бы не оставил камня на камне от всей вселенной. На кой она черт, если в ней не будет Штрассера.

Вдруг останавливается, расстегнув мундир, кладет руку на грудь, как бы унимая сердцебиение. Затем, прищурившись, смотрит на Женщину:

— Послушайте, фройлен, чем черт не шутит, может, вы действительно... У вас, я вижу, очень доброе сердце, и вам очень жаль моих бедных солдатиков и бедных партизан. Хотите маленькую сделку? Вы приведете ко мне, сюда, одного моего старого приятеля из партизанского лагеря, а я за это обещаю отпустить всех остальных, при условии если они сложат оружие.

— Они не сложат оружия.

— Об этом я берусь договориться с моим старым приятелем. Он ведь тоже очень добрый человек.

— О ком вы говорите? О Комиссаре?

— Ага, вот видите, вы его знаете. Доставьте его ко мне, живым и невредимым. Об остальном мы с ним договоримся.

Женщина молчит, словно прикидывая что-то в уме.

— Хорошо, Штрассер, попробуем, — говорит она наконец. — Можно сейчас?

Штрассер, который до этого поглаживал грудь под мундиром, замирает и пристально на нее смотрит.

— Что ж, давайте сейчас.

Женщина плавно взмахивает обеими руками и сводит ладони перед собой.

В то же мгновение, непостижимым чудом неведомой нам науки, исчезла стена с окном напротив Штрассера и открылась партизанская землянка.

Комиссар дремлет за столом, опустив лоб на сжатые кулаки.

Штрассер вскакивает, рывком расстегивает кобуру и выхватывает пистолет.

В то же мгновение Комиссар поднимает голову, секунду изумленно смотрит на Штрассера, тянется за автоматом.

Женщина становится между ними.

— Оставьте оружие, — властно говорит она Комиссару. — Это бесполезно, вы можете только видеть и слышать друг друга. Штрассер хочет поговорить с вами.

Штрассер кладет пистолет на стол, Комиссар садится. Женщина отходит в сторону, и теперь видно, что Комиссар и Штрассер сидят на противоположных концах одного и того же стола.

— Говори, Штрассер, — произносит Комиссар, — расскажи нам, какую ты новую подлость задумал. И говори начистоту, ведь обмануть ты разве только ее сможешь, я-то тебя насквозь вижу, да и ты меня.

— Да, — говорит Штрассер, любезно улыбаясь Женщине, — мы с господином Комиссаром старые знакомые. И, поверьте, мне очень жаль, что я не могу до него дотянуться.

— И мне тоже, — соглашается Комиссар. — Очень, очень жаль. Ну, хватит болтать без толку. Говори, Штрассер.

Штрассер откидывается на спинку стула, лениво засовывает руки в карманы и начинает:

— Мы здесь беседовали с этой милой фройлен из грядущих веков... Ну, сам понимаешь, Еремей, о всяких пустяках: о виселицах, об исторических судьбах, о совести, и у нас возникла интересная идея. Что бы ты сказал, если бы я дал согласие выпустить твоих людей?

— Я бы сказал, что ты врешь или спятил, — холодно отвечает Комиссар.

— Грубиян, — укоризненно сообщает Штрассер Женщине. — Вот и извольте иметь дело с такими людьми. Нет, Еремей, я не вру и не спятил. Я предлагаю честную сделку. Твои люди складывают оружие и уходят на все четыре стороны. Все равно они передохнут в лесах, у вас ведь нет медикаментов. А ты, мой добрый старый друг, один только ты, являешься сюда и сдаешься мне по всем правилам. Ну, какова идея?

Комиссар усмехается и качает головой:

— Не пойдет, Штрассер.

— Ты мне не веришь, конечно?

— Конечно, не верю.

— Я готов дать честное слово офицера.

— Слово гестаповца. — Комиссар презрительно фыркает.

Женщина обеспокоенно смотрит на него:

— У вас не принято верить честному слову?

— Нет, — говорит Комиссар. — Честному слову мы верим. Но откуда же у него честное слово? Четверть века тому назад он уже давал «честное» слово именно здесь и при сходных обстоятельствах. Было дело, лейтенант Штрассер?

Штрассер молчит.

Комиссар Женщине:

— Этот подлец перебил тогда двенадцать человек, просто хладнокровно застрелил всех своими руками.

— Да, — говорит Штрассер со вздохом. — Признаться, я тогда погорячился. Но ты ведь остался в живых?

— Ну, это не твоя вина, а твоя беда, Штрассер, — не дострелил ты меня. У тебя все?

— Погодите, — говорит Женщина и, уже обращаясь к Штрассеру: — Он вам не верит, и, видимо, у него есть для этого основания. Но я хочу, чтобы вы все-таки поняли. То, что вы собираетесь завтра сделать, не имеет никакого смысла. Война вами проиграна, вся эта затея с «тысячелетней империей» с самого начала не стоила ни гроша.

Вдруг Комиссар начинает смеяться:

— Ты знаешь, Штрассер, примерно час назад она тоже пыталась уверить меня, что наша с тобой схватка не имеет никакого смысла. И знаешь, почему? Потому что мы все равно через два года победим и повесим тебя, Штрассер. Так что настоятельно рекомендую тебе приказать своим головорезам сложить оружие, явиться ко мне и сдать по всем правилам.

Теперь хохочет Штрассер:

— Два года. Да за два года я успею прикончить столько ваших, что некому будет праздновать эту вашу победу. Тебе-то уж во всяком случае не придется праздновать. Ты видел мои танки, ты видел моих grenадер? Одно только меня огорчает, Еремей, — я тебя знаю, живым в мои руки ты не дашься.

Комиссар обращается к Женщине:

— Ну, видишь, какая у тебя чепуха получается. Наша борьба для тебя бессмысленна, потому что мы все равно победим, а его танки и grenадеры бессмысленны, потому что они все равно потерпят поражение. И, заметь, он не отрицает этой бессмысленности, но он дерется, чтобы еще два года убивать, а мы деремся, чтобы через два года пришла победа, чтобы вы, наши потомки, жили гордо и счастливо, а не гнили в железных ошейниках на Штрассеровой барщине.

— Будете, все будете гнить в моих железных ошейниках. Ваши внуки и правнуки будут под моим кнутом на тысячи лет, на сто тысяч лет — навечно.

Женщина печально качает головой:

— Этого никогда не будет, Штрассер. Никакой империи не будет, и не будет железных ошейников, а твои внуки вместе с его внуками проклянут память о тебе и будут вместе...

— Молчать.

Трясущейся рукой Штрассер хватается пистолет и, не целясь, раз за разом стреляет в упор в грудь Женщине.

С постели вскакивает сонный Рудольф. Великолепная выучка сказывается даже в этих обстоятельствах. В одно мгновение в его руках оказывается автомат. Еще не успев как следует проснуться, он открывает огонь.

Женщина безнадежно машет рукой и отступает к Комиссару. Землянка исчезает. На ее месте появляется прежняя стена, автоматные пули продолжают выбивать из нее известковую пыль...

...В землянке Женщина обессиленно опускается на табурет и начинает плакать, закрыв лицо ладонями.

Комиссар несколько секунд в задумчивости смотрит на нее, затем достает из кармана телогрейки грязный, смятый носовой платок, с сомнением осматривает его и снова сует в карман:

— Ну будет, будет, не реви. Выстрелов испугалась?

Женщина отчаянно трясет головой.

— Нет, — говорит она всхлипывая. — Не выстрелов. Я только представила себе, как бы все было, если бы победили они.

— Но они же не победили. Это же просто невозможно, чтобы они победили. Вот тебе и ответ на все твои недоумения. Ни одно действие против них не может быть

бессмысленным. Жить под ними или рядом с ними невозможно. Мы деремся не только потому, что причиняем им какой-то ущерб, мы деремся и потому, что борьба против фашизма есть единственно мыслимый образ жизни при фашизме. Все остальное — либо смерть, либо животное прозябание. Вот так-то, девочка.

Женщина решительно вытирает слезы.

— Послушайте, — говорит она. — Я все поняла. Это было трудно понять. Для того чтобы понять, надо было это увидеть. А теперь мне хочется остаться здесь, с вами.

— Ну, это ты брось, — строго говорит Комиссар. — Ты же знаешь, что это невозможно.

Женщина поникает головой.

— Да, знаю.

— И кроме того, — продолжает Комиссар, — вы и без того с нами, наши счастливые потомки. В нас самих, в нашей крови, в наших душах. Иначе разве мы смогли бы победить? Возвращайся... Возвращайся. Расскажи там о нас.

— Прощайте, — говорит Женщина.

— Прощай, — говорит Комиссар.

Комиссар снова садится за стол и задумчиво смотрит на огонек коптилки. Когда он поднимает глаза, Женщины уже нет.

Комиссар смотрит на часы, поднимается, трясет за плечо спящего командира:

— Пора, Батя, вставай.

Кряхтя и позевывая, командир начинает обуваться.

Взяв под мышку автомат, Комиссар выходит из землянки.

Хмурый рассвет. По лесу ползут клочья тумана. Где-то недалеко слышны несколько выстрелов, и снова все затихает.

Командир, застегивая на ходу ремень с кобурой, становится рядом с Комиссаром.

Над вершинами деревьев в небо взмывает ракета.

— Ну что, комиссар, — говорит командир, — зададим им напоследок?

Некоторое время Комиссар молчит, затем тихо, но внятно произносит:

— А ты знаешь, Батя, мы все-таки прорвемся. Обязательно прорвемся.

Изображение медленно гаснет. На темном экране проступает надпись: «Великой победе над фашизмом посвящается этот фильм».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий, Юрий Борецкий Гость из Полудня

Лето 1944 года. Белорусская группировка фашистских войск, разгромленная мощными ударами Советской Армии, постепенно отступает через леса и болота Белоруссии, стараясь выйти из-под угрозы окружения.

Остатки одного из полков эсэсовской дивизии, оторвавшись от преследующих их наших танкистов, идут на соединение с главными силами через непроходимые дебри пинских болот.

Возглавляет этот отряд гауптштурмфюрер Штрассер, бывший комендант уже освобожденного белорусского городка. Он довольно хорошо знает эти места, где в течение трех лет вел с переменным успехом бои против партизанского отряда Бати и Комиссара.

Фашистская группа, в которую входят танки и гренандеры разгромленной фашистской дивизии, а также гестаповцы и жандармерия Штрассера, натывается на партизанский заслон, организованный Батей и Комиссаром.

Партизаны закрепились на высоте. Справа и слева — непроходимые болота. Дорога через эту высоту — единственный путь спасения для фашистов.

Фашистская армия потерпела поражение, но великолепная боевая выучка профессиональных вояк и убийц, прошедших пол-Европы, меривших свои силы с мощью регулярной Советской Армии и оснащенных, к тому же, по последнему слову техники, дает им неоспоримое преимущество перед силами партизан.

С другой стороны, Советская Армия идет по пятам, в распоряжении фашистов двое-трое суток, не больше. Перед фашистами выбор: либо любой ценой прорваться на соединение со своими отступающими частями, либо — плен и возмездие.

Перед партизанами выбор: либо любой ценой остановить фашистского зверя и бросить его под гусеницы советских танков, либо отступить, сойти с дороги — дать зверю уйти.

Штрассер, превосходно понимая ситуацию, бросает танки в обход высоты, по самой кромке болота. Мало того — чтобы ослабить оборону партизан, он гонит на партизанские позиции привязанных к танкам женщин, стариков и детей из соседней деревни.

Партизаны не ожидали удара в глубокий фланг. И только мужество воспитанницы Комиссара — медсестры, бросившейся с гранатой под передовой танк, спасает положение.

Решив, что направление атаки минировано, командир эсэсовцев, танкист Рудольф, дает команду к общему отступлению.

Партизаны выигрывают целую ночь, но Комиссар и Батя отлично понимают, что фашистам удалось нащупать слабое место в обороне, что фашисты торопятся и что на следующее утро они ринутся на партизанские позиции с удесятенной силой.

Штабная землянка партизан. Ночь. Льет проливной дождь. Комиссар и Батя обмениваются невеселыми мыслями о том, что предстоит отряду завтра. Партизаны понесли большие потери. У них нет противотанковой артиллерии, у них нет навыков ведения войны против регулярных фашистских войск...

...И вот, когда Батя ложится спать, Комиссар видит перед собой Женщину — посланницу из будущего.

Он не удивляется ее появлению — возможно потому, что подсознательно считает это видением, порожденным чудовищной усталостью воспаленного от напряжения мозга, а возможно и потому, что он, строитель и защитник будущего человечества, всегда считал, что его работа и борьба, которую он ведет, непрерывно наблюдается и оценивается людьми, принадлежащими этому светлому будущему.

И странное дело! Эта Женщина, его потомок, человек из мира, давно забывшего о войнах и несправедливости, из мира, где человеческая жизнь давно уже стала привычным мерилем всех ценностей человеческих, — эта Женщина как будто не понимает его и его товарищей. Не понимает их решимости, не понимает их ненависти, не понимает их готовности погибнуть.

Она спрашивает Комиссара прекратить сопротивление, отойти, дать фашистам выход.

— Вы же знаете, что вы все равно победите, — говорит она. — Вы же знаете, что исход этой чудовищной битвы, которой охвачен сейчас весь земной шар, зависит не от вас, не от жалкой кучки, сотни измученных, израненных людей, плохо вооруженных и еще хуже обученных. Зачем множить жертвы, которые и без того так велики? Отступите и уйдите — пусть война больше не коснется вас...

И происходит спор. Спор между закаленным бойцом, нашим современником, и его неразумным потомком (или его ощущением бесконечной любви и жалости к обреченным друзьям?).

И Комиссар снова и снова напоминает Женщине (или самому себе), что у человека, у коммуниста не может быть другого способа сосуществования с черными силами реакции и рабства, кроме беспощадной борьбы. Не может коммунист и человек смотреть

на фашистского зверя иначе, чем через прорезь прицела. Что не может быть и речи о светлом будущем, если добрые силы настоящего пойдут на компромисс со злом.

— И не было бы тебя, такой прекрасной и доброй, если бы не бросилась вчера вечером маленькая медсестра с гранатой под танк...

В разгар спора двое партизан со сторожевого поста вводят парнишку. Это дезертир. Он попытался совершить как раз то, что предлагает Женщина, — уйти с дороги фашистов.

Женщину из Будущего слышит и видит только Комиссар. И здесь происходит странный диалог. Комиссар разговаривает с Женщиной и дезертиром одновременно. На каждую реплику Комиссара отзываются одновременно и Женщина, и дезертир.

Женщина сломлена жестокой логикой Комиссара. И когда дезертира уводят на расстрел, она обращается к Комиссару с вопросом — какую же альтернативу он представляет себе, помимо гибели отряда в завтрашнем бою?

— Безоговорочная капитуляция Штрассера и его подонков, — отвечает Комиссар. — Такой враг либо сдастся, либо уничтожится. Если он не капитулирует, отряд ляжет весь, до одного, но завтра к вечеру, здесь же, фашистов раздавят советские танки...

И тогда Женщина объявляет Комиссару, что отправится сейчас же к Штрассеру и уговорит его капитулировать...

Штаб-квартира Штрассера в разрушенной церкви.

Угрюмо стоят в строю эсэсовские гранадеры. Зябко жмутся под дождем перепуганные отчаявшиеся полицаи. На колокольне церкви раскачивается под ветром повешенный священник. У паперти, сбившись в кучку, оцепенело сидят на земле связанные, полураздетые девушки.

Опускаются в могилу гробы с убитыми эсэсовцами. У края могилы, опершись на свежесрезанную палку и поджимая раненную Комиссаром ногу, стоит мрачный Рудольф.

А из церкви, сквозь плеск дождя и стук земли о крышки гробов, доносится пошленький мотивчик любимой песенки Штрассера. Пластинка мурлычет голосом Марики Рокк: «Приходи, глаза мои горят от страсти, приходи, не то проспишь свое ты счастье...»

В одном из боковых помещений, за столом, накрытом ризой, сидит в расстегнутом мундире Штрассер, бывший гамбургский уголовник, затем тайный агент нацистской охраны, ныне — заслуженный гестаповец, гауптштурмфюрер Штрассер.

В отличие от своих подчиненных, которых он взялся вывести из советского «котла», он не обескуражен вчерашним прорывом. Он пьет коньяк, жрет сало. Кажется, он уже сейчас верит, что как бы ни повернулась война, он найдет себе хозяев и будет по-прежнему убивать, пить и жрать. А может быть, так и есть на самом деле? Уголовники — вещь интернациональная. А черных хозяев на век Штрассера хватит.

Входит Рудольф. Он разозлен равнодушием Штрассера. Он пытается вызвать его на ссору, обвиняя в гибели своих гранадер, танкистов.

Штрассер с презрением смотрит на этого сопляка, гитлеровского выкормыша, как бы прикидывая в уме — а хватит ли на его век таких идейных дураков, «сверхчеловеков», готовых убивать и подыхать по его, Штрассера, указке.

В конце концов Рудольф смягчается — Штрассер обещает ему отдать всех пленных, которые будут захвачены завтра, и сообщает, что минного поля на фланге у партизан нет.

Рудольф ложится спать. А перед Штрассером вдруг появляется Женщина из будущего.

Как и все уголовники, Штрассер суеверен. Он в ужасе хватается за пистолет и приходит в себя только тогда, когда Женщина предлагает ему капитуляцию.

Призрак, который не хватает его за горло и не тащит в преисподнюю, ему не страшен. Это значит только, что призрак этот не из внешнего мира, не из странного мира загубленных Штрассером и его коллегами жизней. Это значит, что призрак в нем самом. И надо признать — призрак этот довольно приятен на вид. Послушаем же, что он скажет.

Женщина говорит Штрассеру о неизбежном крушении бредовой мечты фашистов о господстве над человечеством, о близости возмездия, которое идет по пятам, о том, что кровь партизан и своих солдат, которую Штрассер собирается пролить завтра утром, уже ничего не изменит в судьбе Германии.

И на все это у Штрассера один ответ — он это знает и так, и это его не интересует. Что бы ни случилось с миром, кто бы ни победил — Штрассер всегда найдет себе хозяев, которые бросят в его власть беззащитных людей и дадут ему возможности для утоления звериных инстинктов: рвать, убивать, унижать.

Тогда Женщина напоминает ему, что возмездие, нависшее над фашизмом, касается его лично, что речь идет о его собственной голове.

Вот это уже другое дело. Штрассер уже почти забыл, что перед ним призрак.

— Я готов на капитуляцию, — вкрадчиво говорит он. — Я сдам вам всю эту безмозглую шушеру с танками, пушками, броневиками. Но я, я один, должен пройти...

Женщина устраивает Штрассеру личное свидание с Комиссаром. Используя силы, далеко выходящие за пределы наших знаний, она соединяет партизанскую землянку с комнатухой в разрушенной церкви.

Штрассер и Комиссар оказываются по сторонам одного стола. Но стена между ними непреодолима. И когда при виде друг друга Штрассер и Комиссар, три года подстерегавшие и ловившие один другого, хватаются за оружие, Женщина напоминает им: стрелять бесполезно, можно только говорить.

Как и следует ожидать, попытка Штрассера купить себе жизнь путем капитуляции своей группы не удается.

Во-первых, Комиссар не верит Штрассеру ни на грош. Во-вторых, он отлично понимает, что главная боевая сила, противостоящая ему, — эсэсовцы — сдаваться не будут, что бы там ни обещал Штрассер.

В-третьих и главных — штрассеров нельзя выпускать живыми. Они, кровавые хулиганы, могут стать и станут зародышами новой эпидемии фашизма. И никогда народы не простят человека, который мог раздавить и не раздавил, отпустил с миром убийцу по убеждению.

Комиссару и Штрассеру тесно на одной планете. Один из них должен сгинуть — и это будет Штрассер. И никакой цены за это не жалко.

Штрассер пытается шантажировать Комиссара. Он приказывает ввести захваченного накануне пленного партизана (ни конвойные, ни пленный не видят и не слышат Женщину и Комиссара).

Пленный измучен пытками, он едва стоит. И Штрассер начинает громогласно расхваливать его за то, что тот, спасая свою жизнь, рассказал на допросе про тропинки и гати через болота.

— Я обещал тебе жизнь, — высокопарно говорит Штрассер. — За эти сведения я даю тебе жизнь. Сейчас тебя накормят, дадут денег и отпустят...

Видимо, эти слова проникают в сознание пленного. Он поднимает голову и плюет Штрассеру в лицо.

Разъяренный Штрассер выхватывает пистолет. Конвойные бросаются врассыпную.

Женщина пытается заслонить собой пленного. Но пули Штрассера пронизывают ее как воздух. Пленный падает мертвым. Штрассер продолжает стрелять в Женщину и Комиссара, но видение исчезает, и пули лишь выбивают дыры в старой церковной штукатурке.

Партизанская землянка. Женщина плачет. Она поняла наконец глубокую историческую правоту Комиссара.

— Я хочу остаться с вами, я хочу участвовать в завтрашнем бою.

Комиссар с усмешкой протягивает ей автомат. И пальцы Женщины проходят сквозь холодное железо, как сквозь воздух.

— Вот так, — говорит Комиссар. — Тебе воевать не нужно, мы отвоюем за тебя. А кроме того, вы и так всегда с нами. Возвращайся к себе и расскажи там, какими мы были...

Женщина исчезает. Комиссар будит Батю. Они выходят из землянки в серый рассвет.

Туман. Над лесом медленно и беззвучно поднимаются ракеты.

* * *

Подбитый немецкий танк. Ржавый, погрязнувший в землю.

Ребятишки с задорным криком играют в войну.

Один из них пинками гонит перед собой железную каску. Это дырявая каска Рудольфа. Мы узнаем ее по полустертому изображению морского конька на боку...

Тексты подготовлены: С. Бондаренко

Варианты рукописей и изданий

«Малыш»

Приступая к рассмотрению вариантов «Малыша», хотелось бы прежде сказать о месте, которое занимает эта повесть в творчестве Стругацких. Не секрет, что субъективное мнение писателя о значимости тех или иных своих книг может весьма отличаться — особенно по прошествии времени — от оценок читателей, ибо «лицом к лицу лица не увидать». Впрочем, если говорить о творчестве АБС, значительных расхождений в оценках обнаруживается не так много. Почти все из того, что считали наиболее удачным из написанного сами Авторы, весьма высоко ценят по сей день и читатели. Но в этих «табелях о рангах», если не касаться ранних книг, заметна пара явных несовпадений, когда общая читательская оценка оказывается существенно выше авторской: речь идет о «Малыше» и «Парне из преисподней». О второй из этих повестей еще будет возможность поговорить подробно, а пока обратимся к первой.

Авторы не единожды отзывались о «Малыше» как о вещи проходной, необязательной, вынужденно написанной и уже потому не особо любимой. В офлайн-интервью БНС (6.12.2000) говорилось: «Это одна из немногих наших повестей, не содержащих никакого социального подтекста. Мы всегда считали, что ее можно было бы не писать вообще, если бы не чисто денежные обязательства перед издательством. Многие наши тогдашние читатели выражались по этому поводу довольно резко: «Если писать такое, то, может быть, лучше не писать вообще ничего?» А сейчас это — одна из популярнейших наших повестей. Неисповедимы пути твои, Господи!»

Да, мнения, подобные приведенным выше словам Р. Нудельмана (хорошего знакомого АБС и большого знатока фантастики), высказывались в прошлом, а иногда встречаются и сейчас. И тем не менее у этой повести есть огромное число преданных читателей, любящих и ценящих ее за нетривиальную фабулу, острый сюжет, живые, зримые характеры, тонкий психологизм и, разумеется, за ту общую атмосферу повествования, которая дала некоторым критикам основание отнести «Малыша» к «поэтической фантастике». То, что в литературном отношении произведение, несомненно, удалось, не могли не признать и сами Стругацкие. Вот характерный фрагмент из письма БНС брату от 27 сентября 1975 года: «Перечитал здесь ни с того ни с сего «Малыша». Ей-богу, очень недурная повестуха, оказывается. Зря я ее ругал. Молодцы мы все-таки: из заказного дерьма сделать такую конфетку... Орлы!»

Преодолеть двойственность в восприятии этого произведения Авторам, впрочем, так и не удалось, о чем свидетельствуют и «Комментарии к пройденному» БНС: «А сейчас я иногда думаю (не без горечи), что именно в силу своей аполитичности, антиконъюнктурности и отстраненности эта повесть, вполне возможно, переживет все другие наши работы, которыми мы так некогда гордились и которые считали главными и «вечными»».

К началу 1970 года пик инспирированной в печати критической кампании против Стругацких миновал, но цель ее была успешно достигнута: мнение в начальственных кабинетах сложилось, допуску в печать книг Авторов был поставлен заслон. Тех издательских работников, кто имел возможность и смелость публиковать Стругацких, осталось совсем немного. А при работе с лояльной в целом к АБС «Детской литературой» приходилось учитывать не только специфику детско-подростковой аудитории, но теперь еще и последствия разгрома, учиненного цензурой «Обитаемому острову» (тоже, между прочим, задуманному когда-то как «заказная» повесть). Приемлемых вариантов поведения оставалось очень немного. Не писать вовсе или писать исключительно в стол (что, собственно, и происходило с «Градом обреченным»), зарабатывая на жизнь окололитературной поденщиной вроде внутренних рецензий или технических рефератов? БНС писал в «Комментариях», вспоминая о приведенном выше совете Р. Нудельмана: «Мы прекрасно понимали, что имеет в виду Нудель, мы и сами мучились мыслью о том, что, выпуская «нейтральные», внеполитические вещи, мы как бы занимаемся коллаборационизмом и против собственной воли поддерживаем — молчанием своим, внеполитичностью, добровольной своей самоустраненностью — этот поганый режим. Но мы уже не могли не писать».

Рассказывая об истории создания «Улитки на склоне», БНС в свое время упоминал два метода создания нового произведения: на основе либо концепции, либо ситуации. «Малыш» относится ко второй группе произведений. В офлайн-интервью БНС (8.05.2008) отмечалось: «Впрочем, мы в повесть «Малыш» не вкладывали никаких сколько-нибудь глубоких идей. Лишь сама ситуация казалась нам интересной: космический Маугли. Этакий «привет» любимому Кипплингу. И не более того».

Впервые упоминания будущей повести появляются в рабочем дневнике Авторов 22 февраля 1970 года, после записей, посвященных «Граду обреченному». Полностью подготовительные материалы к «Малышу» представлены в данном томе в разделе с письмами и дневниками, а некоторые фрагменты приведены и прокомментированы здесь.

Ни название, ни сюжет еще окончательно не определились, сделаны лишь первые попытки обозначить некую «картинку».

Операция «Маугли».

На планете, населенной негуманоидным пассивным племенем (вырождающимся после биологической войны), разбился звездолет с супружеской парой и ребенком. Ребенка спасают аборигены. Через десяток лет прибывает новая экспедиция, обнаруживает человеческие следы, а аборигенов принимает за животных. В поисках невольно разрушают дома и пр<очее>. Возникает конфликт. Маугли отбивается, как привык защищать своих медлительных отчимов от диких зверей. Его захватывают. Дальше — на Землю. Приключения на Земле.

Далее в этих набросках появляется Горбовский со своей внучкой, а следом и еще один хорошо знакомый читателям персонаж — Марк Валькенштейн. И в «Малыше», и в последующих книгах «полуденного» цикла Горбовскому предстоит стать участником событий, происходящих по внутренней хронологии заведомо позже «Далекой Радуги», причем «воскрешение» этого персонажа будет представлено как данность, без всяких пояснений. А вот другим членам экипажа «Тариэля» в новых произведениях места уже не найдется...

Горбовский плывет на остров (он знает, что у Семеновых должен был быть ребенок), внучка зайцем за ним. Потом Маугли выманивает ее. Внучка подслушала разговор Горбовского с Марком Валькенштейном: «Марк, как они прибор настроят, вы его расстройте. Чем дольше они будут готовиться, тем лучше». (Биологи озверели, готовят генеральную облаву на остров.) «Вот вам пакет, если я не вернусь через 3 дня, вы его вскрыете, но не раньше».

В конечном итоге, как писал БНС в «Комментариях», Горбовский «улаживает все конфликты ко всеобщему удовлетворению. Deus ex machina».

Нетрудно видеть, что намеченный сюжет имеет мало общего с будущей повестью, да и на уровне фабулы похожи только фундаментальная идея (земляне, обнаруживающие воспитанного негуманоидами «космического Маугли») и предыстория событий (авария звездолета).

Впрочем, что касается облика и поведения самого Малыша, некоторые детали уже найдены и сохранятся дальше.

У Маугли могучая способность к звукоподражанию, сразу всё запоминает, слова и интонации, так его отчимы заманивают быстрых зверей. Обмазаны слизью, которая обладает способностью менять цвет под цвет фона — мимикрия.

В февральских записях 1970 года на эту тему больше ничего нет, но Авторы, судя по переписке, твердо решили продолжить разработку. В течение марта обсуждались возможности будущей публикации. Предполагалось отдать «Операцию “Маугли”» в «Мир приключений», но не исключались более или менее лояльные к АБС журналы («Аврора», «Знание — сила», «Вокруг света», «Нева»). При этом из-за решения опубликовать «Отель...» в «Юности» вместо «Авроры» у Стругацких к этому моменту возникли, как писал брату БНС от 9 марта 1970 года, «определенные обязательства по отношению к этому журналу». Когда выяснилось, что в «Мире приключений» не принято публиковать произведения, ранее или одновременно опубликованные в журналах, а с другими вариантами книжной публикации нет пока никакой ясности, выбор был сделан в пользу «Авроры». Впрочем, повесть следовало еще написать...

В следующий раз Авторы встречаются в Комарово в апреле. В основном продолжается работа над «Градом...», но одна из заметок касается повести о «космическом Маугли».

Аборигены эволюционировали не по линии сохранения вида, а по <линии> сохр<анения> индивида. Берег Шевелящихся Холмов. Отсюда — сознание огромного собственного превосходства перед всеми остальными живыми существами. Понятие жертвы полностью совпадает с понятием удовлетворения, счастья.

Технологии нет. Огромный опыт 3 миллионов лет эволюции, знают, как, что и почему, но вмешаться не могут — только скрещивание. Гибнут от старения генной структуры.

Обреченная планета. Работа спасателей: спасти ветвь эволюции. Уже подобрана другая планета у другой звезды.

Для кротов и для Маугли люди не отождествляются с Маугли: они для них затеряны среди роботов, экскаваторов, кораблей. К тому же нашествие людей ассоциируется с сохранившимися в памяти нашествиями мутировавших местных животных (жесткое излучение солнца): крабы, спруты, птицы и т. д.

После каждой главы — короткое *moralite*, взгляд со стороны, зачеркивающий представления читателя и действующих лиц о событиях.

1. Тень в корабле.
2. Гибель киберов.
3. Находка и осмотр корабля.
4. Гибель одного и спасение другого.
5. Попытка вылазки и гости.

В дальнейшем большинство этих идей не получило развития, а основные события стали происходить не на «обреченной планете», а как раз напротив — там, куда предполагалось переселить аборигенов.

В первом варианте списка действующих лиц единственное точное совпадение пока — кибертехник Стась Попов. Капитан — Каспер Вандерхузе, один из ловчих (потом это слово исправлено на «егерей») — Айзек Тендер; позже он становится Яковом, а после «рокировки» имен в черновике появятся капитан Яков Вандерхузе и Каспар Тендер (но последний будет уже не егерем, а начальником экспедиции, прототипом Комова). Егеря Ричард Морзе в черновике будет называться Диком, затем трансформируется в Майку, а аналога «старшего егеря Нины Петровны Одоевской» в экипаже не будет вовсе.

Работа над текстом продолжалась в июне 1970 года в Ленинграде. Первоначальный ее этап, согласно «Комментариям» БНС, выглядел так: «...медлительные вымирающие аборигены превратились у нас в могучую цивилизацию «гетероморфов», населяющую подземные пустоты мрачных и загадочных «Морщинистых островов»; неловкие действия ничего не понимающих в ситуации землян (вернее, их кибернетических ловчих) приводят к конфликту, в который, разумеется, вмешивается Малыш... маленькая, но беспощадная война... разъяснение всех недоразумений... земляне уходят».

С каноническим текстом в этих набросках совпадает только конспект истории с вечным двигателем. Весь основной сюжет — совсем другой, и его важнейшим моментом является заблуждение аборигенов: «Киберов принимают за взрослых, людей — за детей».

Полностью с этими материалами читатели могут ознакомиться в рабочих дневниках АБС за 1970 год. Особенно интересна обширная таблица, вписывающая основные события в рамки одного дня. Имена частично взяты из апрельских заметок, частично введены заново. Ричард не упоминается, зато появляется Карло. Егеря — еще «ловчие», а Тендер — не Каспер, а Айзек, то есть используется ранняя версия списка персонажей.

Хотя сюжет расписан вроде бы достаточно подробно, у Авторов нет ясности касательно судьбы самого Малыша. Свидетельство тому — перечень вариантов развязки.

- 1) Малыш уходит к людям добровольно.
- 2) Малыша увозят насильно.
- 3) Малыш не входит в контакт.
- 4) Малыш остается добровольно.
- 5) Малыша задерживают предки.
- 6) Малыша люди не берут с собой.
- 7) Малыша убивают люди сознательно.
- 8) Малыша убивают люди, не ведая.
- 9) Малыша убивают предки (случайно или нарочно).
- 10) Малыш кончает самоубийством (героически или по личным причинам).

Тем не менее, после некоторого уточнения имен (именно тогда, видимо, была внесена ретроспективная правка в апрельский список персонажей) начинается работа над текстом. Судя по рабочему дневнику, написано было восемь страниц, но из них сохранились лишь первые три.

Дик сказал, что у него предчувствие. Я признался, что у меня тоже предчувствие. На самом деле никаких предчувствий у меня не было, просто пейзаж с крейсерской высоты открывался такой, что у нормального человека недобрые предчувствия должны были возникать с неизбежностью. Представьте себе: во-первых, сам остров, круглый, розовато-серый, сплошь изрезанный извилистыми нитями «траншей», как будто невероятный великан высунул из-под поверхности океана подушечку грязноватого пальца — посмотрите в лупу на подушечку какого-нибудь своего пальца, предварительно потеряв его о что-нибудь пыльное, и вы поймете, что я имею в виду. И сам океан вокруг острова, свинцовый, ледяной, на редкость неприветливый, а у самого горизонта — черный, как тушь, утыканный неподвижными сахарными клыками айсбергов. И над всем этим — небо, безоблачное, но тоже безрадостное, ледяное, серо-лиловое, со слепящей лиловой точкой солнца. Нечеловеческое зрелище. Но я, наверное, не совсем нормальный человек, и насчет предчувствий у меня было слабовато. Привык, наверное. Вот Дик — он не привыкает. Он вживается. По его словам, каждый настоящий егерь, явившись на новую планету, должен прежде всего вжиться в ее природу, как бы раствориться в ней, включиться в ее метаболизм, ощутить в себе каждую ее травинку, каждую бактерию, не говоря уже о всяких крупных животных, с которыми, как я понял, ему надлежит чуть ли не научиться совместно пищеварить... Смутная, конечно, теория, но я верю, что Дик и в самом деле к чему-то такому стремится и чего-то такого добивается. Не врет же он, в самом деле. Ну, я стараюсь не отставать, хотя я и не егерь, а кибертехник, и мне, честно говоря, надо бы вживаться не в чужие миры, а в своих родимых киберов.

Пока я раздумывал обо всем этом, Дик стоял спиной ко мне, расставив ноги и сложив руки на затылке, упершись лбом в прозрачную стену рубки, а «Колючка» медленно плыла на высоте ста пятидесяти метров, пересекая остров с востока на запад.

— Это у нас будет третья посадка? — спросил Дик, не оборачиваясь.

— Четвертая, — сказал я.

— Четвертая, — повторил он мрачно. — Слушай, а может быть, на этом паршивом острове вообще нет крупных животных?

— Тебе виднее, — сказал я.

Дик оттолкнулся лбом от стены и сел рядом со мной за пульт.

— Вот это мне больше всего не нравится, — объявил он. — Мы сделали три посадки. В самых обещающих точках. На побережье. В зарослях. Вблизи теплых источников. И ничего.

— А где — чего? — спросил я. — «Паука» отловили полтора месяца назад, «устрицу» — месяц назад, и с тех пор ни одна «Колючка» ничего нового не добыла.

Он повернул ко мне свою узкую физиономию и некоторое время глядел исподлобья.

— Не понимаешь? — спросил он наконец.

— Нет, — сказал я с вызовом. — А ты?

Он не удостоил меня прямого ответа. Он принялся терпеливо объяснять. Сил никаких не было, до чего терпеливо.

— Дело не в том, что мы здесь ничего не отловили. Дело в том, что мы здесь ничего и не видели. Десяток ящериц и два десятка насекомых. И ни одного крупного животного.

Он раздраженно потыкал пальцем в клавишу контрольного вызова. Я взял его руку и уложил ее на подлокотник.

— Так ведь холодища какая, — сказал я.

— Холодища... Ты что, Морщинистых островов не знаешь? Здесь везде холодища. На любом другом острове за три посадки ловчие обнаружили бы уж какое-нибудь диво.

— А может, они и здесь обнаруживали, — возразил я. — На второй посадке они же копали что-то такое...

— На третьей тоже копали, — сказал Дик. — А что выкопали?

Я вынужден был признать, что не выкопали ничего.

— Нет, — сказал Дик. — Ты уж мне поверь. Поверь старому егерю: здесь что-то не то.

Я посмотрел на него.

— Помнится, давеча, после второй посадки, Яков говорил то же самое Нине Петровне... И оставь в покое клавишу.

Дик несколько смутился, оставил в покое клавишу и буркнул:

— Ну вот видишь... И Яков тоже...

— Ладно уж, — сказал я великодушно.

Мы помолчали.

— И все равно, — сказал Дик. — Неважно, кто первый сказал. Не в этом дело.

Ну конечно же, дело было не в этом. Дело было в том, что старого егеря одолевали предчувствия. Неважно, откуда они у него взялись. Из общих соображений, из подслушанных разговоров, из профессионального сверхъестественного чутья или из ощущений, вызванных нечеловеческим пейзажем. Должен вам прямо сказать: половину работников базы одолевали какие-нибудь предчувствия. И если подумать, ничего удивительного в этом не было. Планета мрачная, неприятная, обычно задерживаться на таких планетах дольше десяти-пятнадцати суток не рекомендуется, а наши старожилы сидят здесь уже больше года, и конца этому не видно. Во-вторых, планета обреченная, пройдет сколько-то там лет, не так уж много, и все на ней сгорит, океаны высохнут, континенты оплавятся, острова рассыпятся в пыль, и, по некоторым предположениям, планета эта несчастная вообще окажется внутри солнца, которое взорвется, раздуется, распухнет или что там еще делается с квазистационарными звездами — попробуйте представить себе, что вы день за днем и месяц за месяцем ходите по будущему кладбищу. Потом, ведь некоторые нервничают: астрофизика, конечно, наука точная, но вдруг все-таки?.. У меня у самого иногда воображение разыгрывается, и я принимаюсь по пальцам пересчитывать, сколько у нас звездолетов и успеем ли мы до них в случае чего добежать. Глупо, конечно, но никуда не денешься. Нет-нет да и поглядишь на солнце — как оно там? Ну и потом — задача и ответственность. За такое предприятие Земля еще никогда не бралась. Спасти целую биологию, переселить целый мир. Двести пятьдесят миллионов триста тринадцать пар чистых и шестьсот тридцать семь миллионов пятьсот шестьдесят восемь тысяч пар нечистых. Только на самом деле все это обстоит еще гораздо сложнее, потому что нужно не только просто переселить образцы фауны и флоры, но еще и найти правильные пропорции, четко разобраться, какие условия для... [Следующие страницы отсутствуют. — *Сост.*]

20 июня, на четвертый день работы, в дневнике появляется запись: «Думаем заново. Написанное похерили». Вскоре появляется новая схема сюжета, который постепенно становится все ближе к знакомым нам событиям повести. Список действующих лиц указывается заново практически в том виде, в каком будет использован в черновике.

Стась Попов — кибертехник, 20 л.

Каспар Тендер — ксенопсихолог, 30 л.

Ричард Мирер — квартирьер-топограф, 22 л.

Яков Вадерхузе — капитан, 32 л.

Дик сначала получает прежнюю фамилию Морзе, затем она правится на Мирер. В черновике эта фамилия будет упомянута всего единожды (впрочем, и фамилия Майки в окончательном тексте встречается лишь дважды). Хотя этот персонаж назван в списке квартирьером-топографом, в черновике он по-прежнему егерь, а квартирьером станет уже Майка. Присутствует тут и более поздняя правка, сделанная при доработке черновика: для Тендера указано «Геннадий Комов — Капитан», для Ричарда Мирера — «напр<имер,> Майка». А написание «Вадерхузе», надо полагать, было всего лишь опiskeй.

Затем начинается работа над черновиком. До конца июня написаны первые четыре главы. Незадолго до их завершения повесть получает новое название «Малыш».

Через два месяца работа продолжается в Комарово, 13 сентября первый черновик завершен. Затем планы дальнейшей доработки текста обсуждаются в переписке Авторов, причем особое внимание уделяется сюжетной линии Малыша, его, так сказать, психологической схеме и степени человекоподобия.

6 октября БНС делится с соавтором впечатлениями от черновика: «К моему огромному удивлению, это оказалось неплохо. Во всяком случае, гораздо лучше, чем я ожидал. Я боялся литературно-технического несовершенства (повторения, однообразия описаний, водянистость и пр<очее>) — ничего этого нет. Но есть другое: трагедия Малыша разворачивается слишком уж скоропалительно. Очень обрывистый конец (только это читатель рот раззявил в ожидании чудес, и тут — конец). <...> Но вот как сделать главное, спектр переживаний и отношений Малыша: от простого неприятия к любопытству, к восторженному любопытству, к мысли о предательстве своих, к отчаянию — вот как это сделать, я пока не понимаю. Ладно, будем думать».

К этому же периоду относится, видимо, и отдельный листок с записями АНС для переделки черновика. К примеру, определяется понятие «гуманоид», записывается: «Гуманоиды — анатомически, физиологически, психологически». Кроме того, записывается:

Потребности:

то, без чего сущ<ест>во чахнет и умирает,

то, без чего сущ<ест>во скучает и тоскует,

то, без чего сущ<ест>во беспокоится, не находя себе места.

Рядом с двумя последними строчками записано также: «Пассивная и активная стороны». Общий смысл этих заметок отчасти проясняется ответом БНС в онлайн-интервью (18.01.2010): «Мы пытались представить себе, как может «мыслить» разумное существо, полностью лишенное общения и даже не знающее, что это такое».

Классифицируются и типы цивилизаций.

Овладение природой = технологич<еская> цив<илизация>.

Сознат<ельное> приспособл<ение> к прир<оде> = биолог<ическая> цив<илизация>.

«Уничтож<ение>» природы, создание инкубатора = свернутая цив<илизация> (?).

Видимо, эти определения в какой-то момент представлялись Авторам важными. АНС так отвечал брату 2 октября на некие вопросы, которых в сохранившейся переписке нет: «Классификация цивилизаций у меня ну совершенно не идет. Леню об этом думать. Ну ее, классификацию. Как-нибудь объединим этот вопрос по кривой».

На том же листке отмечено, что следует далее учесть при доработке черновика.

1. Дик должен присутств<овать> при разговоре с Малышом в конце.
2. В каждом разговоре Малыш — о бакенбардах Вандера.
3. Август Иоганн Бадер.
4. Свернувшаяся цивилизация — изучение людей. Воображение дает с легкостью то, что нужно долго испыт<ывать> в реальном мире.
5. Может быть, идеи Тендера рассеять по разговорам «Дик — я — Вандерхузе».

И, наконец, на листке приведены названия глав повести. В раннем черновике главы были просто пронумерованы, заглавия же добавились лишь при подготовке второго черновика, да и то не везде (с пропуском глав пятой и шестой).

В этой связи надо отметить несколько обстоятельств. В заметках все названия даны без ошибок, а вот при переносе их в исправленный черновик Авторы сначала записали название «Тишина и голоса» верно, а затем почему-то исправили на «Пустота и голоса». Именно так вторая глава называлась в журнале и первых двух книжных изданиях. Между тем, нетрудно заметить, что случайных слов в названиях глав нет: они плавно «перетекают» друг в друга, в связке слов через «и» последнее слово названия предыдущей главы всегда становится первым словом следующей («Пустота и тишина», «Тишина и голоса», «Голоса и призраки» и так далее). Изменение «пустоты» на «тишину» эту словесную игру, разумеется, нарушает.

Кроме того, пятая глава должна была называться «Люди и не люди» (именно так, с раздельным написанием двух последних слов!), а шестая, соответственно, «Не люди и вопросы».

Так указано и в заметках к повести, и в беловых рукописях, но этот вариант не попал ни в одну публикацию, хотя идея была очень интересной. В самом деле, множественное число от «нечеловек» — «нелюди» (с ударением на первом слоге), а обратная трансформация в единственное число дает «нелюдь». При написании «не люди» отрицательный оттенок теряется, но беда в том, что произнести это легко, а вот записать, не нарушая правил грамматики, почти невозможно. Если вариант «Люди и не люди» смотрится еще более или менее нормально, то «Не люди и вопросы» — уже совсем странно, а различаться по заданным «правилам игры» написание не должно. (Возможно, и у самих Авторов возникали здесь сомнения, так что названия именно этих двух глав не были сразу внесены в черновик и появились только в чистовой рукописи.) Что же касается данного Собрания, то составители, отдав должное изяществу авторского замысла, все же оставили эти слова в слитном написании.

Той же необычностью исходных заглавий, видимо, объясняется и ошибка с названием пятой главы в двух первых книжных изданиях: «Люди не люди». Возможно, в редакции заметили некую «неправильность», но второпях исправили в одном месте не то, что хотели...

А теперь обратимся непосредственно к текстологическим особенностям черновика. Здесь, как и в ряде других рукописей Стругацких, в исходную машинопись вносилась очень обширная правка. Много текста, предназначенного для дополнения или замены, вынесено на отдельные страницы, причем и там может быть записано несколько последовательных версий одного и того же фрагмента. Зато в сразу же готовившемся по результатам этого многоэтапного редактирования чистовике исправлений почти не было.

Важнейшей сюжетобразующей особенностью исходного черновика, от которой Авторы далее отказались, было то, что Малыш еще не считает себя единственным обитателем планеты: он знает о негуманоидах и называет их «мои друзья».

При последующей правке изменялось многое. В первую очередь следует упомянуть появление Майки и Геннадия Комова вместо, соответственно, Дика и Каспара Тендера. Интересно, что замена парня на девушку потребовала не таких уж больших изменений психологического рисунка персонажа, как это можно было бы предположить. Понятно и желание Авторов увеличить число внутренних связей новой повести с предыдущими произведениями «полуденного» цикла, вводя в повествование не только Горбовского и Сидорова, но и Комова. (Что же касается Тендера, то эту фамилию предполагалось использовать в разных произведениях, а получил ее в конце концов лаборант в «Пикнике на обочине».)

Немного иначе именовались спасаемые аборигены и их планета: сначала это понтиане и Понт, затем — пантиане и Панта. Различается возраст Дика и Майки (вместо «Дик всего на два года старше меня» стало «Майка — моя ровесница»). Каспар Манукян, который не прошел по конкурсу проекта «Ковчег», сначала называется Сашкой (другой вариант — Яшей) Шахбазяном, но, как следует из переписки Авторов, это не пришлось по душе реальному носителю фамилии, хорошему знакомому БНС и работнику Пулковской обсерватории. Радиограмма из Лондона («...уважаемый Геннадий, еще раз напоминаю о вашем обещании дать отзыв...») в рукописи была не от Картрайта, а от Джекобса. А то, что Странники покинули Галактику, утверждал не Боровик, а Бюлов.

Первоначально Авторы хотели назвать тип корабля, который разбился, «аистом», но затем, в процессе подготовки чистовика, изменили на «пеликана». Интересно отметить, что в рукописях тип корабля пишется со строчной буквы, а в публикациях — с заглавной, так что возникает некое избыточное сходство между «Пеликаном» и упоминаемым несколько раз в повести «Пилигримом» (видимо, уже не типом, а именем конкретного корабля).

Боевые марши, которые были записаны на кристаллофоне Стася, первоначально были не ируканскими, а тагорскими.

В дате рождения Малыша несколько раз изменялся месяц: сначала это было двадцать первое августа двести тридцать третьего года, в позднем черновике появился февраль (видимо, по ошибке: правка в следующей главе в эпизоде с отсчетом месяцев явно подразумевает апрель); в чистовике и в публикациях уже указан апрель. В связи с этим менялся и возраст Малыша к моменту катастрофы: десять месяцев (ранний черновик) или тринадцать (остальные источники).

Многое в черновике происходит либо совсем по-другому, чем в канонической версии, либо с изменением каких-то подробностей. Даже самое начало первого варианта выглядит несколько иначе, чем в окончательном тексте.

Дик сказал, что у него предчувствие. Мы стояли возле глайдера, он смотрел себе под ноги и долбил каблуком промерзший песок, а потом поднял голову, огляделся и сказал:

— Знаешь, предчувствие у меня какое-то дурацкое...

Несколько позже в черновике была еще одна реплика Дика, глядящего на айсберг: «Хирургическое отделение, — сказал вдруг Дик тоскливо. — Стерилизационная камера. Пойти его

грязью измазать, что ли?» Судя по правке, Авторы сначала хотели, чтобы эти слова произносила Майка (только не «тоскливо», а «со злостью»), но потом решили убрать вовсе.

В первое описываемое в повести утро Стась оценивал результаты деятельности роботов так: «Ночь они поработали на славу — контуры взлетно-посадочной полосы были отчетливо видны, да и большинство фундаментов было готово...» В размышлениях об инструкции безопасности Стась добавлял: «Здесь все стандартные инструкции не имели никакого смысла». А посмотрев на айсберг, Стась сначала думал, не пойти ли ему туда, а затем решал:

Нет, не пойду я к этому айсбергу. И сторожа-разведчика я запускать не буду, хотя, может быть, и следовало бы мне лишний разок попрактиковаться. А пойду-ка я домой, отправлю радиogramмы Тендера, составлю меню, включу кухню, а сам прилягу и почитаю.

После отправки и регистрации радиogramм Стась замечал о регистрации: «...не понимаю, зачем нужна эта канцелярия...» Затем он включал видеозэкран, чтобы посмотреть на роботов, комментируя свои действия так: «Просто из любопытства, честно говоря».

Когда Вадик сообщает Стасю, что у них передохли ящерицы, в черновике диалог был подробнее.

— Ну да! — поразился я. — Когда?

— Вчера мы их запустили, а сегодня — привет. Шесть трупиков.

В сцене, где Стась думает о странностях пантиан, на полях есть заметка для будущей правки: «Представляет себе, чем занимаются Дик и Тендер (перевоплощается в пантианина)», но реализована эта идея не была.

ЧП с остановкой роботов в первоначальном варианте описывалось несколько по-другому, больше внимания уделялось переживаниям Стася.

Уже с порога рубки я увидел, что имеет место чрезвычайное происшествие. Все три рабочих экрана на моем пульте показывали остановку работы. Я подбежал к пульту и включил видеозэкран. Сердце у меня екнуло: строительная площадка была пуста. Такого у меня еще никогда не случалось. Я даже не слыхивал, чтобы такое могло случиться. Я помотал головой и бросился к выходу. Может, ребята вернулись и перевели роботов на другое место? Какое-нибудь срочное дело, то-се... Или метеорит какой-нибудь стукнул Тома в крестец? Неужели я, елки-палки, напал в программе? Это же невозможно... Я влетел в кесон и схватил доху. Руки не попадали в рукава, правый рукав почему-то оказался вывернут наизнанку, застежки куда-то пропали, и, пока я сражался с дохой, как барон Мюнхгаузен со своей взбесившейся шубой, перед глазами моими стояла жуткая картина: ребятки мои, управляемые дефектной программой, покорно тянут трассу для посадочной полосы прямо в туман, в курящуюся топь, погружаются в бурю жижу и исчезают навсегда... Я со всего размаха пнул ногой в перепонку и выскочил наружу.

У меня все поплыло перед глазами.

Киберы были здесь, у корабля. Они толпились у грузового люка, все трое, легонько отталкивая друг друга, как будто каждый пытался первым попасть в трюм. Это было невозможно. Это было неприлично. Это было страшно. Как будто они стремились поскорее спрятаться в трюме, укрыться от чего-то, точно так же, как и я давеча стремился спастись в корабле от пустоты и тишины. Заметив меня, Том прекратил ерзанье и включил сигнал: «Жду указаний». Я отогнал от себя все эти трусливые мыслишки и сравнения, недостойные кибертехника, и решительно показал ему руками: «Вернуться на место, продолжать выполнение программы». Честно говоря, нервы у меня были так взвинчены, что где-то в глубине души я был готов к тому, что Том не послушается меня. Бывает такое явление техники — взбесившийся робот. Оно случается очень редко, я никогда не слышал о взбесившемся строительном роботе, но сейчас я был готов и к этому.

Однако ничего такого не произошло. Том послушно включил задний ход, развернулся и покати́л на площадку. Джек и Рекс, естественно, последовали за ним. А я

все стоял возле люка, в горле у меня пересохло, колени ослабели, и мне очень хотелось присесть. Но я не присел. Я стал приводить себя в порядок. Доха на мне была застегнута вкривь и вкось, уши мерзли, на лбу и на щеках быстро застывал пот. Медленно, стараясь контролировать все свои движения, я вытер лицо, застегнулся как следует, надвинул на глаза капюшон и натянул перчатки.

Стыдно признаться, конечно, но я испытывал страх. Собственно, это уже был не сам страх. Это были остатки пережитого страха, смешанные со стыдом. Я никогда не был особенно высокого мнения о своих добродетелях, но кибертехник, который испугался своих роботов, это, знаете ли, слишком — даже для самого скромного человека. Мне было совершенно ясно, что об этом случае я никогда и никому не расскажу. Я совершенно явно струсил. Там, в рубке, я тоже струсил, но то был совсем другой страх, страх деловой, страх работника, у которого вдруг не заладилась работа. Здесь же, у люка, я впервые в жизни испытал страх глупый, фантастический, мистический.

Описание Вандерхузе после обнаружения погибшего корабля («...более чем когда-либо похожий на пожилого верблюда. <...> Голова его задралась, нижняя челюсть выдвинулась...») в исходной рукописи было более расширенным: «...тяжелые веки совершенно напоззли на глаза». А после реплики Попова («Никогда мне эта планета не нравилась») Вандерхузе говорил (с учетом более развернутых реплик Дика в начале повести): «И Дику тоже. Но ведь планета здесь, пожалуй, ни при чем. А? Как ты полагаешь?»

А вот реакция Дика на эту находку в черновике была даже более сильной, чем в окончательном варианте реакция Майки: «А я плакал там, понимаешь? — сказал Дик. — Плакал! И сейчас мне плакать хочется, только я не могу... Ты бы, конечно, не заплакал бы, нет, куда там! Ты бы только зубы стискивал и все такое...». После этого Стась идет на кухню готовить обед и думает, что нужно дополнить меню еще чем-то, поэтому он «на всякий случай ввел в общую часть меню несколько стаканов вина. Вдруг кто-нибудь захочет подкрепить свои душевные силы. Я, например, был бы не прочь, но первым никогда бы не решился подкрепляться».

(Следует заметить, что рефлексии Дика в черновике выглядят не особо убедительно для достаточно взрослого парня, тем более егеря. Замена этого персонажа на Майку, несомненно, пошла повести на пользу и сделала многие эпизоды куда более достоверными психологически.)

Когда Комов предлагает Вандерхузе провести дополнительное обследование погибшего корабля вдвоем, Яков не только напоминает, что комиссия должна состоять как минимум из трех человек, но и говорит: «Во-первых, я сейчас не могу оставить Дика». Далее следовало: «Ничего, к завтрашнему утру я поставлю Дика на ноги, мы отправимся туда все втроем и проведем там столько времени, сколько понадобится для самого подробного отчета...» (При переработке текста Дик исправлялся на Майку, но затем эти фрагменты вообще были вычеркнуты.) А при обсуждении текста предварительного сообщения Тендер-Комов замечает о будущем отчете: «В конце концов, все равно это материал для Исторического отдела...» В беловике эта фраза была заменена другой: «Что угодно, лишь бы нам не мешали».

В черновом варианте умирающая женщина, стоны которой воспроизводит Малыш, не зовет мужа, а упорно повторяет нечто совсем иное: «Спасите его, — простонал где-то совсем рядом хриплый женский голос. <...> Спасите его! Все что угодно, только спасите его! — хрипела женщина, корчась от невыносимой боли. — Спасите! Он хороший, он добрый! Вы не пожалеете!»

Засыпая после трудного дня, наполненного слуховыми галлюцинациями и известием о гибели корабля, Стась первоначально не размышлял о совпадении («голос умирающей женщины в моем бреду и умершая женщина в разбитом звездолете...»), а предполагал: «А что, если завтра napроситься с ними на осмотр корабля? Занятие, конечно, малорадостное, но уж по крайней мере с людьми...» И описание следующего утра тоже отличалось от окончательного варианта.

Однако napроситься мне так и не пришлось. Просто случая не представилось. Утром я, как всегда, встал на полчаса раньше остальных, сбегал на кухню посмотреть, как там с завтраком, сбегал в рубку посмотреть, как там мои ребяташки, а потом выскочил наружу делать зарядку. Солнце еще не поднялось над горами, но было уже совершенно светло и очень холодно. Ноздри слипались, ресницы смерзались, я изо всех сил размахивал руками, приседал и вообще спешил поскорее отделаться и вернуться в корабль. И тут я заметил Тендера. Это меня удивило: обычно Тендер по утрам выходил из своей каюты последним, прямо к завтраку.

Описание второго рабочего дня Стася тоже имело отличия (отметим, что коллега Стася в раннем черновике еще не «головастая Нинон», а просто Нина).

Я следил за работой своих ребяташек, читал, принимал радиogramмы, беседовал с Вадиком и с Ниной (было утешительно обнаружить, что у Вадика тоже всюду играет музыка), я затеял уборку помещений, я составил роскошное меню с расчетом на необходимость подкрепления духовных сил, я даже рискнул вздремнуть, потому что как-никак поднимался ночью три раза — поглядеть, как спит Дик, но главным образом из опасения, как бы роботы не выкинули какой-нибудь новый курбет. И все это в громе, в звоне, в завывании флейт и в мяуканье нэкофонов. В общем, я старательно, безжалостно и с пользой для себя и окружающих убивал время. И все это убиваемое время меня неотступно грызла терзающая мысль: откуда Тендер узнал то, что я ему не рассказывал, и что он в связи с этим намерен предпринять. Тендер ставил меня в тупик. Теперь-то я понимал, что необычайно раздгерганное его состояние за завтраком объясняется совсем иными причинами, чем нервность Дика. Конечно, копать в склепах — занятие тяжелое, но ведь еще вчера вечером Тендер так хладнокровно предлагал Вандерхузе немедленно, прямо ночью, заняться экспертизой погибшего корабля. Нет, дело здесь было не в корабле. Эти его недоумения, возникшие после осмотра стройплощадки, этот разговор о шизоидах, эта странная интерлюдия в дверях кают-компания — совершенно ясно было, что Тендер каким-то образом узнал о моем позоре... Елки-палки, ведь он предложил мне лететь с ними, он явно опасался оставить меня здесь одного! Неужели все-таки это так заметно? Но ведь вот Вандерхузе ничего не заметил... Впрочем, Вандерхузе, наверное, просто был очень занят Диком.

Разговор Стася с Диком после возвращения комиссии, обследовавшей погибший корабль, в общих чертах похож на окончательный вариант, но некоторые мелочи в черновике любопытны. Дик называл мир этой планеты не просто «кастрированным миром», как Майка, но также «проклятой и гнусной планетой», а о безопасности говорил подробнее.

Вот мы здесь четвертый день, и четвертый день я удивляюсь, как можно было все это затеять? <...> Биологически пассивная? Да! Но почему она такая? Двадцать гипотез существует по этому поводу, но я-то знаю, что годится только одна. Была здесь жизнь когда-то, настоящая, большая, богатая, а потом вспыхнула звезда, и в один миг все кончилось.

Однако далее Дик говорил: «...зря я так резко об организаторах проекта. По сути-то дела они правы, то есть если подходить чисто реалистически, прагматически, что ли...»

Есть в этом разговоре и такой обмен мнениями о Вандерхузе и Тендере.

— Тендеру, по-моему, здесь тоже не по себе, — заметил я по возможности небрежно.

— Тендеру? — Дик усмехнулся. — Ну уж нет. Тендер как раз типичный человек без чутья... то есть без того чутья, о котором я говорю.

Да, подумал я, всякого другого чутья у него предостаточно.

— За Тендера и Вандерхузе не беспокойся, — продолжал Дик с горечью. — Тендер живет только своими идеями, а Вандерхузе беспокоится только о нас. Он ведь ни о себе, ни о планете не думает. Вандерхузе я как раз хорошо знаю, не впервые с ним работаю.

Когда Вандерхузе предлагает прочесть экспертное заключение о гибели корабля Стасю, тот в черновике думал: «...да и, в конце концов, толку от того, что я прочту заключение, было бы не слишком много...» А далее разговор имел продолжение: «В крайнем случае, сказал я, Дик потом изложит мне все своими словами. Ладно, сказал Вандерхузе, все равно сейчас пора обедать. Прислать тебе обед? Я сказал, что скоро кончу и чтобы начинали без меня».

Майка при обсуждении высказывает недоумение такими словами: «Я другого не понимаю. Почему он стер бортжурнал? Ведь был же удар, человек умирает...» Дик доводил мысль до конца:

«Я вот другого не понимаю. Почему он стер боржурнал? Ведь был же удар, у него все кости сломались, он умирает. И последние силы тратит на то, чтобы стереть боржурнал».

О кибере, превращенном в шьющее устройство, Вандерхузе говорит Стасю: «У кого-то из них, видимо, у женщины, было несколько необычное хобби», а в черновике добавлялось: «...необычное, конечно, для космолетчика, а не вообще...»

Обсуждение отчета о погибшем корабле и того, что делать с останками, вызывало у Стася такие мысли: «Как-то все это происходило слишком по-деловому, слишком бюрократически. Такие вопросы голосованием не решаются». После правки уже нет слов «слишком бюрократически», да и о голосовании Попов думает куда менее категорично: «Правда, я не знаю, как это должно происходить, но, по-моему, такие вопросы нельзя решать голосованием». А Майка после переработки черновика не упоминает о том, что «должно же быть какое-то уважение к погибшим», как это делал Дик.

Позже, когда Стась и Дик остаются одни, у них был такой разговор.

— Просто Тендер старается поскорее от всего этого отделаться и вернуться к своей ксенопсихологии...

Дик, прищурившись, взглянул на меня.

— Ты так думаешь? — спросил он.

— Ну да, — сказал я. — Вот завтра со мной или с тобой что-нибудь случится, он точно так же закрутит машину и прежде всего начнет хлопотать, чтобы прислали нового квартирьера или нового кибертехника.

— Это вполне возможно, — произнес Дик, усмехаясь. — Но я-то не об этом.

— А о чем?

— А я о том, что если бы Тендер действительно хотел от всего этого поскорее отделаться и заняться своей ксенопсихологией, он бы не стал сам заниматься... ну, останками и консервацией архива. Он бы тебя послал на это или меня.

Некоторое время мы молчали. Я переваривал сказанное Диком.

— Ну, — сказал я, — это ты тоже... не то. Посылать на такое дело тебя или меня даже Тендеру, наверное, в голову бы не пришло...

— Неважно, — отмахнулся Дик. — Мог бы попросить Вандерхузе. Не в этом дело. Я только хочу сказать, что у Тендера что-то на уме. И Вандерхузе это понимает, только не знает, как Тендера зацепить... А может быть, считает, что это неважно.

— А может быть, это в самом деле неважно, — пробормотал я неуверенно.

— Да я и не говорю, что это важно, — возразил Дик с досадой. — Мне просто не нравится, что Тендер так себя ведет в этом деле. Не понимаю я его. И вообще он мне не нравится! — сказал, почти выкрикнул Дик, стукнув кулаком по столу. — Мне о нем все уши прожужжали, а я теперь хожу и считаю дни, сколько мне с ним работать осталось... В жизни больше никогда с ним работать не буду!

Вспоминая развлечения на базе в ожидании формирования («Вадим, скажем, ни с того ни с сего орал на всю столовую: «Капитан! Принимаю решение сбросить хвостовую часть и уходить в подпространство!» — на что какой-нибудь другой остряк немедленно откликнулся: «Ваше решение одобряю, капитан! Не забудьте головную часть, капитан!» — и так далее»), Стась воспроизводил и другие фразы («У меня заклинило органику бортового поворота!», «Уходя в подпространство, не забудьте погасить свет!»), поясняя: «Конечно, не бог весть какие шуточки, каменный век, я бы сказал, но нам тогда здорово надоело ожидать назначения, да и всем ребятам тоже, так что к нам относились снисходительно. Но мне бы и в голову не пришло, что Вандерхузе способен заниматься чем-либо подобным». (Это он думал по поводу услышанного разговора якобы Вандерхузе и Дика, который на самом деле имитирует Малыш.) И позже, когда Стась приходил к Дик, разговор в черновике был более обстоятельным, чем в позднейшей сцене с Майкой.

Дик приподнял голову.

— А, это ты, — произнес он с неудовольствием. — Ты чего?

— Просто так зашел, — сказал я бодро. — Ты за мной заходил?

— Нет, — сказал Дик, отбирая у меня бутылку. — Чего ради я буду за тобой заходить?

— А погулять?

— Погулять? — произнес Дик. — Ты знаешь, Стась, я сегодня, пожалуй, не пойду.

А то вчера вечером я не работал, накопилось тут кое-что...

Я ощутил смутное беспокойство.

— Э... погоди, — сказал я и замолчал.

Дик подождал немного и сказал извиняющимся тоном:

— Знаешь, давай сегодня не пойдем. Так хорошо работается, у меня сначала все не ладилось, а потом пошло, пошло... Я за эти два часа знаешь сколько сделал...

Он говорил еще что-то в свое оправдание, но я уже почти не слышал его. Я уже все понял. У меня все пошло перед глазами, свет померк, и Дика я слышал будто издалека. Но несмотря на все это, у меня хватило выдержки не задавать прямых вопросов, и я только сказал:

— А я думал, что ты с Вандером уже выходил прогуляться...

— Да что ты, — произнес Дик озабоченно. — Сижу все время как проклятый. — И тут он заметил, что со мной что-то неладно. — Ты что, обиделся? — спросил он испуганно. — Ну, если ты так уж хочешь — пойдем... конечно...

Я встал. Я пробормотал что-то такое: не надо, мол, не стоит, поздно уже — не помню, что я там бормотал. Каким-то образом я очутился в коридоре, потом у себя в каюте, погасил зачем-то верхний свет, включил зачем-то ночничок, которым никогда не пользуюсь, лег на койку и повернулся лицом к стене. Меня опять трясло.

Первоначальный рассказ Комова-Тендера о последних трех днях перед явлением Малыша тоже отличался от окончательного варианта.

Оказывается, ему пришлось, пожалуй, еще хуже, чем мне. Правда, слуховых «галлюцинаций» у него не было совсем, но зато зрительные начались на другой же день по прибытии. Он как раз запускал мальков в озеро, когда краем глаза заметил вдруг что-то неладное. Конечно, он лучше всех нас знал, насколько безопасна эта планета, да и глайдер носился над рощами неподалеку, но нервы у него были напряжены точно так же, как у всех нас, — пустота и тишина давили даже на его натуру. И вот в десяти шагах от себя он увидел в кустах это чудище. Оно было ярко-красное, оно колыхалось, дрожало, через него просвечивали кусты — в общем, Тендеру было нелегко. Но в отличие от меня мысль о галлюцинациях и тем более о сумасшествии ему и в голову не пришла, для этого он был слишком уверен в крепости своего духа, да и виды он повидал, в отличие от меня. Поэтому следующее появление призрака, на этот раз зеленого, на высоте двенадцать он встретил во всеоружии и сфотографировал его. Фотография получилась плохая, но это было неважно. Тендер понял, что на планете действуют какие-то еще не обнаруженные силы. Он стал предельно внимателен, он начал собирать материал. На песчаном берегу озера он обнаружил какие-то следы, которых раньше наверняка не было, он заметил камни и сучья на стройплощадке и рядом с кораблем, он заметил мое возбужденно-подавленное состояние, он догадался, почему только я и он подвержены таинственному воздействию — Вандерхузе и Дик никогда не разлучались, и это, по-видимому, играло какую-то решающую роль. По моему поведению он сделал вывод, что неизвестное существо способно проникнуть в корабль, и стал ждать этого проникновения, дождался его этой ночью, а затем и утром.

Вот что говорил Тендер о присутствии аборигенов на планете.

— В том числе и внешний облик, — сказал Тендер. — Вспомните, до сих пор мы не встретили ни одной гуманоидной расы, которая не была бы разумной. Но дело не только в анатомии. Камни, которые они сюда натаскали, ветки... Камни под маяком расположены в явном порядке, это какие-то знаки. Я не хочу ничего утверждать категорически, но то, что мне известно, очень хорошо вписывается в картину, характерную для первой стадии

попыток войти в контакт, осуществляемых гуманоидами с первобытной культурой. Тайная разведка и одновременно не то дары, не то предупреждение.

А вот как выглядят эти слова в варианте с Комовым.

— Дело не только в анатомии, — сказал Комов. — Камни под маяком расположены в явном порядке, это какие-то знаки. Камни и ветки на посадочной полосе... Я не хочу ничего утверждать категорически, но все это очень похоже на попытку войти в контакт, осуществляемую гуманоидами с первобытной культурой. Тайная разведка и одновременно не то дары, не то предупреждение...

После объявленного запрета выходить из корабля без разрешения Тендер добавлял в черновике: «Прошу отнестись к этим моим словам с максимальной серьезностью». В чистовике и в публикациях этой фразы уже нет.

Несколько иначе выглядел и разговор Комова-Тендера с Сидоровым.

— Прежде всего, имей в виду, Атос, — сказал Тендер, — я не знаю и не понимаю, откуда Горбовский узнал об аборигенах. Мы сами начали понимать, что к чему, всего два часа назад. Я подготовил для тебя информацию, начал ее уже кодировать, но тут все так запуталось, что я просто вынужден просить тебя потерпеть еще некоторое время и не требовать от меня подробностей. Я хочу все-таки окончательно разобраться.

— Понимаю, — сказал Сидоров. — Но сам факт существования аборигенов достоверен?

— Абсолютно, — сказал Тендер. — Два часа назад один из них проник в корабль... и мои мальчишки сгоряча устроили за ним погоню.

— Гуманоид? — спросил Сидоров.

Тендер снова помедлил.

— Да, — сказал он.

Спор Стася и Дика-Майки о контакте с разумными существами в черновике завершился так.

Вот сейчас мы в тринадцатый раз сталкиваемся с чужим разумом. Предположим даже, что контакт получится, и они объяснят нам, почему так хорошо живется в пещерах и как отвратительна им мысль жить в великолепных светлых зданиях, которые мы готовы для них построить. Не в этом дело. Понимаешь ли ты, в чем состоит главная задача всякого контакта? Понимаешь ли ты, почему человечество вот уже двести лет стремится к контактам, радуется, когда контакты удаются, горюет, когда ничего не получается? Я, конечно, знал. Изучение разума, сказал я. Исследование высшего продукта деятельности природы. Это, в общем, верно, сказал Дик, но это только слова, в которые мы тщимся облачить истинную суть дела, потому что на самом-то деле нас интересуют не проблемы разума вообще — это такая же пустопорожняя постановка вопроса, как и изучение проблем природы вообще — звучит красиво, а содержания никакого не имеет, как и всякая чрезмерно общо поставленная проблема. Нет, брат, нас интересует прежде всего наш, человеческий разум. Мы уже пятьдесят тысяч лет пытаемся понять, что мы такое, но, глядя изнутри, эту задачу, брат, не решить, как невозможно поднять себя самого за волосы. Надо посмотреть на себя извне, чужими глазами, совсем чужими, а вот это-то и не получается...

На реплику Вандерхузе о Тендере («Я бы на его месте целый день радовался, что я такой догадливый...») в черновике Дик отвечал: «Что вы, Тендера не знаете?» А на недоумение Дика («Машинной цивилизации здесь нет, — сказал он. — Негуманоидов здесь тоже нет...») иначе реагировал Яков: «Не ломайте себе голову, мальчики, — мягко сказал Вандерхузе. — Ведь вы же никогда не попадали в настоящее крушение. Вы не знаете, что такое агония. Я тоже не знаю, но однажды я это видел. — Он покачал головой. — Но как же это надо было знать старинные своды!»

Отправляясь в первое наблюдение, Комов требовал сначала не только извещать его при появлении аборигенов, но и «непрерывно информировать меня об их передвижениях».

Осознав, что Малыш не абориген, а землянин, Стась думал:

Что ж тут было не понять! Можно было только удивляться, что мы не поняли этого раньше. Вот Тендер — он, конечно, понял это давным-давно. Может быть, еще до того, как мы здесь появились. И конечно, он был в восторге от своей сообразительности. Как всегда, всех обогнал, всех удивил, всех посрамил. Кроме Горбовского, впрочем. А может быть, в данном конкретном случае и самого Горбовского.

А вот какими были мысли Стася о Малыше еще до знакомства с ним: «Между прочим, откуда я взял, что его воспитали разумные существа? Мимикрия, фантомы, звукоподражания... и стертый бортжурнал».

Уже при переработке черновика в сцене слежения за Комовым, когда он идет на первый контакт с Малышом, Авторы хотели приписать Майке еще такую реплику (но потом раздумали): «Есть люди, — произнесла вдруг Майка, — которым счастья искать не надо. — Она ткнула пальцем по изображению Комова на экране. — Человек десять лет развивает свои теории, не имея никаких шансов и даже не надеясь опробовать их когда-либо на практике».

Во время этого же слежения разговор об обеде имел в черновике продолжение.

Я поднялся.

— Пойду готовить. Какие заказы?

— Щи и каша, — сказал Вандерхузе.

— А мне все равно, — сказал Дик с непонятым раздражением. — Чаю покрепче.

Я пошел на кухню, приготовил щи и кашу, заварил чай, нашел каталку-стол и доставил все в рубку. Мы поели, почти не отрывая глаз от экрана. Потом я все убрал. А тем временем совсем смерклось. Дик попросил разрешения включить прожектора, но Тендер не разрешил — кто его знает, какая у этого парня чувствительность на тепло, а может быть, он даже видит инфрасвет. «Только пассивные средства, — заключил Тендер. — Никаких прожекторов, никаких локаторов. Попробуйте обойтись инфраоптикой». Дик попробовал. Экраны стали темными, тусклым сиянием расплывалось горячее пятно болота, а на фоне этого сияния — яркая точка, доха Тендера с электроподогревом.

— Этак мы ничего не увидим, — проворчал Дик и снова переключил экраны на видимый диапазон.

— Ничего, — сказал Вандерхузе. — Пока видно, а потом начнутся сполохи...

— Парень должен быть хорошо виден в инфралучах, — сказал я.

— Парень, может быть, спит себе спокойно в какой-нибудь пещере, — сердито сказал Дик, — и думать о нас забыл.

— Яков, — сказал я. — Спросите у Тендера, может быть, запустить сторож-разведчик? У него чувствительность знаете какая...

Пытаясь рассмотреть Малыша на экране, Вандерхузе замечал: «...лицо у него, насколько можно различить, неподвижное... Между прочим, анатомия у него не наша, Геннадий. Точнее, не совсем наша...» Стась же в это время мысленно описывал то, что видит: «...тощая фигурка, длинная тонкая шея, встрепанные волосы».

Видя подходящего Малыша и готовясь к первому контакту, Комов сообщает об этом Вандерхузе. В черновике Яков отвечал не «Доброй охоты», а «Желаю удачи», а последующая цитата была не «Стада в хлевах, свободны мы до утренней зари», а «И карелою, горькой карелой дома зарастут». Конечно, и тут и там — «Книга джунглей» Киплинга, но цитата про стада выглядит уместнее (тем более что вторая цитата в куда более подходящем контексте уже использовалась в «Улитке на склоне»). Если, конечно, понимать эти «стада в хлевах» в смысле «дело сделано» и отвлечься от того, что в цитату не попало: про нетопырей, «удары когтя, стук зубов» и так далее...

На слова Дика «Спать хочется. А ведь никак не заснуть сейчас» Стась немедленно реагировал: «Еще бы, — сказал я по возможности язвительно. — По распорядку отбой через три часа». Но и у самого Стася мысли после этого выглядели так, будто его тянет ко сну: «Почему, собственно, наш Маугли остался человеком прямоходящим? То есть не то чтобы совсем прямо... Короче, почему он ходит на задних ногах? Вернее, не на задних, а...» А когда Стась размышляет о

том, что негуманоиды смогли бы не воспитать Малыша, а только прокормить, приручить, исследовать, в черновике к перечисленному добавлялось еще «съесть». Далее Попов думал:

Неужели это все-таки гуманоиды? Семенов стер бортжурнал... Вот я теперь знаю эту старинную инструкцию. Стер бы я на месте Семенова бортжурнал, если бы увидел, что к моему разбитому кораблю приближаются технологически вооруженные гуманоиды? Нет, не стер бы. Значит, Семенов увидел кого-то или что-то, что было несомненно разумным и тем не менее устрашающе далеким от человека. А если бы я увидел что-нибудь такое, явно разумное, но устрашающе далекое? Гм... А жена Семенова просила их спасти ребенка... и они это запомнили и передали ребенку... Ничего не понимаю.

— Во всяком случае, — сказал вдруг Вандерхузе, — они гуманны в самом широком смысле слова, какой только можно придумать, раз они спасли жизнь младенцу, и они гениальны, ибо сумели воспитать его похожим на человека, ничего, может быть, не зная ни о руках, ни о ногах. Как ты полагаешь, Стась?

— Не знаю, — сказал я. — Во всех этих наших рассуждениях есть одно слабое место. Мы исходим из того, что раз на планете нет явно технологической цивилизации, значит Семенов увидел негуманоидов. А он, может быть, вообще ничего не видел. Он, может быть, был в предсмертном бреде.

Вандерхузе хмыкнул.

— Ну что ж, — сказал он. — Во всяком случае, гуманность их сомнению не подлежит. А гуманность, знаешь ли, подразумевает какой-то уровень.

— Если они гуманоиды, это совсем не так интересно, — сказал я.

Вандерхузе повернул голову и воззрился на меня через плечо.

— Ну до чего же заелись! — сказал он с огромным удивлением.

Он был прав. Я устыдился и замолчал. Так, в стыде и молчании, я еще размышлял некоторое время, пытаясь воссоздать достаточно непротиворечивую картину цивилизации, с которой нам здесь предстояло познакомиться.

Когда, задремав, Стась видит во сне хмурых небритых осьминогов, в черновике они были не в синих спортивных костюмах, а в отлично начищенных башмаках.

Когда над горизонтом появляется «ус-хлыст» аборигенов, происходит следующий разговор.

— Какая же у него высота? — пробормотал я.

— Над его горизонтом... — Вандерхузе быстро подсчитал в уме. — Около трех километров. Этого просто не может быть.

— Мираж? — предположил я.

Вандерхузе не ответил.

Рассматривая «усы», Стась отмечал: «И они были черными и лоснились, совершенно как Пьер Александрович».

Когда Малыш, оснащенный «третьим глазом», подходил к погибшему кораблю и погружал руку в борт, он воспроизводил первоначально такой диалог.

— Что такое красота? — спросил незнакомый глубокий бас.

— Красота — это неожиданность, — отозвался незнакомый женский голос.

— Зика! — почти шепотом проговорил мужской бас. — Зиканька!

Заплакал ребенок.

После включения лампы-вспышки и наказания Тендером-Комовым Дика-Майки Стась свой протест выражал в довольно своеобразной форме.

— Да, немного мы узнали, — сказал Тендер. — Даже шерсти клочок оказался никудышным... Яков, можно попросить вас приготовить еду?

— Разумеется, — сказал Вандерхузе, поднимаясь. — Что бы вы хотели, Каспар?

— Все равно, — сказал Тендер. — Чего-нибудь горячего.

— А ты, Стась?

— Чего-нибудь холодного, — сказал я.

Вандерхузе хмыкнул и удалился.

Различаются реакции Майки и Дика на сообщение Стася о том, что Комов взял вину на себя. В окончательном варианте это выглядит так: «Очень мило, — произнесла Майка. Она положила книжку и потянулась. — Великолепный жест». Дик же говорил несколько другое: «Очень мило с его стороны, — произнес Дик. Он отодвинул тарелку и потянулся. — Славный был сегодня суп. Люблю лапшу». А позже в запале спора происходил такой диалог.

— Свинья ты, — сказал я. — Свинская эмоциональная свинья.

— Полегче, — посоветовал Дик. Он больше не шурился, глаза у него сделались прозрачными. И он очень побледнел.

— Наглец, — сказал я, не находя слов. — Нагло себя ведешь. По-хамски.

От всего этого остался лишь измененный завершающий фрагмент: «Нагло! — сказал я, не находя слов. — Нагло себя ведешь! Нагло!»

И позже, оставшись один, Стась размышлял в рукописи о ссоре более обстоятельно: «Теперь я был совершенно уверен, что Дик замыслил это дело еще тогда, когда надевал обруч на Малыша. <...> Я — кибертехник, мое дело — мои ребятишки, мои безотказные, мои послушные... Я вспомнил о своих ребятишках, и мне стало легче. Горечь постепенно уходила на второй план, и я вдруг поймал себя на том, что думаю, как бы усложнить систему сигнализации у Тома. Язык у него бедный, у бедняги, холуйский какой-то язык, лакейский, чего изволите...»

Много обнаруживается в черновике отличий, связанных с возможностями и способностями Малыша, а также с тем, что он знает или не знает о негуманоидах-аборигенах. Например, неоднократно переделывался рассказ Тендера-Комова о первом контакте с Малышом.

Вот самый первый вариант.

<...> А вот что вы мне скажете в ответ на такое сообщение. Наш мальчик — кстати, его зовут Малыш... Так вот, наш Малыш, наш космический Маугли, который впервые в своей сознательной жизни видит живых людей, уже почти бегло говорит, понимает все, что говорят ему, и намерен завтра утром явиться к нам на борт с официальным визитом.

Воцарилось молчание.

— Что значит — бегло? — недоверчиво спросил Дик. — Это после четырех часов обучения?

Тендер не ответил.

— А что вы скажете, — продолжал он, — если я вам сообщу: Малыш знает такие термины, как нуль-пространство, квазипереход, курвиспат, и очень неплохо разбирается в технике приближенных вычислений... Сами понимаете, я его этому не учил.

Снова воцарилось молчание. Затем Вандерхузе сказал:

— Ну... что на это скажешь?

На обороте страницы записано:

— А что вы скажете, — продолжал он, — на такое сообщение. Малышу известны такие слова, как «нуль-пространство», «квазипереход», «курвиспат» и так далее. Смысла их он, конечно, не знает, но произносит точно и без запинки.

Мы молчали.

— И, наконец, самое главное. Что вы скажете, если я вам сообщу, что Малыш совершенно недвусмысленно утверждает, будто он является единственным обитателем этой планеты? Малыш решительно требует, чтобы мы немедленно ушли. Когда мы уйдем?

— Нагло врет, — гулко произнес Вандерхузе.

Далее появляется следующий рукописный вариант.

Теперь меня трудно удивить. Я сообщу вам гораздо более странные вещи. Во-первых, Малыш... Да! Его зовут Малыш. Это не перевод его имени, не найденное мною соответствие. Он так и назвал себя: Малыш. Так вот, Малыш, наш космический Маугли, который впервые в своей сознательной жизни сталкивается с живыми людьми, говорит уже почти бегло и понимает все, что говорят ему.

Воцарилось молчание.

— Что значит — бегло? — недоверчиво спросила Майка. — Это после четырех часов обучения?

— В том-то и дело, что еще до нашей встречи ему были известны около трехсот наших слов, в том числе такие слова, как «нуль-пространство», «квазипереход», «курвиспат» и так далее. Конечно, смысла их он не понимал, да и сейчас не понимает, но произносит он их бегло и без запинки.

Наконец, записывается текст, который практически уже не отличается от окончательного.

Сегодня меня, знаете ли, трудно удивить. За эти четыре часа я наслышался такого... Кое-что нуждается, конечно, в проверке. Но вот вам два фундаментальных факта, которые, так сказать, уже теперь лежат на поверхности. Во-первых, Малыш... его зовут Малыш... уже научился бегло говорить и понимать практически все, что говорят ему. Это мальчишка, который за всю свою сознательную жизнь ни разу не общался с людьми!

— Что значит — бегло? — недоверчиво спросила Майка. — После четырех часов обучения — бегло?

— Да, после четырех часов обучения — бегло! — торжествующе подтвердил Комов. — Но это во-первых. А во-вторых, Малыш пребывает в совершенной убежденности, что он — единственный обитатель этой планеты.

Главы шестая и седьмая, в которых говорится о попытках общения с Малышом, настолько сильно отличаются от окончательного варианта (не только отдельными описаниями и диалогами, но и сюжетно), что целесообразнее будет привести их полностью.

ГЛ<АВА> 6

Он явился на следующее утро в девять пятнадцать по бортовому времени. Мы — Тендер, Дик и я — сидели за столом в кают-компании, а Вандерхузе нес вахту в посту УАС. Он остановился в дверях, вцепившись правой рукой в косяк и поджав левую ногу. Наверное, целую минуту он стоял так, разглядывая нас по очереди сквозь прорези своей мертвенной маски. Тишина стояла такая, что я слышал его дыхание — мерное, мощное, свободное, как работа хорошо отлаженного механизма. Вблизи и при ярком свете он производил еще более странное впечатление. Все в нем было странным: и поза — по-человечески совершенно неестественная и вместе с тем непринужденная; и блестящая, словно лаком покрытая, зеленовато-голубая кожа, и поразительная диспропорция в расположении мышц и сухожилий, о которой говорил давеча Вандерхузе, и мощные коленные узлы, и необыкновенно узкие и длинные ступни ног. И то, что он оказался не таким уж маленьким — всего, может быть, на полголовы ниже Дика. И то, что на пальцах левой руки у него не было ногтей. И то, что разглядывать человека он начинал не с лица, а с рук. И то, как он представился нам.

— По-вашему, я — Малыш, — произнес он высоким звонким голосом, в котором я без труда узнал голос Дика.

В соответствии с инструкцией Тендера мы должны были чуть приподнять руку над столом и назвать свои имена. Дик так и сделал, а я, малость растерявшись, дал маху — улыбнулся. Не умею я знакомиться и не улыбнуться при этом. Он сейчас же заметил мою

улыбку, и лицо его ожило. Я был награжден целой серией ужасающих гримас, мгновенно сменяющих друг друга. Затем лицо его снова застыло, и он повторил: «Дик» — голосом Дика — и «Стась» — моим голосом.

— Мы сидим за столом, — сообщил ему Тендер. — Сидим в мягких креслах. Ты хочешь сидеть так же?

— Нет, — сказал он и отлепился наконец от косяка. — Я устал сидеть, я буду стоять. Я сидел по всему болоту.

Он скользнул вдоль стены и остановился около экрана видеофона.

— Что это? — спросил он.

— Видеофон, — ответил Тендер.

— Да, — сказал он. — Да. Картинки. Все движется, и ничего нет. Как сполохи.

— На столе еда, — сказал Тендер. — Хочешь поесть?

— Еда — отдельно? — непонятно спросил он и приблизился к столу. — Это еда?

Почему непохоже?

— Непохоже на что?

— Непохоже на еду. Непохоже одно на другое.

— Все-таки попробуй, — посоветовал Тендер, пододвигая к нему поднос со всеми возможными сладостями, какие только смог изобрести мой повар.

Тогда Малыш вдруг упал на колени, уперся руками в стол и открыл рот. Мы молчали, опешив. Малыш тоже не двигался. Глаза его были закрыты. Это длилось всего несколько секунд. Затем Малыш вскочил и объявил:

— Это не может быть еда. Это мертвое. Я понимаю, это ваша еда. Но это не моя еда.

Тендер опомнился.

— Смотри, как надо, — сказал он.

Он протянул руку, взял меренгу, нарочито медленным движением поднес ее ко рту, откусил осторожно и принялся демонстративно жевать. По мертвенному лицу Малыша пробежала судорога.

— Нельзя! — сказал он взволнованно. — Нельзя ничего брать в рот. Будет плохо! Будет больно!

— А ты попробуй, — предложил Тендер.

— Нет, — сказал Малыш и даже отступил на шаг и присел на одну ногу. — Не буду. Давай будем говорить. Расскажи, когда вы отсюда уходите.

— Сейчас трудно сказать, — мягко ответил Тендер. — Мы уйдем, когда ты расскажешь о себе, что знаешь ты, а мы расскажем о тебе, что знаем мы.

— Ты говорил это ночью. В темноте.

— Я повторяю это сейчас.

— У меня мало времени. Я не хочу, чтобы вы здесь были долго.

— Почему?

— Без вас хорошо. Сейчас не совсем хорошо. Когда вы уйдете, снова будет хорошо.

И не возвращайтесь.

— Мы мешаем тебе?

— Мне тоже. У меня все время заботы. Куда вы ходите, что вы смотрите, что будет завтра. Что будет, если вы не уйдете. Когда я думаю, что будет, если вы не уйдете, мне делается совсем дурно. Вы умеете думать о том, что будет?

— Умеем. Мы всегда об этом думаем. Нам совсем не хочется, чтобы кому-нибудь было дурно.

— Вам очень не хочется?

— Очень не хочется.

— Тогда уходите сейчас же. А я как-нибудь потерплю.

— Значит, ты не очень хочешь, чтобы мы уходили?

— Сейчас не очень хочу. Но я знаю, что когда вернусь домой и стану думать о том, что будет, тогда очень захочу.

— А как ты думаешь, почему ты похож на нас?

— Мы образовались в одном месте. В одной точке. Все, что образуется в одной точке, похоже. Есть разные точки. Есть такие точки — они наверху — из них все падает сюда. Есть точка, из которой упал я, упали вы. Есть точка, из которой... — Он замолчал и вдруг скрутился в какой-то невообразимый узел, так что лицо его, чудовищно искажившееся, какое-то сплющенное, с вываленным до отказа языком, выглядывало из-под колена. Испустив серию щелкающих и свистящих звуков, он принял прежнее положение. — Вот такие, — сказал он. — Есть точка, из которой падают горячие камни. Есть точка, из которой падает вода. Множество капель, и все одинаковые. Это очень совершенная точка. Это идеальная точка...

— А где же все эти точки? — спросил Тендер.

— Не знаю. Горячие камни, я думаю, падают из солнца. А может быть, это звезды, но я сомневаюсь: звезд больше, чем камней. Многие точки просто не интересны. Точка, в которой образовались я и вы, конечно, интересна. Я не знаю, где она. А ты знаешь?

— Знаю, — сказал Тендер.

— Расскажи, — потребовал Малыш.

Тендер принялся рассказывать. Малыш слушал со своим обычным мертвенным лицом, но глаза его широко раскрылись, и он, по-моему, даже дышать перестал. Сначала он сидел неподвижно — на левой пятке, уперев правую ногу в левое колено. Потом резко откинулся на спину и лег совсем по-человечески, заложив руки под голову. Потом снова скрутился в узел и принялся раскачиваться, быстро-быстро дрожа пальцами рук. Все движения его были неуловимо стремительны и в то же время плавны. Он словно переливался из одной позы в другую. К тому моменту, как Тендер закончил объяснения, он висел под потолком, как будто прилипнув к нему спиной каким-то непостижимым способом.

— Феноменально! — отчетливо произнес он и, оторвавшись от потолка, упал на ковер, приземлившись точно на левую пятку. — Это открытие, — объявил он. — Ты все это сам открыл?

— Нет, — сказал Тендер. — Это открывали очень многие в течение очень долгого времени.

— А теперь открытие сделаю я, — произнес Малыш. — Один и сейчас. Точек, где образуются живые, очень много в мире. Звезд много. Значит, и таких точек много. Эта земля — раз. Земля, откуда ты и я, — два. Земля, откуда... — Он замолчал и принялся было закидывать ногу за голову, но тут же нашел слово. — Откуда живые с длинным языком, — три. А значит, и еще очень много. Только мы все очень редко встречаемся, потому что точки очень далеко друг от друга.

— Ты молодец, — сказал Тендер.

— Молодец?

— Умный, — объяснил Тендер. — Быстро думаешь. И правильно.

— Ты знал? — спросил Малыш. — Про мое открытие знал?

— Конечно, — сказал Тендер. — Но я знал, потому что мне рассказали, а ты открыл сам.

Малыш вскочил и заскользил вдоль стен кают-компания, время от времени оставляя за собой разноцветные фантомы. Потом он присел посередине каюты и горделиво огляделся. Двенадцать черных, зеленых, оранжевых фигур по стенам и посередине Малыш.

— Это я тоже придумал сам, — заявил он. — Феноменально!

Фигуры медленно таяли, распространяя острый запах нашатыря.

— Очень красиво, — похвалил Тендер, смагивая слезы. — Откуда ты знаешь слово «феноменально»?

— Я его помню, — сказал Малыш. — Я не знаю точно, что оно значит. Но я его правильно употребляю?

— Правильно.

— Большой и очень хороший человек с громким голосом часто выкрикивал это слово. Красивое слово. Звучное. Я помню еще звучные слова. «Поместамкаррамба». «Побимбомбрамселям». «Марри»...

Честно говоря, у меня мороз пошел по коже. А Дик сделался просто белый, как стена. Малыш выкрикивал слова сочным мужским басом. Закрывать глаза — так и видишь перед собой огромного, полного крови и радости жизни человека, бесстрашного, сильного, доброго... И вдруг в интонации Малыша что-то изменилось, и он тихонько пророкотал с неизъяснимой нежностью:

— «Кошенька моя, ласонька»... Что это такое? — спросил он. — Чувствую, что какие-то хорошие слова, но ни разу не нашел, когда их сказать.

Тендер молчал. Видно, и его проняло. Потом он кашлянул и сказал:

— Да. Это все наши слова. Удивительно, что ты все это помнишь.

— Я много помню! — сказал Малыш. — Я помню такое же место. — Он повел головой, и я не сразу понял, что он имеет в виду кают-компанию. — Только оно было гораздо просторнее. И я помню лица, такие же, как у вас. Только большие. Лица говорили, но я не могу пересказать. Я не знаю слов, которые изображались на этих лицах. Ваши лица тоже говорят, шепотом, тихо, очень трудно понять. Вы понимаете, когда я говорю лицом?

— Нет, — сказал Тендер.

— Я так и думал. У вас лица слабые. У вас лицами не говорят. А мы говорим только лицами. Звуки — это чтобы показывать других.

— А если вы далеко друг от друга?

— Кто?

— Ты и... твои... друзья.

— Мы не бываем далеко.

— Но вот сейчас вы же далеко...

— Сейчас другое дело. Сейчас я у вас. Я говорю с вами. Мое лицо все равно молчит. Но если мне надо сказать им, я выйду и скажу.

— Значит, они близко?

— Они всегда близко. Как они могут быть далеко?

Мы с Диком переглянулись, а Тендер продолжал как ни в чем не бывало:

— А что они думают о нас?

— О вас? — Малыш, кажется, очень удивился. — Как это — о вас? Зачем им о вас думать?

— Но они знают про нас?

— Знают. Знают, что вы здесь. Если бы не знали, было бы хорошо. Мы бы много еще говорили, ты бы много мне рассказал. Ты интересно рассказываешь. Они тоже могут интересно рассказывать? Или они — чтобы ты думал?

Тендер покосился на нас с Диком.

— Они такие же, как я, — сказал он. — Они тоже могут рассказывать. Еще лучше они умеют играть.

— Играть...

— Да, играть. Много двигаться без особой цели, чтобы было хорошо и весело. Бегать, прыгать, кричать...

— Понимаю, — сказал Малыш. — Но сейчас я не хочу... играть. А где еще один — с волосами на щеках?

— Его зовут Яков, — сказал Тендер. — Он работает.

— Работает... Поработаю... Надо работать... Поработаю-ка я немножко... Нет, не помню. Просто делалось тихо. Не помню. Это неважно. А как он ходит через кусты? Цепляется? Я всегда цепляюсь волосами. Но у меня они наверху.

— Он мало ходит по кустам, — произнес Тендер. Невооруженным глазом было видно, что наш ксенопсихолог зашел в какой-то тупик и пока не знает, как выбраться. — А сколько их... твоих друзей?

— Много. Те, которые летали, те, которые ползали, те, которые плавали... Ты не понимаешь?

— Не совсем, — сказал Тендер.

— Может быть, я не понимаю. Друзья: это с кем разговариваешь, кто кормит, кто играет, кто возит, поднимает и опускает, кто спасает, кто делает больно, чтобы никогда не было больно... — Он выставил на обозрение страшные шрамы на шее и на боку. — Правильно? Это друзья?

— Да, в общем правильно, — сказал Тендер.

— Друзей у меня много. Сотни сотен сотен. Везде.

— А почему мы их никогда не встречали?

— Зачем? Им не нужно. Если мне не нужно, вы меня никогда не встретите. Разве у вас не так?

— Примерно так, — сказал Тендер. — Но их мы не встретили, а тебя мы встретили. Значит, тебе было нужно?

— Конечно! Вы мне были нужны, вы мне сейчас нужны. Вы меня сразу встретили. Только я сначала не знал, что вы — это вы. Сначала я думал, что вы — вот это все... — Он опять повел головой, и я понял, что он имеет в виду весь корабль. — Этот теплый холм. Он не двигался, но он дышал, он вздрагивал, он издавал звуки, и он умел, как теперь умею я, отделять от себя изображения. Он умел даже больше, чем я. Мои изображения неподвижны и похожи на меня, а у него изображения двигались и были разные. Неподобные друг на друга. Это я думал так с самого начала. Потом я еще много что думал — скучно рассказывать — и только вчера разобрался, где вы, а где не вы. Вот эти большие, излучающие огонь... это ведь не вы. Или это ваши друзья?

— Это не друзья, — сказал Тендер. — Это машины.

— Что такое машины?

И Тендер принялся рассказывать, что такое машины. Мне было очень трудно судить о душевных движениях Малыша. Но если исходить из предположения, что душевные движения его так или иначе преобразовывались в движения телесные, можно было считать, что Малыш сражен. Он метался по кают-компании, как кот Тома Сойера, хлебнувший болеутолителя. Когда Тендер объяснил ему, что мои киберы вообще не являются живыми существами, он вскарабкался на потолок и бессильно повис там, прилипнув к пластику ладонями и ступнями ног. Сообщение о том, что киберы умеют считать, причем гораздо быстрее, точнее, чем мы, скрутило Малыша в колобок, развернуло, выбросило в коридор и через секунду снова швырнуло к нашим ногам, шумно дышащего, с огромными потемневшими глазами, отчаянно гримасничающего. Никогда раньше и никогда после не приходилось мне встречать такого благодарного слушателя. А Тендер говорил и говорил, точными, ясными, предельно простыми фразами, ровным размеренным голосом, даже мне, кибертехнику-профессионалу, было интересно его слушать, и время от времени вставлял интригующие: «Подробнее об этом мы поговорим позже» или «Это на самом деле гораздо сложнее и интереснее, но ведь ты пока еще не знаешь гемостатики...».

Едва Тендер закончил, Малыш вскочил на кресло, обхватил себя длинными своими тощими руками и спросил:

— А можно сделать так, чтобы я говорил, а они слушались?

Тут я впервые подал голос:

— Ты уже это делал.

Он бесшумно, как тень, упал на руки на стол передо мной:

— Когда?

— Ты прыгал перед ними, размахивал руками, и самый большой из них — его зовут Том — останавливался и спрашивал тебя, какие будут приказания.

— Но я не слышал его вопроса!

— Ты видел его вопрос, но не понял. Помнишь, там мигал красный огонек? Это был вопрос. Он задавал его по-своему.

Мальш перелился на ковер.

— А можно еще? — спросил он тихо-тихо моим голосом.

Я посмотрел на Тендера. Тот прикрыл глаза. Я поднялся.

— Можно, — сказал я. — Пойдем.

Он вскочил, метнулся к двери, вернулся, посмотрел каждому из нас в лицо, рот его исказила судорога, взметнулись и снова упали длинные руки.

— Нет, — сказал он вдруг. — Не надо. Не хочу. И никогда.

Я мигнул, и Малыша не стало. Только слабый, совсем прозрачный фантом быстро таял на том месте, где он только что был. Потом в отдалении чмокнула перепонка люка, и воцарилась тишина. Я посмотрел на Тендера, развел руки и сел. Голос Вандерхузе обеспокоенно осведомился по интеркому:

— Что случилось? Куда это он так почесал? Неудача?

— Может быть, я сказал что-нибудь не так? — спросил я.

— Он заметил, что вы перемигивались, — предположил Дик.

— Ну и что же? — спросил я.

— Не знаю... Может быть, он подумал, что мы строим козни...

— Не выдумывайте, ребята, — сказал Тендер. — Мы действительно строим козни, но он об этом не может догадаться. Все идет гораздо лучше, чем я ожидал. Пошли в рубку.

Он встал и направился в угол, где был установлен блок видеофонографов.

— А по-моему, он что-то понял, — упрямо сказал Дик. — Какую-то нечистоту наших намерений уловил...

— Чего же здесь нечистого? — возразил я. — Мы просто знакомимся, а его дело — принять знакомство или не принять...

— Мы не просто знакомимся, — сказал Дик. — Сам Малыш нам не нужен, он для нас — только оружие...

— Ну уж — не нужен, — сказал я. — Во-первых, он все-таки человек...

Дик замотал головой:

— Нет. Если бы он был человеком, мы бы с ним так не обращались...

Подошел Тендер с кассетами в руках.

— Правильно, Дик, — произнес он. — Мы, конечно, не просто знакомимся. Малыш нам нужен не только как наш соплеменник. От него слишком многое зависит. И мы должны сделать все, чтобы он нас полюбил. Пошли.

Он двинулся в рубку, и мы поплелись следом. Дик был неудовлетворен, это видно было по его лицу. У него был какой-то несчастный вид. Я совершенно не понимал — почему. Что это он выдумал: нечистые намерения? Конечно, мы ведем игру. Всякий контакт есть игра. Но это игра, в которой выигрывают обе стороны. Малыш, например, уже явно в выигрыше, мы тоже кое-что узнали, мало, конечно, но кое-что узнали...

В рубке Тендер прежде всего подошел к экранам и внимательно огляделся. Если не считать неоконченной стройки, все вокруг было так, как в первый день нашего прибытия. Ни Малыша, ни чудовищных «усов» над горами видно не было.

— Действительно, удрал, — сказал Тендер весело. — Что ж, подождем. Я, признаться, изрядно устал. Стась, вот вам кассета, передайте все в экстренных импульсах прямо в Центр. А дубль я возьму к себе. — Он огляделся. — Где я тут видел проектор? А, вот он... Дик, смените, пожалуйста, Вандерхузе, сейчас я буду анализировать запись, пусть он заодно посмотрит. Пошлите его ко мне в каюту... Да, Стась! Проглядите

заодно радиogramмы. Если будет что-нибудь стоящее... только из Центра, с Базы или лично от Горбовского или от Мбоги...

— Вы меня просили напомнить, — сказал я, усаживаясь у радики. — Вам еще надо поговорить с Михаилом Альбертовичем.

— Ах да! — Лицо Тендера стало необыкновенным — оно стало виноватым. — Знаете, Стась, это не совсем законно... Окажите любезность, выдайте запись сразу по двум каналам: не только в Центр, но и на Базу, лично и конфиденциально Сидорову. Под мою ответственность.

— Я и под свою могу, — проворчал я, но он уже был за дверью.

Дик тяжело вздохнул.

— Ну что еще? — сказал я, настраивая автоматику. — Опять у тебя предчувствия?

— Кибертехник! — произнес Дик с огромной язвительностью и тоже вышел.

Я вставил кассету в автомат, включил передачу и просмотрел радиogramмы. На этот раз их было немного — всего три: видимо, Центр принял меры. Одна радиogramма была из Информатория и состояла из цифр, букв греческого алфавита и из значков, которые я видел только, когда регулировал печатающее устройство. Вторая радиogramма была из Центра от Бадера: Бадер продолжал настойчиво требовать предварительных соображений относительно других вероятных зон обитания аборигенов, возможных типов предстоящего контакта по классификации Бюлова и тому подобное. Третья радиogramма была с Базы от Сидорова: Сидоров официально запрашивал Тендера о порядке доставки заказанного оборудования в зону контакта. Я пораскинул умом и решил, что первая радиogramма Тендеру может понадобиться; третью не передать неудобно: неловко перед Михаилом Альбертовичем; а что касается Бадера, пусть пока постоит. Какие там еще предварительные соображения...

Через полчаса транслирующий автомат просигналил, что передача закончена; я вынул кассету, забрал две карточки с радиogramмами и отправился к Тендеру. Когда я вошел, Тендер и Вандерхузе сидели за проектором. По экрану взад и вперед молнией проносился Малыш, виднелись наши с Диком напряженные и растерянные физиономии. Слышался ровный и сильный голос Тендера: «...научились создавать из неживого не только мускулы, но и мозг...» Вандерхузе сидел, весь подавшись к экрану, поставив локти на стол и захватив бакенбарды в сжатые кулаки. Глаза его были вытаращены, рот приоткрыт.

— Одну минуточку, — сказал Тендер и остановил воспроизведение. — Вернемтесь-ка немножко назад...

Щелкнул переключатель, и на экране появилось лицо Малыша. Малыш говорил: «...он не двигался, но он дышал, он вздрагивал, он издавал звуки, и он умел, как теперь умею я, отделять от себя изображения...»

— Стоп, — сказал Тендер и снова остановил воспроизведение. — «Как теперь умею я». Почему «как теперь»? Значит, раньше не умел... Что вы на это скажете, Яков?

Вандерхузе отдулся и выпрямил спину.

— Изображения, — сказал он. — Изображения это, вероятно, то, что вы называете защитно-отвлекающими фантомами... Только я не совсем понял, кто это такой «он». «Он дышит», «он умеет»... По-моему, никто из нас не умеет отделять защитно-отвлекающих фантомов, Каспар, как вы полагаете?

Тендер его не слушал.

— «Как теперь умею я», — повторил он. — «Как теперь...» Нет, это не оговорка. Выходит, раньше он не умел. А теперь научился. Что такое произошло теперь, что он научился... или его научили? Прибыли мы. Обратите внимание, как все любопытно получается, Яков. Они знают про нас. Можно предположить, что они о нас не очень-то хорошего мнения, ибо сочли нужным оснастить своего разведчика защитно-отвлекающей техникой... я полагаю, что сюда входит и мимикрия... Но, с другой стороны, они не думают о нас. «Зачем им о вас думать?» Некоторое противоречие, вы не находите, Яков?

— Нахожу, — честно сказал Вандерхузе.

— Ну ладно, — сказал Тендер. — Посмотрим, что там дальше.

Я воспользовался моментом и положил перед ним радиограммы.

— Что это? — сказал он нетерпеливо. — А... — Он пробежал радиограмму из Информатория, усмехнулся и отбросил ее в сторону. — Это все не то, — сказал он. — Впрочем, откуда им знать... — Он проглядел радиограмму Сидорова и поднял глаза на меня. — Вы отправили ему...

— Да, — сказал я.

— Хорошо, спасибо. Составьте от моего имени радиограмму, что оборудование пока не нужно. Вплоть до нашего запроса.

— Хорошо, — сказал я и вышел.

Я составил и отправил радиограмму на Базу и решил посмотреть, как там Дик. Мрачный Дик старательно крутил верньеры. Насколько я понял, он тренировался в наведении пушки на далеко разнесенные цели.

— Безнадежное дело, — объявил он, заметив меня. — Если они высунутся разом по всему горизонту и все одновременно плюнут в нас, нам каюк. Нам просто не успеть.

— Во-первых, можно увеличить телесный угол поражения, — сказал я, подходя. — Эффективность, конечно, уменьшится порядка на три, на четыре, но зато можно захватить четверть горизонта, а расстояния здесь маленькие... А во-вторых, ты действительно веришь, что в нас собираются плевать?

— А ты?

— Да не похоже что-то.

— А если не похоже, то чего ради я здесь сижу?

Я сел на пол возле его кресла.

— Честно говоря, не знаю, — сказал я. — Все равно надо вести наблюдение. Раз уж планета оказалась биологически активной, надо выполнять инструкцию. Сторожа-разведчика ведь не разрешают выпускать...

Мы помолчали.

— Тебе его жалко? — спросил вдруг Дик.

— Н-не знаю, — сказал я. — Жалко — это не то слово. Я бы скорее сказал — жутко. А жалеть... Почему, собственно, я должен его жалеть? Он бодрый, живой... Совсем не жалкий.

— Ты заметил, как он жадно слушает? Я не знаю, как это сформулировать... Голова у него работает великолепно, но у меня такое впечатление, что мозг его изголодался. Ему всю жизнь не хватало пищи. Мы для него — как манна небесная, а Тендер этим и пользуется.

— Что значит — пользуется? Тендеру надо установить контакт. Он избрал определенную стратегию... Ты же понимаешь, что без Малыша в контакт нам не вступить.

— А если они не хотят контакта?

— Что значит — не хотят? Надо сделать так, чтобы захотели. Всегда ведь кто-то хочет, а кто-то не хочет. Надо найти тех, кто хочет. Надо переубедить тех, кто не хочет. Это же азбука. Речь идет об историческом повороте в жизни цивилизации...

— Ох, — сказал Дик, сморщившись. — Брось ты эти лекции...

— Нет, подожди, — сказал я. — Что значит — хочет, не хочет? Почти все они не хотят сначала. А потом находятся умные люди, которые понимают, что это полезно, что это прогрессивно, что это неизбежно, наконец...

— Да не о них я говорю!

— А о ком?

— О мальчике!

— А мальчик что — не один из них?

— Мальчик — один из нас! Как вы этого понять не можете? А вы его ловите на живца, а потом на него будете ловить эту самую цивилизацию, которая, может быть, гроша ломаного не стоит...

— Подожди, — сказал я, сдерживаясь. — Во-первых, ты что — серьезно считаешь, что Малыш — один из нас?

— А ты не считаешь?

— Конечно, нет! Он даже есть по-нашему не умеет... Что у него вообще наше? В какой-то степени общий облик. Прямохождение. Ну, голосовые связки... Что еще? У него даже мускулатура не наша, а уж это, казалось бы, прямо из ген... Тебя просто сбивает с толку то, что он говорит. Действительно, великолепно говорит... Но и это ведь, в конце концов, не наше! Никакой человек не способен научиться бегло говорить за четыре часа. Тут дело даже не в запасе слов. Надо освоить интонации, фразеологию... Оборотень это, если хочешь знать, а не человек! Мастерская подделка! Подумай только, помнишь то, что было с тобой в грудном возрасте, а может быть, как знать, и в утробе матери — разве это человеческое? Ты видел когда-нибудь роботов-андроидов? Не видел, конечно. А вот я видел!

— Ну и что? — мрачно спросил Дик.

— А то, что теоретически идеальный робот-андроид может быть построен только из человека. Это будет сверхмыслитель, это будет сверхсилач, сверхэмоционал, все что угодно «сверх», в том числе и сверхчеловек, но только не человек. И уже сейчас, заметь, это только дело техники. Если бы нашелся на Земле этаким доктор Моро навыворот...

— Ну, ладно, — сказал Дик. — Я тебя понимаю. Я не понимаю только, откуда ты все это видишь в Малыше. Малыш — это просто мальчик, воспитанный существами, которые умеют что-то, чего не умеем мы, и не умеют чего-то, что умеем мы. И вот этого чего-то, что умеем мы, Малышу не хватает. Не умеют они рассуждать о звездном небе, а человек поконом веков о нем рассуждал. Не умеют они думать о пришельцах, а человек о них думал еще тогда, когда и думать-то было не о чем...

— Да чушь ты говоришь, — возмутился я. — Как это можно не думать о звездном небе?

— Вот именно. Как это можно? Каждую ночь оно над головой. Каждую ночь ты его видишь. И тем не менее Малыш ничего о нем не знал. Для него это было ново. Для него весь этот разговор был новый. Голову даю на отсечение, что он впервые в жизни говорил с кем-то о звездном небе!

— Ну, это, положим, ниоткуда не следует...

— А по-моему, следует, — сказал Дик.

Мы помолчали, дуясь друг на друга.

— Во всяком случае, — сказал я наконец примирительно, — Малыш — это единственное звено, которое связывает нас с аборигенами. Если мы Малышу не понравимся, контакт сорвется.

— Да, наверное, — вяло сказал Дик.

Я был окончательно уязвлен:

— Прикажешь понимать так, что контакт тебе неинтересен?

Дик пожал плечами.

— Постольку поскольку, — проговорил он.

— То есть?

— Я считаю, что контакт хорош постольку, поскольку он безвреден.

— Подумаешь — открытие!

— Что ты ко мне пристал? — сказал Дик. — Могу я иметь свое мнение?

— Хоть два, — разрешил я.

— Могу я с недоверием относиться к ксенопсихологии, которая есть и не наука вовсе, а так, собрание сомнительных фактов и несомненно ложных выводов?

— Можешь. Через труп Каспара Тендера, любимца доктора Мбоги.

— Могу я, наконец, с сомнением взирать на действия Каспара Тендера, о котором мне кто-то говорил, что это душа общества, и который на самом деле есть всего лишь ходячая ксенопсихологическая таблица?

— А можешь ли ты задать этот вопрос лично ему?

— Не могу, — сознался Дик. — Среди многих, очень многих вещей, которые я не могу, эта занимает первое место. Но зато я могу в два счета на законном основании выставить посторонних с поста, где я несу ответственную вахту.

— Где эти посторонние? — грозно осведомился я, озираясь по сторонам. — Как инспектирующий кибертехник, я настаиваю, капитан, чтобы посторонние были немедленно удалены, и объявляю вам выговор за попустительство и нарушение инструкции.

— Обращаю ваше внимание, инспектор, что подчиненные вам кибертехники, как и все кибертехники во Вселенной, грубы, настырны и не знают приличий. Их представления о целях и назначении контакта являют собой нечто совершенно зоологическое.

Начался треп. Мы совместными усилиями удалили посторонних, обменялись выговорами и затеяли спор, кто главнее: вахтенный или инспектор. В разгар спора Дик вдруг схватил меня за плечо и сказал:

— Смотри, идет.

Я поднялся с пола и взглянул на экран. Малыш возвращался. Он шел по взлетно-посадочной полосе, шел как будто неохотно, медленно, как вчера вечером, когда нес к кораблю охапку сучьев. Голова его была опущена, руки странно переплетены на груди. Сначала непонятно было, направляется ли он к кораблю или проходит мимо, но вскоре он свернул и пошел прямо на нас. И снова у меня появилось ощущение, будто он смотрит прямо в объективы обзорных экранов. Дик торопливо произнес в микрофон интеркома:

— Пост УАС — Тендеру. Малыш приближается.

Я дернулся было бежать наверх, но поймал взгляд Дика, и мне стало неловко. Нехорошо как-то получалось: я пойду, а он останется.

— Иди, иди, — сказал Дик, отводя глаза.

— Да ладно, — сказал я небрежно. — Потом посмотрим запись.

— Не выдумывай ты, иди, — настаивал Дик, но я-то его знал и видел, что он доволен мною, а это, в конце концов, самое ценное.

Впрочем, в эту минуту раздался голос Тендера:

— Дик, Стась. Оставайтесь там, где вы сейчас. Очередную встречу я буду проводить один. Я включу аварийную трансляцию, так что вы все будете слышать.

Мы с Диком переглянулись и повеселели.

— Гуманность, — шепотом сказал Дик.

— Чуткость, — шепотом откликнулся я.

— Сострадание.

— Тонкое понимание чуждой психологии.

Между тем Малыш приблизился метров на пятьдесят, остановился, постоял, понурился, потом вдруг стремительно повернулся на пятке вокруг оси и, сорвавшись с места, скрылся в мертвом пространстве. Я еще не успел устроиться поудобнее у ног Дика, как из репродуктора донесся его голос:

— Когда вы отсюда уходите?

— Почему ты так хочешь, чтобы мы ушли? — спросил Тендер.

— Потому что будет плохо.

— Кому?

— Ему.

— Кто это?

— Мои друзья.

— Значит, они хотят, чтобы мы ушли?

— Они такого никогда не хотят. Но им будет плохо, если вы не уйдете.

— Значит, сейчас им не плохо?

— Сейчас им как обычно. Было немножко плохо вчера вечером. Было немножко плохо позавчера. В остальное время — как обычно. Но если вы останетесь, им когда-нибудь станет плохо всегда.

— Тебе интересно с нами?

— Да.

— А может быть, им тоже будет интересно с нами?

Пауза.

— Он совсем другой. Он не такой, как я. Мне интересно потому, что я не умею, как он. Если бы умел, мне бы тоже было неинтересно.

— А как он умеет?

Пауза.

— Это невозможно объяснить. Ты умеешь объяснить, что такое больно?

— Нет, — сказал Тендер, — не умею. Но у нас есть средство, чтобы узнать, как больно другому человеку, например, тебе.

— А у меня нет такого средства, чтобы ты узнал, как он умеет. И у него нет такого средства, а то бы я давно уже научился. Я очень хочу научиться, давно хочу. Он говорит, когда пройдет много сотен сотен дней, я, может быть, научусь, но не обязательно. Вот если бы я научился, тогда бы вы были мне неинтересны. Хорошо, что я до сих пор не научился.

— Да, это хорошо, — согласился Тендер. — Значит, ты не знаешь, как он умеет. А что он при этом делает?

— Кто — он?

Пауза.

— Твои друзья, — сказал Тендер.

— Мне никогда не рассказать! Их гораздо больше, чем разных слов. Я должен буду перечислить все слова, и к тому же я еще не все слова знаю...

— Ну, хорошо. Они при этом смотрят?

— Куда?

— Все равно куда.

— Если тебе все равно — куда, то я лучше попробую сказать, куда они не смотрят. Они не смотрят насквозь. Они не смотрят вот так... Они не смотрят в глубь до самого конца, так очень горячо, обжигает, и тогда нужны новые... не знаю, как сказать... глаза, но не глаза. У меня такого нет, и у вас такого нет... Трудно говорить. Я не так понимаю тебя, ты не так понимаешь меня.

Пауза.

— Малыш, — сказал Тендер, — может быть, ты умеешь рисовать? Вот так...

Пауза. Слышен неясный шум. Потом Малыш прошептал:

— Это ты?

— Нет. Это вообще человек. Ты, я... кто угодно.

— Нет. Так отделять изображения я не умею. Он умеет. Только не плоско, а в воздухе. Висит.

— А он большой? — спросил Тендер.

— Разный. Смотря где.

— На что он больше всего похож?

— Опять ты не так понимаешь меня. О нем нельзя говорить, что он похож.

— По-моему, про все на свете можно сказать, что оно на что-то похоже. Вот это все — это называется корабль — корабль похож на холм. Ты сам сказал...

— Значит, холм похож на корабль?

— Нет, не значит, — сказал Тендер, засмеявшись. — Мы всегда сравниваем то, что сделано нашими руками, с тем, что сделала природа.

— Но он ведь не сделан вашими руками. Он может сделать вас... наверное. Вы его сделать не можете. Нельзя говорить, что он похож.

— Ну, хорошо. А у него есть руки, ноги, голова?

— Ты не понимаешь, — сказал Малыш. — Нельзя так про него говорить. Нет смысла. Я у тебя спрошу: у тебя есть воздух? Или я у тебя спрошу: у тебя есть холм? И есть, и нет, верно?

Пауза.

— Ты прав, — сказал Тендер. — Я неправильно ставлю вопросы. Попробуем по-другому.

— Нет, ты лучше скажи: когда вы уходите?

— Малыш, тебе ведь интересно с нами?

— Сейчас не интересно. Интересно, когда ты рассказываешь, интересно, когда ты показываешь, когда ты учишь... вот изображения отделяешь, тоже интересно. Интересно, когда ты изменяешься... изменяешься наружу. А когда ты изменяешься внутрь, когда ты все время спрашиваешь, это неинтересно.

— Но ведь мне тоже интересно, когда ты отвечаешь, объясняешь...

Малыш прервал Тендера:

— Это все путаница. Я объясняю, но я ничего не объяснил. Я отвечаю, но я ничего не ответил. По твоим вопросам я вижу, что я ничего не могу тебе сказать. Я только издаю звуки. Они почти ничего не значат. Даже хуже. Они значат то, чего нет. Вот ты все время спрашиваешь про него. Я тебе не могу объяснить, что нельзя спрашивать про него. Не имеет смысла. Все твои слова к нему не подходят. Это все равно, что ты бы знал всего четыре слова: «сколько», «звезд», «на небе» и «один», и спросил бы меня: «Сколько звезд на небе?» Как мне отвечать, чтобы ты понял?

— Ты мог бы мне ответить! — живо возразил Тендер. — Ты бы сказал...

— Да, но, во-первых, ты бы все равно не понял, сколько звезд на небе, а во-вторых, пусть ты знаешь не слово «один», а слово «зеленый». Что тогда?

— Я понимаю тебя, — сказал Тендер. — Ты очень умный мальчик. Но ведь я все-таки знаю больше, чем четыре слова? Давай попробуем так. Ты подходишь к нему, к твоему другу...

— К какому другу?

Пауза.

— К тому, кого ты называешь «он».

— Он не друг. Он — друзья.

Пауза.

— Хорошо. Ты подходишь...

— Это опять путаница. Ты подходишь к воздуху. Как тебе?

— Но воздух окружает нас со всех сторон... Он тоже окружает нас со всех сторон?

— Нас? Нет. Меня он окружает. И он внутри меня. Хватит, я устал.

— Я тоже, — признался Тендер. — Но ответь мне, Малыш. Ты можешь сделать так, чтобы я его тоже увидел?

— Он не захочет. А если он не захочет, я ничего не могу.

— Один раз он захотел, — сказал Тендер. — Вчера вечером мы видели, как из-за гор поднялись огромные черные... палки, шести, башни, щупальца, образования, очень гибкие, очень прочные... вот такие вот... Вот это горы, а вот это они, понимаешь?

— Не знаю, — проговорил Малыш после некоторого молчания. — Я никогда не видел такого.

— Ну как же... — растерянно сказал Тендер. — Вчера вечером, когда мы с тобой сидели, и я учил тебя говорить...

— Нет, я не видел, — сказал Малыш. — Ни вчера, никогда. Но это ничего не значит. Может быть, это были друзья. Я многого не видел никогда. Я почти каждый день вижу такое, чего не видел раньше. Особенно, когда сплю. У тебя так бывает? Ты просыпаешься

и вспоминаешь, будто только что что-то видел. Иногда это хорошо известное, а иногда совсем новое.

— Да, бывает, — сказал Тендер. — Это называется сон. Я сплю и вижу сны.

— А откуда это берется? — сейчас же спросил Малыш. — Что это такое — сон?

— Небывалые комбинации бывалых впечатлений, — со смешком сказал Тендер.

И он прочел коротенькую лекцию о том, что такое сны, откуда они берутся, зачем они нужны и что было бы с человеком, если бы их не было.

— Вот это интересно, — шепотом сказал Малыш (наверное, он опять висел где-нибудь под потолком от восторга). — Это открытие. Но это не большое открытие. Это еще не все про сны. Я так и не понял, почему я вижу во сне то, чего я никогда раньше не видел.

— Например?

Пауза.

— Живое, — сказал Малыш медленно. — Много разного живого. Настоящее живое. Много разных цветов и оттенков. Много разных движений. Земля. Кусты — огромные и разные, очень зеленые, очень красные, очень синие. Это я все понимаю. Но вот кусты раздвигаются, и движется живое, большое, все волосатое, не только здесь, а везде, по всему телу. Очень злое, очень опасное, как обвал в горах. И когда я убегаю, оно бежит за мной... Интересно, — сказал он другим голосом. — Что бы оно стало делать, если бы я умел оставлять изображения? Когда я видел этот сон, я еще не умел. Теперь я умею, но во сне вижу совсем другое.

— А ты давно научился оставлять изображения?

— Нет. Как только пришли вы.

— Ты сам научился?

— Нет, конечно, нет. Сам я умею только делать открытия. Но ты не сказал мне, что означает такой сон?

— Не знаю, — сказал Тендер. — Вероятно, я не совсем хорошо понял тебя... Ты уверен, что никогда раньше не видел это опасное живое?

Малыш помолчал.

— Пожалуй, я не уверен, — признался он. — Когда я говорю о снах, я вообще ни в чем не уверен.

— Может быть, ты видел это живое по видеофону?

— Да, может быть. — Малыш помолчал. — Я вот сейчас вспоминаю. Есть одна вещь, которую я, может быть, когда-нибудь видел, но которую я наверняка никогда не делал. Понимаешь, что я хочу сказать? Видел, как делают другие, но сам не делал, потому что это плохо. Это нельзя. Это неприятно. А было так. Я сидел около еды, брал ее руками и клал в рот. Как ты утром, помнишь? И мне не было противно, не было страшно, мне было вкусно, как будто я ел так, как надо. Но ведь так я никогда не ем. Я не могу так. У меня бы не получилось.

— А как ты ешь?

— Очень просто. Я делаю вот так. — Пауза. — И еда льется мне в рот, и я глотаю.

— А где ты это делаешь?

— Где угодно, когда захочу.

— Здесь ты можешь?

— Здесь — нет. Здесь нет еды. Ну давай теперь хватит. У меня очень устал язык. Или давай поговорим лицом.

— Давай, — сказал Тендер. — Расскажи мне что-нибудь. Только скажи сначала, о чем будешь рассказывать. Расскажи о нас — так, как ты будешь рассказывать ему.

Наступила тишина. Дик с досадой стукнул кулаком по пульту.

— Ну-ну, — сказал я. — Тендер совершенно прав. Может быть, удастся расшифровать.

Голос Тендера произнес:

— Все? А теперь расскажи то же самое словами.

— Я сказал тебе: я ничего не буду ему рассказывать, это глупо — рассказывать ему о вас.

— Хорошо. Тогда перескажи лицом то, что я тебе рассказывал о снах.

Снова наступило молчание. Потом Тендер сказал:

— Все? Очень хорошо. А теперь...

— Скучно, — объявил Малыш. — Я не люблю, когда одно и то же. Теперь лучше ты расскажи мне что-нибудь. Расскажи, почему, когда бросаешь камень, он летит так... а когда бросаешь лист с куста, он летит вот так... Ты можешь рассказать?

— Могу, — сказал Тендер и начал рассказывать.

Слушать его было интересно. Все-таки откуда у этих ксенопсихологов берутся такие простые и ясные слова? Можно себе представить, что там сейчас выделывал Малыш!..

— Достаточно, — произнес Малыш. — Я так и думал. А теперь расскажи, как все образовалось: горы, океан, небо... Можешь?

— Могу, — сказал Тендер. — Но это очень-очень долгий разговор. И для тебя это лучше показать, чем рассказывать... интереснее. По видеофону.

— Покажи, — потребовал Малыш.

— Сейчас не могу. Нужно особое средство, которого здесь нет. Я попрошу, и нам пришлют.

— Кого ты попросишь?

— Своих друзей. Они там...

— Высоко?

— Далеко.

— Но раз далеко, значит долго, — возразил Малыш.

— Нет, не обязательно, — сказал Тендер. — Мы умеем быстро, даже если далеко.

— Он тоже умеет быстро, даже если далеко, — ревниво сказал Малыш. — А я вот не умею. Я должен бегать... Ну, хорошо... Тогда скажи мне про меня. Почему мне все интересно? Все, что снаружи? Почему у меня все время появляются вопросы? Откуда они берутся? Ведь мне от них нехорошо. Они меня мучают, если я не знаю, как ответить. Раньше я думал: вопросы приходят изнутри, потому что раньше у меня были вопросы, на которые я умел ответить, а когда ответишь на вопрос, становится очень хорошо. Как будто вкусно поел или прыгнул сегодня выше, чем вчера. Но потом стало плохо. Вопросов много, десять вопросов в день, двадцать вопросов в день, а ответов мало или совсем нет, или еще хуже — старые ответы, которые радовали, оказываются негодными, это очень больно... Но ведь все, что идет изнутри, идет, чтобы сделать мне хорошо. Значит, вопросы идут снаружи? Правильно? Но тогда где они лежат, где они висят, где их точка? Очень мучительный вопрос.

Пауза.

— Я мог бы уже сейчас ответить на этот твой вопрос, — медленно произнес Тендер. — Но я боюсь ошибиться и ответить неправильно или неточно. Но я уверен: если я узнаю о тебе больше, много больше, я когда-нибудь отвечу тебе без ошибки.

Наступило долгое молчание. Потом Малыш сказал сдавленным голосом:

— Я очень, очень хочу, чтобы вы ушли. Вы должны уйти. Если вы не уйдете, я уйду. Совсем.

Мы услышали шорох, стремительный шелест, и голос Тендера проговорил:

— Та-ак. Ну, ничего. Далеко не уйдешь, вернешься.

Но ни вечером, ни ночью Малыш около корабля больше не появлялся.

За завтраком в кают-компании Тендер был очень разговорчив. Ночью он, по-моему, совсем не спал, глаза у него были красные, щеки запали, но он был весел и возбужден.

— ...Мне совершенно ясно, — говорил он, жадно отхлебывая из кружки ледяное молоко, — у Малыша задействованы огромные области мозга, о задействовании которых мы пока еще только мечтаем. Мы только робко подступаем к этой задаче и не столько подступаем, сколько рассуждаем о морали и последствиях. А вот аборигены, кто бы они ни были, не рассуждали. Они расширили активную область его мозга, они коренным образом изменили его физиологию, а частично и анатомию, они оказались удивительно смелыми и знающими экспериментаторами. Но если лежит на поверхности цель их анатомо-физиологических упражнений — они стремились приспособить беспомощного человеческого детеныша к совершенно нечеловеческим условиям этого мира и решили эту задачу блестяще, то вот цель, которую они преследовали, вмешиваясь в работу центральной нервной, остается пока неясной. Возможно, это случилось у них случайно, как попутное следствие анатомо-физиологических изменений... Понимаете, физиология тесно связана с центральной нервной, и, чтобы приспособить Малыша, им пришлось основательно покопаться в его мозгу... С другой стороны, можно допустить, что они использовали резервы его мозга целенаправленно. Но тогда возникает целый веер предположений. Например: они стремились сохранить у Малыша все его младенческие воспоминания и впечатления, с тем чтобы облегчить ему обратную адаптацию в случае, если он опять попадет в человеческое общество. Вы сами видите, что Малыш удивительно легко сошелся с нами, видимо, мы не кажемся ему ни уродами, ни чудовищами... а эмоциональная память подсказывает ему, что существа нашего облика являются добрыми и родными. Правда, такое предположение говорит прямо-таки о феноменальной предусмотрительности и гуманности аборигенов, во что поверить трудно, если учесть, что, судя по всему, они все-таки не гуманоиды... Должен вам сказать, что от этих аборигенов у меня голова кругом идет... Пока я совершенно не способен слить воедино все, что говорит о них Малыш... Я всю ночь просидел у бортового вычислителя, но не получил ничего, кроме очевидностей: муравьиная матка и муравейник, центральный мозг с автономными информаторами, ограниченное биополе с локализованными флюктуациями плотности... и другие разные сказки... всякие сапоги всмятку, которые можно придумывать по десятку в день, которых никто никогда не видел и в которые никто никогда не верил... Стась, пожалуйста, еще кружечку... Спасибо. Честно говоря, я, конечно, рассчитывал, что все будет проще. Я рассчитывал, что Малыш просто представит нам своих воспитателей и будет служить переводчиком и комментатором. Но имеет место какая-то осечка... Видимо, шестой постулат Бюлова на самом деле не является постулатом... Ну что ж, тем интереснее... Роль Малыша возрастает необычайно. Я решил, что сегодня в контакт с ним не вступаю. Сегодня в контакт вступаю вы трое. Стась, вы покажете ему своего Тома. Дик, вы будете играть с ним в мяч и катать его на глайдере. Не стесняйтесь с ним, ребята, веселее, проще! Представьте себе, что он ваш младший братишка-вундеркинд... Яков, вам придется побыть на вахте. Ну, а если Малыш доберется и до вас, как-нибудь соберитесь с силами, позвольте ему подергать вас за бакенбарды, очень он ими интересуется. А я притаюсь, как паук, буду за всем этим наблюдать и записывать... Если он будет спрашивать обо мне, скажите, что я думаю над его последним вопросом. Пойте ему песни, покажите ему кино... Покажите ему вычислитель, Стась, расскажите, как он действует, попробуйте считать с ним наперегонки. Думаю, здесь вас ожидает некоторый сюрприз... И попытайтесь все-таки накормить его. Пусть он раскроет рот, убедите его, что будет хорошо, и влейте в него через какой-нибудь сифон банку сгущенки... Не брезгуйте, не брезгуйте, представьте себе, что это ваш братишка... И не забудьте «третий глаз»... По местам, ребята, по местам!

Тендер одним духом допил молоко, вскочил и умчался. Мы посмотрели друг на друга.

— Вопросы есть, инспектор? — спросил Дик.

— Нет, капитан, — сказал я. — Вопросов нет, капитан. Вас вижу, но не слышу.

— Все это, конечно, хорошо, — задумчиво проговорил Вандерхузе. — Мне бакенбардов не жалко. Но!

— Вот именно, — сказал Дик, поднимаясь. — Но.

— Я хочу сказать, — продолжал Вандерхузе, — что вчера была радиограмма от Горбовского. Он самым деликатным образом, но совершенно недвусмысленно просил Тендера не форсировать контакт. И он снова намекал, что был бы рад к нам присоединиться.

— И что Тендер? — спросил я.

Вандерхузе задрал голову и поглядел на меня поверх носа, лаская левый бакенбард.

— Тендер высказался об этом непочтительно, — сказал он. — Устно, конечно. Ответил же он в том смысле, что благодарит за совет.

— И? — сказал я. Мне очень хотелось поглядеть на Горбовского. Я его толком никогда не видел.

— И все, — сказал Вандерхузе, поднимаясь.

Мы гурьбой отправились в рубку и прежде всего нацепили на лоб обручи с «третьим глазом» — знаете, эти портативные телепередатчики для разведчиков-одиночек, чтобы можно было непрерывно передавать визуальную и акустическую информацию — все то, что видит и слышит сам разведчик. Простая, но остроумная штука, ее совсем недавно стали включать в комплекты оборудования ЭРов. Пришлось немножко повозиться, пока мы подгоняли обручи, чтобы они не давили на виски, не сваливались на нос и чтобы объектив не экранировался капюшоном. Пока мы возились, в рубку ввалился Тендер с огромным количеством самой разнообразной аппаратуры. Тут был и транслятор, и ручной вычислитель, и эти штуки — забыл, как называются, — для анализа запахов, и еще много чего. Он свалил все это на стол и с огромным удивлением спросил: «Как, вы еще здесь?» Не знаю, куда это он так спешил: горизонты были чисты, Малышом и не пахло. Потом Дик отправился к себе в каюту искать мяч, а я выпустил на волю Тома и погнал его на взлетную полосу. Солнце уже поднялось, ночной морозец спал, но было все-таки еще очень холодно. Нос у меня сразу закоченел. Вдобавок легким, но очень злым ветерком-хиусом тянуло с океана.

Я немного погонял Тома по полосе, чтобы дать ему размяться. Том был страшно доволен и все время испрашивал приказаний. Потом подошел Дик с мячом, и мы, чтобы не замерзнуть, немножко постукали — честно говоря, не без удовольствия. Я все ждал, что Дик по своему обыкновению войдет в азарт, но он был какой-то вялый. В конце концов мне это надоело, и я спросил, что с ним. Он поставил мяч на рубчатку полосы, сел на него, подобрав доху, и пригорюнился. Том немедленно придвинулся к нему и спросил приказаний, но Дик не обратил на него никакого внимания.

— В чем все-таки дело? — спросил я.

Дик посмотрел на меня и отвернулся.

— Может быть, ты все-таки ответишь? — спросил я, не столько уязвленный, сколько удивленный такой невежливостью.

— Ветерок нынче, — произнес Дик, рассеянно оглядывая небо.

— Ветерок, — повторил я в недоумении.

— Да, ветерок. Интересно, как там у них на экранах, видимость хорошая?

Тут до меня дошло.

— Бакал-дака, — произнес он. — Треке-тикий глаказ. Накас слыкы-шики-укут.

— Сакам бакал-дака, — отвечивал я. — Такам жеке тракан-сляка-токор...

— И то верно, — сказал Дик. — Вот я и говорю: ветерок, мол.

— Да-а, — подтвердил я. — Что ветерок, то ветерок.

Но в общем я не понимал, что происходит с Диком. Видно было, что замысел Тендера ему не нравится, но почему — это было мне недоступно. Лично я считал, что это совершенно правильный план: раз уж аборигены такие пентюхи, то единственный путь к ним лежит через Малыша. Значит, Малыша надобно завоевать прочно и окончательно.

Тендеру это, по-видимому, не удалось, он призвал нас на помощь, почему бы не попробовать? Я, например, с удовольствием бы повозился с Малышом. Я вообще люблю детей, особенно таких вот: самые интересные ребятки — в десять-двенадцать лет...

Я постоял возле Дика, пытаюсь придумать какую-нибудь нейтральную тему для беседы, ничего, кроме того же ветерка, не придумал, и вдруг, неожиданно для себя, решил пройтись. Я ведь ни разу еще не бродил здесь по окрестностям, без малого неделю здесь нахожусь, а по земле этой так толком и не ходил, только на экранах видел. К тому же был шанс наткнуться где-нибудь в зарослях на Малыша, а это было бы уже не только приятно, но и полезно для дела: завязать с ним беседу в привычной для него обстановке. Я изложил все эти соображения Дикю и, увидев, что ответа от него не дождешься, сунул нос в меховой воротник, засунул руки поглубже в карманы и направился к болоту. Том, изнемогая от услужливости, покатило было за мной, но я велел ему оставаться на месте и ждать дальнейших указаний.

В болото я, конечно, не полез и двинулся в обход, продираясь через заросли кустарника. Жалкая была здесь растительность — бледная, худосочная, вялые синеватые листочки с металлическим отливом, хрупкие узловатые веточки, пятнистая оранжевая кора. Кусты редко достигали моего роста, так что вряд ли Вандерхузе рисковал здесь своими бакенбардами. Под ногами упруго подавался толстый слой палых листьев, перемешанных с песком, в тени искрился иней. Но при всем том растительность эта вызывала к себе определенное уважение; наверное, очень нелегко было ей произрастать здесь: ночью температура падала до минус двадцати, днем редко поднималась выше нуля, а под корнями сплошной соленый песок. Не думаю, чтобы какое-нибудь земное растение сумело бы приспособиться к таким безрадостным условиям. Мне страшно было подумать, что среди этих промерзших кустов по мерзлому заиндевелоу песку бродит, ступая босыми пятками, голый человек.

Мне почудилось какое-то движение в густых зарослях справа. Я остановился, позвал: «Малыш!», но никто не откликнулся, и я пошел дальше. Мерзлая ледяная тишина окружала меня. Ни шелеста листвы, ни жужжания насекомых — все это вызывало странное ощущение, словно я двигался среди театральных декораций. Я обогнул длинный язык тумана, высунувшийся из болота, и стал подниматься по склону холма. Собственно, это была песчаная дюна, заросшая кустами. Чем выше я поднимался, тем тверже становилась под ногами песчаная поверхность. Выбравшись на гребень, я огляделся. Корабль скрывали от меня облака тумана, а взлетная полоса была видна хорошо: весело и жарко блестела под солнцем рубчатка, по-прежнему пригорюнившись сидел на мяче Дик, и грузный Том неуверенно топтался возле него. И тут я заметил следы на промерзшем песке — темные влажные пятна среди серебристого инея. Малыш проходил здесь, и проходил совсем недавно. Сидел у самого гребня, а потом поднялся и пошел вниз по склону, удаляясь от корабля. Цепочка следов тянулась в заросли, забившие дно лощины между дюнами. «Малыш!» — снова позвал я, и снова он не отозвался. Тогда я тоже стал спускаться в лощину.

Я нашел его сразу. Мальчик лежал ничком, вытянувшись во всю длину, прижавшись щекой к земле и охватив голову руками. Несмотря ни на что, он казался очень странным и почти невозможным здесь, не вписываясь он в этот ледяной пейзаж, противоречил ему. В первую секунду я даже испугался, не случилось ли что-нибудь. Слишком уж здесь было холодно, неприятно. Я присел рядом с ним на корточки, окликнул его, а потом, когда он промолчал, легонько шлепнул его по голому поджарому заду. Это я впервые прикоснулся к нему и чуть не заорал от неожиданности: он показался мне горячим, как утюг.

— Когда вы уходите? — спросил Малыш, не поднимая головы.

— Не знаю, — честно сказал я. И вдруг разозлился: мы к нему и так, и этак, а он твердит, как попка, одно и то же — когда уходите, когда уходите. — Слушай, — сказал я. — Что ты затвердил одно и то же? Чем мы тебе не угодили? Нам же интересно с тобой, понимаешь?

— Понимаю, — сказал Малыш и вдруг сел — перелился из лежачего в сидячее положение. — Я все понимаю, — сказал он. — А вот вы ничего не понимаете.

Я невольно опустил глаза. Страшненькое у него было все-таки лицо.

— Я очень хорошо понимаю, — продолжал Малыш, — что вы хотите через меня познакомиться с моими друзьями. Вы все думаете, что мои друзья как я. Но со мной можно знакомиться, а с ними нельзя.

— Почему? — спросил я. — Они не хотят с нами знакомиться?

— И опять ты не понимаешь. Хочет с тобой знакомиться море?

Я посмотрел на океан. Океан был черный и неприветливый.

— Не знаю, — сказал я. — Может быть, и хочет. Только я вот не хочу.

Малыш, видимо, был озадачен.

— Море не умеет хотеть познакомиться, — возразил он.

— Как знать, — туманно сказал я.

Мы помолчали.

— Слушай, Малыш, — сказал я. — Давай сегодня о твоих друзьях не говорить. Мы по тебе соскучились — Дик и я. Пошли с нами играть.

— Не пойду, — сказал Малыш.

— Почему?

— Мне нельзя к вам ходить.

Гм, подумал я. Это что-то новенькое. Я сразу же вспомнил следы на гребне. Малыш, видимо, долго сидел там и смотрел на нас, а потом, заметив меня, ушел.

— Никто не узнает, — сказал я. Наудачу сказал. И, по-видимому, невпопад.

— Никто не узнает чего? — спросил Малыш.

— Ну... что ты с нами немножко поиграешь.

— Почему никто? Ты узнаешь, Дик узнает, Каспар узнает, Яков узнает. И этот большой... Том... тоже узнает.

— Но мы никому не скажем, — пообещал я.

— Что не скажете?

Как-то у меня неладно все получалось. Как-то я его не понимал. А он, по-видимому, меня не понимал.

— Ладно, — сказал я. — Все это пустяки. Пойдем, я научу тебя управлять Томом.

Малыш вскочил и сейчас же снова сел. Очень неудобно сел, я бы и двух секунд так не просидел.

— Нет, — сказал он. — Нельзя.

— Дик обещал покатать тебя на глайдере, — сказал я. — Ты будешь лететь в воздухе, и все будет внизу — горы, болота, айсберг... Ты ведь никогда не летал?

— Летал, — ответил он.

Я так и подпрыгнул.

— На чем?

По лицу его прошла мгновенная рябь, поднялись и опустились плечи.

— У вас нет этого слова, — сказал наконец он. — Это был как ваш глайдер, только живой.

— Птица? — спросил я и изобразил руками.

— Птица... — повторил Малыш. Он тоже помахал руками. — Нет, — сказал он. — Это не имеет никакого смысла.

— Ну птица! — убеждающе сказал я. — Летает по воздуху и машет такими специальными руками... крыльями.

Он не понимал меня, и тогда я отломил веточку и изобразил на песке птицу.

— А! — сказал он живо. — Это я видел во сне! Похоже! Откуда ты знаешь?

— Во сне? — удивился я. — У вас здесь разве есть птицы?

— У нас здесь было много летающих. Очень много. Но давно уже нет. Сотни, сотни и миллионы дней назад.

— Как же ты мог их видеть во сне?

— Не знаю, — сказал Малыш. — Лучше скажи мне, почему вы все-таки не уходите?

— Нам интересно, — сказал я проникновенно. — У нас много вопросов к тебе и к твоим друзьям. Ты ведь знаешь, как это интересно — получать ответы на вопросы.

— Да, — сказал Малыш шепотом. — Да. Это так. Это ужасно. Это очень плохо.

— Да почему же плохо, елки-палки?

— Скажи, Стась, что у вас самое любимое в мире?

Я удивился.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Я люблю бегать, я люблю играть, я люблю плавать. Еще больше я люблю... — Он помолчал. — Я люблю спрашивать. Еще больше я люблю узнавать, чего не знал раньше. Ты все это любишь?

— Да, — сказал я. — У нас почти все любят это.

— А что ты любишь еще больше этого?

Я не понимал его.

— Когда я был совсем маленьким, — сказал Малыш, — меня любили два человека, такие как вы. Я помню, что они любили меня больше всего. Может быть, больше, чем друг друга, хотя друг друга они тоже любили больше всего...

Я наконец понял.

— Ты спрашиваешь — кто дороже всего? Это называется «дороже», «самый дорогой».

— Пусть так. Кто для тебя самый дорогой?

— Мама, отец. Друзья. Дик, например.

— Они дороже всего?

— Да.

— И для них ты можешь отказаться от бегать, плавать, спрашивать, узнавать?

— Н-ну... — проговорил я, — это неправильный вопрос. Ты знаешь, что бывают неправильно поставленные вопросы...

— Знаю, — сказал Малыш. — Но мой вопрос правильный. — Он вскочил. — Пойдем играть, — сказал он и испустил душераздирающий вопль.

Эхо еще не замерло в горах, а мы уже наперегонки неслись через кустарник. И я был очень горд. Впрочем, скоро мне стало не до гордости.

Малыш скользил меж кустов, как солнечный зайчик. По-моему, он не задел ни одной ветки и вообще ни разу не коснулся земли. А я в своей дохе с электроподогревом ломил напролом, как слон, только трещало вокруг. На опушке зарослей Малыш приостановился, дождался меня и сказал:

— Я не знаю, что такое мама и отец. Самое дорогое для меня — это друзья.

— Прекрасно! — воскликнул я, переводя дух. — Это очень хорошо! Я бы очень хотел стать твоим другом, чтобы ты стал моим и Дика, и чтобы твои друзья стали нашими друзьями...

— Мои друзья не могут стать вашими друзьями, — сказал Малыш.

Мы пошли шагом.

— А я уверен, что могут, — сказал я. — Ты очень славный, хороший, Малыш. У такого, как ты, могут быть только очень хорошие друзья... Они хорошие и мы хорошие, значит, все будет хорошо!

Малыш покосился на меня.

— Ты умеешь узнавать, что будет?

— В данном случае это нетрудно, — бодро сказал я.

— Ты не умеешь узнавать, что будет, — убежденно сказал Малыш. — Вы никто не умеете. Мои друзья хорошие — да. Лучше всего на свете. И вы хорошие, но хорошо не будет. Никак не будет. Вам будет никак, а моим друзьям будет или никак, или плохо.

Я не нашелся, что сказать, и некоторое время мы шли молча. Сформулировано было достаточно четко, но я все-таки не был уверен, что мы с Малышом правильно понимаем друг друга. Я подумал было, что, наверное, имело бы смысл рассказать ему, что мы не впервые встречаемся с разумными существами других миров и что никогда им еще не было плохо. «Никак» — бывало, это верно, но плохо — никогда. Но потом я решил, что это не мое дело, лектор из меня неважный, а Тендер сам ему и расскажет, и покажет все, что найдет нужным. И поэтому я сказал только:

— Мы очень хотим, чтобы было хорошо, и мы очень не хотим, чтобы было плохо.

— И вы очень не хотите, чтобы было никак, — сказал Малыш.

— Да, — признался я. — Этого мы тоже не хотим.

Мы уже огибали болото, и перед нами открылся берег с кораблем и взлетная полоса, когда Малыш сказал:

— А если бы меня не было? Что бы вы делали?

Я пожал плечами:

— Мы, вероятно, так ничего бы и не узнали о твоих друзьях. И мы бы заселили эту планету. Правда, наверное, рано или поздно твои друзья дали бы о себе знать, но если бы они дали о себе знать слишком поздно, могло бы быть плохо.

Мы ступили на рубчатку. Том уже катил нам навстречу, мигая всеми сигнальными лампами, которыми он располагал.

— А если бы я сейчас исчез? — спросил Малыш.

— Это было бы плохо, — сказал я. — Прямо не знаю, что бы мы без тебя делали.

Так что ты уж лучше не исчезай.

— Ну а что бы вы все-таки стали делать?

— Попытались бы тебя найти.

— А если бы не нашли?

— Нашли бы. Мы здорово умеем искать.

Малыш замолчал, а тут набежал Том, и началась потеха. Из Малыша градом посыпались вопросы. Я не успевал отвечать. Том не успевал выполнять обрушившиеся на него команды. И только Малыш все успевал. Со стороны все это выглядело, наверное, очень весело. Да нам и на самом деле было весело, даже Дик в конце концов разошелся. Наверное, мы были похожи на расшалившихся подростков, удравших с уроков на берег океана. Сначала была еще какая-то неловкость, сознание того, что мы не развлекаемся, а работаем, мысль о том, что за каждым нашим движением следят, а потом все это как-то забылось. Остался только мяч, летящий тебе прямо в лицо, и азарт удачного удара, и злость на неуклюжего Тома, и звон в ушах от удалого гиканья, и резкий отрывистый хохот Малыша — мы впервые услышали тогда его смех, да он и сам, вероятно, смеялся тогда впервые в жизни. Это были странные игры. Малыш выдумывал их правила на ходу. Он оказался невероятно вынослив, азартен, он не упускал ни единого случая продемонстрировать перед нами свои физические преимущества. Он навязал нам соревнование, как-то само собой получилось, что он стал играть один против нас троих, и мы все время проигрывали. Сначала он выигрывал, потому что мы ему подыгрывали. Потом он выигрывал, потому что мы не понимали его правила. Потом мы поняли правила, но нам с Диком мешали дохи. Потом мы решили, что Том слишком неуклюж, и исключили его из игры, Дик вошел в азарт, заиграл в полную силу. Я тоже делал все, что мог. Но мы проигрывали очко за очком. Мы ничего не могли сделать с этим молниеносным дьяволенком, который перехватывал любые мячи, сам бил очень точно и сильно, негодуяюще вопил, если мяч задерживался в наших руках дольше секунды, и совершенно сбивал нас с толку своими фантомами или, того хуже, манерой мгновенно исчезать из виду, с тем чтобы появиться столь же мгновенно совсем в другом месте. Мы не сдались, конечно, от нас столбом шел пар, мы задыхались, мы потели, мы орали друг на друга, но мы дрались до последнего. И вдруг все кончилось.

Малыш вдруг остановился, проводил взглядом мяч и сел на песок.

— Это было хорошо, — сказал он. — Я никогда не знал, что бывает так хорошо. А теперь я пойду.

— Куда ты пойдешь? — спросил я, еле выговаривая слова. — Пойдем с нами в корабль. Тебе надо поесть. Мы тебя накормим, как ты привык.

— Посмотрим видеофон, — сказал Дик, подходя. — Тебе будет интересно.

— Нет, — сказал Малыш. — Мне это не интересно. Но у меня есть вопрос. Как это называется: если человек ушел под воду и не вышел; если на человека упали с горы большие камни; если человек был живой и перестал?

— Это называется — человек умер, — сказал я.

— А что бы вы стали делать, если бы я умер?

— Мы бы снова сделали тебя живым, — сказал я.

— Это можно сделать?

— Да, конечно. Это называется реанимация.

— Значит, вы не умираете?

— Умираем, конечно, — сказал я. — Реанимацию не всегда можно произвести. Если человек очень стар и устал жить... или если человек умер очень давно... или если человек очень поврежден... А разве твои друзья не умирают?

— Ты не понимаешь, — сказал Малыш и встал. Он даже не попрощался — просто повернулся и пошел прочь.

Некоторое время мы смотрели ему вслед, потом Дик крикнул: «Малыш!», сорвался с места, догнал его и пошел рядом. Я подобрал свою доху, оделся, нашел доху Дика и нерешительно направился за ними. У меня на душе был какой-то неприятный осадок: не люблю разговоров о смерти. Впрочем, Малышу все это, наверное, интересно, а голова у него работает совсем не так, как у нас. Да и умирают здесь, на планете, кажется, не так, как у нас. Удивительно все-таки получается: почти на все вопросы о своих друзьях Малыш отвечает: вы не понимаете. Может быть, мы действительно чего-то не понимаем? Очень основательно, с самого начала и до самого конца не понимаем.

Я увидел, что Дик остановился, а Малыш пошел дальше. Дик повернулся и двинулся ко мне навстречу. Я подал ему доху. Дик был мрачен.

— Ну, что? — спросил я.

— Мы ничего не понимаем, — сказал Дик. — Он все время твердит, что мы ничего не понимаем.

— Мне он тоже... — начал я и осекся. — Дик, — сказал я. — Ты потерял «третий глаз».

— Я его не потерял, — сказал Дик.

В последней главе заметно отличается от окончательной версии часть разговора Тендера-Комова с Горбовским: о чем-то говорилось более подробно, о чем-то менее, а о чем-то — совсем другими словами.

— Каспар, как вы представляете себе дальнейшую судьбу Малыша?

Предчувствие, что меня сейчас же, немедленно, в мгновение ока, с наивозможной быстротой и прямокой попросят из рубки, достигло во мне апогея. Я съежился и перестал дышать.

Тендер сказал:

— Малыш будет посредником между Землей и аборигенами.

— Я понимаю, — сказал Горбовский. — Это было бы прекрасно. А если контакт не состоится? А если...

— Леонид Андреевич, — произнес Тендер жестко, — давайте говорить прямо. Давайте выскажем вслух то, о чем мы с вами сейчас думаем, и то, чего мы опасаемся больше всего. Я стремлюсь превратить Малыша в орудие Земли. Для этого я всеми доступными мне средствами и совершенно беспощадно, если так можно выразиться, стремлюсь восстановить в нем человека. Вся трудность заключается в том, что

человеческая психика, человеческое, земное отношение к миру в высшей степени, по-видимому, чужды аборигенам, воспитавшим Малыша. Поэтому волей-неволей я, в процессе этого перевоспитания, вынужден с кровью и с мясом отдирать Малыша от тех, кого он любит больше всего на свете; волей-неволей я, по-видимому, восстанавливаю Малыша против его воспитателей, разочаровываю его в них, подрываю их авторитет и таким образом подвергаю психику Малыша возрастающему напряжению. Это напряжение уже сейчас достигло такой стадии, что он, как вы могли отметить, заговорил о своем исчезновении и смерти. Но если контакт состоится, если мне удастся вступить в непосредственную связь с аборигенами, все эти напряжения спадут сами собой, и будет достигнуто некоторое равновесное состояние. Мы быстро убедим Малыша, что наши цивилизации — это равные партнеры, со своими достоинствами и недостатками, и он, как посредник между нами, сможет всю жизнь черпать и с той и с другой стороны, не опасаясь ни за тех, ни за других. Он будет горд своим исключительным положением, жизнь его будет радостна и полна. Если же контакт не состоится... — Тендер помолчал. — Что ж, мы должны, мы обязаны рискнуть. Такого случая больше не будет никогда. Такова моя точка зрения, Леонид Андреевич.

— Понимаю, — сказал Горбовский. — Знаю ваши идеи, ценю их. Знаю, во имя чего вы предлагаете рискнуть. Но согласитесь, риск не должен превышать какого-то предела. Поймите, с самого начала я был на вашей стороне. Я понимал, что мы рискуем, мне было страшно, но я все думал: а вдруг обойдется? Какие перспективы, какие возможности! И еще я все время думал, что мы всегда успеем отступить. Мне и в голову не приходило, что Малыш окажется таким коммуникабельным, что дело пойдет так далеко уже через двое суток... — Горбовский сделал паузу. — Каспар, контакта ведь не будет. Пора бить отбой.

— Контакт будет, — сказал Тендер.

— Нет, не будет. Малыш хочет, чтобы мы ушли. Малыш все время повторяет, что мы ничего не понимаем. Малыш несколько раз совершенно недвусмысленно заявлял, что его друзья знать нас не хотят, что они не могут нас знать, даже если бы захотели. Малыш потому и хочет, чтобы мы ушли, что знает: никакого контакта никогда не будет, будет или никак, или плохо. Плохо, Каспар! Альтернатива — либо никак, либо плохо. Не либо хорошо, либо никак.

— Вы хотите сказать, что мы имеем дело со свернувшейся цивилизацией.

— Да. С разумом, замкнутым на себя.

— Но это противоречит фактам. Перед нами стерилизованная планета. Явный результат мощной деятельности, направленной вовне. Предположим даже, что это произошло много тысяч лет назад. Но Малыш! Они спасли Малыша! Зачем? Зачем это нужно цивилизации, замкнувшейся на себя, отрешившейся от внешнего мира?

— Ну, во-первых, даже теоретически никогда не предполагалось, что может существовать цивилизация, замкнутая на себя без остатка. Конечно, какая-то функциональная деятельность, направленная вовне, остается... хотя бы санитарно-гигиеническая. А что касается Малыша... Ведь если цивилизация достаточно стара, гуманизм ее мог успеть превратиться в безусловный социальный рефлекс, в социальный инстинкт. Ребенок был спасен не потому, что этого требовали писанные законы местного общества, а потому, что в такой акции была потребность.

— Все это возможно, — сказал Тендер. — Но это означает только, что процесс нашего сближения с ними будет очень длительным. Может быть, понадобится на порядок больше времени, чем для сближения с обычной, разомкнутой цивилизацией... Нет, Леонид Андреевич, обо всем об этом я думал, и вы сами хорошо понимаете, что ничего нового мне не сказали. Ваше мнение против моего, и только. Вы предлагаете отступить, а я хочу использовать этот единственный шанс до конца.

— Каспар, так думаю не только я, — тихонько сказал Горбовский.

— Кто же еще? — спросил Тендер с легкой усмешкой. — Август-Иоганн-Мария Бадер?

— Нет, и не только Бадер. Честно говоря, я скрыл от вас одну козырную карту, Каспар. Дело в том, что мы сразу обратили внимание на странное повреждение, которое получил «аист» Семеновых. И мы сразу принялись обшаривать околопланетное пространство. И вот два часа назад пришло сообщение, что его нашли. — Горбовский замолчал.

В черновике разговор о будущем человечества происходил у Стася не с Диком-Майкой, а с самим Тендером-Комовым, причем уже после общения последнего с Горбовским. В переписке Авторов такая композиция была сочтена неудачной, так что далее изменилось и место этого фрагмента в повести, и сама форма рассказа о теории вертикального прогресса.

— Наверное, придется выждать, — сказал я. — Что ж делать... Да и Малыш, может быть, больше не придет... во всяком случае, скоро не придет.

Тендер усмехнулся краем рта.

— Малыш-то придет, — сказал он. — Он слишком любит задавать вопросы. А представляете, сколько у него теперь появилось новых вопросов?

Это было почти слово в слово то, что сказал в кают-компании Вандерхузе.

— Тогда, может быть... — начал я нерешительно, — может быть, нам действительно лучше...

— Может быть, — сказал Тендер. — Но неужели никто из вас не понимает, что Малыш — это случай единственный, случай, по сути дела, невозможный, а потому единственный и последний. Ведь этого больше не случится никогда. Понимаете? Ни-когда!

— Да ведь риск... — пробормотал я. — Жалко...

Тендер снова усмехнулся краем рта. Ну что я ему мог сказать? После Горбовского, после него самого, что ему мог сказать незаметный рядовой кибертехник, двадцати лет, стаж практической работы шесть с половиной суток, парень, может быть, и неплохой, трудолюбивый, интересующийся и все такое, но, прямо надо признать, невеликого ума, простоватый, невежественный...

— Простите, Каспар, — сказал я неожиданно для себя. — Горбовский все время говорил о каких-то ваших идеях, о том, что он их ценит, понимает... Я в ксенопсихологии разбираюсь плохо, но мне показалось почему-то, что речь шла не о ксенопсихологии, о чем-то более общем...

Я замолчал, испугавшись, что лезу в душу и вообще не в свое дело.

— Мои идеи, — проговорил Тендер. — Какие там мои идеи... Этим идеям сто лет. Фаворский, Боровик, Микава, Доджес... Вам знакомы эти имена?

Я помотал головой.

— Мало, мало вы знаете, — продолжал Тендер с горечью. — Мало думаете. Ограниченно думаете. Наука, стройка, спорт, любовь, дружба — что у вас еще? Все довольны, веселы, живете, как играете... Вот вы, Стась, вам двадцать лет, вы хороший специалист, и у вас полно друзей. А как вы представляете себе человечество век спустя? Всего только век...

— Как я представляю? — Уж об этом-то мы говорили много. — Конец биологической революции, — начал я бодро, — преодоление галактического барьера, выход в нуль-мир, реализация Парсиваля... то есть, я хочу сказать, реализация П-абстракций, широкое распространение контактного видения...

— Я не спрашиваю вас, как вы представляете себе достижения человечества через век. Я спрашиваю: как вы представляете себе само человечество через век.

Я озадаченно молчал. Я не понимал разницы.

— Вот и я тоже не знаю, — сказал Тендер, подождав. — А нам это надо знать. И внутри человечества ответ на этот вопрос мы не найдем. Земной человек выполнил все

поставленные им перед собой задачи и стал человеком галактическим. Но галактический человек не есть просто земной человек, живущий в галактических просторах по законам Земли. Это нечто большее. С иными законами существования, с иными целями существования. А ведь мы не знаем ни этих законов, ни этих целей. По сути, речь идет о формулировке идеала галактического человека. Идеал земного человека строился в течение тысячелетий на опыте предков, на опыте самых различных форм живого на нашей планете. Идеал человека галактического, очевидно, следует строить на опыте галактических форм жизни, на опыте историй разных разумов Галактики. Пока мы даже не знаем, как подойти к этой задаче, а ведь нам предстоит ее еще решать! Причем решать так, чтобы свести к минимуму число возможных жертв и ошибок. Понимаете, Стася?

— Н-не совсем, — проговорил я. — По-моему, я это и говорил.

— Нет. Вы не это говорили. Сто тысяч лет человечество пробиралось по узкой пещере, перебиралось через завалы, продиралось через заросли, гибло под обвалами, забиралось в тупики, но всегда впереди была синева, свет, цель, и вот мы вышли из ущелья под синее небо и разлились по равнине... Да, равнина велика, есть куда разливаться. Но теперь мы видим, что это — равнина, а над нею небо. Новое измерение. Да, на равнине хорошо, и можно вволю заниматься реализацией П-абстракций. Казалось бы, никакая сила не гонит нас вверх, в новое измерение... — Тендер вдруг оборвал себя. — А, все это болтовня, — сказал он, поднимаясь. — Пойду спать. Мне до вахты осталось всего три часа. — Он направился к выходу, но остановился и сказал: — Человечество никогда не ставит перед собою задач, которые не готово решить. Это глубоко верно. Но ведь это и мучительно...

Он ушел, а я остался сидеть лицом к рации и спиной к экрану и старался разобраться не столько даже в мыслях, сколько в чувствах. Галактический идеал... Это было непонятно. По-моему, люди в космосе совсем не становились какими-то там галактическими. Я бы сказал, наоборот, люди несли Землю в космос, земной комфорт, земные нормы, земную мораль. Если уж на то пошло, то для меня, да и для всех моих знакомых ребят, идеалом будущего является наша маленькая планетка, распространившаяся до крайних пределов Галактики, а потом, может быть, и за эти пределы... И аналогия, которую привел Тендер, насчет пещеры и равнины, была какая-то неудачная, неубедительная. В конце концов, нет никакой силы, которая бы толкала нас с этой самой равнины в новое измерение... принимая, что равнина бескрайняя, конечно, и что дел на ней хватит на миллион лет... Хотя, конечно, с другой стороны, действительно есть какая-то мучительность в том, что мы ограничены в формулировках наших задач. Всякая ограниченность мучительна, если угодно... Как бы то ни было, ясно, что если Тендер увлечен такими фантазмагорическими идеями, то контакт ему нужен, конечно, не для обмена технологическими рецептами и не для заполнения пустующих клеток ксенологических таблиц. Но с другой стороны — Малыш... Нет, так нельзя ставить вопрос: будущее Малыша или будущее всего человечества. Тут какая-то логическая каверза, вроде апорий Зенона... А вдруг не каверза? Вдруг вопрос так и стоит?

Несколько иначе выглядели и разговоры Стася с Малышом в эпилоге черновика.

Между прочим, я совсем не исключаю, что он не столько обдумывает новую информацию, сколько выслушивает мнение о ней своих равнодушных «друзей» за горизонтом. Мне это кажется потому, что иногда, по второму заходу, он задает очень уж странные вопросы.

— В прошлый раз ты рассказывал мне о мозге, — продолжает он. — А откуда ты знаешь, что люди думают головой?

Я слегка ошарашен и начинаю барахтаться. Он слушает меня по-прежнему внимательно, я постепенно выплываю, нащупываю твердую почву под ногами, и все идет гладко, и оба мы вроде бы довольны, но, когда я заканчиваю, он говорит:

— Нет, это очень частное. Это не всегда и не везде. Если люди думают и помнят головой, откуда я помню птиц, которых никогда не видел?

— Этого мы еще толком не знаем, — признаюсь я. — Есть предположение, что твои друзья пробудили в тебе генетическую память...

— Что такое генетическая память? — немедленно осведомляется он.

Я очень неважно представляю себе, что такое генетическая память, и обещаю рассказать ему об этом в следующую встречу.

<...>

— Иди спать, — повторяет Малыш. — Но только скажи мне сначала: пока ты спишь, никто не придет на этот берег?

— Никто, — говорю я как обычно. — Можешь не беспокоиться.

— Это хорошо, — говорит он с удовлетворением. — Так ты спи, а я пойду пообщаюсь с моими друзьями.

— Конечно, иди, — говорю я, не вдаваясь в детали.

У нас не принято говорить о друзьях Малыша. Эти разговоры беспокоят его, а толку от них никакого.

Разумеется, много внимания при доработке черновика уделялось стилистической правке — порой, казалось бы, совсем мелкой, но вовсе не лишней.

Иногда наиболее правильное слово удавалось найти далеко не сразу, один за другим пробовались и отвергались все новые и новые варианты. Так, услышав впервые плач ребенка, Стась замечает: «Где-то далеко, на другом конце корабля, за многими дверями отчаянно плакал, надрываясь и захлебываясь, какой-то...» Какое последнее слово будет наилучшим? Сначала напечатано «малыш», но это не самое удачное решение (хотя бы потому, что слово совпадает с именем главного героя). Далее вписывается «карапуз», который затем заменяется «младенцем»... пока не найдено самое удачное понятие — «ребеночек». А когда Стась по плачу пытается определить возраст ребенка, он сначала думал: «...и не обиженный рев мальчугана или девчушки лет четырех-пяти...» Вместо двух слов Авторы решили дать одно общее, и вот тут самым точным выбором сочли отвергнутого в другом месте «карапуза».

Размышляя о том, как его отстраняют от работы и сочувствуют ему, Стась думает о «сокрушительных шквалах сочувствия и жалости». «Сокрушительные» сначала были «гигантскими», да и «шквалы» тоже нашлись не сразу: были и «валы», и «волны». Веточку, которой Комов постукивает себя по сапогу, Авторы сначала называли то прутиком, то сучком, а то, что принес с собой Малыш, сначала называлось «грудой сучьев», затем — «кучкой прутьев».

Долго искалось и правильное слово для действия Стася, когда он впервые увидел Малыша. «И тогда я бросился за ним»... «И тогда я кинулся за ним»... «И тогда я рванулся за ним». Бег Малыша тоже описывался по-разному: он бежал и «как-то странно отмахивал левой рукой», затем «как-то странно двигал на бегу разведенными локтями». Когда Дик и Стась возвратились в корабль и пытались рассказать об увиденном, реакция Тендера описывалась так: «Помолчите, — брезгливо произнес Тендер». Далее фраза исправлялась сначала на «Помолчите, — приказал Комов», затем на «Помолчите, — прервал ее Комов». Откровенный рассказ Стася, что случилось с ним за эти три дня, Дик (Майка) слушает сначала «с жадностью», затем «с раскрытым ртом» и, наконец, «приоткрыв рот».

Интерком в рукописи сначала «трещит», позже появляется «верещит», иногда «поет».

Объявляя тревогу, Вандерхузе, согласно черновику, «ткнул указательный палец правой руки в кнопку наружного аварийного радиовызова “Всем немедленно вернуться на борт”, а указательный палец левой руки — в кнопку “Всем собраться в рубке”». Позже действие описывается как единое целое: «нажал сразу две клавиши: наружного аварийного радиовызова “Всем немедленно вернуться на борт” и внутреннего сигнала “Всем собраться в рубке”». Изменялись и команды, отданные Стасю («Бегом наверх» — «Бегом вниз» — «Бегом на пост УАС»), и оружие, которое следует привести в готовность («противометеоритную пушку» — «зенитную ПМП» — «носовую ПМП»).

Иногда слова заменялись в поисках более конкретной формулировки. К примеру, среди обязанностей на биологически активной планете присутствовало «обеспечение упомянутой ЗАББ от проникновения из-под почвы». «Проникновение» заменено «нападением». Толкование слова «некротический» в словаре произвело на Стася сначала всего лишь «определенное», а затем «тяжелое» впечатление. Интерком вначале назывался внутренним видеофоном. В перечне повреждений корабля Семеновых сначала указывалось, что «разрушена двигательная часть», затем — «разрушен рейсовый двигатель». Формулировка «раздел, который касается утечки выжившей кибертехники» была упрощена: «раздел об утечке выжившей кибертехники».

Иногда правка призвана была эмоционально усилить реплику или описание. Сначала солнце планеты Малыша упоминается как «скупое лиловое светило», затем появляется «хилое лиловое светило». После наказания Майки Вандерхузе ел салат сначала «со скорбным выражением на верблюжьей физиономии», затем — «с постным видом». После заявления Стася, что не нужно было торопиться с пресмыкающимися, Вадик сначала «оскорбился», затем всего лишь возразил: «А кто с ними торопится?» Замечание Вадика «Слишком здесь жарко» переделано на «Жарища же!», а сравнивая океан с «кошмарно большой» ванной, сначала он называл ее гигантской, затем — невероятной.

Иногда правка нужна была для устранения невнятности в описании происходящего. О роботах сначала было сказано: «Джек и Рекс усердно работали, и Том уже пошел опять, но в первые секунды как-то странно...» Далее «уже пошел опять» заменено на «тоже двинулся».

В рассказе Комову о вчерашнем дне Стась не стал упоминать «о неподобающих звуках и прочих собственных эмоциях», позже это заменено на «интимные подробности».

О Комове Стась думал: «Вечно он смотрит поверх всех голов и думает о чем-то своем, дьявольски возвышенном». Позже «смотрит поверх всех голов» исправляется на «высматривает что-то за далекими горизонтами».

Имитация Комовым речи леонидян сначала представлялась так: «...потом вдруг как-то жутко скривил рот и залаял». Окончательный вариант: «плотно прижал пальцем верхнюю губу и вдруг приглушенно залаял».

Авторы пытались точнее описать и внешний вид Малыша. Первоначальный вариант одной из фраз: «Рыжеватые свалявшиеся волосы беспорядочными космами спадали на лоб и на плечи, торчали в разные стороны, мощным хохлом поднимались на макушке». Далее «мощным» изменяется на «лихим», а «поднимались» на «вздымались».

Все эти и многие иные правки вносились в черновую машинопись, судя по всему, в октябрь-ноябре 1970 года, тогда же был подготовлен и первый чистовик. На эту работу ушло десять дней, а затем Авторы вернулись к «Граду обреченному».

БНС оценил в «Комментариях» ход работы над «Малышом» так: «Писался он, впрочем, бойко, в хорошем темпе, без каких-либо новых задержек и перебоев, — энергично, гладко, но как-то невесело. <...> Нам нравился Малыш, у нас хорошо получился Вандерхузе с его бакенбардами и верблюжьим взглядом вдоль и поверх собственного носа, да и Комов был там на месте, не говоря уж о любимом нашем Горбовском, которого мы здесь с удовольствием воскресили из мертвых раз и впрямь навсегда. И тем не менее мысль о том, что мы пишем повесть, которую можно было бы и не писать — сегодня, здесь и сейчас, — попортила нам немало крови, и, я помню это совершенно отчетливо, окончив чистовик в начале ноября 1970-го, мы чувствовали себя совершенно неудовлетворенными и почему-то — дьявольски уставшими».

Первая чистовая рукопись «Малыша», завершенная 6 ноября 1970 года, сохранилась почти полностью (нет лишь трех страниц), а более поздняя перепечатка с нее — без всяких изъятий. Разница между этими вариантами минимальна (устранение опечаток, мелкая правка пунктуации, изменение порядка отдельных слов и пр.), практически это один и тот же текст.

Беловая рукопись очень важна для дальнейшего рассмотрения текстологии «Малыша», ибо позволяет увидеть, каким видели результат своей работы сами Авторы еще до каких бы то ни было изменений в печатных изданиях, сделанных по самым разным причинам (включая чисто вкусовые, технические или вообще случайные). Та же рукопись использовалась и для восстановления авторской версии повести в новейших ее изданиях, так что серьезных разночтений между чистовым вариантом и окончательной версией осталось не очень много, хотя они все-таки есть и далее будут рассмотрены подробнее.

После завершения повести пришла пора озаботиться ее публикацией, и в ноябре 1970 года Авторы начинают предлагать рукопись различным редакциям. Если с ленинградской «Авророй» вопрос уже был более или менее ясен (договор подписывался еще в мае), то с выходом книги в московских издательствах определенности не было никакой. В «Детской литературе», для которой повесть была вполне «профильной», все еще не вышел «Обитаемый остров», так что публикация в «Мире приключений» могла бы состояться не раньше 1972 года. (АНС писал брату 29 ноября: «Сейчас давать нельзя, ибо начальство с радостью ухватится и за счет Малыша покроет все расходы по ОО».) Во включении повести в коллективный «молодогвардейский» сборник было отказано под надуманными предлогами, а истинная причина названа в письме АНС от 16 апреля 1971 года: «...на каких-то верхах дирекции предложили до поры до времени со Стругацкими дела не иметь никакого».

Впрочем, было еще ленинградское отделение «Детской литературы», где дела складывались благоприятно. БНС 21 апреля 1971 года писал брату: «Звонил Брандис, со слов завредакцией Лендетгиза Плюсниной сообщил следующее. Она отнесла М директору, директор прочел и сказал, что вещь хорошая, но мало социально заострена. Плюснина заметила ему, что вещь идет в сборник для детей и в сборнике будут самые разнообразные по заостренности

произведения. Директор не возражал». Выход сборника предполагался в 1972 году, а фактически он вышел — под названием «Талисман» — годом позже.

К весне 1971 года относится и запечатленная в переписке Авторов курьезная история про то, как некий фотограф «Невы» случайно прочитал рукопись и предлагал БНС, используя свои многочисленные знакомства, напечатать ее, например, в «Лениздате» отдельной книгой с его собственными фотоиллюстрациями. Разумеется, из этой затеи ничего не вышло.

Начало журнальной публикации несколько раз переносилось, в том числе из-за скандальной истории с изданием на Западе «Сказки о Тройке». В дневнике БНС 9 мая 1971 года записано: «Я думаю — дело в отсутствии протеста в ЛитГаз: ждут». Но дальше все как-то уладилось, и в июне БНС сообщил соавтору, что после вычитки гранок никаких исправлений в «Авроре» сделано не было.

В общем виде события тех месяцев АНС оценил в дневниковой записи (11.07.71) так: «Что-то хорошее происходит в Ленинграде с «Малышом», ничего хорошего не получается в Москве». Это определение оказалось весьма точным прогнозом и на несколько следующих лет...

Впервые «Малыш» увидел свет в «Авроре» в номерах с 8-го по 11-й за 1971 год. БНС писал брату 3 октября 1971 года: «...и вообще мне сказали, что ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ «АВРОРЫ» номера ее были раскуплены в Ленинграде целиком (номера 8 и 9), так что понятно, почему нас там так вдруг полюбили».

Как это нередко бывает в журналах, рукопись подверглась некоторому сокращению. Правда, в этом случае текст купировался либо самими Авторами, либо достаточно грамотным редактором: все было сделано очень аккуратно, а убранные места практически не содержали чего-то принципиально важного.

Редкий случай относительно крупного сокращения — подробности прогулки Стася с Майкой в поисках Малыша (это абзац, завершающийся фразой «И странно было представить себе, что где-то среди этих прозябших кустов бродит, ступая босыми пятками по заиндевелоу песку, голый человечек»). Но, как будет видно из последующих примеров, делались и более мелкие изъятия — на уровне отдельных предложений или их частей.

После общения Стася с недавно проснувшимся Гансом, который «только мычал и мямлил какую-то несусветицу про дождь и низкое давление», в журнале убрана оценка этого разговора: «Толку от него не получилось никакого».

Сокращен и эпизод, где Стась пытается рассказать Малышу о шахматах: «Он стоял и слушал, глядя в сторону. Я кончил про шахматы и начал про покори. Я судорожно вспоминал все игры, какие знал».

Нет в журнале весьма яркого описания того, как тахорги боятся аварийной лампы-вспышки: «...тормозят задними ногами, останавливая свой неуправляемый разбег...»

Не описывалось состояние Стася после ссоры с Майкой (эпизод после включения аварийной лампы-вспышки): «В голове у меня в горькой и бездонной пустоте кружились, сталкивались и рассыпались невысказанные слова».

В эпилоге убрано перечисление проблем, по которым Стась мог связаться с любыми специалистами, если об этом бы спросил Малыш: «...относительно моделирования П-абстракций, обмена веществ у абиссальных форм жизни, методики построения шахматных этюдов...»

Теперь о том, что было не сокращено, а исправлено. Нередко бывало, что журнальное издание произведения АБС могло, с одной стороны, оказаться не до конца стилистически выправленным, а с другой — давать вслед за рукописью более правильные формы каких-то фраз и слов, которые затем по разным причинам искажались и перепечатывались уже в неверном виде. Как несколько позже будет показано, это в полной мере относится и к «Малышу». Но сначала речь пойдет о тех случаях, когда некое изменение появлялось только в журнале и не присутствовало более нигде. Следует предположить, что совсем уж без редакторского вмешательства в текст дело все-таки не обошлось, при этом обоснованность многих правок, мягко говоря, неочевидна.

Вот несколько примеров. Отношение Стася к биороботам своеобразно: он порой думает о киберках скорее как о живых существах, а не как о машинах. Поэтому присутствующее в журнальном издании «я проверил у Тома рефлексы» не столь удачно, как «я проверил Тому рефлексы».

Присутствующее в журнальном варианте замечание Комова «...проблема, затронутая сейчас Яковом...» сформулировано хуже, чем «...проблема, затронутая вами, Яков...», ибо Вандерхузе находится тут же, за столом, а Комов обычно высказывает свои мысли ясно. И точно так же в рассказе Комова о том, какие странности он заметил, при упоминании некоего красного пятна в журнале говорилось «шагах в двадцати», хотя для этого персонажа более уместно точное «в двадцати шагах».

Мысль Стася о том, откуда Комов узнал об отклонениях в его психике, в журнале возникает просто «одна» («меня неотступно грызла одна мысль»), хотя в рукописи она «одна терзающая» (видимо, сочетание «терзающей» с «грызла» редактор счел плеоназмом).

Споря об аборигенах и вообще негуманоидах, Вандерхузе в журнале говорил: «Рано или поздно мы начнем переносить понятие счастья на негуманоидов», однако в рукописи и в прочих изданиях вместо «переносить» используется слово «обобщать». Похоже, не совсем стандартный оборот «обобщать на негуманоидов» редактору не понравился...

В размышлениях Стася об особенностях мышления Малыша («...та часть мозга, которая ведаёт речью, задействована у него великолепно...») слово «задействована» зачем-то было заменено на «действует».

Инфракрасная картина внутри пещеры описывалась в журнале так: «...словно срез живой ткани под расфокусированным микроскопом...», хотя до и после этого Авторы называли ткань не «живой», а «животной», что в данном случае куда точнее.

В абсолютном большинстве случаев такого рода «эсклюзивные» исправления были в следующих изданиях проигнорированы. Есть, впрочем, и по меньшей мере одно исключение. Подземное путешествие Малыша в журнале описывалось так (выделенное позже было убрано): «Малыш шел через это, будто на самом деле ничего этого не было, шел, вытянув перед собой светящиеся руки с растопыренными пальцами, И ПАЛЬЦЫ ЕГО ВИБРИРОВАЛИ И СОДРОГАЛИСЬ В СЛОЖНОМ И ОЧЕВИДНОМ РИТМЕ, а вокруг — булькало, хрипело, журчало, звонко тикало». В рукописи фрагмент выглядел почти так же, но речь шла о «явственном ритме». В сборнике «Талисман» и далее фрагмент сокращался, а при подготовке собрания АБС в издательстве «Сталкер» — восстанавливался именно по тексту «Авроры», а не по беловику (при том, что понятия «явственный» и «очевидный» несколько отличаются по смыслу, и о том, какое из них здесь уместнее, могут быть разные мнения).

Достаточно интересно обстояло дело с бакенбардами Вандерхузе. По современным нормам в единственном числе пишется «бакенбарда», а вариант «бакенбард» (прямая калька с немецкого) считается устаревшим, как и использование точно такого же варианта для родительного падежа множественного числа (вместо «бакенбардов»). Однако Авторы предпочли более старое написание, полагая, видимо, что в XXII веке совершенно архаичными будут сами бакенбарды. В окончательном тексте, правда, это слово в подобной форме появляется редко: это «расстроено рванул себя за бакенбард», «лаская левый бакенбард», «согнутым пальцем взбил свои бакенбарды — сначала левый, а затем правый» (здесь мужской род обозначен косвенно) и, разумеется, «сладостная тайна бакенбард» в эпилоге. (В черновике для множественного числа, помимо «бакенбард», использовалось и «бакенбардов», но последний вариант в чистовике был заменен на «бакенов»). А вот в журнальном варианте (и более нигде!) написание слова в единственном числе было приведено к современному («рванул себя за бакенбарду» и так далее), при этом множественная форма «бакенбард» осталась: и на нее даже было зачем-то заменено слово «бакенов». Впрочем, эту неперемнную деталь облика Якова редакторы не оставляли вниманием и позже. К примеру, в книжных изданиях — вплоть до достаточно новых — сообщалось, что «Вандерхузе расстроено рванул себя за бакенбарды». (Представить себе, как Вандерхузе одной рукой дергает себя за бакенбарду, легко, а вот за обе сразу двумя руками — уже посложнее...)

Следом за выходом повести в журнале должна была, казалось, в разумные сроки наступить и пора ее книжного издания. Но в Москве в этом направлении не удавалось сделать ничего. После публикации в «Авроре» и передачи рукописи для ленинградского коллективного сборника фантастики «Талисман» вопрос о появлении повести в «Мире приключений» был практически закрыт. Но был еще один проект, начатый осенью 1970 года, когда Авторы предложили издательству «Молодая гвардия» заявку на сборник «Незначенные встречи». Он объединялся условной темой контакта с инопланетным разумом и включал, помимо «Малыша», также «Дело об убийстве» и еще не написанный в ту пору «Пикник на обочине». Однако редакционное начальство год за годом проявляло воистину чудеса изворотливости, стремясь всеми правдами и неправдами склониться от договорных отношений со Стругацкими.

Авторы считали принципиально важным добиваться выхода своего сборника именно во «взрослом» издательстве, но рассматривали и другие варианты издания новых повестей (правда, с той оговоркой, чтобы это не помешало появлению книги в «Молодой гвардии»). 6 мая 1972 года БНС сообщает брату: «Отнес в Лендетгиз заявку на ПХХИВ и М. Приняли благосклонно, но сказали, что это только на 74-й. И то ничего. С М в общем сборнике пока, вроде бы, все благополучно».

В переписке АБС говорилось, что повестям, предложенным для «Незначенных встреч», пошла бы на пользу некоторая дополнительная правка, но заниматься этим без подписанного договора и ясно сформулированных редакционных претензий не хотелось. В мае 1973 года конкретные замечания по сборнику были наконец получены, и если по ДОУ и ПНО немалая часть претензий и рекомендаций была учтена, то замечания, высказанные по «Малышу», Авторы сочли безосновательными. В ответном письме от 17 мая 1973 года заведующему редакцией фантастики С. Жемайтису говорилось, в частности: «Повесть «Малыш» к настоящему времени издана уже

дважды — один раз в журнале «Аврора», второй раз в сборнике Лендетгиза «Талисман». Оба эти издания стереотипны и полностью повторяют авторский текст повести. В этих условиях авторам представляется нецелесообразным делать в тексте какие бы то ни было исправления, тем более что подавляющее большинство редакционных замечаний имеют, по мнению авторов, чисто вкусовой характер.

Из каких соображений надо было упомянуть о стереотипности текста «Малыша», понятно. Тем не менее, как уже было показано, некоторая разница между журнальным вариантом и авторской рукописью есть, да и текст в «Талисмане» имел свои характерные особенности. Сборник вышел в апреле 1973 года, так что правка для него делалась, очевидно, в 1972 году. Можно предположить, что немалая часть рассмотренных далее изменений объясняется причинами рутинными и сугубо техническими — необходимостью точной подгонки текста под макет сборника. Тем не менее, многие сделанные тогда поправки сохранялись при дальнейших перепечатках «Малыша» — и достаточно долго.

Рассмотрение особенностей этого и следующих изданий начнем с тех изменений, которые при последующем восстановлении текста повести были отвергнуты.

К примеру, в самом начале повести, перед отлетом глайдера, после короткого разговора Стася с Майей и Вандерхузе «Майка молча пошла к глайдеру». Строчкой ниже Комов «тоже пошел к глайдеру». Так это выглядело в рукописи и в «Авроре», но в последующих книжных текстах Майка не «пошла», а «подошла», что создает некую противоречивую картину (до этого к Стасю и Майке как раз подходили Вандерхузе и Комов). Странно выглядит теперь и употребление слова «тоже» применительно к Комову. В новейших изданиях здесь, как и в следующих примерах, правильное написание восстановлено (в основном это делалось при подготовке текста для издательства «Сталкер», хотя некоторые правки вносились и раньше, и позже).

Чуть дальше в той же главе было описание: «Бесшумно трудились киберы. Бесшумно стыл океан. Бесшумно слепило лиловое солнце». Вторая фраза этой триады в «Талисмане» и последующих изданиях отсутствует, восстановить ее удалось только в 2009 году.

Движения Малыша, когда ему предложили еду, в журнале и рукописи описывались точнее: «Тогда Малыш вдруг упал на колени, протянул вперед руки и открыл рот» (слово «вперед» потом убиралось).

В сцене, когда Комов уходит на контакт, Стась описывает свое состояние так: «Проснулся я от мягкого и неприятного толчка в сердце. Что-то произошло. Что-то тревожное». Последняя фраза в книгах долго отсутствовала.

После диалога Попова и Вандерхузе («Пост УАС! — гаркнул Вандерхузе. — Есть пост УАС! — отозвался я. — Готовность! — Есть готовность! — По-моему, это у нас очень лихо получилось») первоначально шло дополнение: «Как в кино».

Из размышлений Стася, прослушавшего доклад Комова о галактическом человечестве, в книжных изданиях исчезло просторечное «там»: «По-моему, люди в космосе совсем не становятся какими-то там галактическими».

Присутствовало в рукописи и в журнале, но по непонятным причинам убиралось в книгах слово «круговое» при характеристике наблюдения («непрерывное круговое наблюдение»).

При обсуждении перспектив контакта с Малышом первоначально было не просто «впервые в истории становился возможным контакт с негуманоидами», а «уверенный контакт», что принципиально меняет смысл. (В повести несколько раз упоминаются предыдущие попытки общения с негуманоидами, но высказываются сомнения, можно ли это безоговорочно считать контактом.)

Более детально в чистовике и в журнале описывалась мимика Малыша: «...здесь сквозь фейерверк КРОШЕЧНЫХ движений проглядывал какой-то определенный ритм, какой-то осмысленный порядок, это не была болезненная конвульсивная дрожь МУСКУЛОВ, агония, паника». Выделенные слова затем убраны, впоследствии слово «крошечных» восстановлено, а «мускулов» — нет.

В разговоре с Комовым Горбовский предполагает, что бы земляне сделали на месте Странников, обнаружив планету с замкнутой цивилизацией, и говорит: «Мы бы поставили здесь какой-нибудь предупреждающий знак и убрались бы восвояси». В книгах из-за отсутствия слова «предупреждающий» реплика стала менее точной.

В радиোগрамме Комов сначала сообщает на базу не просто «координаты предполагаемых стойбищ», но указывал и их количество: «...координаты трех предполагаемых стойбищ».

Описывая фантом у себя в каюте, Стась более детально фиксировал происходящее (выделенное было в сборнике убрано): «...я протянул к нему руку, и рука моя прошла сквозь него, как сквозь воздух, а он заколыхался, начал таять и ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО СЕКУНД исчез без следа».

В рассказе Малыша о попытках контакта перед фразой «Я входил к одному и разговаривал ночью» (о «видениях» Стася) до версии «Талисмана» еще было: «Я входил к одному и разговаривал днем» (вероятно, имеются в виду «слуховые галлюцинации» Стася).

И в конце повести, когда Стась бежит по коридору наружу, увидев Малыша, было интересное дополнение в описании: «Все было белое и искрилось в свете сполохов. Но у самого люка, у меня под ногами, чернел какой-то круглый предмет. Я попятился. Черт знает, какая дикость представилась мне на мгновение. Я даже не сразу заставил себя нагнуться». Фраза «Я попятился» из книжных изданий была убрана.

А вот уже не сокращения, а особенности написания имен и терминов. С некоторыми иностранными именами редакторы произведений АБС часто не могли определиться: склонять или не склонять? Мало того что наблюдается разницей в разных изданиях (где-то редактор решил на правку, где-то — нет), но еще и сами Авторы, вводя определенного персонажа в разные произведения, где-то склоняли одно и то же имя, а где-то нет. Совершенно верный вопрос был задан В. Дьяконовым, когда в «Сталкере» готовилась исправленная версия собрания сочинений: «Интересно, почему фамилии Мбога, Ломба и Комацувара (или Канаяма из «Стажеров») склоняются, а Окада, Хасэгава и Васэда — нет?» С Мбогой в разных изданиях «Малыша» картина следующая: в журнальном издании фамилия склоняется, в последующих книжных изданиях до первого собрания сочинений — не склоняется, далее — опять склоняется.

Некоторые появившиеся в «Талисмани» изменения были на самом деле просто неверны по смыслу. Это, например, замена «кибертехнического оборудования» на «кибернетическое» в сцене, где составляется заключение об осмотре погибшего корабля. Точно так же в другом месте Майка стала говорить: «...иди в рубку и целуйся со своим Комовым. А заодно со своим Томом и прочей своей кибернетикой». А вот ошибка, появившаяся в шифрограмме: «СОСТОЯНИЕ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА, ОПИСАННОГО В ВАШЕМ ЭКСПЕРТНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ» (правильное слово здесь, конечно, «описанное»).

Вместе с тем в вариант «Талисмана» по сравнению с чистовой рукописью (а также, как правило, с текстом «Авроры») вносились изменения, которые остались и в восстановленной версии «Малыша». Вот несколько примеров.

В рукописи о дохлой рыбе, которую Комов обнаружил на холме, уточняется, что не просто дохлая рыба, а «дохлая пантианская рыба» (этим подчеркивалось отсутствие рыб в океане именно планеты Ковчег, но читатель вполне в силах догадаться об этом и сам).

На слова Горбовского «Геннадий, не только я думаю, что контакта не будет» следовал вопрос Комова «Кто же еще?» В рукописи это было сказано «с легкой усмешкой», а в книжных изданиях — «с легкой иронией». (Здесь дело в том, что в этой сцене Стась смотрит на обзорный экран, так что может уловить интонацию собеседников, но не выражение их лиц.) В той же главе было убрано избыточное слово «появилось» в реплике Комова: «А представляете, сколько у него теперь появилось новых вопросов?»

Медкомиссия, о которой думает Стась во время своих «галлюцинаций», была заменена на просто комиссию. («Целая комиссия тебя ждет, а ты разлежся».)

После первого услышанного плача в пустом корабле Стась в рукописи «прошелся взад и вперед вдоль пульта». В книжных изданиях описание действия упрощается: «...прошелся перед пультом». А вместо «в отсеке систем обеспечения безопасности» стало «в отсеке обеспечения безопасности» (цепочка слов в родительном падеже была чрезмерно длинной).

А вот ошибка, которая просуществовала по сравнению с прочими относительно недолго и была исправлена уже в издании 1985 года. Она вызвана разночтениями в самом источнике цитируемой Стасем фразы из «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя: «А вы знаете, что у алжирского дея под самым носом шишка?» В первых трех книжных изданиях «Малыша» было не «дея», а «бея», да и в рукописи, кстати, было напечатано сначала «бея», а затем уже исправлено на «дея». Более того, описан случай, когда сам БНС, обнаружив в одном из позднейших изданий «дея», воспринял это как редакторскую или корректорскую ошибку! Правда, недоразумение быстро разъяснилось: в части дореволюционных и советских публикаций Гоголя правильное слово «дей» (титул алжирского правителя, сохранявшийся до первой трети XIX века) в самом деле произвольно заменялось привычным, но совершенно неуместным в данном контексте «беем».

Договор на авторский сборник «Незначенные встречи» был подписан только в октябре 1974 года. «Малыш» по-прежнему числился в составе сборника, но из-за многолетних проволочек книга теперь заведомо могла выйти лишь после ленинградского сборника, содержащего также «Полдень, XXII век». Разумеется, издательские работники были об этом факте извещены, но впоследствии, в 1977 году, со стороны «Молодой гвардии» предпринималась попытка использовать факт издания «Малыша» в Ленинграде в 1975 году как формальный повод для «юридической войны» против Авторы и как главный аргумент для расторжения договора на сборник. Далее потребовалось немало усилий для того, чтобы вернуть издательский процесс хоть в какие-то разумные рамки...

Впрочем, это было потом, а к началу лета 1975 года авторский сборник АБС, состоящий из ПХХIIB и «Малыша», благополучно вышел в ленинградском отделении «Детской литературы». Текст «Малыша» в целом повторял версию «Талисмана» (включая прежние сокращения и, увы,

ошибки), и даже набор иллюстраций был лишь немного дополнен. Интересных разночтений с предыдущими изданиями в этой книге мало. Например, в журнале и книжном издании 1973 года после размышлений Стася Попова, надо ли сообщать руководству о возникших у него слуховых галлюцинациях, и решения («Так что, пожалуй, все-таки отложим»), шло усиливающее добавление: «Да. Отложим...», а чуть дальше Стась характеризовал Комова не просто как нового соратника самого Горбовского, а как нового соперника и нового соратника. В этих же изданиях еще сохранялась фраза, уточняющая расположение всей команды перед первым посещением Малыша: «Мы с Комовым уселись за стол напротив двери, Вандерхузе втиснулся за панель диагностера...» А когда Стась пытался заинтересовать Малыша шахматами, он не только говорил: «Это величайшая игра!», но и добавлял: «Ей тысяча лет!..» В издании 1975 года перечисленных фрагментов нет, без них повесть неоднократно перепечатывалась и далее.

Сборник «Незначенные встречи» вышел только в 1980 году, причем одна повесть из первоначально запланированных («Дело об убийстве») была отвергнута редакцией еще в 1974 году, а в другой («Пикник на обочине») слишком явно видны следы продиктованных редакторской фантазией правок, в том числе откровенно абсурдных. «Малыша» издательский произвол коснулся в гораздо меньшей степени, но кое-что обнаруживается и здесь. Поскольку, как известно, «телепатия антинаучна», убирался вопрос Вандерхузе Комову, не индуктор ли он. (В рукописи первоначально присутствовал не «индуктор», а «телепат», но от этого слова решено было избавиться еще в первых публикациях.) Сокращено следующее описание: «Вандерхузе сидел, весь подавшись к экрану, поставив локти на стол...» (Неужто потому, что по правилам поведения за столом это неприлично?) Убрана недостаточно, видимо, «эстетичная» подробность в рассказе Малыша о вопросах: «Они у меня чешутся». И совсем уж непонятно, какая крамола была найдена в словах «Сознание Малыша принадлежит нам. Подсознание — им». К счастью, в следующие издания повести эти «новации» не перешли. Впрочем, кое-что полезное в этом варианте есть: именно здесь исправлены упоминавшиеся ранее ошибки в названиях второй и пятой глав.

С начала 80-х годов обсуждался проект нового «детлитовского» издания Стругацких с включением «Малыша», но теперь уже не в Ленинграде, а в Москве. Книга эта вышла в 1985 году в серии «Библиотека приключений и научной фантастики», несколько раз переиздавалась и включала также повести «Путь на Амальтею», «Стажеры» и «Парень из преисподней». Взятый в те годы курс на максимальное «отрезвление» детских книг сказался и на «Малыше», где больше не упоминалась возможность включить в меню экипажа спиртное. Соответственно, исчез фрагмент: «...но на всякий случай ввел в общую часть меню несколько стаканов вина — вдруг кто-нибудь захочет подкрепить свои душевные силы...» Да и в последующих сценах алкоголь был если не убран, то хотя бы замаскирован: «два стаканчика тонизирующего» и иные более или менее нейтральные фрагменты сохранились, а вот в словах о том, что Майка «допила вино и поставила стакан на стол» никакого «вина», разумеется, не осталось. В таком виде эти фрагменты попали и в более поздние издания, включая шестой том собрания сочинений издательства «Текст» (1993).

Но были в этой книге и не столь анекдотические изменения. Так, во фразе «Фантастическое это было зрелище: привычные стены кают-компании, ванильный запах от пирожных, все такое домашнее, обычное — только странный лиловатый свет и в этом свете на полу гибкое, плавное и стремительное маленькое чудище» последнее слово появилось именно в сборнике «Стажеры». В рукописях и в предыдущих публикациях здесь было «чудовище», и такая замена, сохранившаяся и в более поздних изданиях, выглядит, пожалуй, удачной.

С первой половины 90-х годов повесть издавалась достаточно часто — и в собраниях сочинений, и во всякого рода тематических авторских сборниках, и в виде отдельной книги. Всяческих издательских проектов, как-то связанных с «Малышом», было много — и состоявшихся, и нереализованных. Привлекала повесть внимание и зарубежных издателей (правда, название нередко при этом изменялось из коммерческих соображений на более завлекательное: «Планета для пантиан», «Третья цивилизация», «Конец операции “Ковчег”»). Везло также «Малышу» со всякими инсценировками и экранизациями: можно вспомнить, например, пьесу Д. Даниловой «Айсберг Тауматы» и чешскую экранизацию 1994 года под названием «Незначенные встречи».

Да и сами Авторы в своих рабочих записях порой возвращались к этому произведению и размышляли о том, как еще можно было бы реализовать связанные с этим сюжетом возможности.

В комментариях БНС вспоминал: «В начале 72-го мы даже подумывали, не написать ли нам продолжение: «Малыш рассказывает» — операция «Ковчег» глазами Малыша». И действительно, в записях БНС между встречами Авторов идея гипотетического продолжения была отмечена, хотя какого-либо развития не получила.

А вот что записывал, например, АНС 21 июля 1979 года.

Фильм «Малышка»

Маугли — девушка. 15 лет. Влюбляется в Стаса.

Майка ревнует. Из ревности — что? Убивает доверие девочки.
 Планета. Корабль исследователей. Холод. Айсберг. Пустыня. Связь — корабль на орбите. Наш корабль — десантный бот. Исследователь, разведчик.

Тишина, пустота.

Сценарий можно сделать железно.

2 серии?

Действ<ующие> лица:

1. Комов.
2. Вандерхузе.
3. Майка.
4. Стас.
5. Малышка.

Комов-Вандерхузе — одно лицо? Нет!

Песня Малышки — не ее, ее родителей.

Лейтмотив фильма. Самое сложное — сыграть НЕ-Человека и в то же время Человека.

Какая-нибудь бл<...>шка из гимнасток?

Стас жертвует своей любовью к Майке, чтобы дать жизнь Малышке. Спрыгивает с возносящегося корабля, остается с Малышкой на пустой планете.

Комов пытается использовать чувство Малышки к Стасу: протест.

Комов (грубо, морщась): Когда я вас вижу, мне всегда хочется крикнуть: «Сладко!» (Горько.)

Она снимает с себя оболочку. Земляне в ужасе.

— А разве вы не такие?

И Стас остается.

Интересна и дневниковая запись АНС от 27 марта 1984 года: «Вот в чем дело с «Малышом». Для детей это, конечно, приемлемо, но если серьезно писать: Майка влюблена в Комова, Стась в Майку, Комов не обращает внимания на Майку, она физиологически не выдерживает, отдается Стасу... и т. д. Не было бы вопросов, почему у нас не получаются женщины!».

Сделанные когда-то изменения и сокращения, абсолютное большинство которых вовсе не пошло тексту на пользу, долгое время так и продолжали воспроизводиться при переизданиях «Малыша». Попытки исправить положение начали предприниматься с середины 90-х годов, но сначала внимание обращалось лишь на отдельные неточности, да и они устранялись с переменным успехом. Так, в одном из томов серии «Миры братьев Стругацких» (1996) редакторы попытались упорядочить имена Странника, который в «Малыше» упоминается как Карл-Людвиг, а в «Обитаемом острове» и следующих частях трилогии — как Рудольф Сикорски. (Кстати, почему исправление не было сделано хотя бы в беловике «Малыша», готовившемся явно после замены имен в ОО, не совсем понятно.) Но правка была выполнена столь небрежно, что возникла неувязка уже внутри текста «Малыша», причем в пределах одного абзаца. Первое вхождение «Карла-Людвига» было исправлено, второе же (всего парой строк ниже!) странным образом сохранено. В результате получилось следующее: «Потом поговорили о здоровье доктора Мбога, перескочили внезапно на умиротворение какой-то островной империи и о роли в этом умиротворении некоего РУДОЛЬФА, которого они почему-то тоже называли Странником; плавно и как-то неуловимо перешли от КАРЛА-ЛЮДВИГА к вопросу о пределах компетенции Совета Галактической Безопасности...» Но в этом издании были и вполне удачные правки. Например, и в рукописи, и во всех последующих изданиях Стась, узнав о погибшем корабле, спрашивал: «Сколько убитых?», и лишь начиная с «Миров» появилось более точное «Сколько жертв?».

Систематическое и тщательное восстановление текста «Малыша» делалось при подготовке собрания сочинений издательства «Сталкер» (2001). К этому времени для уточнения тех или иных спорных мест уже можно было привлечь не только публикации разных лет, но и авторские беловые рукописи. Именно тогда было устранено немало поправок и пропусков, характерных для предыдущих книжных изданий, хотя работа эта продолжалась и при подготовке исправленного издания того же собрания (2004), и еще позже, вплоть до настоящего времени.

Вот пример исправления, которое было внесено в текст буквально только что. Мысли Стася после ссоры с Майкой первоначально выглядели так: «Кончится вся эта кутерьма, немедленно

подаю заявление в проект «Ковчег-2»... Я стал рисовать сладостные картины, как я работаю в проекте «Ковчег-2» — с Вадиком, с Таней, с головастой Нинон, в конце концов. Как зверь буду работать, без болтовни, ни на что не отвлекаясь. Никаких контактов!..» Однако в «Талисмане» часть фрагмента исчезла, и получилась не вполне логичная связка: «Кончится вся эта кутерьма, немедленно подаю заявление в проект «Ковчег-2» — с Вадиком, с Таней, с головастой Нинон, в конце концов». Причиной этого могла стать просто случайно пропущенная то ли в машинописи, то ли в верстке строка. Размышления Стася в свое время предлагалось восстановить в исходном виде, но БНС это изменение не подтвердил. Уточнить его мнение, к сожалению, уже нельзя, но вероятность технической ошибки очень велика, в полном виде текст выглядит явно лучше, поэтому в данном Собрании эпизод возвращен решением редколлегии в «докнижное» состояние.

Для приведения текстов к «каноническому» виду требуется порой не только восстановить ранее измененное или убранный, но и внести какие-то новые поправки, в том числе упорядочить написание определенных слов и словосочетаний. Частично это было сделано в «Малыше» для собрания сочинений «Сталкера», частично — уже в последующие годы. Например, первая буква некоторых слов из заглавной стала строчной (Космос — космос, Проект «Ковчег» — проект «Ковчег») — и наоборот. Некоторые связки дефисами заменены отдельным или слитным написанием слов («биологически активной», «бортжурнал»). Были уточнены и отдельные фантастические термины (например, вместо Информария появился Информаторий).

Но не все попытки унификации оказались одинаково удачными: появившиеся в издании «Сталкера» изменения летоисчисления немалая часть читателей оценила весьма нелестно.

Здесь потребуются некоторые пояснения. На очередной вопрос по поводу внутренней хронологии Мира Полудня БНС отвечал в офлайн-интервью (13.07.2007): «Никакой РЕАЛЬНОЙ хронологии авторами не предусматривалось. Каждая новая повесть писалась как совершенно самостоятельное произведение. В лучшем случае учитывалась самая общая последовательность событий, — что происходит ДО, что ПОСЛЕ. Насколько именно до или после, рассчитывалось крайне редко. Поэтому существует несколько хронологий (первую составил Михаил Шавшин, а была еще хронология Вадима Казакова). Все они по-своему интересны и остроумны, но ни одна из них в принципе не является точной — ибо «точной хронологии» никогда не было (даже в авторском воображении)». Тем не менее, содержащаяся в книгах АБС информация позволяет при хорошем знании текста более или менее точно определить время, когда происходит то или иное событие. Список исследователей хронологии книг АБС, конечно, не исчерпывается названными именами: в разные годы этим занимались также С. Лифанов, М. Назаренко, С. Переслегин, Е. Шкабарня-Богославский, Л. Филиппов...

В Мире Полудня есть несколько вариантов летосчисления — и очевидные, и довольно экзотические. БНС в офлайн-интервью (11.09.2006) объяснял всяческие эксперименты с отсчетом времени так: «Авторы, описывая «свое» будущее, старательно искали какие-то черточки, детали, кирпичики, отличающие это будущее от их настоящего». В ранних произведениях необычной деталью мог стать, например, счет на декады, позже придумывались другие приемы. Один из них — датировка событий от Октябрьской революции, то есть от 1917 года. Она использовалась, помимо «Малыша», в «Экспедиции в преисподнюю» АНС, содержавшей явную аллюзию на начало «Белой гвардии» М. Булгакова: «Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 15 июля 2222 года н. э., от начала же Великой Революции 305-го». Впрочем, при чтении «Малыша» об этом методе можно догадаться и без Булгакова: летосчисление от Октябрьской революции даже много лет приводилось, наряду с официальным, в советских календарях, причем началом года точно так же считалось 1 января.

Связанные с предысторией Малыша ретроспективные авторские даты (их всего четыре), записаны либо двумя цифрами («20-й год»), либо тремя («231-й год», «233-й год» «234-й год»). В общепринятой форме это означает, например, что сын Семеновых родился в 2150 году (к 233-му году прибавим 1917), а звездолет их погиб в 2151 году (указанном как 234-й). Сама же операция «Ковчег» происходит, по мнению практически всех «хронологистов», в 2161 году (на это указывает множество «мостиков» между «Малышом» и другими произведениями цикла). Картина получается непротиворечивой: например, вытекающий из указанных датировок возраст Малыша и Майки вполне соответствует текстам и этой, и других повестей.

Разумеется, массовый читатель может не придавать всему этому никакого значения, но заинтересованному исследователю, казалось бы, несложно понять, что к чему. Оказалось, что это не совсем так. Например, датой рождения Малыша у Л. Филиппова указывался 2148 год, а у С. Переслегина — даже 2146, то есть на момент основных событий мальчику должно быть куда больше 11–12 лет. Неверным пониманием используемой в «Малыше» датировки объяснялось и предложение «дату 2134 г. в романе считать ошибочной» (С. Переслегин), хотя такой даты нет — ею подменялся поясненный выше 234-й год.

Строго говоря, всякий исследователь имеет право на любые допущения, пока они остаются в пределах его работ и не используются для подгонки исследуемого текста под некую заданную концепцию. Между тем Л. Филиппов, активно участвовавший в подготовке собрания сочинений

«Сталкера», с согласия БНС перевел все упоминаемые в повести даты в «классический» формат, следуя то ли собственным расчетам, то ли материалам С. Переслегина. При этом оказалось, например, что Малыш родился в «сто сорок седьмом году», а «Пилигрим» погиб в «сто сорок восьмом», то есть эти события сдвинулись на два-три года вперед против приведенной выше авторской датировки, что привело к разного рода нестыковкам. Мнения читателей (в том числе и других специалистов по хронологии Мира Полудня) были, мягко говоря, недоуменными, но не раз высказывалась надежда, что эти поправки когда-нибудь удастся отменить.

Редколлегия данного Собрания учла все сказанное выше и приняла решение вернуть даты в «Малыше» к тому состоянию, которое было в рукописях и во всех без исключения изданиях, предшествовавших многотомнику «Сталкера».

Отдельные фрагменты повести восстанавливались не по белой рукописи, а по черновику. Например, реакция Стася на поведение столпившихся у люка киберов («Это было невозможно, это было неприлично, это было страшно») в чистовике и в последующих изданиях печаталась без средней части «триптиха». А несколько раньше в той же главе черновика Попов думал: «Может быть, и ящерицы как-нибудь приживутся, а наш айсберг засидят какие-нибудь птички...» Все, что касается птичек, до 2009 года в тексте отсутствовало.

Из черновика брался для «Сталкера» и следующий вариант текста: «...а Комов с ледяным спокойствием сообщает по радио, что двигатель глайдера, насколько он понимает, съеден маленькими насекомыми вроде муравьев и что муравьи эти в настоящий момент пробуют на зуб его скафандр...» Однако об уместности слов «насколько он понимает» возникли разные мнения, так что вставка через несколько лет по согласованию с БНС вновь была удалена.

Кроме того, в современных изданиях (включая и нынешнее Собрание) была проделана обширная грамматическая и пунктуационная правка — с учетом особенностей рукописных версий и изменений в нормах русского языка. Так что есть основания считать предлагаемый читателям вариант текста «Малыша» самым верным и точным из всех существующих.

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий «Так держать, ребята!»

Комсомолец Татарии (Казань). — 1970. — 1 янв. — Интервью С. Шнегас.

— *Чем для Вас был знаменателен 1969 год?*

На этот традиционный вопрос Аркадий Стругацкий ответил:

— Завершился наш первый опыт в жанре фантастического детектива. Мы написали повесть «Дело об убийстве». В 1970 году она будет опубликована в журнале «Юность».

— *Что она из себя представляет?*

— Ну зачем же рассказывать о книге, если ее можно просто прочесть? Мы постараемся прислать ее вам в самые ближайшие дни, чтобы читатели «Комсомольца Татарии» могли первыми с нею познакомиться. Это будет нашим новогодним подарком газете.

А пока мы, много читавшие и слышавшие о трудовых делах молодежи Татарии, желаем вам: «Так держать, ребята!»

С. Шнегас. (Наш спец. корр.)

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Давайте думать о будущем

Литературная газета (М). — 1970. — 4 февр.

Как известно, сколько-нибудь общепризнанной теории фантастической литературы пока нет. И поэтому во избежание недоразумений давайте сразу же договоримся о терминах. Мы называем фантастическим всякое художественное произведение, в котором используется специфический художественный прием — вводится элемент необычайного, небывалого и даже вовсе невозможного. Все произведения такого рода могут быть развернуты в весьма широкий спектр, на одном конце которого расположатся «80 000 километров под водой», «Грезы о Земле и небе» и «Человек-амфибия» (то, что обычно именуется фантастикой научной), а на другом — «Человек, который мог творить чудеса», «Мастер и Маргарита» и «Превращение» (то, что мы склонны именовать фантастикой реалистической, как ни странно это звучит).

Научная фантастика, по сути, очень молода, она — порождение научного прогресса и технических революций, и она от рождения посвятила себя науке и технике — борьбе Человека с Природой. Фантастика же реалистическая стара, как сама литература, она восходит к Гомеру и Апулею, и она вместе со всей литературой решает проблему Человека в его отношениях к себе подобным, к обществу.

Различно происхождение этих двух разновидностей фантастики, различна, по-видимому, и их судьба в грядущих веках. Нам кажется, что реалистическая фантастика пребудет вовеки, как она пребывала и в прошлом. Ее судьба — это судьба литературы вообще. Можно даже предположить, что ее роль и удельный вес в общем потоке литературы будут возрастать вместе с возрастанием сложности нашего мира. Что же касается научной фантастики, то ее развитие целиком зависит от прогресса науки и техники, от общественного реноме естественных наук. Так что когда и если (как предполагают некоторые специалисты по науковедению) развитие естественных наук

достигнет стадии насыщения и интересы общества переместятся в другую область, научная фантастика может захиреть и исчезнуть, как в связи с развитием письменности и усовершенствованием средств коммуникаций исчез эпос. Впрочем, если это и произойдет, то лишь в отдаленном будущем.

Пусть не поймут нас так, будто, подчеркивая различия в генезисе и в дальнейшей судьбе этих разновидностей литературы, мы стремимся воздвигнуть между ними некую стену; напротив, даже в отношении реалистической и научной фантастики к так называемым фактам бытия невозможно усмотреть сколько-нибудь принципиальную разницу. В произведениях реалистической фантастики демоны и ведьмы могут разгуливать по городу, может нарушаться второй закон термодинамики и Иисус может вторично спуститься на грешную землю. Каждому непредубежденному читателю ясно, что это лишь художественные приемы, позволяющие авторам подчеркнуть какую-то мысль или оттенить некоторые черты человека (или общества). Никому и в голову не придет обвинение в нарушении суверенных прав Ее Величества Науки и Его Высочества Здравого Смысла. Что же касается фантастики научной, то своеобразие нынешней ситуации в естествознании заключается как раз в том, что современная наука с невиданным благодушием и терпимостью относится к любой игре научного воображения. Ведь и само развитие науки сделалось ныне возможным только благодаря «достаточно сумасшедшим гипотезам». Ошеломляющий темп этого процесса породил, во-первых, интуитивное ощущение всемогущества науки, абсолютности возможного и относительности невозможного, а во-вторых, выбросил в сферу интеллектуального потребления сырую массу идей, догадок, предположений, которые можно было бы квалифицировать как мифы нового времени, если бы не восторженная подсознательная уверенность, что все это возможно: и мыслящие машины, и небелковая жизнь, и негуманоидный разум, и фотонные звездолеты. Слишком широк сегодня фронт вторжения науки в неизвестное, слишком много сегодня существует гипотез, о которых наука способна сказать только (пожимая плечами): «Это не противоречит фундаментальным законам», — слишком сильна интуитивная убежденность, что невозможное сегодня станет возможным завтра. И странно поэтому слышать об ограничениях, которые якобы ставит перед фантастикой наука — та самая наука, которая всячески поощряет фантазию, которая не способна ни существовать, ни тем более двигаться вперед без самого безудержного фантазирования. Мы даже рискнули бы выдвинуть предположение, что сейчас, как никогда, трудно сформулировать такую гипотезу, о которой современная наука определенно и безоговорочно могла бы сказать: «Нет, это невозможно. Это наверняка неверно»¹.

(Конечно, речь идет только о «сумасшедших» идеях и гипотезах. Существует стройное и величественное здание достоверных фактов и обоснованных теорий, разрушать которые по произволу не рекомендуется никому из научных фантастов, если он не хочет прослыть невеждой и неучем².)

Нам приходилось писать и научную фантастику, и фантастику реалистическую. Может быть, именно поэтому мы бесконечно далеки от мысли как-то противопоставлять эти две разновидности литературы, утверждать превосходство и общественную

¹ В черновике было добавлено: «И нам трудно представить себе даже теоретически, каким образом мало-мальски грамотный научный фантаст может в своем произведении войти в ЯВНОЕ, ЗАВЕДОМОЕ противоречие с современной наукой».

² В черновике было добавлено: «А у нас и за рубежом еще немало писателей, у которых герои, «проникнув в созвездие Андромеды, достигают галактики, постарев всего на двадцать световых лет». Так что можно сказать, что наука действительно ограничивает писателя, но она ограничивает его, так сказать, «снизу», ограничивает область достоверно известного. Но ведь это не ограничение воображения, это ограничение безграмотности». Слева от этих слов рукописная помета: «Фактология без ограничений, но ограничивает и заставляет обращаться именно к этим фактам сама цель, задача, поставленная писателем».

значимость одной разновидности перед другой, настаивать на гипертрофированном развитии одной разновидности за счет другой. С нашей точки зрения, реалистическая фантастика призвана выполнять те же благородные задачи, что и реалистическая литература. Что же касается фантастики научной, то она прежде всего выполняет несколько более специфическую, но нисколько не менее благородную задачу приобщения читателя (особенно молодого) к миру самого современного естествознания, будит воображение, формирует правильное отношение к науке и к научному прогрессу.

Не исключено, что определенная специфика научной фантастики сказывается и на характере творческого процесса. Наш опыт, во всяком случае, как будто подтверждает это предположение. Вообще, каждая новая повесть задумывается, разрабатывается и пишется иначе, чем предыдущая и последующая. Здесь нет единой закономерности, а если и есть, то мы ее не знаем. Между первоначальным замыслом и конечным результатом лежит иногда пропасть до такой степени глубокая, что мы сами удивляемся, откуда что взялось. (Например, «Попытка к бегству» была задумана как юмористическая повестушка из развеселой жизни туристов-кибернетиков XXIII века, а «Улитка на склоне» должна была рассказать о новых приключениях звездолетчика Горбовского на страшной планете Пандора.) Половина наших вещей была написана так: выкристаллизовалась идея, намечались герои, заиграл сюжет, подробно разработан план первых двух-трех глав. И вот, когда уже написаны несколько страниц первого черновика, уже вроде бы пошло дело, вдруг выясняется, что нам скучно. Что писать не хочется. Что мы занимаемся чепухой. Именно в этот момент отчаяния и бессилия, вероятно, и начинается настоящая работа, и из глубин сознания всплывает то, над чем мы подспудно думали последнее время, то, что нас особенно задевало, что мешало жить и помогало жить, то, что и было нашей настоящей жизнью последние годы. И когда, подвигаемые отчаянием и бессилием, мы осознаем все это, как-то сами собой всплывают и новые герои, и новые ситуации, и новая форма, и новый сюжет, и мы уже наперебой рассказываем друг другу, каким должен быть мир, где развернется действие. «Трудно быть богом», «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди» появились не из четкого замысла, хорошо разработанного плана, взяли начало не от изящно придуманной ситуации и не от оригинальной логической модели, а как раз вопреки всему этому. С другой стороны, такие повести, как «Страна багровых туч», «Стажеры», «Полдень, XXII век», почти все наши рассказы, то есть те наши вещи, которые явно относятся к фантастике научной, есть результат последовательной, планомерной, до конца наперед рассчитанной работы. Впрочем, мы бы никогда не рискнули утверждать, что такое различие в творческом процессе характерно для всех писателей, которым приходилось иметь дело с обеими разновидностями фантастики.

Вообще, если говорить о творческом процессе, трудно найти что-либо такое, что было бы характерно для всех писателей сразу. В конце концов, что такое писатель? По происхождению своему он — в идеале — прежде всего высококвалифицированный читатель. Читателя же — в частности, читателя фантастики — интересуют в литературе самые разнообразные предметы. Как показали социологические исследования последних лет, одни ищут в фантастике увлекательный сюжет, оснащенный новейшими научными идеями; другие — парадоксальность мышления, столкновение несопоставимых в обычном смысле понятий и представлений; третьи — фактическую достоверность, точную прогностику, логически безупречный анализ сущего... и так далее. И каждый по-своему прав, и каждому должна быть обеспечена возможность найти искомое¹.

Нас привлекает в фантастике прежде всего то, что в литературе она является идеальным и единственным пока орудием, позволяющим подобраться к одной из важнейших проблем сегодняшнего дня. Такой проблемой является вторжение будущего в

¹ В черновике было добавлено: «И в общем, уже при нынешнем уровне развития фантастики, он эту возможность имеет, потому что современная фантастика достаточно многогранна и обладает, по-видимому, огромными неиспользованными ресурсами. Писатели, как правило, прекрасно сознают это и поступают соответственно».

настоящее, вторжение, обусловленное невиданными темпами социального и технологического прогресса человечества за последние десятилетия¹. Семена, посеянные утром нашей жизни, всходят теперь даже не к нашей старости, не вечером, а в полдень. Столкновение с иными цивилизациями, генетическая революция, Великий Потоп информации — все это стало реальными факторами жизни одного, только одного поколения². Великий скептик Олдос Хаксли писал: «Давайте думать о настоящем. Если мы не будем этого делать, то вскоре не будет и будущего». Нет, давайте думать о будущем — не только воспевать его, не только восторгаться или ужасаться им, не только мечтать о нем или бояться его — давайте думать о нем, изобретать его, готовиться к нему.

---

¹ В черновике было добавлено: «Безвозвратно ушло время, когда будущее казалось чем-то условным, неопределенным, оно перестало маячить за далекими горизонтами, оно придвинулось вплотную и запускает щупальца в самые недра настоящего. Стало невозможно жить и работать ради будущего, а умереть в прошлом».

² В черновике было добавлено: «Ситуация совершенно новая, прежде неизвестная человечеству, не исследованная ни наукой, ни литературой. И поскольку речь идет о литературе, занимается этой проблемой только фантастика».

Из архива

Аркадий Стругацкий Рецензия на повесть Фредерика Пола «Век осторожных»

(*Frederik Pohl, «The Age of the Pussyfoot», 191 стр.*)

Фредерик Пол, издатель двух ведущих американских журналов научной фантастики «Гэлэкси» («Галактика») и «Иф» («Если»), известный автор научно-фантастических произведений, работавший как самостоятельно, так и в соавторстве с Корнблатом и с Уильямсоном, опубликовал рецензируемую повесть в прошлом, 1969 году, переработав ее сокращенный и упрощенный вариант, появившийся на страницах «Гэлэкси» в 1965–66 году. Переработка производилась главным образом за счет включения в сюжет социальных экстраполяций научно-технических достижений последнего пятилетия. По форме повесть представляет собой типичный пример современной утопии — похождения современного человека в гипотетическом обществе будущего, причем, что весьма характерно для Пола, герой не является героем в романтическом смысле этого слова, он — обычный средний американец с его типичным для среднего американца узким кругозором, наивным меркантилизмом и склонностью к социальному оппортунизму. Любопытна цель, которую поставил перед собой автор, работая над повестью. По его собственному утверждению, он стремился доказать, что фантастика — не праздная игра ума, что она, как настоящая реалистическая литература, миллионами нитей связана с современной действительностью, что только социальная экстраполяция, и то лишь внешне, придает «настоящему» фантастическому произведению такой причудливый и гротескный характер. Мало-мальски добросовестный, даже самый поверхностный анализ покажет внимательному читателю, что все явления псевдо-действительности повести имеют весьма точные соответствия в реальной действительности жизни и помогают осознать и оценить эту действительность.

В 70-х годах нашего столетия в практику медицины прочно входит гипотермия: безнадежных больных и травмированных искусно замораживают и укладывают в рефрижераторы — баки с жидким гелием — до лучших времен. А лучшие времена наступают тогда, когда: а) развитие медицины позволяет вылечить данную болезнь или ликвидировать данную травму, и б) банковский счет пострадавшего за прошедшие столетия вырастает настолько, что может покрыть расходы, связанные с излечением. Такова логическая завязка повести.

Пожарник-доброволец Форрестер, страшно обожженный во время пожара в своем 20-м веке, был уложен в гелиевую ванну, проспал в гипотермическом сне 6 веков, был полностью «починен» и разбужен в 2527 году. Мир, в котором он проснулся, решительно чужд ему. Поэтому он то и дело попадает впросак, переживает массу опасных приключений и только чудом избегает новой гибели и позора. Впрочем, так ли уж чужд этот мир современному американцу? Автор не определяет социальный строй на планете. Ясно, что отдельных государств больше не существует, благосостояние достигло фантастического уровня, человек достиг отдаленных звезд. Но это ни в коем случае не коммунизм. Во-первых, существуют деньги. И деньги для прожития в этом обществе изобилия нужны немалые. На жалование меньше чем в несколько десятков тысяч долларов в день прожить трудно. Во-вторых, существуют деклассированные элементы — люмпены — парии — «Забытые Люди». Они стоят вне закона, они живут нищенством, на них охотятся ради забавы (нужно только получить лицензию на убийство). В-третьих, этот мир живет под постоянной угрозой нападения извне, ибо лет за тридцать до пробуждения Форрестера какой-то дурак-капитан космического корабля встретил в космосе и расстрелял со страху корабль цивилизации Сириуса, и с тех пор все население Земли трясется, опасаясь возмездия. В-четвертых, творческая инициатива в этом мире

давно выродилась в изобретательность по части модных тряпок с одной стороны и в дикие анахроничные социальные движения — с другой («Общество Неда Лудда», призывающее истребить «думающие машины»). В-пятых, каждый человек на планете (т. е. каждый человек, достаточно зарабатывающий) имеет при себе электронного поводыря, соединенного с центральными компьютерами, определяющего каждый шаг человека и выполняющего все его желания. Но самое главное — как следствие всех этих особенностей половской утопии — психология граждан этого мира ничем не отличается от психологии современного американца, и она так же далека от коммунистической, как небо от земли. Форрестер терпит всевозможные неприятности не потому, что он чужд своим новым соотечественникам психологически, а потому, что все гадости современной американской действительности в этом утопическом мире легализованы. Можно законно убивать. Можно законно дезертировать при угрозе нападения, оставив страну на произвол судьбы. Можно законно состоять на службе у заведомого врага. Все можно. Форрестер ко всему этому не привык, потому ему приходится плохо. Но постепенно он привыкнет.

Вряд ли Пол считал, что пишет памфлет. Но, честно говоря, повесть воспринимается именно как очень умный и тонкий памфлет на американский образ жизни. Я бы настоятельно рекомендовал эту книгу к переводу и изданию.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на повесть В. Мелентьева «Сухая ветка сирени»**

(111 стр.)

Насколько мне известно, «Сухая ветка сирени» — первый опыт Мелентьева в области детективной литературы, и мне не кажется, что опыт этот удался. Хороший литературный язык, отдельные удачные места, довольно симпатичный герой не искупают несовершенства собственно детективной линии. Начать хотя бы с завязки. С какой стати умирающий Волосов доверяет свою тайну какому-то жулику, соседу по нарам? Если уж речь идет о том, чтобы попробовать вылечиться, логичнее было бы обратиться к тюремному начальству, к властям, передать ценности государству, скрыв их происхождение (или даже не скрыв — Волосов должен был отлично знать, что за сроком давности его службу у фашистов ему бы простили, поскольку в истреблении советских людей он участия не принимал). Далее, непонятно, зачем Согбаеву понадобились опасные свидетели и ненадежные сообщники брата Хромовы. Зачем они воровали портфели. Как могла не прийти Согбаеву в голову простейшая мысль о том, что машина, возможно, перекрашена. Таких логических просчетов в детективной линии много. Путь к их исправлению я не вижу, возможно, какие-то идеи на этот счет могут появиться у самого автора. В нынешнем виде повесть для опубликования в нашем альманахе, по-моему, не годится.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на «Повесть о снежном человеке»** **А. и С. Абрамовых**

(61 стр.)

Повесть проста (и очень традиционна) по сюжету, написана на вполне профессиональном уровне, читается легко. С чисто литературной точки зрения никаких возражений против опубликования ее в нашем альманахе у меня нет. (Разве что, повторяю, уж очень традиционен и «захватан» сюжет: инопланетянин, затаившийся среди людей.)

Некоторые сомнения вызывают два идеологических обстоятельства.

Первое. Насколько уместна в юношеском издании тема загнившей и умирающей цивилизации со звездолетным уровнем развития, где половина населения обожралась и ничего не желает и занимается полицейской войной с другой половиной, укрывшейся в лесах? Кстати, никакой сюжетной необходимости представлять эту инопланетную цивилизацию именно такой в повести нет.

Второе. Насколько уместна в литературе вообще тема контраста между отсталой земной наукой и движущим ее пришельцем? Что мы, в самом деле, без пришельцев и пороха бы не выдумали? Кстати, никакой сюжетной необходимости представлять пришельца носителем передовой математики нет. Мог бы быть и художником или композитором.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на новый фантастический роман** **А. и С. Абрамовых «Селеста 7000»**

(409 стр.)

Сюжетно новый роман Абрамовых повторяет одну из любимых ситуаций советской (и в какой-то степени зарубежной) научной фантастики: в мире происходит некое Чудо глобальных масштабов, объяснение этого Чуда, глобальные события, разворачивающиеся вокруг этого Чуда. Примерно то же сюжетное построение мы наблюдали в одном из более ранних произведений тех же авторов — во «Всадниках ниоткуда». Известная преемственность со «Всадниками» может быть усмотрена и в методологии: как и пришельцы, «Селеста» проявляет себя искусным моделированием событий реального мира в сознании персонажей романа, как и пришельцы во «Всадниках», «Селеста» исследует психологию человека и человечества, наблюдая за их поведением в этих смоделированных событиях.

Однако имеет место и существенная разница. Таинственные пришельцы — «всадники ниоткуда» — являются сами по себе объектом и действующими лицами, авторы так же заинтересованы их проделками и попытками их истолковать, как и герои романа; политический резонанс вторжения «всадников» выглядит всего лишь как необходимый фон основных событий и в общем-то, как и положено фону, обращает на себя внимание только при специальном рассмотрении. В «Селесте» все устроено по-иному. Конечно, механизм загадочного «черного ящика» на Бермудах интересует авторов и сам по себе, и авторы потратили немало энергии и воображения, чтобы создать и объяснить этот механизм, но в романе с планом «Селесты» сосуществует на совершенно равных правах и второй, не менее «главный» план, в котором «Селеста» играет уже подчиненную роль повода, завязки событий. Это план политический. Можно легко представить себе роман, в котором о «Селесте» сказано всего два-три абзаца (скажем, «открыт необъяснимый феномен, состоящий в том-то и том-то и потому угрожающий повлиять на все человечество таким-то и таким-то образом»), а остальные 200–300 страниц посвящены борьбе и суете вокруг этого феномена. Таким примерно образом (и на ту же примерно тему) написан был полтора десятка лет назад неплохой рассказ «Мешок» (У. Моррисон). Но это говорится не в упрек авторам: не они первые соединяют политический памфлет с научным фантазированием — см. хотя бы Уэллса и А. Толстого, — не им и от этого приема отказываться. Говорится же это потому, что, пользуясь этим приемом, они, на наш взгляд, допустили в «Селесте» несколько чисто литературных просчетов.

Во-первых, научно-фантастическая деталь в произведениях такого рода должна быть, по нашему глубокому убеждению, достаточно точно и определенно очерчена и разъяснена — с тем, чтобы неопределенность не мешала и не запутывала политического плана; машина времени и гиперболоид тоже являются «Чудами», создающими определенные политические ситуации, но их возможности и границы их действия

определены коротко и ясно, и читателю не приходится недоумевать, когда Путешественник оказывается на берегу мертвого океана гибнущей Земли или когда Гастона — Утиный Нос разрезают напополам инфракрасным лучом. Выяснение же возможностей и границ действия «Селесты» тянется на протяжении всего романа, да так и не заканчивается, судя по разговору в эпилоге. Прошу понять правильно: сама по себе тема выяснения сущности «Чуда» имеет все права на существование в отдельном произведении. Но здесь логика политических действий основывается на сознательном отношении к конкретностям «Селесты» (которые, видимо, известны авторам), и в то же время конкретности эти самими авторами непрерывно ставятся под сомнение.

Во-вторых, роман изрядно растянут. Отчасти это произошло по причине, изложенной выше (авторам приходится непрерывно «подправлять» свое Чудо для объяснения политических ситуаций, а для этого — давать новые и новые толкования, вводить новые и новые сцены), а отчасти — за счет известной литературной неряшливости, проистекающей из увлеченности возможностями, вытекающими из сюжета. Так, ничего нового не дают читателю многие страницы, посвященные обращению Бермудского епископа в революционный гуманизм. Остается решительно без последствий (для сюжета и с точки зрения финала романа) вся сцена ученого собрания на острове «Селесты» со сценой футбольной игры. Слишком растянуты сцены с участием бандита-миллиардера — кстати, для подобного типа мотивировка попытки вступить в контакт с «Селестой» очень и очень слабовата. Ограбить страну, штат, наконец, — это еще куда ни шло. Но пачкаться ограблением золотого каравана... Впрочем, это только мое мнение.

Есть еще промахи менее заметные и носящие менее объективный характер. Они не играют первостепенного значения и будут, видимо, исправлены в процессе саморедактуры и редактуры. Достоинства же романа очевидны и дают право полагать, что он будет встречен читателем с удовлетворением.

В заключение считаю приятным долгом отметить весьма ценную находку авторов: опыт информационно-кибернетической оценки марксистской диалектики, гуманизма, человеческой порядочности.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на новый фантастический роман** **А. и С. Абрамовых «Все дозволено»**

(364 машинописных стр.)

Фундаментальной темой рецензируемого произведения Абрамовых, как и практически всех их предшествующих работ, является драматическое столкновение современного земного человека с Неведомым. Правда, в этом романе действуют люди коммунистического будущего, земные звездолетчики, но по всем признакам «футуричность» эта является лишь литературным приемом: этические, гносеологические, моральные параметры героев этого романа полностью совпадают с таковыми же у положительных героев, скажем, «Всадников ниоткуда» или «Селесты». Капитан, Библ, Малыш, Алик — это наши современники, вооруженные нашей современной философией и даже нашими современными знаниями.

Итак, четверо наших современников — на планете пяти солнц, избранной осатаневшим от одиночества и общей разочарованности сверхмозгом для неслыханного эксперимента над целым человечеством, эксперимента, который проводится в пяти соседствующих пространствах одновременно. Абрамовы уже не раз удивляли нас способностью создавать прекрасно разработанные социологические модели. Удача в этом отношении сопутствует им и на этот раз. На наш взгляд, трудно представить себе более убедительное разоблачение мелкобуржуазной мечты об анархическом обществе, чем представленное на страницах романа «Все дозволено». Мелкобуржуазное, обывательское понимание свободы как осуществленного лозунга, использованного в названии романа,

неприятие мелким собственником понимания свободы как осознанной необходимости, ощущение им любых ограничений его, мелкого собственника, усеченной личности — вот что воплощено в жуткой и диковинной социальной структуре, основанной сверхмозгом-идеалистом и управляемой сверхсложной кибернетической машиной.

Абрамовы очень точно подметили самые главные моменты, обуславливающие несостоятельность махновщины на космическом уровне. Во-первых, неизбежное глубочайшее духовное вырождение человека в условиях «освобождения от труда». Замкнутый роковой круг: без обязанности трудиться невозможно освобождение от власти животных инстинктов, а животные инстинкты не дадут личности прийти к мысли о необходимости труда. В результате — развитие оголтелого эгоцентризма, а в условиях постоянного страха перед насильственной смертью эгоцентризм неизбежно принимает самые чудовищные формы, толкает на самые чудовищные поступки, которые в подобных обстоятельствах и становятся нормой существования в этом анархическом обществе.

Во-вторых. Вспомним у Алексея Толстого спор большевика-матроса Чугая и анархиста Леона Черного: «Разбойники... люди избаловавшиеся, работать они не могут. Работать он не будет — зачем? — что легко лежит, то и взял. Значит, как же тогда? Опять на них кто-то должен работать? Нет?.. Значит, остается вам — загнать бандитов в овраги и кончить? Так, что ли?» Как мы прочли в романе Абрамовых, примерно к тому же выводу — не без воздействия землян-коммунистов — пришел в конце концов и сверхмозг: загнал бандитов в овраг и кончил. Но примерно полтора тысячелетия он все же кормил «бандитов». Он создал для тунеядцев целый класс рабов-трудоуловиков, цель которых — создавать тунеядцам все условия изобильного существования. И так, второй просчет анархистской схемы, превосходно разоблаченной Абрамовыми, — анархизм не устраняет, а предполагает эксплуатацию. Другое дело, что владея такими научными и технологическими возможностями, сверхмозг мог бы создать цивилизацию без эксплуатируемого класса, на высшем машинном уровне, но, как нам прекрасно известно теперь, положение бы не изменилось, просто в эксплуатируемого превратился бы сам сверхмозг, эксплуататорская же сущность структуры сохранилась бы.

Идейно-политическая концепция романа чрезвычайно ценна и своевременна. Не вызывает возражений и сюжетная канва — достаточно традиционная в современной фантастике и вполне надежная: род научного детектива, поиски решения проблемы, поставленной перед героями силой обстоятельств. Воображение у авторов работает без промаха, и созданные им детали фантастических миров безусловно способствуют выполнению их романом одного из важнейших назначений фантастической литературы — приучение сознания современного читателя к «жестоким чудесам» нашего времени.

Таким образом, в целом, на наш взгляд, роман несомненно удался.

Нельзя, однако же, не отметить некоторые недостатки.

1. Мы считаем, что было бы полезно устранить из повествования всю линию гибели первого экипажа станции. Создается впечатление, что первый экипаж состоял из людей неполноценных, гораздо менее способных и пригодных к делу, чем главные герои романа. Главные герои вступают в контакт с неожиданным и неведомым совершенно просто и спокойно, а их предшественники почему-то на их месте гибнут и сходят с ума, и спиваются, и впадают в маразм. Кроме того, от сцены встречи главных героев с остатками первого экипажа очень уж пахнет лемовским «Солярисом», что производит несколько неловкое впечатление.

2. В свое время герои произведений рецензента часто грешили распушенностью языка, чем и навлекали на себя вполне заслуженные упреки. Герои Абрамовых тоже мало задумываются над подбором выражений. Нам кажется, было бы полезно почистить их язык, особенно язык Капитана и Малыша. Честное слово, в рецензенте говорит не чистоплюйство, а требование обыкновенного такта.

3. Мы считаем, что было бы нелишним уточнить цели, которые преследовал Мозг, проводя этот эксперимент. Пока представляется, что сами авторы не очень ясно понимают

эти цели: то ли Мозг занимается благотворительностью — и тогда несколько нелогичными кажутся одни его «поступки», то ли Мозг хладнокровно ведет лабораторный опыт — тогда нелогичными делаются другие «поступки» (в частности, его «самоубийство»).

Вот, в основном, все, что, по нашему мнению, следовало бы доработать.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на рассказ Н. Соколовой «Кампанула»**

(55 стр.)

Рассказ написан в отчетливо честертоновской манере; это и привлекает, и отталкивает. Привлекает прекрасный образ детектива-надомника Докта, так и видятся в нем невозмутимый патер Браун вкупе с парадоксалистом Фишером. Отталкивает же известная неопределенность, вернее, всеобщность фона: Честертон почти всегда ставил свои эксперименты на очень конкретной английской почве. Мне представляется, что рассказ слишком растянут — напр<имер>, вся линия супруги Министра, в том числе и ее странные видения, ничего не дает ни в смысле сюжета, ни в смысле социальных характеристик. Это, однако, не столь важно в сравнении с грубым нарушением правил детективной игры. Форма детектива, избранная Н. Соколовой, предполагает некоторое соревнование между читателем и сыщиком. Между тем автор столько раз упорно заверял читателя, что утащить статую из монастыря невозможно, что развязка кажется читателю надуманной и неправомерной. Вероятно, этот недостаток можно как-то исправить. Если же при этом автор согласится на определенные сокращения, рассказ можно будет рекомендовать для опубликования в нашем альманахе.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на фантастическую повесть В. Фирсова** **«Сказание о Четвертой луне»**

(115 стр.)

С чисто формальной точки зрения эта первая большая повесть В. Фирсова выполнена, пожалуй, даже хорошо. Имеет место достаточно увлекательная фабула, сюжет разработан по всем канонам литературного ремесла, язык прост и ясен, образ главного действующего лица как будто развивается от события к событию. И тем не менее приходится с прискорбием признать, что произведение это автору не удалось.

Все дело в том, видимо, что во всех пяти листах повести найдется не более чем на пяток страниц мысли и чувства. Повесть представляет собой, грубо говоря, непомерно разбухшую, оснащенную ненужными и произвольными подробностями сказку о Кошее Бессмертном. Как известно, народные сказки являются своеобразными концентратами векового народного опыта, преломленного через призму народных чаяний и мистических страхов. Разбавлять такие концентраты водой — дело совершенно неблагодарное, даже если эту воду слегка подкрасить современным революционным мировоззрением. Практика показала, что ставить классическую сказку или миф в основание современного художественного произведения может позволить себе лишь тот, для кого эта сказка является лишь отправным пунктом, катализатором для сложнейшей реакции собственных мыслей и переживаний. Таковы современные сказки Олеси, А. Толстого, Экзюпери, Шекли, Брэдбери. Уместно здесь вспомнить разительные неудачи, которые потерпел Лем, пытаясь «галактизировать» мотивы классических сказок, уместно вспомнить неудачи многих наших фильмов, вроде «Города мастеров», в которых модернизация шла по линии простого растягивания действия и включения слащаво-сентиментальных и

псевдогероических подробностей. Именно в этом плане, как нам представляется, лежит и причина неудачи Фирсова.

Один крупный знаток фантастики в свое время весьма иронично отозвался о некоторых авторах, избирающих такой вот легкий путь в литературе. Положим, попался ему на глаза миф о Мидасе. И вот готов рассказ: мистер Мидас имел удовольствие выручить из беды некоего могущественного пришельца и в награду попросил дар превращать все в золото. Тот перестроил субмолекулярную структуру организма Мидаса таким образом, что ее колебания вызывали в веществе ядерные превращения, и все, к чему отныне прикасался бедный и незадачливый мистер Мидас, обращалось в золото. Мне не кажется, что путь к созданию мало-мальски ценных фантастических произведений лежит в этом направлении, граничащем с недобросовестностью. Конечно, у меня и в мыслях нет обвинять В. Фирсова в недобросовестности. Скорее всего, он просто увлекся недорогой экзотикой выдуманных миров и не дал себе труда вспомнить, что фантастика — это не самоцель, а средство отражения действительности.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на сборник фантастических рассказов** **Л. Пироговой «Последняя из Атлантиды»**

(112 стр.)

Сборник состоит из семи рассказов, причем в основу каждого положен либо какой-либо миф, либо научная гипотеза, либо и миф и гипотеза сразу. Автор — явно большой энтузиаст фантастической литературы, особенно той ее отрасли (в наше время изрядно захиревшей), которая связана с загадками исчезнувших цивилизаций — как земных, так и инопланетных. К сожалению, ни один из рассказов сборника я не могу рекомендовать для опубликования в нашем издательстве — слишком низок их художественный уровень, слишком архаична стилистика, слишком беден образный материал (вернее было бы сказать, что его нет совсем). Ценность в них мог бы представлять разве что познавательный материал, но и он гораздо полнее и концентрированнее изложен в соответствующих научно-популярных и научно-художественных работах А. Варшавского, А. Горбовского и других авторов.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на фантастическую повесть** **В. Слукина и Е. Карташева «Смех по дороге в Атлантис»**

(71 стр.)

Повесть явно и безусловно не удалась.

Наиболее разительными грехами против художественности и логики представляется следующее:

1. Поведение персонажей неправдоподобно до абсурда. Если Мосенин трус, он бы вообще не поехал в Атлантис. Если он хоть мало-мальски храбрый человек, он бы не паниковал так позорно и так открыто. Опытный человек Ладников, заметив странное поведение Рилья, не выпустил бы его из машины, а просто связал бы. Нормальные люди Ладников, Гурген и Мосенин, стоя над пропастью, куда только что прыгнул Рилья, не несли бы такую невозможную тягомотину. Поведение их по прибытии на станцию, когда они заметили «ожившего» Рилья, достойно изумления. Впрочем, возможно, сказывалось остаточное действие таинственного излучения? Но как тогда объяснить не менее нелепое поведение Харитоновы и его супруги? А остальной персонал станции во главе с дежурным, видимо, составляли роботы, лишённые по случаю конца рабочего дня любопытства, жалости и прочих эмоций? Интересно, как бы вели себя авторы через час

после того, как к ним в кабинет (лабораторию, цех, аудиторию, домой) привезли трех только что погибших товарищей. Небось, забегали бы.

2. Решительно непонятно (даже после повторного чтения), что же все-таки произошло. Положим, в этом заколдованном месте единая событийная линия раздваивается на две вероятностных. Тогда почему второй Риль снова бросился в пропасть, а первый Ладников не пожелал? Или второй Риль и мертвый Ладников все-таки не настоящие? Тогда почему бы замороженным мертвецам не подхватиться, не удрать из морозильника и не последовать за Рилем?

3. В чем сверхзадача повести, всего этого нагромождения ужасов? Поведать читателю, что иногда даже храбрые трусят? Незачем тратить на такую истину столько воображения и бумаги.

При всем том авторы, видимо, не лишены литературных способностей. Нужно только объяснить им, что писательское ремесло — дело сложное и требующее Мыслей и Чувств. Что нельзя писать по такому принципу: сем-ка напишу я про то, что брюнетки более страстны, чем блондинки, а для этого пусть у меня главный герой отрастит себе третье ухо на лбу.

Тексты подготовлены: Ю. Флейшман

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Переписка, 1970

Борис — брату, 4 января 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Путевку достать не удалось — только с 7-го февраля. А посему жду тебя числа 7-го или (в крайнем случае) 8-го. Возьмешь билет — телеграфируй. И приезжай дневным. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке <Воскресенской> привет.

Аркадий — брату, 21 января 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

Отписываю тебе обо всем целиком.

1. ОО. Как я и ожидал, Нина <Беркова> принять меня раньше субботы не смогла. В субботу я к ней поехал, мы часа три сидели, просматривали нашу правку, вносили еще новые коррективы. Коротко говоря, Нина была довольна, настроена оптимистично и воинственно. Вчера (вторник) она мне позвонила и сообщила, что показала правку Компанийцу, тот одобрил и приказал перенести на рабочий экземпляр, который, как выяснилось, находится уже не в Центре, а у местного дяди, человека, по словам Нины, довольно симпатичного. Чем Нина сейчас и занимается, проклиная нас на чем свет стоит, ибо мы ведь шли только по подчеркнутым местам и не приводили нашу правку в соответствие в местах не подчеркнутых. Ну, это уж ничего не поделаешь. Кое-что она и сейчас правит заново, тоже ничего не поделаешь. По телефону советуемся. Настроение у нее по-прежнему оптимистическое и боевое. Может быть, всё получится.

2. ДоУ. По приезде позвонил Озеровой, она поклялась, что все улажено, и что договор будет заключен самое позднее в понедельник, и что не исключено, что мы получим деньги уже 25-го. То же самое она позже объявила и Дмитревскому (он мне рассказал это, когда мы в субботу с Ленкой были у него в гостинице). Ну, в понедельник я зашел. Договор действительно заключили, у меня на руках подписанный экземпляр. Подписан он, правда, не Полевым, а ответственным секретарем и написан от руки, и вообще процедура проходила несолидно, и меня предварительно заставили написать в письменном виде обязательство внести такие-то и такие-то исправления и сокращения (ей-ей, у меня все время было такое впечатление, будто я рецидивист, неоднократно устраивал скандалы разным редакторам и теперь норовлю покрючкотворствовать, дабы, не отдавая повесть в «Юность», заграбастать у них деньги: так, по крайней мере, смотрел на меня отв<етственный> секретарь тов<арищ> Железнов). Ну, процедура окончилась, договор у меня. Однако имеет место разочарование. Платят они не одобрение, а всего-навсего аванс, 25%. Я было взмыл, но был осажен. Впрочем, говорят, деньги действительно будут 25–26-го. Схожу, посмотрю.

Вот пока всё. Целую, жму, твой Арк. Привет Адке <Стругацкой>, поцелуй мамочку. Да жми насчет Комарова. Да позвони в бухгалтерию, не вернули ли им деньги из моей сберкассы, и если да — то послали ли они их обратно.

Борис — брату, 23 января 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Наконец-то от тебя письмо. Я уж и отчаялся совсем. Что ж, дела, как видно, идут неплохо. Что одобрения не дали за ДоУ, так это плешь. Дали бы аванс, остальное приложится. А у меня дела обстоят так.

1. Пару дней назад нашим друзьям из бывшего 3-го объединения удалось провести изящную комбинацию, о которой расскажу при встрече, и в результате наша программа-минимум по сценарию оказалась выполненной. Я получил наличными 430 р., отдал Лешке <Герману> половину и теперь (ура!) перестал быть твоим должником (те 500 р., которые ты одолжил мне эн лет назад, выплачены тебе хотя и по частям, но полностью). Конечно же, я немедленно отправился к замглавного бухгалтера, чтобы лично дать указания насчет тебя. Данные 15% тебе переведут в ближайшие же дни (я лично присутствовал при внесении на твою карточку номера твоего нового счета). Что касается тех злосчастных 10%, то они до сих пор не получены. Я подробно пересказал им всё, что ты рассказал мне, они выслушали (с огромным подозрением), покачали головами и сказали, что прежде всего необходимо точно выяснить, когда сберкасса отправила деньги назад. А там видно будет. Но как только деньги вернуться в Ленфильм, они будут немедленно высланы по твоему новому счету. Ты ж пока сходи в свою сберкасса и снова их попытай и, в частности, обязательно сообщи мне, когда они послали деньги обратно. Я же буду регулярно названивать в Ленфильм.

2. Дальнейшая судьба сценария совершенно неопределенна. Однако же кое-какие перспективы имеются и кое-что может стать ясно в ближайшие полмесяца.

3. Звонил мне Дмитревский. Рассказывал, как он ходил к Железнову заверять его, что в ДоУ ничего такого нет, излагал про статью свою в «Коммунисте», небрежно, но значительно намекал, что пора бы Аркадию восстановить дипломатические отношения с Иваном Антоновичем <Ефремовым>, и в конце концов попросил меня внести социальную струю в детгизовский вариант ДоУ, после чего вариант доставить ему, Дмитревскому. Струю я быстренько внес, а рукопись отвезу ему на будущей неделе. (Обалдеть можно, сколько уже скопилось у меня вариантов ДоУ! И ведь все это придется распечатывать! Ой-ой!) Кстати, ты мне так и не написал, когда по договору мы должны представить ДоУ в Ю<ность>. Продолжать мне вычеркивать по шесть строчек или можно подождать с этим г...? И между прочим, на какой листаж заключен договор?

4. Насчет Комарова, я думаю, будет все ОК. В первых числах февраля я брякну в Литфонд.

5. Я тоже получил из ГДР «Шпрахт унд стиль Ленинс». Ладно. Вот скоро туда едет Мееров, я поручил ему выяснить все насчет наших книг.

6. Ходит ли у вас пародия на кочетовский роман века? Я читал кусочки — смак! Называется: «Чего же ты хохочешь?» Главный герой — известный советский писатель Лаврентий Виссарионович Железов, автор романа «Братья Ежовы» и повести о советской интеллигенции «Вошь», изданной в Китае тиражом 100 миллионов экземпляров. Я оборжался, пока читал. Может быть, удастся раздобыть целиком.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Аркадий — брату, 29 января 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Нина отработала ОО, сдала Компанийцу, тот просмотрел и выразил удовлетворение и велел отдать на последний просмотр Калакуцкой (она больна и работает дома). Поскольку известно, что Калакуцкая и доцензурный вариант признавала, полагаю,

здесь все обойдется благополучно. Видимо, в понедельник они вновь передадут верстку в Главлит на окончательное решение, и если там они не поленятся, к середине февраля все решится. Будем ждать.

2. С ДоУ все благополучно. Действительно, забыл ведь тебе написать объем и срок. Объем — 8 авт<орских> листов, срок — к 1 апреля, два экземпляра — первый и третий. Видимо, как только сдадим, вскоре получится и одобрение, и 35%. Аванс я получил, отдал от твоего имени распоряжение переслать тебе на сберкнижку. Теперь жди — что-то ок<оло> 280 р. Хорошо, если бы ты до нашей встречи в Комарове уже закончил бы урезания и сокращения и сдал бы на машинку. А я бы, возвращаясь в Москву, забрал бы экзы и с божьей милостью их бы и сдал. Печатать начнут в июле или августе.

3. Рад, что со сценарием получилось так удачно. Буду ждать деньги. И вот что. Позвони в ихнюю бухгалтерию и передай им там извинения от меня и от сотрудников нашей сберкассы, которые вчера с трудом обнаружили перевод, который они, конечно, не послали назад, а положили на совершенно новый мой счет, который пришлось закрывать и с которого пришлось переводить на мой настоящий. Вороны расшлепанные. Сами не знают, что у них в хозяйстве творится.

4. О пародии на Кочетова ничего не слышал. Конечно же, постарайся достать.

5. Между прочим, разобрался я в этой странной истории с «Понедельником» в ГДР. Оказывается, этот сундук Ляпунов всё напутал, а вырезка, которую он мне прислал, это не информация о том, что вышло в Германии, а информация о том, что вышло у нас, в Советском Союзе. Так что «Понедельник» в ГДР вряд ли выходил. Но что-то еще ведь выходило! Пусть-ка Мееров действительно узнает. Кстати, не помню, сообщал ли я тебе, что в Болгарии вышла книга «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом» — уже в другом переводе.

6. В этом году в Японии собирается международная конференция фантастов. Я был в Инокомиссии и попросил поднажать насчет нас. Хотя шансов, конечно, мало.

Пока всё. Целую крепко, поцелуй маму и Адку. Твой Арк.

Борис — брату, 31 января 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Сегодня получил сразу письмо и от тебя, и из Ленфильма. Эпопея с ДоУ-С на Ленфильме, надо полагать, закончена. Вчера состоялось заседание редколлегии студии, Лешка на нем присутствовал. Сначала все на разные лады хвалили сценарий, сравнивали его с игристым вином и пр<очее>. Потом выступила Головань, и почти все начали говорить: да, это, конечно, недоработано, нет социального разреза и т. д. В общем, передо мной письмо, подписанное самой Головань и высланное, как я понимаю, еще до заседания (уж больно быстро оно ко мне пришло). Я не знаю, послали ли они копию тебе, но на всякий случай кратко излагаю содержание:

Сценарий написан остро, в хорошей драматургической форме, однако вызывает разочарование. Масштаб личности Мозеса не осуществился (зик!); обитатели гостиницы земляне более странны, чем реальны, и более забавны, чем содержательны. Имеет место натянутость социальной темы и превосходство интриги над содержанием. Указанные недостатки не являются частными, они органичны и не исправимы без существенного пересмотра работы, так что студия не может принять сценарий. Но студия и не отказывается от него, ибо полагает, что при условии радикальной переработки может получиться нечто. Необходима добрая воля авторов и личные переговоры в рабочем порядке.

Рохлин и Лешка трактуют все это так: Головань сценарий не примет никогда, она поставит невыполнимые условия, и если даже мы осуществим неосуществимое, все равно к чему-нибудь придерется. Я намерен пойти к ней в понедельник-вторник, выслушать, расспросить и сказать, что должен посоветоваться с тобой. Затем, далее, мы официально

откажемся от переделок и расторгнем договор (с сохранением, естественно, авансированных сумм). А потом надо будет размножить сценарий, и Лешка с Рохлиным намерены его толкать во все стороны (на Мосфильм, на студию Горького, в объединение «Экран»), так что, возможно, со временем возникнет возможность получить еще где-нибудь 50%. Надеюсь, ты не слишком огорчишься: ведь мы никогда не верили в возможность полной победы и рассчитывали только на 50%, что и вышло.

2. ДоУ я, конечно, сокращу и отдам в перепечатку. Думаю, что к твоему отъезду в конце февраля он будет готов.

3. Был я у Дмитревского, отвез ему ДоУ для Детгиза. Посидели, поговорили. Он обещал, что все выяснится в течение трех-четырех недель.

4. Думаешь ли ты о ГО? Ох, сядем мы с тобой в лужу, приехав в Комарово! На следующей неделе буду звонить насчет путевки.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленке привет.

Аркадий — брату, 6 февраля 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Письмо от Головань получил и склонился было к тому, чтобы принять ее условия и попытаться подогнать сценарий под ее требования, даже наметил несколько идей, превосходящих эти требования. Но твое письмо переубедило меня, и вообще вам там видней. Но вот что имей в виду. Я здесь на днях говорил с Юрой Борецким. У него из разговоров с разными кинодеятелями, в частности, с зав<едующим> 4-м объединением на «Мосфильме», возникло впечатление, что со Стругацкими никто не захочет связываться просто потому, что они Стругацкие. Это при встрече надобно обсудить, а предварительное решение напрашивается такое: надобно переменить вывеску. Мне кажется, у тебя с Лешей вполне взаимодоверительные отношения. Так не сделать ли дальше так: пусть Леша дальше толкает сценарий под своей фамилией исключительно? Ведь эти саботажники даже не смотрят, хорош сценарий или плох. Плохи Стругацкие, и все отсюда следует. Черт бы побрал эту дутую славу. Ну, мы об этом еще поговорим.

2. ДоУ отдавай в перепечатку. Надо скорее сдать его в редакцию, одобрение лучше в кармане, чем в перспективе. А пока отношение к нам там благоприятное. Намедни встретил походя Полевого, удостоился дружеского рукопожатия. Получил ли ты деньги?

3. О ГО думаю, конечно. Совершенно теперь убедился, что придется отказаться от двухсюжетной концепции. Пусть будут лирические отступления, а сюжетная линия одна. И вообще, главное — начать. Что насчет путевки?

4. Статью нашу в «Литературке» пришлось пропустить первой. Синельников вдруг уволился, не выдержав нажима и сегрегации, и мы очутились лицом к лицу с его начальством. А начальство при встрече холодно объявило: что нам печатать, это мы и без вас знаем. Хотите печататься — давайте, мы вашу статью берем с удовольствием. Не хотите — как хотите, но имейте в виду: никаких ультиматумов мы от вас не принимаем, если ваша статья не пойдет, статья Нудельмана не пойдет заведомо. Если пойдет, отнесемся к статье Нудельмана с максимальной благосклонностью.

Вот пока всё. Давай жми на путевки, братик! Я уже договорился на работе, что в следующий раз приеду 5-го марта.

Жму, целую, твой Арк. Привет Адке.

Про ОО пока ничего.

Борис — брату, 10 февраля 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Только что звонил в Литфонд. Вроде бы все в порядке. Неделю назад все в порядке не было: «Есть только двойные номера...» Я устроил небольшой скандалчик, и, кажется, помогло — сейчас вот сообщили: есть два отдельных номера, рядом, — правда, один с 19-го, а другой с 20-го, но это, по-моему, не существенно. На днях поеду, выкуплю путевки, а план твоих действий пусть будет такой: приезжай дневным 18-го, 19-е проведем у мамы, а утром 20-го двинем в Комарово (может быть, даже вечером 19-го). А? Кончатся путевки 3-го марта.

2. Обязательно привези ленту! ЛЕНТУ! ЛЕНТУ! ЛЕНТУ!

3. С Головань никак не могу встретиться. На прошлой неделе болел Андрюха <Стругацкий>, и я сидел дома. Теперь вот заболела она. Впрочем, дело терпит. Кина все равно не будет, а разговоры разговаривать успеется. Я, собственно, хотел с ней говорить на единственную тему: в принципе она Стругацких готова пропустить? «Страну багровых туч», например? Лешка советует говорить с ней откровенно и без свидетелей.

4. ДоУ в перепечатку отдал. Будет готово 28-го.

5. Одолели посетители. Это что-то новенькое. Звонят, запрашивают, вваливаются без спроса. У меня такого раньше не было, только последние полгода.

6. Только что звонили из «Пионера». А что им дать? Слушай, надо бы написать что-нибудь легкое, зазывное! Над ГО давай работать медленно, смачно, без малейшей торопливости, легко отказываясь от уже написанного, поворачивая все так и эдак. Давай не будем даже ставить срока: год так год, два так два. А где-то летом, если увидим, что дело боль-мень продвигается, начнем думать над легким-зазывным. А?

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет и поздравления с надвигающимися именинами.

P. P. S. Ленту не забудь!

Аркадий — брату, 6 марта 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Говорил с Ниной.

А. Цензор всё еще читает (детгизовский), сегодня должен дочитать и передать на пл<ощадь> Ногина. Читает, пожимает плечами и приговаривает: «Не понимаю, зачем все эти поправки. Впрочем, начальству виднее». Так-то. Придется опять ждать.

Б. Насчет «Маугли». Нина сказала так: мало шансов на книгу даже в 72-м году, но заявку подавайте, не в 72-м, так в 73-м книга пойдет. А вот саму по себе повесть (до 10 а<вторских> л<истов>) можно и нужно давать скорее, ибо есть все шансы втолкнуть ее в «Мир приключений» на 71-й год. Это, брат, нечто, а? Как-никак тираж 215 тыс. со всеми вытекающими. А? Мы договорились, что на днях встретимся и обговорим это подробнее.

2. Опять какая-то хреновина с ленфильмовскими деньгами. Не получены они моей сберкассой. Даю координаты на проверку:

сберкасса № 5278/01124, счет 2823, Москва Г-59, Бережковская наб. дом 8.

3. Звонил в «Юность», Озерова звучала так, словно ждет меня не дожидается. Однако встречу отложили до понедельника. В понедельник приказано явиться и принести два экза.

4. Женщина, которая звонила нам в Комарово, накануне моего приезда позвонила Ленке, сказала, что вынуждена срочно выехать в командировку, но просит напомнить Арк. Натановичу, что он обещал ей рукопись. Она вернется и будет немедленно звонить.

5. В ужасе и не без хохота наблюдаю, как готовится присуждение юбилейной Ленинской премии Михалкову. Трилогия «Дядя Степа»! Это же надо — такая восхитительная дискредитация идеи! «И кроватей не дам, и умывальников».

Засим остаюсь твой, целую и жму.

Привет Адке, поцелуй мамочку.

Черт, совершенно отвык от своей машинки.

Борис — брату, 9 марта 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Насчет ленфильмовских денег только что звонил. Замглавного сказала, что у них возникла какая-то неувязка и она сама перестала понимать, высланы деньги или нет: ждала моего звонка. Теперь она поняла, что деньги не высланы, и примет меры. Короче говоря, через недельку я позвоню снова и спрошу. А ты загляни на книжку недельки через полторы-две.

2. Особых новостей нет, но происходит все время шевеление. Лендетгизу срезали бумагу, и выход фантастического сборника был посему отложен на год. Тут бы нашему ДоУ и конец, но до сих пор не вышел, к счастью, ленинградский сборник, из коего начальство повыкидывало кучу материала. Дмитриевский и Брандис (составители) с ходу сунули туда нашу повесть. Вот почему ее читала Нина Чечулина. Я звонил ей. Повесть ей нравится, и заму нравится, но завредакцией тов<арищ> Копытин находится сейчас в командировке и будет только через три недели. Тогда все и решится. Если Копытин нас не отринет, то будет договор, и сборник выйдет в начале 71-го. Нина считает, что помешать могут только наши одиозные имена — повесть абсолютно проходима. Она также полагает, что факт заключения договора с «Юностью» может сыграть положительную роль.

3. Активное шевеление имеет место в Ленфильме. Я говорил с Лешкой и со Светой Пономаренко (редактор). Теперь уже ТРИ режиссера (не считая Лешки) заинтересованы сценарием. Некто Миша Козаков (известный артист и безвестный режиссер) повез сценарий в Москву, пробивать его в телевидение. Еще какой-то еврей (Шригель? Штруцель?) повез его в Москву, пробивать через Госкомитет. В общем, посмотрим.

4. Планы твои насчет ОМ в «Мире приключений», естественно, полностью одобряю, но у меня тут возникла и еще одна идейка. Надо бы попытаться заключить договорчик по заявке с каким-нибудь журналом. Ты там говорил насчет «Вокруг света», а я хочу на эту тему побеседовать с Дмитриевским и через него попытаться проникнуть в «Аврору». В конце концов, у нас имеются определенные обязательства по отношению к этому журналу. Если бы удалось заключить договорчик на будущий год с представлением рукописи где-то в апреле-мае 71-го, это было бы неплохо. Если не выгорит с «Авророй», сунусь в «Неву». Там шансов значительно меньше, но они есть. Я тут давеча беседовал с Сашей Лурье, он сказал, что если бы мы выждали и не торопились, то ДоУ прекрасно пошла бы в «Неве» — им совершенно нечего печатать. Думаю, что в 71-м им тоже нечего будет печатать. Ты же попробуй закинуть удочку в «Вокруг света». Да не ленись! Кланяйся!

5. Не думаю, чтобы Михалкову дали Ленинскую. Нос у него не дорос. И заслуг недостаточно. Дадут скорее уж Тихонову, а еще скорее — какому-нибудь кунаку (абреку).

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

Р. S. Да! Был в Литфонде. В конце марта вряд ли получится: все болеют, график сбился. Можно надеяться на начало апреля. Я подал заявление с 1.04 на 15 дней.

Р. P. S. Леночке привет.

Да не забывай ты дату писать на письмах! Мать... мать... мать...

Аркадий — брату, 14 марта 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Был у Нины, разговаривал подробно. Суть сводится вот к чему. Местный людовед закончил свое дело и передал ОО на Ногина в понедельник. Сколько там это пробудет, решительно неизвестно, однако по прошествии 2-х недель Нина считает себя вправе начать звонить (вообще-то она не имеет на это права, это компетенция гл<авного> редактора, но он болен и поручил ей). Пока дело не решится в ту или иную сторону, соваться с заявкой к Пискунову совершенно бессмысленно: этот старый идиот вышел из ума от ужаса, окончательно потерял честь, честность, простую порядочность и срамит на глазах у исполненных отвращения подчиненных семь раз в неделю. Далее, так. «Мир приключений» заявок не принимает, а заключает договоры (если заключает) только на готовые рукописи. Нина уверена на 90%, что, представь мы готовую рукопись, она бы спокойно просунула ее в альманах. А заявку у меня она все-таки просит, пусть-де лежит наготове. Далее. Если ОО пойдет — тогда все отлично. Если не пойдет, тогда открывается широкое поле для эпистолярной деятельности. Вася Аксенов написал фантастическую повесть для детей среднего возраста и принес в Детгиз. Приняла ее Лена Махлах, прочла и восхитилась. Прочла Нина и с меньшим энтузиазмом, но все же похвалила. Тут об этом дошло до Пискунова, и разразился скандал. Он бушевал, грозился, требовал вышвырнуть рукопись из издательства и пр<очее>. Тем временем прошло несколько месяцев, Аксенова водили за нос, и тогда он взял и написал письмо в ЦК с жалобой на дискриминацию. Оттуда позвонили Пискунову, и в тот же час (!) Пискунов потребовал, чтобы с Васей заключили договор. У нас, понятно, положение несколько иное, но в случае крушения ОО мы будем немедленно поступать так же точно. Ну, пока еще не все потеряно. Кстати, ты рассчитываешь на журналы — так имей в виду, что журналы заключают авансовые договора на ненаписанные вещи только по юбилейным поводам. И, уж во всяком разе, не с нами.

2. У нас на телевидении тоже наблюдается шевеление. Как только там через Борецкого узнали, что мы не претендуем на ОБОЗНАЧЕННОЕ авторство, сразу воспрянули духом. Здесь я буду действовать, как мы уговорились в Комарове. Ты мне дал карт-бланш, я пишу, Борецкий подписывает.

3. 10-го сдал в «Юность» ДоУ, был обласкан, обещан, что начнут печатать с 9-го номера (?), попрошен не возражать, чтобы дали на внешнее редактирование Тэду Гладкову («Пусть заработает, а если вам правка не подойдет, игнорируйте»). Мне-то что! В тот же день встретил Воронова (зам<естителя> Полевого), он мне обрадовался тоже и сказал, что печатать начнут летом. Когда я возразил, что Озерова говорила о 9-м номере, он пожал плечами и сказал, что постарается пропихнуть значительно раньше. А вчера звонил Тэд и долго объяснял мне, что решительно не собирается ничего править, разве что слово-другое, а в общем, будем работать вместе, на что у него уйдет дня четыре, а у меня с ним — один. Дай бог нам удачи.

4. Шмуглякова (из Мосфильмовского «Луча») звонила, прислала за сценарием ДоУ курьершу — девицу в очках и с такой вот ж..., по-моему, редакторша это какая-то. Я ее, впрочем, дальше порога не пустил и вынес папку на лестницу.

Кажись, всё.

Жму, целую, твой Арк. Привет Адке, поцелуй маму.

Старайся насчет путевки.

Борис — брату, 17 марта 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Вчера ты звонил, а сегодня пришло письмо. Значит, так:

1. Я говорил с Дмитриевским насчет заявки ОМ в «Аврору». Он страшно обрадовался и на другой же день связался с «Авророй». Там тоже обрадовались и попросили меня прийти и поговорить. Я пока не шел — ждал твоей реакции и обдумывал, как бы написать заявку, чтобы оставить максимум свободы для рук и ног. Теперь на неделе пойду. Дмитриевский обронил, что пока они договор заключить не могут за неимением денег, но в ближайшие месяцы ситуация улучшится. (Кстати, ты, по-моему, не совсем прав насчет договоров: все-таки «Нева» заключила же с нами договор на ОО по заявке. Впрочем, возможно, с тех пор ситуация переменялась.) Словом, я напишу заявку с очень кратким изложением содержания и идеи и предложу готовую рукопись к марту-апрелю 71-го. Одновременно я устно скажу, что пишем мы для «Мира приключений» и что Аркадий ведет параллельные переговоры с «Вокруг света» и «Знанием-сила». Попытаюсь их припугнуть повторением истории ДоУ, чтобы поскорее заключали договор. (Если это вообще возможно.) Ты же, брат, подай обязательно заявку Нине и проведи переговоры в ВС и ЗС — чтобы пошли разговоры о нашей новой вещи, ибо эти засранцы из «Авроры», судя по истории с ДоУ, имеют обыкновение проверять и перепроверять своих авторов (помнишь, как оттуда названивали в «Юность», а потом Никольский даже поехал туда). Так что ты уж обеспечи мне тылы, одновременно упоминая, что Б. действует в «Авроре», — может быть, это заставит пошевелиться и твоих. А моя позиция здесь такая: я, Б. Стр., лично считаю себя в долгу перед «Авророй» и весь с вами душой, но у Аркадия свои привязанности, пока он согласен не форсировать событий, но если вы затянете (опять) процедуру, то пардон!

2. С Борецким действуй по договоренности, но держи меня все-таки в курсе.

3. Правленный экз ДоУ Адочка сегодня выслала из Пулкова заказным.

4. Как и договорились по телефону, с Мосфильмом не спеши. Все равно это болтовня, а как только начнет прорезаться что-либо серьезное, созвонимся. Пока же разнюхивай, разговаривай, уточняй, хвастайся и набивай цену.

5. Сейчас позвонил в бухгалтерию Ленфильма. Замглавного очень извинялась, говорила, что всё помнит, но сейчас нет денег. В первых числах апреля она обязательно перечислит всё, что положено. Ну что тут поделаешь?

6. Из твоего письма я не понял: объяснил ты Шмугляковой, что она будет иметь дело с ПЕРВЫМ, а не окончательным вариантом? Это важно разъяснить, а то они просто испугаются первого варианта безотносительно ко всему прочему.

7. Сегодня ни свет ни заря снова звонил директор Литфонда — предлагал путевки с третьего. Но я тут начал зубы починять, так что, поблагодарив, отклонил. Едем с седьмого. На неделе съезжу в Литфонд, выкуплю. А ты готовься 6-го вечером быть в Ленинграде.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Кстати, ударяешь ли ты хоть палец о палец насчет поездки в Болгарию осенью и насчет устроиться куда-нибудь в дальнюю экспедицию? Всегда ты так, братец: приедешь, наговоришь с три короба и — увы!

Аркадий — брату, 20 марта 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Предлагаемые тобой манипуляции непременно произведу — и с ЗС, и с ВС, — только не думаю, что это приведет к чему-либо позитивному. Прежде всего, имей в виду, что «Мир приключений» печатает только свежие вещи, ранее не публиковавшиеся. Как бы здесь не прогадать. Если пойдет где-нибудь в журнале раньше «МП», всё — плакали наши тиражи. Только МП даст нам тройной тираж (или двойной, сейчас при нынешнем положении с бумагой трудно ориентироваться, но не меньше, чем двойной). Так что если уж ты хочешь воздействовать на Никольского, то наводи его на «Мир приключений».

А вот на «Мир приключений» уже воздействовать нам нечем, окромя как рукописью. Жду твоих соображений по этому поводу.

2. С Борецким нашли сюжет: война, партизаны в осаде, смертельная ситуация, и человек из будущего, плохо разбирающийся в ситуации, приходит поучать ту и другую сторону. Три дня на создание 4-частевого сценария, сейчас пишу десятую страницу из потребных тридцати. Ничего унижающего. По изготовлении и перепечатавании пришлю тебе.

3. С Мосфильмом так. Позвонил мне этот Тарасов, гл<авный> режиссер «Юности», и прямо предложил право продать. Я, по твоему наущению, отказался и высказал соображения. Он кисло согласился и попросил сценарий. Я сказал, что сценарий в Л<енингра>де. У меня такое впечатление, что он вздохнул с облегчением. Он сказал, что тогда пусть я получу этот сценарий и тогда вышлю ему в Объединение «Юность». На чем мы и расстались. Впечатление: ему это не нужно. Это нужно кому-то другому. Наверное, Сахарову, у которого где-то есть рука. Но, на всякий случай, пришли этот сценарий. Говорить с нами там, во всяком случае, никто не хочет. Есть команда — продать — в смысле купить право на экранизацию, а остальное его не касается. Интересно было бы добраться до корней этого дела, но пока не вижу возможности. Жду сценарий.

4. Шмугляковой нечего объяснять. Ей важен принцип: детективная фантастика. Ни первый, ни последний сценарий ее не интересуют. Все равно все придется переделывать заново.

5. Позавчера звонили с Мультфильма. Есть режиссер, который хочет работать с нами. Подробности в понедельник. Фамилия режиссера — Алимов.

6. С Болгарией, видимо, ничего не выйдет. Только что говорил с ответственным лицом. Трижды посылали запрос о нас и не получили ответа. Что касается экспедиций, то лицо, с которым я говорил, пребывает в Индии и не поддается достатку. Все три короба у нас с тобой в штанах.

7. Буду в Л<енингра>де 6-го вечером, как ты сказал. А тогда незачем им пересылать мой гонорар на книжку. Зачем терять десятки рублей? Я приеду и получу сам. Только предупреди их там, что приеду получать лично. Пусть назначат число.

Всё. Целую, жму. Жду сценарий ТББ.

Привет Адке, привет маме.

Твой Арк.

Борис — брату, 24 марта 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Правильно ли я тебя понял? Оказывается, «Мир приключений» имеет статус журнала? Вещь, опубликованная (или одновременно публикуемая) в журнале, не может публиковаться в МП? Клянусь, в первый раз это слышу. Всегда считал, что МП находится скорее на положении сборника! Гм... Это, конечно, меняет ситуацию и заставляет задуматься. Правда, вчера я, созвонившись с «Авророй», послал туда по почте заявку и сопроводительное письмо, в котором мягко, но настойчиво, основываясь на известных соображениях о ВС и З-С, прошу дать ответ в течение месяца, максимум — двух. «Либо — нет; либо — подпишите договор; либо (в крайнем случае) — договор будет подписан не позже такого-то» — вот мои требования. Конечно, письмо это ничего особенного еще не значит, но все-таки... С другой стороны, «Аврора» — единственная организация, которая еще не отказалась сразу же заключить с нами договор. Ведь Нина — отказалась, МолГв — безнадежна, а договор — он и есть договор. В общем, дело терпит. Повесть-то еще не написана. Заключит с нами «Аврора» договор — хорошо (договор — есть договор), не заключит — что ж, пусть будет такочки, у нас появится свобода рук. В конце концов, лучше договор с «Авророй» на один тираж, чем смутные надежды в МП на три тиража. Впрочем, у нас еще будет время все это обговорить, как я понимаю.

2. Удивительно загадочная история все-таки происходит с ТББ! Сценарий я, конечно, достать постараюсь, хотя это и не просто, но очень хочется посоветоваться с Лешкой. Между прочим, он сейчас в Москве. Вот идея: позвони-ка ты, братец, по телефону 151-16-54 — это квартира Светки Борщаговской, Лешкиной жены. Я думаю, они живут сейчас там. Позвони, дозвонись и расскажи Лешке, что происходит. Во-первых, у Лешки может оказаться с собой сценарий ТББ (он иногда его возит с собой в Москву и там везде сует), а во-вторых, он может понюхать в «Юности», что сей сон обозначает.

3. Путевки выкуплю завтра. Что же касается денег на Ленфильме, то, по-моему, лучше это г... не трогать. Сейчас они перед нами виноваты, карточка твоя на пересылку готова (я сам ее видел), и дело только за деньгами. Мой звонок внесет новую путаницу, карточку начнут переписывать, перекладывать, опять что-нибудь случится, что-нибудь запутается, точного дня получения тебе все равно не назначат, не надейся, будешь есть [вероятно, нужно «ездить»] и раз, и два, и три... На фиг все эти хлопоты из-за пятнадцати рублей? Конечно, я в любом случае числа 2-3-го буду туда звонить, подгонять и заодно осведомлюсь, нельзя ли получить в кассе, но если она занята и скажет что-нибудь осложняющее, я настаивать не буду.

Ну, пока всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Аркадий — брату, 27 марта 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. С ОО никаких новых перемен. Есть основания опасаться последствий выступления этого <...> Алексева. Правда, Нина ничего об этом не говорила, но общественное мнение — ребята из аппарата ССП и некоторые писатели — считает, что опасность реальна. А впрочем, не исключается, конечно, что и пронесет. Раз хвалила Барто по детгизовской линии.

2. Позвонила Озерова из «Юности», я было напугался, но дело там всего лишь в том, что: а) утверждалась разбивка текста на три номера; б) потребовалось изменить название — предложили «Отель “У погибшего альпиниста”», я спорить не стал, хрен с ним, сил нет у меня спорить по таким поводам; в) попросили заменить слово «грязнулся» на слово «грохнулся» и еще три поправки такого рода; г) предложили дать свою кандидатуру в художники — на каждый выпуск полосная иллюстрация и две полуполосных. Я сказал, что подумую.

3. Марик Ткачев, мой друг из Инокомиссии, вчера сказал, что встречался со своей дамой и ее знакомой из «Мосфильма», и та якобы сказала, что у них на студии все с большим интересом и удовольствием читают наш сценарий (надо полагать, ДоУ). Однако никто пока не звонил.

4. Был на «Мультфильме». Режиссер Сергей Алимов (он был художником в фильме «История одного преступления») просит нас написать сценарий на 20-минутный фильм о роли фантазии в развитии технологии от каменного века до наших дней. Это я так коротко сформулировал, ибо он оперировал большей частью образными категориями и пощелкиванием пальцев. Я пообещал им набросать заявку через недельку, после чего они дадут нам договор. Самое смачное, конечно, — два часа просидел у них в просмотровом зале и смотрел мультики. И еще договорились, что они сделают к моему следующему посещению подборку всех таких фильмов — знаешь, от каменного века и до будущих времен история чего-нибудь, — и мы их посмотрим. Тебя зависть не гложет?

5. Встретил на съезде Дмитревского и Косареву, она определенно утверждает, что договор сразу по заявке будут заключать, и просила скорее дать заявку. Я тогда твоего письма еще не получил, поэтому туманно пообещал обсудить этот вопрос с тобой по приезду в Комарово. Держался индифферентно. А Дмитревскому прямо намекнул, что у

нас есть другие претенденты. Вообще, надо брать заявку в «Авроре», получать аванс и на все остальное наплюнуть. Черт его знает, как будет дальше.

6. Усиленно пишу сценарий для Борецкого. Прочитал ему черновик, он возликовал и объявил, что это то, что нужно. Просил закончить к понедельнику, тут мы встретимся снова, прочитаем, и во вторник он понесет сценарий в телестудию. Да, братец, танки там у нас, взрывы, окопы и землянки. И гауптштурмфюрер Штрассер.

Вот пока всё. Обнимаю, твой Арк. Привет Адке, поцелуй маму.

P. S. Сейчас звонил Леше Герману. Никто не подходит.

Борис — брату, 1 апреля 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Письмо твое получил, спешу ответить.

1. Путевки я выкупил. Настоящим предлагается вам прибыть днэвным поездом в город Лэнинград 6-го апрэля сэго года. Переночуем и — в путь, в путь, в путь!

2. Я лично тоже склоняюсь к мысли, что речь Алексеева сыграет свою роль. Хотя все, с кем я говорил, вполне справедливо полагают, что через две недели об этой речи и не вспомнят, но именно сейчас по ОО удар нанесен будет. Я уж смирился.

3. Из «Авроры» пока ни слуху ни духу. Может быть, когда Косарева вернется из Москвы?

4. Кино- и теледеятельность твою полностью одобряю. Сценарий мультяшки при необходимости напишем. Это, между прочим, неплохие деньги. Кстати, Алимов — это не тот Алимов, что иллюстрировал «Шесть спичек»?

5. Лешке звони и звони. Звони в разное время суток — застанешь. Не стесняйся: то, что ты расскажешь, Лешку не может не заинтересовать.

6. Давеча поздно вечером вдруг раздается звонок из Дрездена. Приглашают читать лекции перед преподавателями и студентами Дрезденского технического университета. Там, оказывается, все — наши страстные поклонники и хотят лицезреть и слышать. Лекции — «литературно-философского содержания». Поскольку мне было совершенно ясно, что затея бредовая и невозможная, я согласие дал. Интересно, по каким это нашим произведениям они нас знают? По СБТ, что ли? Жаль, что не расспросил — плохо было слышно, да и не совсем ловко.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленке — привет!

P. P. S. Как билет возьмешь — телеграммку дай.

Аркадий — брату, 28 апреля 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

Докладываю по порядку:

1. Забрал у Светланы сценарий ТББ, отнес к машинистке. Сегодня все будет готово. Один экземпляр переправлю к Тарасову, как договорились, с упором на то, что хочу повидаться с Сахаровым. Один экз. у меня просит на ознакомление худрук театра Вахтангова. Тоже дам, не жалко. Всего экзов четыре, не считая оригинала.

2. Насчет ОО — ничегошеньки. Сегодня мадам, по словам Нины, должна ругаться с главлитчиками, вечером обещалась позвонить мне.

3. Заходил в «Юность», говорил с Озеровой. Показала мне подписанный Полевым план номеров на сентябрь-октябрь. Черным по белому значится: А. и Б. Стругацкие «Отель “У погибшего альпиниста”», № 9 (сентябрь). Повесть уже на иллюстрации.

4. Больше нигде не был и ни с кем не говорил. Навалилось здесь на меня, пока я был в Комарове — целая туча редактуры, заявки от моей службы, сию и вкалываю.

5. Да, звонил на Мультфильм. Там неудача. Заявка наша не подходит. Я вяло и неопределенно обещал после праздников к ним зайти.

6. Завтра утром у меня свидание с Борецким. По его словам и таинственному тону можно подумать, что что-то все-таки наклеывается. Но, сам понимаешь, до суммы прописью верить ничему не стоит.

Вот пока и всё. Жара стоит несусветная. Сижу весь мокрый.

Еще незадача: окончательно вышел из строя холодильник. Очень своевременно. Погибла за одну ночь вся закупка мяса и еще чего-то. Придется бродить и выпрашивать, не продаст ли кто холодильничка... М-м-мать!

Привет Адке, поцелуй маму.

Твой Арк.

ПС: Деньги от Ленфильма получил. 422 ру.

Борис — брату, 2 мая 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Сделал вывод, что состояние дел в Москве в целом удовлетворительное. Ладно.

1. 29 апреля я был в «Авроре» и подписал там договор (за тебя тоже). Условия обычные: 300 за а<вторский> л<ист>, на 8 а<вторских> л<истов>, срок представления 15.02.71. Теперь это должен завизировать директор Лениздата (ихнее начальство), и тогда где-то в конце мая — начале июня дадут аванс. Они просили только по возможности уложиться в 7 листов и избегать острых формулировок.

2. С Лениздатом и ДоУ ничего не вышло. Собственно, в Лениздате понравилось всем, даже Копытину (завредакцией), который ненавидит фантастику всеми фибрами и жабрами, но наверху, в обкоме, как я понимаю, «не рекомендовали». Дмитревский с Брандисом забрали рукопись из Лениздата и снова сунули в Лендетгиз, в сборник 72 года, но это уже, как ты сам понимаешь, на соплях: слишком уж нескоро.

3. Кстати, не пора ли «Юности» выплатить нам одобрение? А?

4. А ты подкинь все-таки на Мультфильм эту идейку: «Пришельцы на Земле». Вдруг им и понравится.

5. Пиши, пожалуйста, дату на письмах. А то пишешь: «завтра я то-то», а когда это завтра — ни хрена не понять.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Аркадий — брату, 7 мая 1970, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Что договор идет с «Авророй» — это хорошо. А я вот вчера не смог присутствовать на вечере «Авроры» в Политехническом музее. Во-первых, сообщили мне об этом только на самом кануне. Во-вторых, в этот вечер в моих Электроглях имел место партком — обсуждение нашего патентного отдела, и поскольку я хожу на работу раз в месяц, увильнуть мне было совершенно не с руки. Мне звонили Дмитревский и Косарева, и я старался приехать хотя бы к 9 вечера, под занавес, но не удалось: освободился только после восьми, потом полчаса ждал электричку, потом ехал 40 минут до Москвы, а оттуда еще полчаса добираться до этого музеума. В общем, некрасиво получилось, но здесь моей вины все-таки нет.

2. С ОО по-прежнему все висит. На мой взгляд, это настоящий саботаж. Нина бесится, Калакуцкая тоже. Накануне праздников, Нина рассказывала, они со злости и ради интереса звонили ТУДА через каждые полчаса, им все отвечали, что их-де превосходительство отсутствуют, придут через полчаса, просили позвонить через часок,

опять куда-то ушли, велели сказать, что сами позвонят через полчаса, нет, только что ушли на совещание и т. д. и т. п. Понимаешь? Эта сука избегает работников издательства, норовит улизнуть. Саботаж, форменный саботаж. Нина обещалась кровь из носу выдрать у них все-таки твердое да или нет, но вот уже четверг, а ничего не слышать. Я уж Нине и звонить боюсь.

3. Говорил с Борецким. Светлана, жена Борецкого, одна из ведущих актрис МХАТа, только что вернулась из гастролей в Японии, а была она там с Павленком Борисом Владимировичем, новым заместителем Романова и, возможно, скорым его преемником. В Москве они семейно встретились. Выяснилось: а) Павленок — большой любитель фантастики; б) Павленок — большой любитель Стругацких и читал их вдоль и поперек; в) Павленок считает, что Стругацкие должны непременно работать в кино; г) Павленок интересуется, пробовали ли они (Стругацкие)... Тут-то Борецкий и выложил аргумент свой единственный и передал Павленку заранее припасенные: сценарий ТББ, сценарий про партизан и женщину из будущего и заявку на телевидение по «Возвращению». Это случилось буквально на днях, кажется, позавчера, и, вероятно, я так понял, Павленок, по прочтении, захочет со мной увидеться. Но это уже где-то на следующей неделе. Между прочим, Павленок — белорус. Занял этот новый пост две недели назад. Гм. Кроме того, Борецкий прорвался непосредственно к Иванову, директору Центрального телевидения, и всунул ему сценарий про партизан. Будем ждать.

4. На «Мультфильм» я пока не звонил. С «Мосфильмом» тоже пока не связывался.

5. Получил письмо из Казани от Светланы Шнегас из «Комсомольца Татарии». Помимо всего прочего она сообщила, что казанское издательство ищет с нами контактов и ждет от нас предложений на опубликование какой-либо книги с новыми произведениями. Я ответил, что предложить можем заявку на книгу в 20 листов в составе: ДоУ и новую, еще не имеющую названия вещь, на которую заключен договор с «Авророй». Думаю, я прав? Если дело пойдет на лад, спишусь непосредственно с издательством, может быть, даже съезжу к ним, договор, аванс, то, се... Публиковать будут на русском и на татарском.

6. Сегодня я впервые живу по-человечески, без нервотрепки. Во время праздников нашел у одних знакомых лишний холодильник, вчера утром на своем горбу (с помощью грузотакси) переволок его домой. Обошлось в 15 руб. Холодильник стоит 70 руб. Ура.

Вот все мои новости.

Обнимаю, жму. Твой Арк. Привет Адке, Росшеперу <прозвище Андрея Стругацкого>. Поцелуй мамочку.

Борис — брату, 10 мая 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Жалко, что так получилось с твоим выступлением в Политехническом. Я, вероятно, буду иметь за это фитиль. Ну, будем надеяться, что на финансовой стороне это мало отразится.

2. Сведения про Павленка — очень интересно. Независимо от конкретных последствий знакомство и приятельство с замом начальника такого департамента — это вещь! Всегда приятно, когда открываются перспективы, даже если они через неделю и закрываются.

3. Действия твои в Казани, естественно, полностью одобряю. Если будет свобода выбора, лучше, может быть, заключать договор отдельно на ДоУ, чтобы поскорее издали, а отдельно на ОМ. Это если, скажем, договор будет заключаться на 71-й год. Впрочем, тебе там виднее.

4. Давеча вдруг приходит бандеролька из Риги — «Далекая Радуга» на латышском. Очень мило, но не это главное: приложено письмо — завредакцией просит выслать данные (мои и твои) для перечисления гонорара! Значит, это были-таки не зряшные слухи

насчет гонораров в союзных республиках. Я, натурально, срочнейше выслал им наши данные, не стал даже тратить времени на достатие справок о детях. Посмотрим, чем это кончится. Сумма небось мизерная, но ведь и то дар небес.

5. Кстати, что там в Болгарии? Не собираются прислать экзы? Спроси в иностранной комиссии. Сам не хочешь с этим связываться — выясни адрес издательства, я напишу.

6. С прискорбием отмечаю, что опять ты не держал перед собою моего предыдущего письма, пиша ответ на него. Я там спрашивал и спрашиваю вновь: как насчет 60 процентов в «Юности»? По всем законам мы вроде бы имеем право.

7. У нас тут ходят слухи о пленуме ЦК по вопросам литературы. Ты что-нибудь слышал? Может быть, именно из-за этого ТАМ так тянут с ОО? Не дай нам с тобой бог загреметь в постановление! Жизни больше уж не будет совсем.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет. И поздравления — с новым холодильником.

Аркадий — брату, 14 мая 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Вчера в 9.30 состоялась историческая встреча А. Стругацкого и Ю. Борецкого с тов<арищем> Павленком. Имела она место в кабинете Баскакова в Госкомитете по кину. Баскаков был выжит, а вселился Павленок. Никаких ощутимых результатов встреча не имела, был обмен улыбками и взаимное оглаживание. Но! Еще накануне тов<арищ> Павленок прочитал сценарий про партизан и женщину из будущего, восхитился и направил его на Минскую студию со своей рекомендацией. Жена Борецкого едет туда послезавтра и будет всё узнавать, как там это принято. Впечатление: Павленок будет держать мазу за нас. Взял у меня последний вариант ТББ и нашу заявку на телевидение, помнишь? По В, ПкБ, ДР и пр<очему>. Взял также телефон, сказал, что будет мне в ближайшее время звонить.

2. Из Казани пока ничего.

3. Нина звонила, сказала, что дело сдвинулось с мертвой точки. Что ТАМ передали, будто теперь всё в порядке, остались только малые доделки, которые будут решены с Ниной ТАМ же в рабочем порядке. Но вот уже неделя, как Нина не может добиться приема ТАМ, чтобы покончить с этим делом.

4. Из Риги тоже получил и тоже отправил письмо. Справку о детях (свою, естественно, твоей у меня нема) отправляю сегодня. И тебе советую. Нечего их поощрять, как говорит Нина.

5. В «Юности» и Инокомиссии не был недели две. Так что насчет одобрения и насчет экзов из Болгарии ничего не знаю. Ужо схожу, а куда некогда.

6. Слухов насчет пленума не имею. Впрочем, по образу жизни моему нынешнему — и иметь-то не от кого.

7. Прочел тут Шевцова «Во имя...». Вот вонища!

Пока всё. Обнимаю, целую, твой Арк.

Привет твоим, поцелуй мамочку.

Борис — брату, 18 мая 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Вообще-то новостей никаких, слава богу, нет. Пишу просто, чтобы ответить. Наш бог снова переселился в Москву.

1. Насчет Павленка — интересно. Если бы он действительно встал за нас хотя бы самым умеренным образом — это было бы здорово.

2. Я никуда сейчас не звоню и ни с кем не общаюсь. Дело в том, что... Впрочем, я лучше расскажу тебе при встрече. А суть: для всех я нахожусь сейчас в Москве по твоему

срочному вызову. Это мне понадобилось, чтобы уклониться от кое-каких обязанностей, которые хотели мне навязать в Союзе. Впрочем, и звонить-то некому особенно. Вопрос об авансе в «Авроре» можно будет поставить только в конце мая (по договоренности). А больше дел в Ленинграде фактически не осталось. Да, брат, бог теперь в Москве.

3. Мама уехала в дом отдыха в Зеленогорске. Звонила оттуда, говорит — хорошо.

4. Перечитал вчера ГО. Нет, брат, это может быть хорошая вещь! Это мы с тобой напишем! Даже жалко, что придется отвлекаться на халтуру. Впрочем, может быть, это даже к лучшему: ГО надо растянуть во времени, чтобы было время вспомнить и забыть — вспомнить важное, забыть неважное.

5. Перечитываю сейчас Фейхтвангера — подряд, начиная с «Иудейской войны», — а также помогаю Адочке в ее работе, черчу всякие графики и рисую картиночки.

6. А новостей нет.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Почитатели замучили — валят валом и обрывают телефон.

Аркадий — брату, 22 мая 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

Есть новости. И ты прав, бог снова переселился в Москву, Бог Милостивый, Снисходительный и Улыбающийся.

Пл<ощадь> Ногина выпустила наконец ОО из своих когтистых лап. Разрешение на публикацию дано. Стало, кстати, понятно, чем объяснялась такая затяжка, но об этом при встрече. Стало известно лишь, что мы — правильные советские ребята, не чета всяким клеветникам и злопыхателям, только вот настрой у нас излишне критически-болезненный, да это ничего, с легкой руководящей рукой на нашем плече мы можем и должны продолжать работать.

Итак, ОО на марше снова.

Но!

За это время успели рассыпать набор, и теперь мне приходится начинать всё с самого начала.

Перепечатать текст на машинке (разумеется, со всеми исправлениями и купюрами).

Вычитать машинописный текст (о боже милосердный!).

Производственный отдел дает нам зеленую улицу, Софья Никитична (нач<альник> отдела) могучим плечом уже сейчас раздвигает нам дорогу в толпе детгизовских изданий.

Вычитать верстку.

Произвести все необходимые производственникам манипуляции на предмет сокращения или удлинения абзацев и строк, чтобы уместилось на полном числе печатных листов.

Ждать выхода книги. (Впрочем, предварительно опять-таки потребуются ТАМОШНИЙ штамп, но ТАМ поклялись, что читать снова больше не будут и штамп поставят не глядя.)

Подсчитано, что если все пойдет гладко (в производстве), то книга выйдет где-то в сентябре.

Одновременно я закинул Нине удочку насчет сорока процентов. (Нищета одолела, то-се, лето, дача, дети.) Нина ходила к юристу и выяснила, что это можно при наличии от нас заявления — де после одобрения прошло больше года и пр<очее>. Заявление напишу.

Вот такие дела, как пишет Курт Воннегут (см. «Новый мир» 3).

В остальном новостей нет.

Получил от мамы открытку, ответил, но письмо будет идти долго. Будет мама звонить — передай любовь и поцелуи.

Жму и пр<очее>. Твой Арк. Адке привет.

Борис — брату, 29 мая 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Долго отвечал, ибо отвечать было нечего. И сейчас нечего, да совесть заела — лежит твое письмо в столе, такое безответное, бедненькое. Дай, думаю, отвечу.

1. Только что звонил в «Аврору» насчет аванса. Ранее мы договорились, что вопрос этот будет решен в конце мая. Андрей Островский сказал, что он болел, только что вышел, но что, с его точки зрения, все должно обстоять благополучно. Обещал выяснить и сообщить.

2. Пришли деньги из Риги. 281 руб с копейками. Нничего! Это получается по сто рублей за лист. Что ж, если бы теперь во всех пятнадцати союзных республиках да еще в чертовой уйме автономных областей, краев и прочих административных национальных округов издали по одной ДР — зажили бы мы припеваючи!

3. Из ГДР пришло письмо. Карл-Людвиг Рихтер осведомляется, буду ли я читать лекции по-немецки и не вышлю ли я их, в противном случае, на предмет предварительного ознакомления с ними переводчика («чтобы передать все тонкости»). А мне тем временем ехать расхотелось начисто. Тошнит при одной мысли. Тяну с ответом и тайно надеюсь на административную волокиту в инстанциях, которые так затянут дело, что к осеннему семестру я в Дрезден не попаду, а дальше, глядишь, объявятся неожиданные дела, последует мое письмо с глубочайшими извинениями и т. д. То есть я бы, конечно, в Дрезден на недельку смотался. Но в течение двух недель читать лекции (по четыре в неделю) относительно связи фантастики с философией и наукой, даже за профессорскую зарплату, не хочу!

4. Подрабатываю частным образом, по соглашению — сокращаю рукопись Меерова для Лениздата на три листа. Мучительная работа. Но расплата — марочками!

5. Дави, дави на гадов! Да здравствуют 40 процентов — основа нашего благосостояния и благодатный костыль на дороге бедствий!

6. А скоро поработаем! Кстати, не хочется ли тебе поработать? Побродить, так сказать, среди Шевелящихся Холмов? А? Разленился, небось! Все с рефератиками да с рецензийками забавляешься. А семь авторских листиков хорошей добротной прозы, насыщенной выдумками, образами и гвоздиками — не хочешь ли выработать?! «Холмы были шевелящиеся. На пульте мигали кенотроны. Петр Семенюк тяжело облокотился на подлокотники и рассеянно поиграл кадыком...» Эх, было же время!..

Мама возвращается числа шестого. Десятого, наверное, надо будет приступить. Не дрогнем, а?

Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет!

Аркадий — брату, 2 июня 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Не дрогнем. Особенно мощно не дрогнем, если не 10-го, а примерно 15-го, понеже мои соплявки сдают здесь экзамены и сессии и мне не хотелось бы оставлять Ленку наедине с этим истерическим ужасом. Тесть и теща умыливаются послезавтра на дачу. А вот начиная с 10–15 (по обстоятельствам) всласть пошевелим семенным кадыком на Шевелящихся холмах. Кстати, а как там с договором с «Аврориным»? Насчет шестидюймовки я понимаю, а как реально подписанный договор — существует он или нет? Ибо если он не существует, тогда, соответственно, призрачают шансы на аванс, и я решительно отказываюсь тащиться в Шевелящиеся холмы и предпочту <...> моего друга-следователя.

2. Сидю у в кабинете, загораю и на потолок плюваю. Передо мной заново перепечатанная рукопись ОО, стоит она пока 80 р. Я ее призван считать к утру среды,

после чего явиться к Нине и с помощью художественного редактора разметить места для иллюстраций. Затем, видимо, она (рукопись) пойдет в производство. Нина надеется, что еще до ее отъезда в отпуск (до 15 июля примерно) получится верстка, а по приезде (в августе) и сверка, после чего бездумный штамп на Ногина и в сентябре... Эх, хорошо бы.

3. Насчет 40% идут переговоры, пока все затянуто туманом.

4. С кино тоже пока новостей никаких. Вот-вот должен позвонить мне Павленок и пригласить на беседу. Был у него Юра Борецкий, беседовал. Павленок предложил переделать нашу заявку на «Далекую Радугу» из серии телефильмов на двухсерийный широкоэкранный фильм, что я и сделал. Борецкий уверен, что эта заявка и короткометражка про партизан имеют все шансы пройти. Но до суммы прописью я ему не верю.

5. Стало известно, кто в нашей делегации на симпозиум в Японии. Это: Иван Антонович с супругой (это, действительно, необходимо, он плохо себя чувствует), Рим Парнов, Кагарлицкий, космонавт Леонов и Бережной (это украинский фантаст). Вот так-то, брат Борис. Да оно и к лучшему.

6. Издали ТББ на гишпанском языке. Очень красивая книжка получилась. Вот смотри же ты, даже с нашей ё... полиграфией можно такие хорошие издания производить. Привезу.

Вот пока всё. Привет Адке. Маме я письмо написал.

Целую, жму предплюсну, твой Арк.

Борис — брату, 5 июня 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Подписанный договор с «Авророй» не только существует, но уже получено мною по этому договору что-то порядка 250 рублей. Получено позавчера, так что и ты скоро получишь, если уже не получил. А это значит, что работать-таки придется среди Шевелящихся Холмов, а не среди <...> нашего друга следователя.

2. Мамочка прибывает завтра. Буду ее встречать. Против твоего приезда числа 15-го отнюдь не возражаю — погоды стоят жаркие, ленивые, и так сладко, ни о чем не думая, копаться в марочках.

3. Ты все-таки до отъезда протолкни дело насчет денег не только в Детгизе (там, как я понял, толчок был дан), но и в «Юности». Что-то меня беспокоит твое молчание по поводу «Юности» — хотелось бы все-таки вырвать у них 60 процентов. А уж как получится с <оварищем> Павленком — будем только бога молить. Я с Лешкой о нем разговаривал, и Лешкины глаза загорелись: Павленок — третье лицо в Комитете. Шутки! Оч-чень полезное знакомство.

4. Как нас в «Правде» пропечатали, небось не заметил? Газет небось не читаешь? Оч-чень даже здорово получилось и весьма пикантно. Эх, будь на нашем месте истинно деловые люди, как бы стопроцентно они это использовали! На всякий случай сообщаю (если тебе еще не сообщили, что возможно): в «Правде» от 3, кажется, июня в статье, посвященной космонавтам, на стр. 3, смотрю это я — что-то знакомое! Ба! Рассказывается что-то там про Королева и сообщается между прочим, что в его архиве нашли какие-то бумажки, на коих его личным почерком написаны стихи: «В предутренний ветер, в ненастное море, где белая пена бурлит...» и т. д. Помнишь? Из СБТ. На нас ссылки, натурально, нет, и вообще ощущается тень намека, что это написал сам Главный конструктор, но факт есть факт. Так что ты везде об этом рассказывай — вдруг чем-то поможет. Да и приятно все-таки, хоть стихи и дерьмовенькие. Так что теперь нас не тронь — мы в ЦО печатаемся. Как Евтушенко.

5. По-моему, огорчило тебя, что не пустили в Японию. Плюнь! Все это, ей-богу, к лучшему. А я уж теперь хрен поеду в ГДР. Лекции вам читать? Хера! Не пускать так не

пускать. Кстати, здесь был Лео Кошут, главред гедеэровского изд<ательст>ва, которое печатало СБТ. Я говорил с ним по телефону. Он сказал, что в их изд<ательст>ве только несколькими тиражами вышла СБТ и какие-то рассказы. Намекнул, почему больше ничего не вышло. Сказал, что деньги можно получить по приезду в ГДР, в любое время. Когда-нибудь съездим. Без лекций только. На пару дней.

6. А что слышно из Казани?

7. Я тут вкалывал на Меерова. Здорово поработал, в поте лица. Сократил на два с половиной листа. Посмотрим, что будет.

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет! Девчонкам — ни пуха ни пера.

Аркадий — брату, 6 июля 1970, М. — Л.

Дорогой Борис!

Начинаем летнюю переписку.

1. С Ниной увидеться не пришлось, только обстоятельно разговаривали по телефону. ОО приходил из производственного отдела, Нина сняла вопросы корректоров и производственников, сейчас рукопись направляется непосредственно в набор. Случится это либо сегодня, 6 июля, либо через день. Нина уезжает в отпуск на месяц, управление нашими делами передала Эле Микоян, так что держать связь я буду с нею. Относительно денег — всё в порядке, деньги нам выслали (по слухам) третьего, так что будем ждать.

2. В «Юности» имел место некоторый шухерок по поводу нашей фотографии. Я вернулся как раз в тот день, когда Ленке строго предложили незамедлительно и категорически достать наш портрет. Каковы нравы? Ну, я на следующее утро туда. Конечно, никого там на месте нет. И это было к добру. Пошел я в ЦДЛ и носом к носу натолкнулся на Лесса — помнишь, этот спецфотограф по писателям? Все утряслось моментально. Лесс был страшно доволен, поскольку финансово оправдывал затраты на фотопринадлежности, проявление и пр<очее>. Я был страшно доволен, потому что от меня отстали. Худредактор был страшно доволен, потому что фото у Лесса качественные и ретушировать не придется. В тот же день, двумя часами позже, я увиделся с художником Новожиловым, который сдавал иллюстрации для первого нашего номера. Мне страшно понравилось. А вот что мне НЕ понравилось. Ребята в «Юности», с которыми я разговаривал, с гадливостью рассказывают, что Железнов, ответственный секретарь, взялся сейчас сам читать перед сдачей в набор и обнаруживает вопиющее отсутствие литературных талантов (у себя): ему неизвестны, а следовательно объявлены в русском языке несуществующими, слова типа «брылья», «нищеврод» и пр<очее>. Озерова предложила мне быть все время в пределах досягаемости, чтобы по первому свистку выехать и вступить в сражение, ибо она ничего поделает с ним, Железновым, не может. Впрочем, полагаю, все утрясется. Как поеду туда, так и поговорю с Озеровой насчет одобрения.

3. Больше существенных новостей нет. Между делом прочитал Шевцова «Любовь и ненависть». Страшненькая книжечка. Между прочим, прошел слух, будто в ЦК вынесли решение о строгом партийном взыскании Шевцову — по совокупности. Если это правда, то было бы неплохо.

Вот всё пока.

Привет Адке. Поцелуй маму.

Твой Арк.

Борис — брату, 10 июля 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Письмо твое наконец получил. Ай да ты! Обещал ответить, в смысле отписать, на другой же день по приезде, а что получилось? Впрочем, понимаю: писать было особенно нечего. Мне тоже писать-таки особенно нечего, но пишу!

1. Ходил в Литфонд, подал заявки на первую половину сентября и на вторую половину октября. Обещали.

2. Вышла книга Бритикова о фантастике. Я ее еще не видел, но некоторые видели и почитывали. Говорят, что книга странноватая. Насколько я понял, Бритиков там со страшной силой несет Немцово-Казанцева, что меня несколько (не сильно, впрочем) удивило, и — что удивило меня гораздо больше — много пишет о нас, причем в основном хвалит. Я, грешным делом, думал, что в связи с конъюнктурой Бритиков нас вообще вымарает, однако же — нет. Миша Лемхин рассказывал, что о нас там очень много, чуть ли не на каждой странице. Говорили мне еще, что хвалит (среди прочих наших вещей) ВМ и ругает УнС (Новопашенный цитировал мне по телефону: «Улитка Стругацких ползет вниз по склону фантастики»).

3. Когда будешь разговаривать с Железновым, держись крепче. Такие разговоры насчет русского языка — это милое дело. Крой его эрудицией, ссылайся на Даля и Ожегова и соглашайся не более чем с десятью процентами замечаний. Это допускается. На самом деле Железнов, конечно, озабочен убрать РУССКИЕ слова из повести, рассказывающей о НЕРУССКОЙ жизни. Это всё разновидности борьбы с аллюзиями и ассоциациями, а также с многодонностью литературы. Я этого дела нюхнул в «Неве» по самую завязку.

4. Я сейчас в основном читаю и помогаю Адке считать. Дней через десять мы, вероятно, уедем с ней куда-нибудь, но не больше, чем на две недели. Надеюсь еще получить от тебя одно письмо до отъезда. И было бы ИЗУМИТЕЛЬНО, если бы ты выслал мне ТББ на гишпанском. Это было бы ВЕЛИКОЛЕПНО!

5. Пришли ли деньги из Детгиза, не знаю. Впрочем, на днях пойду в сберкассу.

6. Завтра провожаю мамочку в Москву. На днях мы с ней сражались в тыщу, и я выиграл 70 коп. А до этого играли в девятку с Копыловыми, и я просадил пять рубликов. Вот не везло так не везло! У Копылова была пруха, он выигрывал подряд, прямо как тот хмырь у Гашека, и как он ни корчился, как ни мучился — всё выигрывал и выигрывал. Мы его уже крыли по-всячески и намеревались бить, но ничего не помогало. Он уж и Фортуна ругал шлюхой и падлой — не помогало. Карты ронял. Уходил надолго в сортир. Прерывал игру, чтобы пожрать. Нет, не помогало. В общем, выиграл за вечер больше восьми рублей!

7. Из фотографий Лесса я бы рекомендовал все-таки ту, где мы стоим у книжной полки. «Мы за машинкой» мне не нра. Какая-то она нарочитая. Впрочем, все это моча.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет!!!

P. P. S. Так вышли ТББ, а? Это было бы РОСКОШНО! Это было бы ...ительно и ...ейше!

P. P. P. S. И опять же ты забыл поставить дату, мать... мать... мать... !!!

Аркадий — брату, 12 июля 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

Новостей особых нет.

1. Был в «Юности», не дождавшись приглашения. Озерова сказала, что приглашений, видимо, и не будет, две части повести уже ушли в набор, а третью

Железнов еще читает. Я намекнул насчет одобрения, она пообещала позондировать начальство.

2. О книге Бритикова слышал, но не видел. Чего же он ее нам не дарит, сукин сын? Сам он ползет, в некотором роде, вниз по склону.

3. Высылаю тебе ТББ на гишпанском и один экз. «Огненного цикла».

4. О выборе фото не могло быть и речи, ибо Лесс передал его (фото) без моего участия и присутствия.

5. Относительно ОО ничего не слышно, считается, что это хороший признак, а там черт его знает.

6. Есть слух, что в «Правде» готовится статья по фантастике, написал Дмитриевский, имен никаких, кроме Ефремова и Снегова, не упоминал. Есть также слух, что хотят там вставить про нас и, признав талантливость, все-таки пожурить. Вот еще этого нам не хватало!

А также всего, что потребуется впредь.

Привет Адке.

Дату поставить не забыл, она в тексте, разуй глаза.

А сегодня 12 июля 1970 года.

Жму, целую, твой Арк.

Борис — брату, 16 июля 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Вчера вечером получил твое письмо, а сейчас вот принесли бандероль. Большое спасибо. Все это выглядит очень мило, а кроме того, следует ожидать кой-каких денег за «Огненный цикл», не так ли? Пока что — а был я в сберкассе 14-го — ничего нового на книжке не появилось. Ты бы проверил, а?

1. Новостей у меня, в общем, никаких нет. Давеча звонил Севка Ревич, был проездом, хотел встретиться, а я как раз шел на день рождения в одно место и ничего не вышло. Жаль. Я хотел узнать, что там у вас и как. Эти слухи о статье Дмитриевского мне тоже крайне не нравятся. Но остается, видимо, только молиться.

2. Вчера вдруг позвонил директор Литфонда. Был чудовищно любезен, выяснял, какие номера нам удобно, и не страшно ли, если мы окажемся на разных этажах, и вообще. А кончится все это тем, что опять придется туда идти и стучать по столу.

3. Книжка Бритикова, по слухам, навалом лежит у нас в Академкниге. Завтра пойду покупать. Тебя буду иметь в виду. А особенно рассчитывать на авторские я не намерен: не те у нас с ним отношения, да и осуществится этот дар, я думаю, не раньше осени. Книжку я уже видел, издана хорошо, в именном указателе Стругацкие находятся на одном из первых мест по упоминанию — впереди разве что Ефремов. При просмотре успел только заметить, что автор хвалит ТББ и попутно несет Немцова.

4. Все время звонят почитатели, хотят общаться. Давеча вот звонил один из Чечено-Ингушетии. Слава, брат, слава, так ее и не так. И не мать. А денег нет.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Привет Леночке. И маме, если будешь общаться. Напомни, что обещала мне написать.

Борис — брату, 5 августа 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Ты, небось, полагаешь (со слов мамы), что я наслаждаюсь отдыхом и солнцем около какого-нибудь лесного озера. Так хрена же! С отпуском у нас ничего не вышло, понеже Адка оказалась завалена делами до упора. Так что мы только съездили на казенной машине вокруг Чудского озера (три дня) и теперь снова пребываем у пенатов. В первую

же ночевку я имел несчастье в глубокой тьме у костра заехать ногою в котелок с кипятком и заработал великолепный ожог второй степени: весь подъем правой ноги представляет у меня теперь чудовищный волдырь, беспрестанно точащий серозную жидкость. Сижу, натурально, дома и перемещаюсь по квартире на одной ноге — как Джон Силвер, вдруг утративший костыль.

Получил из Дрездена официальное письмо с приглашением, и так вдруг расхотелось ехать, что с ходу написал им исполненное раскаяния письмо относительно чудовищной загруженности делами, полной невозможности покинуть дом родной даже на неделю, мне невообразимо жаль... ваши хлопоты... такова жизнь писателя... ничего нельзя распланировать заранее... с сожалениями ваш... и т. д. Может быть, теперь отстанут.

Из Японии вдруг пришла бандероль: Тору Миёси, с которым ты не захотел познакомиться и с которым я познакомился прошлым летом, прислал в соответствии с обещанием какой-то свой психологический детектив. Что и о чем, сам понимаешь, разобрать я не могу. Цена — 430 иен. Всё. Ужо в сентябре получишь, и — чем черт не шутит — может быть, пригодится перевести и подзаработать.

Встречался с Володькой Лукониным. С кровью выдрал у него томик твоего Джекобса, зажатый у меня лет пятнадцать назад. Тоже получишь при встрече.

Прочитал статью Дмитревского. Могло быть и хуже. Ладно, переживем.

Как там дела? Что слышно? Деньги из Детгиза (1080 р.) и из «Мира» я получил. Был приятно поражен гонораром за Клементя — раза в полтора больше, чем я ожидал. Что ж, теперь еще выпотрошить бы Детгиз по-настоящему и можно будет заняться настоящим делом.

Жду письма. Пока всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет!

P. P. S. А у нас Толстикова сняли. Посылают послом в Китай. А у вас?

Аркадий — брату, 9 августа 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

Получил твое скорбное письмо. У меня, впрочем, тоже ничего особенного нет. Я даже не источаю серозную жидкость.

1. Прошла верстка ОО, по техническим причинам пришлось посидеть, дабы увеличить число строк в последних трех-четырёх листах на 200. Это не значит, конечно, что я дописал 200 строк, просто пришлось удлинять подходящие строки на одно-два слова — гл<авным> образом прилагательные и наречия. Удлинил. Сдал.

2. Прошла верстка первой части ДоУ в «Юности». Ничегё, довольно аккуратно.

3. Из ГДР пришло два экза сборника «Флюг цум Альфа Эридани». Мы там, сам понимаешь, представлены этим г... «Айн роботер брихт аус», что означает, сам понимаешь, «Спонтанный рефлекс». А издание красивое.

4. Войскунский и Лукодьянов прислали нам по экзу «Плеск звездных морей».

Что еще?

Читаю с интересом статью Лема в «Новом мире».

Да, вот еще. Прочел я книгу Бритикова и зашелся от злости. Ну и бредятина. Оказывается, мы с тобой вкупе с Громовой являемся создателями теории фантастики как приема, порочной и ошибочной, которая столь прискорбно сказала на нашей с тобой идейно-художественной и т. д. и т. п. Себя же Бритиков объявил паладином теории фантастики как метода. Ну, мы с Громихой махнули открытое письмо в «Новый мир». Там это письмо не взяли. Тогда мы его в «Вопли». Там сейчас рассматривают. Но какова свинья — Бритиков! Он, ко всему прочему, еще и серый. Пишет ужасно, путаница у него несусветная, как теоретическая, так и фактическая. И Брандис хорош, его научный редактор. Ну, да хер с ними с обоямя.

В кино никакого движения.

Заканчиваю свою службу в ВИНТИ, слава богу, насоставлял им два номера вперед и откланиваюсь. Завтра еду в Кудиново, к себе на работу, буду просить за свой счет отпуск, а не дадут — подам в отставку. Будет, надоело. Не пр-р-ропадем.

Такие дела.

Книгу Бритикова постарайся достать — и для меня, по возможности.

Пока всё. Жму, целую. Привет Адке. Лечись.

Твой Арк.

Борис — брату, 12 августа 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил наконец твое письмо, спешу ответить.

1. Новостей у меня никаких нет. Лечу ногу. Читаю. Перечитываю. Перед сном много и довольно бесплодно размышляю о М. С этим М нам еще предстоит основательно покорчиться. Сколько я ни представляю себе вторую часть, все время получается как-то пресновато. Я напридумывал множество чудес, кучу нечеловеческих свойств Малыша, но нет, понимаешь, во всем этом законченности, закругленности, этаким смыкаемостью на идею. Получается забавно, юный читатель будет писать, но ведь это — так мало. Ну, ладно.

2. Со «Спонтанным рефлексом» нам просто везет. По моим подсчетам, этот рассказишко (наряду с СБТ и «Шестью спичками») является этаким полномочным представителем творчества Стругацких за рубежом, и это тем более забавно, что в СССР этот рассказ почти неизвестен — его не читал даже всезнающий Кан, и в библиографиях он, как правило, не упоминается (например, его нет в ляпуновской библиографии в книге Бритикова).

3. Твоя бурная реакция на Бритикова меня, честно говоря, изумила. Книжка как книжка. Сероватая, конечно, нудноватая, но совсем не подлая и ничем не хуже брандисо-дмитревских сочинений. И про нас он пишет, согласись, вполне прилично, гораздо лучше, чем можно было бы ожидать по духу времени. Все-таки, брат, сейчас, прямо скажем, не 64-й годик и, уж конечно, не 62-й. Так что твое сообщение о письме в «ВопЛи» меня несколько смущает. Не надо бы, а? Ни к чему нам это, ей-богу. Громова — пусть. Громова — она и есть Громова. Это ее дело — методы там разные, приемы, теории, а нам-то что за дело. Воля твоя, но я бы при первом же удобном случае наши имена с того письма снял. Совершенно ни к чему лезть нам в теорию и выступать против книги, пусть весьма средненькой, путаной, с ошибками, но НЕ ПОДЛОЙ.

4. Между прочим, помнится мне, ГЛ были сданы в «Новый мир». Ну, и чем кончилось? То есть ЧЕМ кончилось, я догадываюсь, но КАК? Отпиши.

5. Что слышно из Казани? Общался ли ты с Борецким или Павленком? Все отпиши.

6. А ведь скоро за работу! Скорее бери отпуск, поваляйся хоть недельку на диване, остервеней как следует, чтобы работалось со страстью. Скорее отбарабанить М и взяться за настоящее дело.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Аркадий — брату, 17 августа 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

Письмо получил, отвечаю.

1. Верстка ОО, несмотря на болезнь Нины (но под ее неусыпным наблюдением), была своевременно обработана и еще в ту среду сдана обратно в производство. В «Юности» еще не был, ибо всю неделю корпел на работе — пришли 75 кассет с микрофото японских патентов из патентной биб<лиоте>ки, и надобно было это хозяйство

приводить в порядок, какового я сделал только 33%. Остальное буду делать в ноябре, когда вернусь.

2. Над М я тоже размышляю, и мне тоже не нравится вторая часть, хотя, вероятно, по другим причинам, нежели тебе. Грубо, приблизительно говоря, не хочу, чтобы он умирал. Ну, это при встрече. Нечеловеческие свойства и чудеса записывай аккуратно, знаю я тебя, все втуне пойдет, если не запишешь.

3. Относительно моей реакции на Бритикова. Не знаю. Я воспринял книгу как подлую. Да, хвалит, поднимает втоптанное в грязь ХВВ и ВНМ, но в то же время предъявляет нам политические обвинения, и мало того, что предъявляет, — выдумывает еще и предъявляет нам причины нашего «падения» — мы, видишь ли, создатели порочной теории фантастики как приема. Это ли не гадость? Ну, да хрен с ним. Будет возможность — сниму фамилии. Да и не беспокойся так, во-первых, бабушка надсятеро сказала, увидит ли это письмо свет, а во-вторых, оно в таком же духе, как — помнишь? — письмо наше по поводу статьи Когана. Да я привезу тебе копию, посмотришь.

4. ГЛ производят в НМ фурор (со слов Громовой). Среднее звено читает взахлеб и пишет. Но то же самое среднее звено и именно поэтому же боится показать ГЛ начальству. Я сформулировал им задачу так: дайте нам квалифицированные рецензии, чтобы мы знали, как воспринимают такую вещь далекие от фантастики и социологии литературоведы-профессионалы. Ответ: будут рецензии.

5. Случилась странная или потешная штука. Звонит мне вчера Юра Борецкий, поговорили о том-сем (пока ничего нового), а он и говорит: кстати, в Пушкинском доме был? Нет, говорю, не был, а что? Выясняется, что в нашем Пушкинском доме, именуемом еще Музеем изящных искусств, имеет место выставка болгарской графики и представлены, в частности, великолепные иллюстрации художника имярек к повести «Улитка, взбирающаяся по склону» (авторы не указаны). Борецкий в восторге, графика, говорит, изумительная. А?

6. В отпуск готов в любой момент. Как с путевками?

Привет всем, жму и целую, твой Арк.

Борис — брату, 20 августа 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Только что выкупил путевки. Жду тебя 1-го вечером. Путевки начинаются 2-го, кончаются 14-го. Надеюсь еще получить от тебя какое ни на есть письмишко.

Пока всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Мама сообщает, что сегодня сядет писать тебе письмо.

Борис — брату, 25 августа 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Оно побило все рекорды: отправлено 17.08, получено в Ленинграде 24.08 (!). Наводит на размышления.

1. Не знаю, получил ли ты мою открытку. На всякий случай повторяю: путевки у меня в руках, жду тебя вечером 1-го сентября, конец путевкам 14-го, было бы хорошо, если бы ты раздобыл ленту для пишмашинки.

2. Новостей у меня, собственно, нет. Мельком виделся с Брандисом, он побывал в ГДР, обещал рассказать всякие забавные вещи об издательской политике немцев в области фантастики вообще и по отношению к Стругацким в частности, приглашал зайти, но я всё как-то не соберусь.

3. Звонил мне Борщаговский. Рассказал свою эпопею общения с тобою по поводу перевертыша для Италии, жаловался, что ничего не понимает. Я его утешал в том смысле,

что, мол, это какое-то недоразумение, и чтобы утешить окончательно, подарил ему книжку.

4. Да, по поводу М нам придется с тобой еще основательно поговорить. Туманно это всё как-то. Впрочем, на то и работа.

5. Насчет болгарской графики — это те же самые иллюстрации к УнС, которые уже были готовы, когда книжку засекли. Да, хотелось бы взглянуть. Хоть ты-то сходи — интересно ведь.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

А тебя поздравляю с 45-летием. Подробности телеграммой.

Аркадий — брату, 17 сентября 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

Излагаю:

1. ОО получена сверка, на этой неделе, видимо, Нина понесет его в цензуру. Молись. Впрочем, надеюсь я, что все обойдется благополучно. Детгиз, со своей стороны, твердо намерен выпустить книгу в этом году. Пискунов попробовал было дать нам всего 50 тыс. тиража (тогда бы нам больше ни копейки не заплатили), но Нине и Калакуцкой удалось отстоять нам 75 тыс.

2. Из Управления по охране авторских прав сообщили нам, что получен на нас гонорар. Я пошел узнать. Гонорары из Франции за «Возвращение» на 100 руб. и из ФРГ за «Обитаемый остров» на 90 руб. Получать будем сертификаты. От тебя требуется как можно скорее прислать две бумаги: 1. «Всесоюзному Управлению по охране авторских прав от гр<аждани>на такого-то заявление. Прошу авторский гонорар, поступивший из Франции и ФРГ за переиздание повестей «Возвращение» и «Обитаемый остров», выплатить мне в сертификатах в размере 50%». (Это поскольку гонорар делим пополам.) 2. Доверенность. «Доверяю настоящим моему брату и соавтору такому-то получить причитающийся мне гонорар, поступивший из Франции и ФРГ, во Внешпосылторге». Заверишь доверенность в своем отделении СП. Итого придется нам на рыло по 95 руб. примерно. В сертификатах это хороший кусочек.

3. У нас новость: Наталья <Воскресенская> выходит замуж за какого-то парня из мехмата. В связи с этим мы теперь должны переезжать. У нас сейчас есть возможность купить готовую квартиру в академическом кооперативе. Нужно 2800 руб. 1000 у меня есть. Еще 2000 намерен я просить у Манина. Но, сам понимаешь, лучше бы это все справить в узком кругу. Могу ли я рассчитывать перехватить у тебя хотя бы 1000? Тогда я с Маниным рассчитался бы (если все пойдет с ОО) еще до Нового года, а тебе выплатил бы в течение 71-го. Как ты, а? Будешь мне споспешествовать? Я тогда у Манина возьму деньги сейчас, по приезде в Комарово возьму у тебя и верну ему половину, а вторую половину по выходе ОО.

Срочно всё вышли, а также всё мне отпиши.

Привет своим. Поцелуй маму. Твой Арк.

Борис — брату, 19 сентября 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Какой может быть разговор? Конечно же, я дам тебе тыщу. Если выйдет ОО, все будет хорошо. Если не выйдет, что ж — перебьемся как-нибудь. Дело благородное — не на водку же!

2. Бумаги высылаю. Если успеешь получить сертификаты до своего отъезда, обязательно отпиши мне и ответь на следующие вопросы:

а. На какую сумму сертификаты (точно)?

- b. Что за сертификаты? Какого вида?
 c. Адрес издательств во Франции и ФРГ. (На предмет получения экзов.)
 d. Попробуй выяснить, почему раньше Франция не платила за В, а теперь вдруг решила платить? Может быть, нам еще что-либо причитается?
 3. Был в Литфонде. Попросил путевки с 26 октября. Обещали.
 Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].
 P. S. Леночке привет.
 Наталье — поздравления.
 Счастливо отдохнуть!

Аркадий — брату, 24 сентября 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Спасибо за готовность помочь. К счастью, это, видимо, не понадобится: от трехкомнатной квартиры решили отказаться, пока переселимся к знакомым, будем искать кооператив на однокомнатную. Манину я деньги вернул с благодарностью.
2. Бумаги твои я отнес, к моему возвращению из Гагры и поездке в Комарово я получу все эти сертификаты и привезу тебе твою половину. Должен тебя огорчить: хотя сертификаты самые лучшие — «без полосы», как они выражаются, — у нас еще вычтут при выдаче 35%. Вот так-то. Получится что-то примерно по 60 ру на нос. Адресов издательств мне там не дали, посоветовали обратиться по инстанциям в Межкниге. Заниматься этим времени нет, разве что по приезду. Франция раньше заплатила за В, а только сейчас нам об этом сообщили.
3. Звонил Нине насчет ОО. Пошлют на Ногина только на той неделе — задержались с оформлением.
4. Получил № 9 «Юности». Сегодня читал верстку № 11. Иллюстрации нравятся.
5. Улетаем завтра утром.
 Жму, целую. Привет твоим, поцелуй маму.
 Твой Арк.

Аркадий — брату, 2 октября 1970, Гагра — Л.

Дорогой Борик!

Памятуя твою просьбу, пишу.

1. Классификация цивилизаций у меня ну совершенно не идет. Леня об этом думать. Ну ее, классификацию. Как-нибудь объединим этот вопрос по кривой.
2. По «Малышу» полагаю я, что надобно «кишки», высывающиеся из-за гор, убрать напрочь и нигде ни о чем подобном не упоминать. Достаточно того, что видят они на экране с «третьего глаза».
3. Посмотрел я тут «Рожденную свободной» — возможно, ты читал: о львице, воспитанной среди людей. Очень эта вещь к «Малышу» относится. Эта львица оказалась совершенно непригодной к жизни самостоятельной — не умела охотиться и пр<очее>, а люди ее держать тоже не могли, понеже опасно. Вот и с нашим героем что-то вроде этого, только он еще не успел стать «опасным» аборигенам.
4. То обстоятельство, что Малыш слишком антропоморфен у нас, не должно нас смущать. В конце концов, Маугли у Киплинга тоже. Я полагаю, наделять Малыша чересчур аборигенной психологией при всей заманчивости этой идеи было бы тоже антихудожественно. Так что общая психологическая схема Малыша меня удовлетворяет.
5. Черкни писульку сюда. Адрес: г. Гагра, ул. Руставели 141, Дом Творчества Литфонда, мне.

6. Братья-писатели, прочитав № 9 «Юности», пристают ко мне, чтобы я рассказал, что будет дальше. Nuts to them!¹

Всё. Обнимаю, привет Адке. Твой [подпись].

Борис — брату, 6 октября 1970, Л. — Гагра

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо, отвечаю немедленно.

1. Наконец раздобыл «Юность». Действительно, иллюстрации хороши. Только Мозес меня несколько разочаровал — сигара зачем-то и вообще вид американского бизнесмена по Ефимову. Но зато Симонэ и чадо — хороши.

2. В соответствии с договоренностью общался по телефону с Дмитриевским. Всё ему рассказал, как и договаривались. Он был доволен. Настроен оптимистически, но, по моему, ни хрена не знает, так что оптимизму его — грош цена.

3. Нагрянул тут из Дрездена Карл-Людвиг Рихтер — тот, что агитировал меня читать лекции. Вчера я с ним общался. Симпатичный немец, востроносенький такой, розовощекий и светлоглазый. Много и интересно рассказывал о ГДР. Я ему сказал, что лекции читать не поеду заведомо, но если выберусь в Берлин за нашими гонорарами, то заодно съезжу и в Дрезден, встречу там с любителями фантастики. Он был и этим доволен. Как я понял, его основной интерес — поднабраться от нас цитат для своей диссертации. Он пишет что-то там о взаимоотношении человека и техники, и Громиха с Нуделем нацелили его на нас еще год или два назад.

4. Теперь насчет М. Я ее перечитал. К моему огромному удивлению, это оказалось неплохо. Во всяком случае, гораздо лучше, чем я ожидал. Я боялся литературно-технического несовершенства (повторения, однообразие описаний, водянистость и пр<очее>) — ничего этого нет. Но есть другое: трагедия Малыша разворачивается слишком уж скоропалительно. Очень обрывистый конец (только это читатель рот раззявил в ожидании чудес, и тут — конец). Очень не на месте рассуждения Каспара — висят грузным курдюком там, где должно все происходить стремительно (может быть, из-за этого скрадывается и трагедия Малыша). В общем, я сам пока толком не разобрался, как и что, но ощущение такое: собственно Малыш занимает около 60 страниц; этого мало; эволюция душевных переживаний должна быть растянута; однако растягивать некуда, у нас нет места. В этом вот и проблема. Я совершенно согласен с тобой, что антропоморфность Малыша — не страшно. Можно убрать и усы (хотя при этом пропадут некоторые энергичные и не лишние прелести сцены). Но вот как сделать главное, спектр переживаний и отношений Малыша: от простого неприятия к любопытству, к восторженному любопытству, к мысли о предательстве своих, к отчаянию — вот как это сделать, я пока не понимаю. Ладно, будем думать.

5. Эх, скорее бы раздраконить нам М! Я тут еще раз перечитал ГО — очень, знаешь ли, неплохо! Прямо одно удовольствие читать.

6. Все-таки еще раз прошу тебя: когда будешь получать сертификаты, попытайся выяснить, сколько же денег было нам переведено в оригинале и когда.

7. Путевки я заказал с 26-го. Когда приедешь в Москву, обязательно мне напиши.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет!

Аркадий — брату, 12 ноября 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

Посылаю первую корреспонденцию.

¹ Шиш им! (англ.).

1. С ОО все по-прежнему, я с Ниной не виделся, но, судя по голосу в телефоне, у меня такое впечатление, что она теряет силы и надежду.

2. Посылаю тебе твой экз договора, предложенного венграми. К договору была сопроводилка из Управления по охране авт<орских> прав, где подтверждается соответствие предложений венгров условиям заключенного между ними и нами соглашения. Два экза, согласно их просьбе, я подписал за нас обоих и отослал обратно в Управление.

3. М сдан на машинку, будет у меня в пятницу, за субботу и воскресенье я считаю, а в понедельник отнесу Беле <Клюевой> и Жемайтису. Хотя у них в издательстве сейчас идет шумный скандал, и вряд ли можно ожидать рассмотрение нашей заявки в ближайшее время.

4. Был у Девиса, встретил полное понимание. Он предлагает перевести опять же Хола Клемента — «Миссию тяготения». Книгу мне дал, я ее сейчас читаю.

5. Пока никого из работодателей больше не видел. Черт. Отвык от своей машинки, все время не туда бью. А палец заживает.

Вот пока всё.

Привет Адке, поцелуй маму.

Дома всё в порядке. Будем искать квартиру.

Обнимаю, твой Арк.

Борис — брату, 16 ноября 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Ну вот и первый договор с зарубежными братьями! Казалось бы, что такого, а все-таки приятно. Значит, если ничего экстраординарного не произойдет, в течение ближайших двух лет получим по 12 тыс. форинтов. И хотя форинт по нынешнему курсу составляет ровнехонько восемь коп, все же — с неба манна. Впрочем, по 12 не получится: не говоря уже о вычетах, книжки ведь будут в переплете, а это почему-то хуже для автора. Дерут с проезжающих!

Теперь соображения и вопросы:

1. Почему не пишешь ничего о впечатлении от ГО? Неужели не понравилось?

2. Мой М тоже в перепечатке. Будет готов в среду, так что еще на этой неделе, вероятно, отдам Дмитревскому и в «Аврору». Дмитревского, кстати, нет, он в Москве, но обещали, что вот-вот будет здесь. А про «Аврору» рассказывают ребята, что журналистик рекламирует «Операцию “Маугли”» всюю — тиражи-то хреновые и журнал во всех киосках валяется, не то что «Юность». «Малыша» прочел пока только Сашка Копылов. Читал, по его словам, с удовольствием, хотя, конечно... не то, понимаете ли! Впрочем, Сашка — человек простой, он и Меерова читал с удовольствием.

3. Теперь вот что. Как выяснилось, Шахбазян без всякого юмора воспринял весть, что его благородную фамилию треплют в бульварных романчиках. Поэтому, когда получишь рукопись, измени, пожалуйста, Каспара Шахбазяна на Каспара Манукяна. Я сделаю то же. Не забудь, ради бога, а то может получиться неловко.

4. Ну что ж, Хол Клемент так Хол Клемент. Тут только одно «но». Не «Миссию ли тяготения» переводил Голант? Неудобно будет. Один раз мы его уже обошли с Клементом. Не воспринял бы он это как систему. Он ведь к нам очень хорошо относится. Ты, при разговоре с Девисом, напони мягко про Голанта. И пусть решает Девис.

5. А что за новый скандал в МолГв?

6. Мамочке напиши про свои домашние обстоятельства. Она беспокоится.

7. Я уже звонил в Литфонд, просил путевку с 14.12. Обещали учесть.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет. И молодоженам.

Аркадий — брату, 20 ноября 1970, М. — Л.

Дорогой Борик.

Форинты — ладно, когда-то они еще будут, а и неизвестно еще, будут ли. Меня, честно говоря, больше интересуют рубли, они же башли, а конкретно — красенькие, большие пачки красеньких, огромные пачки, я бы сказал. И есть у меня... гм... задумка посвятить этому интересу весь следующий год. Ну, это при встрече.

1. ГО я в вагоне не читал, берег для спокойной обстановки. И прочитал только неделю назад. Изрядная будет вещь, я так считаю. Неожиданная. Только главное — не торопиться. Здесь как никогда раньше необходимо длительное накопление и укладывание впечатлений и новых идей. Есть у меня мнение, что придется нам писать не менее двух черновиков. И, возможно, придется во втором черновике слегка (а кое-где и изрядно) расширять отдельные эпизоды и даже целые главы. Значит, ориентировочно я выезжаю 13-го, я так понял. В следующем письме подтверди.

2. М вышел из перепечатки, но отдал я его только Юре Манину — подарок по традиции — и Нине Матвеевне — почитать. Жемайтис в отпуске, Белочка болеет, так что заявку нести сейчас некому. Что до скандала в МолГв, то это мой информатор всё напутал. Речь шла не об издательстве, а о журнале. Кажется, до этого Никонова все-таки добрались. Подробности мне неизвестны.

3. Насчет Хола Клементя. С Девисом я еще не встречался, но говорил с Хидекель, и она сообщила, что Голант переводит другую книгу, а эту Девис зарезервировал для москвичей, в частности, для нас. Так что с этикой здесь все должно быть в порядке. На той неделе пойду к Девису договариваться окончательно, тогда всё уточню. Но бог ты мой, что это за скучища — «Миссия тяготения»! Я и забыл, как это скучно. Но! Красенькие!

4. Был я в сценарной коллегии Госкомитета по кино РСФСР у товарища Маторского Анатолия Григорьевича. Коллегия рассмотрела нашу с Борецким заявку-либретто «Гость из полудня» и совсем было нашла ее неприемлемой, но именно Маторский, который курирует единственную студию худфильмов этого комитета — Свердловскую, — объявил, что ему нравится. Были высказаны пожелания и поправки, и мы с Борецким просидели двенадцать часов, выворачиваясь через задницу, совмещая два требования: чтобы наш современник-комиссар был прав суровой правдой нашей действительности, а женщина из будущего была права универсальной правдой истории. Кажется, совместили. Торопиться пришлось потому, что Маторский уезжал в Свердловск и хотел тут же подкинуть туда готовый вариант либретто, чтобы подпихнуть их на скорейшее заключение договора. На этом пока все кончилось.

5. Прочел последний наш кусок в «Юности». Как я и ожидал, по мелочам напакостили без нашего ведома. Читатель, конечно, не заметит, но противно. Я хотел покипятиться, но потом махнул рукой. Пусть гордятся.

6. Звонил тут мне некий заслуженный деятель искусств Токарев Владимир Николаевич. Как я понял, он специалист по драматургированию прозы (а возможно, если попадется, то и поэзии), сделано им несколько значительных пьес, в частности, «До свидания, мальчики» и «Три зимы и два лета», а теперь обращается он к нам по поводу опьесизации ДоУ, сам понимаешь. Ничего конкретного, так, заявочный столбик он у меня забил. Я сказал, что должен — а как же! — посоветоваться с тобой. Так вот, позвони к Володину, выясни а) кто это такой и б) как с ним обращаться, а также в) сколько с него брать. И вообще сообщи, стоит ли связываться. Весь гвоздь в том, что не знаю я, как за такие дела приниматься, да и бегать по разным коллегиям мне не с руки. Я бы сдал это дело кому-нибудь, выговорив себе красенькие, и дело с концом.

Конец. Обнимаю, жму. Твой Арк.

Мамочке письмо послал. Привет Адке и Росшеперу.

Борис — брату, 22 ноября 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Наконец отпечатан и мой «Малыш», считал я его сегодня и завтра понесу в «Аврору», а заодно и Дмитревскому. Не забыл ли ты исправить Шахбазяна на Манукяна? Снова прошу: не забудь.

2. Созвонился я с Володиным. Наш милый Александр Моисеевич был, как всегда, бесконечно любезен и обязателен — рассказал мне сам, что знает, куда-то звонил... В общем, картина получилась следующая. Он категорически не рекомендует нам связываться с кем бы то ни было (Токарева он, кстати, не знает и не сумел выяснить, кто это и что это). Пьесу мы должны написать сами, причем не инсценировку, а именно пьесу с заданным сюжетом. Это дает следующее: по договору — 2000 руб. и 4 процента с каждого спектакля. Если пьеса пойдет широко — это выгодно, а детектив обычно идет широко. Далее, если мы продадим право на инсценировку — это гроши и никаких процентов впоследствии. И наконец, в декабре он будет в Москве, постарается выяснить, какой театр заинтересовался ДоУ, и попытается убедить театральное начальство, чтобы оно обратилось прямо к нам, минуя всяких токаревых. Такие дела. Я, натурально, рассыпался в любезностях (особенно после того, как он восторгнулся ГЛ и рассказал, что новый главреж театра комедии лелеет мечту поставить УнС), но сам думаю следующее: Володин человек хороший, прекрасный человек, нас очень любит и вообще — но: восторжен! Чрезмерно, знаешь ли, восторжен. А посему пусть он там выясняет, то, сё, а с Токаревым в принципе стоило бы договориться, но на жестких условиях: всё пополам. Пишется пьеса, у нее три автора, все доходы пополам (а может быть, даже ему — только треть!), и Токарев пробивает вещь на театре, пользуясь своими связями. Всё честно-благородно: с нашей стороны — сюжет и работа, с его — работа и пробивная сила. Такого мое мнение.

3. Насчет скандала в МолГв мне все подробно рассказал Дмитревский. Он, оказывается, принимал во всем этом деятельное участие (если, впрочем, не врет). Так вот, подонка Никонова таки сняли наконец. Должны были снять еще летом, но тогда за него вступился Шолохов, а теперь он напечатал в журнале еще какую-то гадость (про то, как прекрасны были сталинские тридцатые годы в отличие от ленинских двадцатых), и терпение начальства лопнуло. Ганичев навалил полные штаны и схлопотал выговор. Такие дела. И Воронкова вашего сняли. Говорят, за Солженицына. Предупреждал ведь уважаемый человек Твардовский, что рано или поздно Солженицыну дадут нобелевку, почему не послушались? Кто виновен в нынешнем скандале? Натурально — Воронков. Молодой, энергичный, но не справился, понимаете ли, с такой работой посреди писателей. Заменяли его Верченкой, а самого «отфутболили вверх» — в замфурцевой по художественной самодеятельности. Такие дела. Вообще любопытные вещи рассказывают о том, что творится у вас в Москве. А ты там живешь как в лесу, ничего не знаешь. Расспрашивал я, между прочим, Дмитревского и насчет скандала с «Часом Быка». Он всячески елозил и выкручивался, но видно — дело там обстояло неважно, но оргвыводов по Ефремову, кажется, пока нет. Во всяком случае, решение об издании его полного собрания пока в силе. Н-да... А кто виноват в том, что у нас появилось идейно-нечеткое произведение «Час Быка»? По-моему, так Стругацкие виноваты. А ваше мнение, тов<арищ> Хлебобводов? Прекрасно, где тут моя мешалка?..

4. Что же это у тебя за планы относительно красненьких? Очень любопытственно! Мне-то хоть отломится, или это планы лично-персональные? А то ведь я тоже люблю красненькие, да и синенькие с зелененькими приемлю.

5. Путевки нам дали с пятнадцатого. На 13 дней. Скоро пойду выкупать. Номера, правда, не рядом (30 и 34), но я полагаю, что переживем, а ты как полагаешь?

6. Юрку-то Манина выбрали или нет? Отпиши.

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет. Как у вас с квартирой?

Аркадий — брату, 29 ноября 1970, М. — Л.

Дорогой Борик!

Задержался с ответом, потому что надеялся на события. Но, как и надо было ожидать, события не воспоследовали.

1. С ОО всё на месте. По секрету Ариадна передала слух, будто Главлит предложил Пискунову издавать под его, Пискунова, личную ответственность, но что Пискунов, якобы, отказался. Однако Нина этот слух не подтвердила: она звонит туда ежедневно, и ей бы сообщили. Видимо, придется в конце концов идти в ЦК, но это я откладываю на ближайшие дни после Нового года.

2. Отнес заявку и Малыша к Беле. Она считает, что вразумительного ответа от начальства придется ждать не ранее середины января. Нине я тоже давал читать Малыша, она довольна и согласна включить его в «Мир приключений» — это уже на 72-й год. Сейчас давать нельзя, ибо начальство с радостью ухватится и за счет Малыша покроет все расходы по ОО.

3. Был у меня Токарев. Обсудили все условия. Так и решили: всё пополам (по трети я не стал уже требовать, застенялся). Да и то сказать: от нас ничего не требуется, потому что и работать, и пробивать будет он сам. Мужик опытный, работает на этом деле одиннадцать лет, сейчас ему удалось пробить «Две зимы и три лета». Пусть. По его словам, если получится это дело, доход будет неплохой. Театра у него определенного пока нет, он действует прямо в министерстве.

4. Подписал договор на «Миссию тяготения». Срок сдачи — апрель. Тебя впутывать в перевод не стану, сам всё сделаю, гонорар, как всегда, пополам. Так что в апреле будут уже некоторые поступления («Мир» авансов не платит, только по одобрении). Еще ожидаются переводы научно-популярных статей с английского, это, пожалуй, будет вполне по плечу и тебе. Возможно, первую статью привезу тебе с собой. Еще собираюсь к Боре Ляпунову: пусть даст заказ на статейки для журнала «В мире книг», он там работает. И еще есть перспективка поработать с коротенькими сценариями для рекламфильмов. Это полторы-две странички выдумки за 120–220 руб за штуку.

Такие дела. Приеду, следовательно, 14-го. С квартирой пока ничего.

Привет и поцелуй Адке и маме. Твой Арк.

Борис — брату, 3 декабря 1970, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Начал уже беспокоиться, тем более что давеча у меня какие-то падлы сломали ящик для писем. Но тут — твое письмо.

1. Сегодня же ездил в Литфонд, получил путевки. И так, первый день работы — 15 декабря, последний 27. Исходи из. Комнаты будут, правда, не рядом, но это надо пережить. Заодно подал заявление на 12 января. Надеюсь, правильно поступил? И еще подал заявление на Коктебель на август. Может, присоединишься с Ленкой? Было бы смачно.

2. М прочитан Дмитревским и завотдела прозы Никольским. Оба довольны и расточают комплименты. Завотдела сказал, что, по его мнению, все будет ОК. У Дмитревского было два замечания: а) Поподробнее разъяснить суть вертикального прогресса, б) Поподробнее разъяснить, почему контакт опасен свернувшейся цивилизации. Я отбрыкивался как мог, и мы договорились, что если начальство этого не потребует, то делать ничего и не будем. Начальство уже начало читать.

3. Действия твои с Токаревым одобряю полностью. Может, будет хоть шерсти клок. Что касается «Мира», то половину гонорара на этих условиях у меня рука (она же — нога) не поднимется принять. Треть, и при условии, что чистку черновика производим вместе. Насчет научпоп статей — всегда готов. Прочие твои идеи относительно получения красненьких кажутся мне малоэффективными, работай уж сам, там и делить-то нечего — вши.

4. Теперь по поводу ОО. Мое мнение таково: если идти в ЦК, то идти надо прямо сейчас. Тянуть нечего. Они и сами затянут. Если ты пойдешь сейчас, решение оттянут до после Нового года. Если пойдешь после Нового года, будут тянуть до дня Красной Армии, или до Женского дня, или — что самое вероятное — до окончания съезда партии. Так что надо набрать побольше воздуха в грудь и нырнуть в эту прорубь как можно скорее. Посоветуйся с Ниной и, если она в принципе одобрит эту идею, давай прямо до отъезда в Ленинград и пробивайся. Побеседуй устно и для вящей солидности передай из рук в руки еще и письменную жалобу на недопустимую волокиту с книгой, имеющей большое воспитательное значение. Знаю, что тяжело, но ты не дрогни. Это лучше, чем писать рекламфильмы по сто рублей за штуку. В конце концов, речь идет о двух с половиной на нос. И я думаю, в ЦК можно прямо пожаловаться на денежные затруднения — по методу Саши Лурье: мол, новую мебель купил, на даче ремонт пора делать, очередь на автомобиль подходит и т. д. Стисни зубы, Аркашенька, и действуй.

5. Да! Будешь ехать, захвати, пожалуйста, два полных комплекта «Юности» и два 11-х номера отдельно. Хочу кое-кого подмазать. И хорошо было бы, если бы ты привез хотя бы 18-й том «Всемирной ф<антасти>ки». Мама уже получила 19-й.

6. У нас тут все болеют. У мамы было воспаление легких, сейчас вроде бы стало лучше. Андрюха валяется в простуде уже неделю.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

А с квартирой, я вижу, дело обстоит не так просто, как ты изображал? Покупай, покупай, пока есть деньги, пока дают в долг. Учти, я на последнем издыхании. Если так и дальше дело пойдет, в следующем году я уже не кредитор.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **Рабочий дневник, 1965–1971**

10.01.70–14.01.70

Был Арк.

1. Правила цензурную верстку ОО.
2. Сокращали ДоУ.

19.02.70

Арк. приехал вчера вечером. Снят Твардовский.

Ком<наты> 22, 23.

Гл. 1 «Мусорщик» («Энтузиаст»).

Крысы — павианы.

Грузовик, контейнеры с мусором, отвозит на свалку.

Полиц<ейский> намекает на готовящийся указ о конце ночных дежурств.

Разговоры гл<авным> обр<азом> об эксперименте.

Сумасшедших выпускают по ночам с целью сокращения полицейских сил.

Мусорщики: Андрей Воронин, Дональд Купер, Сёма Хейфиц (30 л).

Полицейский: Кэнси Убуката.

Дворники: Фридрих Гейгер и еще к<то>-л<ибо>.

2 знакомства: Сельма Нагель (новоприбывшая), Юрий Константинович Давыдов (рабочий-строитель, новые дома).

Схватка с павианами на свалке, Купер стреляет: откуда оружие? Купер — гангстер!

Пара: Андрей и Фридрих, оба югенды, оба из рабочих, оба спасают мир. Оба фюрерофилы. Считают себя лютыми врагами друг друга, но в каждом конкретном вопросе оказываются на одной стороне: оба ненавидят Сёму, оба презирают Купера, оба считают, что пора наконец навести порядок.

Непонимание по поводу простейшего: очередь, обслуживание и пр<очее>. Очередь мусорщиков. Купер негодует: почему я должен стоять в очереди?

Диалог с Сёмой: как представить себе будущее человечества?

20.02.70

Прибыли в Комарово.

Обсуждали сюжеты:

1. Вечный человек (палеолит, средневековье, наши дни), идеальный механизм борьбы с энтропией, символ вечности гуманизма, всегда гонимый и всегда призываемый на помощь, носитель многих знаний.

2. Обезьяна и консервная банка. Через 30 лет после посещения пришельцев остатки хлама, брошенного ими, — предмет охоты и поисков, исследований и несчастий. Рост суеверий, департамент, пытающийся взять власть на основе владения ими, организация, стремящаяся к уничтожению их (знание, взятое с неба, бесполезно и вредно; любая находка может принести лишь дурное применение). Старатели, почитаемые за колдунов. Падение авторитета науки. Брошенные биосистемы (почти разряженная батарейка), ожившие мертвецы самых разных эпох.

[Сбоку от последнего абзаца взято в рамочку: «Пикник на обочине».]

21.02.70

День: 6.00–22.00.

Ч. 1 «Мусорщик».

3.00. Погрузка мусора: «Кем ты был на том свете?» Появление Сельмы; ля пистон; полк<овник> Маки и женщины мира.

4.00. Едет до свалки.

5.00. Сгружает, беседует. Появление павианов.

6.00. Включается солнце, битва, пистолет и пр<очее>. Бегство под градом камней в необитаемой части города. В обитаемой — всем включить сигналы, обходить дома и помогать жителям удирать.

7.00. Возвращение, идет к Вербовщику: «Нам все уже известно, меры принимаются. Отдохните, вы хорошо поработали».

8.00. Помогает эвакуации населения. Павианы хулиганят.

12.00. Пулеметный огонь по павианам. Полиция бросает павианов и кидается ловить пулеметчиков. Герой удивлен, но тут же бросается помогать полиции. По официальной точке зрения гангстеры бывают:

1) бандиты и хулиганы;

2) внутренние заговорщики, пытающиеся помешать эксперименту и походу за счастьем;

3) диверсанты из Антигорода.

[Все три пункта обведены и перенесены стрелкой на следующую страницу, между «вызов к начальнику» и «втык за Дом».]

Столкновение с колхозником, купившим пулемет на черном рынке для защиты своей фермы на переднем крае.

13.00. С полицией удается столкнуться, пулемет остается у фермеров. Андрей дает адресок: заходи, когда хочешь. Пошел приводить себя в порядок. [Перечеркнуто: «По дороге сцена с издыхающим павианом. Глаза павиана».]

[Сбоку от текста: «Где-то застрелился Дональд Купер».]

14.00. У себя в квартире. Горячей воды опять нет. Огромная квартира в пыли. Ложится спать.

16.00. Его будят. Приходят:

Сельма — со страха и за выпивкой (сегодня к 15–00 идти на биржу);

Мужик — с самогоном, начинается разговор;

Хейфиц — с разговорами.

Сельма пьяна в доску, сидит у всех на коленях. В разгар герой сбегал в продлавку.

Тем временем явился немец. По возвращении немец ругается с мужиком: дрались на одном фронте. Охота на павиана, пристрелили, издыхал пронзенный, «O mein Gott!»¹.

[Сбоку от текста: «Ненавижу интеллигенцию. Герой прибыл в 52-м, немец — в 45-м, мужик — в 47-м, Хейфиц — позже (69-й). Такие глаза были у Купера, когда я сказал ему: “Лично я тебе верю. Но...”»]

Все время орут павианы.

22.00. Всех разгоняет по комнатам, ложится с Сельмой (пьяна в стельку).

Мысль о том, что павианы — люди? Дональд [перечеркнуто «утром»] ночью застрелился.

Слухи о городе. В городе ровно 1 млн чел<овек>. Природа такова, что ни на человека больше, ни меньше. Рождение ребенка — чья-то смерть. Новичок — значит, освобод<илась> вакансия.

Слухи распростр<аняет> Хейфиц: в свободное время он роется в старых домах, ищет документы и книги.

Хейфиц вкупе с полиц<ейским> Кэнси тайком создают радиоприемник.

энтузиазм	мусорщик	гибель Дональда
тупая вера	следователь	[перечеркнуто «гибель»] арест Хейфица
сомнение → равнодушие	редактор газеты	гибель Кэнси
ужас → внутр<енняя> эмиграция или самоубийство	мин<истерство> просвещения	гибель мужика (с парашютом)
ненависть → террор		гибель Сельмы (стреляет в вербовщика)
холодное исследование		

22.02.70

Последняя часть: единственная дорога — назад, к нулевой точке. Он увлекает за собой всех: Хейфица, немца, китайца. По дороге все гибнут. У нулевой точки он убивает своего двойника и оказывается в своей комнате перед зеркалом. Сидит вербовщик: «Первая часть Эксперимента закончена. Согласны вы на вторую часть?»

Ван Лихун — человек, который ни во что не вмешивается. Пассивность.

¹ О боже мой! (нем.).

Ч. 2. Следователь. Гангстер, ночью сумасшедшие [вставка: «1) Чел<овек,> который считает, что попал в ад. 2) См<отри> 25.06.69. 3) Чел<овек,> посылавший сигналы в космос»], арест Хейфица.

20.00 — допрос гангстера, действия Фридриха.

Фриц холодно доказывает, что по времени не хватит, если форсаж не применять. Звонит к Сельме, мужской голос, только вешает трубку —

21.00 — вызов к начальнику, втык за Дом, разговор о Хейфице. Возвращается к себе, посылает машину по адресам свидетелей, а пока листает дело. Записи в деле.

22.00–2.00 допрос свидетелей. 4-й свидетель показывает, что только что видел дом.

2.30 прибывает к дому (после поисков). Во время поисков арест сумасшедшего (1).

2.30–4.30 игра в шахматы. Хейфиц наблюдатель, выпихивает его из дома.

5.00 — прибывают в прокуратуру. Сумасшедш<ий> (3) явился с повинной. Тоже арест. Времени нет объяснять. Мысль о петиции, чтобы сумасшедших перестали выпускать, ибо это ведет к подрыву.

5.30–8.30 допрос Хейфица (подозрительная деятельность в старых р<айо>нах города), обращение за помощью к Фрицу.

Игра в шахматы производится в служебном порядке: играющие и играемые получают назначение на бирже труда (в Машине). Один из игроков — Ван Лихун.

Павианы прижились, им дают подаяние.

Операция «Маугли».

На планете, населенной негуманоидным пассивным племенем (вырождающимся после биологической войны), разбился звездолет с супружеской парой и ребенком. Ребенка спасают аборигены. Через десяток лет прибывает новая экспедиция, обнаруживает человеческие следы, а аборигенов принимает за животных. В поисках невольно разрушают дома и пр<очее>. Возникает конфликт. Маугли отбивается, как привык защищать своих медлительных отчимов от диких зверей. Его захватывают. Дальше — на Землю. Приключения на Земле.

Горбовский со своей внучкой.

Горбовский плывет на остров (он знает, что у Семеновых должен был быть ребенок), внучка зайцем за ним. Потом Маугли выманивает ее. Внучка подслушала разговор Горбовского с Марком Валькенштейном: «Марк, как они прибор настроят, вы его расстройте. Чем дольше они будут готовиться, тем лучше». (Биологи озверели, готовят генеральную облаву на остров.) «Вот вам пакет, если я не вернусь через 3 дня, вы его вскрыете, но не раньше».

У Маугли могучая способность к звукоподражанию, сразу всё запоминает, слова и интонации, так его отчимы заманивают быстрых зверей. Обмазаны слизью, которая обладает способностью менять цвет под цвет фона — мимикрия.

23.02.70

Вербовщик — отражение его фазового эмоционального настроения. Появляется перед ним всякий раз, когда настрой достигает апогея.

Ч. 3. Редактор газеты.

10-й день погасшего солнца — тьмы египетской.

0.00. Подборка писем, обвиняющих мэрию в скупке и захвате зерна. В город прибывают разъяренные фермеры. Разговор с цензором, запрещающим подборку.

1.00. Идет в мэрию. По дороге разговор с мужиком. В мэрии с ним разговаривают плохо, а при выходе избивают. Тот самый гангстер.

2.00. Толпа разгромила тюрьму. Хейфиц вышел, дожидается в редакции. Спор Андрея, Кэнси и Хэйфица насчет передовой и подборки. Кэнси — горячий честный человек.

3.00. Выход газеты. Андрей плетется домой, разговоры с Сельмой, она в ужасе от его вида.

5.00. В городе бунт, разгром продскладов, мэрии, вешают членов мэрии, гаснет свет, останавливается водопровод, газ и все остальное.

7.00. На улицах появляются броневики с прожекторами и отряды политзаговорщиков. Андрей видит митинг, где выступает Фриц. Он — во главе переворота. Чисто фашистская речь. Андрей решает бежать, торопит Сельму, мчится в редакцию, чтобы уничтожить письма и списки спецкоров, Сельма с ним. Кэнси уже занимается этим.

8.00. Является штурмфюрер с кодлой. Пытаются спрятать Хейфица, но понимают, что это бесполезно. [Вставлено: «Чиновник кислоглазый».] Штурмфюрер вручает Андрею пакет от Вождя. Записка: Спасибо за помощь. Излагается суть дела. Не обращай внимания на терминологию, будем работать вместе. Утверждаю тебя редактором на будущее, подбирай сотрудников сам и т. д. Податель сего — мой постоянный политпредставитель в газете. Это ваши сотрудники? Да. Гм...

Кэнси объявляет, что он ничего общего с этим иметь не желает. Мордобой, Кэнси убивают. Конеч.

Суть этого фашизма — человек *versus*¹ Вселенная. За единство. Против всех, кто выступает против единства: марксистов, фашистов, элитаристов и т. д.

Ч. 4. Тоскливые будни.

1. В редакции. [Вставка: «Кислоглазый чиновник».]

[Вставка: «По дороге встречает Вербовщика».]

2. Дома. [Вставка: «Исторические аналогии Хейфица, который нашел в развалинах 150-летней давности прокламации того же типа, только от имени Монарха. В общем народ доволен существующим положением».]

3. Приезд Фрица и гибель Сельмы.

[Справа от текста вставка: «Час на строительстве башни. Лекция по космографии. Т<ак> наз<ываемые> экспериментаторы подобрали население города таким образом, что нет определенных специальностей. Нам приходится учиться на ходу».]

Действия новых властей:

а) Запрет предпринимателям выгонять лентяев.

б) Горожане — основное население, фермерство — колония (идеология: горожане живут вместе в больших домах, а фермеры разбросаны, след<овательно,> объединения быть не может).

в) Теоретики — обосновывают, почему плох Эксперимент и как с ним бороться.

г) Гигантский контроль и учет, количество чиновников, ревизоров, комиссий, контролеров. Об этом с горечью рассказывает мужик.

д) Бывш<ая> машина распределения на работу теперь ставит оценки за благонадежность. Полиции и дворникам вменено в обязанность следить за ссорами и драками. Участники получают минус, что сказывается на снабжении.

е) Строительство башни «Дорога к свободе», добраться до колпака и продрать его. Каждый после работы должен отработать час на строительстве. Все предприятия, кроме самых необходимых, работают на строительство башни. Фриц сам отработывает по часу в день на башне.

¹ Против (*лат.*).

Ч. 5. Исход.

1. 5-й день — перед поворотом назад. Разговоры о путях исхода. История эксперимента с парашютом. Ругают башню. Политико грозитя. Ночью его кончают — он исчезает бесследно, остались продукты, вода, оружие.

2. Ван остается у хорошего места, ждет жену. Хейфиц впервые теряет равновесие, заклинает его идти.

[Добавлено: «Все сплошь интеллигенты. Нашли гигантское противоатомное убежище».]

3. Столкновение с предыдущей разведгруппой, подорван бронетранспортер, перестрелка, один убит, один ранен. Ван ночью проводит жену через линию. Не бомбоубежище, а снаряд времени. Хейфицу хочется остаться.

4. Люди с вырезанными языками. Кто — непонятно. С Андреем уходит единственный неинтеллигентный человек.

5. Тракторист остается на последнем перевале. «Матка кашу сварила, иди исть». См<отри> обложку.

Где-то Хейфиц, разоткровенничав, объявил, что целью цивилизации является создание духовных ценностей. Все остальное — земля, станок, лаборатория — только леса для этого здания.

24.02.70

Утром сделали 3 стр.

Вечером сделали 2 стр. (5)

25.02.70

Утром сделали 3 стр. (8)

Вечером сделали 2 стр. (10)

В лексикон Давыдова:

«Солнце скрылось за ели...»

«Что-то стало холодать, не пора ли нам...»

26.02.70

Утром сделали 3 стр. (13)

Вечером сделали 2 стр. (15)

27.02.70

Утром сделали 3 стр. (18)

Вечером сделали 2 стр. (20)

28.02.70

Утром сделали 4 стр. (24)

Вечером сделали 1 стр. (25)

Арк ездил за билетом и взял, задница, не на то число.

1.03.70

Утром сделали 4 стр. (29)
Вечером сделали 2 стр. (31)

2.03.70

Утром сделали 5 стр. (36)
Вечером уехали в Л<енинг>р<a>д.

3.03.70

Арк уехал в Москву.

7.04.70

Прибыли в Комарово.
Ком<наты> 23, 17.

Аборигены эволюционировали не по линии сохранения вида, а по <линии> сохр<анения> индивида. Берег Шевелящихся Холмов. Отсюда — сознание огромного собственного превосходства перед всеми остальными живыми существами. Понятие жертвы полностью совпадает с понятием удовлетворения, счастья.

Технологии нет. Огромный опыт 3 миллионов лет эволюции, знают, как, что и почему, но вмешаться не могут — только скрещивание. Гибнут от старения генной структуры.

Обреченная планета. Работа спасателей: спасти ветвь эволюции. Уже подобрана другая планета у другой звезды.

Для кроотов и для Маугли люди не отождествляются с Маугли: они для них затеряны среди роботов, экскаваторов, кораблей. К тому же нашествие людей ассоциируется с сохранившимися в памяти нашествиями мутировавших местных животных (жесткое излучение солнца): крабы, спруты, птицы и т. д.

После каждой главы — короткое moralite, взгляд со стороны, зачеркивающий представления читателя и действующих лиц о событиях.

1. Тень в корабле.
2. Гибель киберов.
3. Находка и осмотр корабля.
4. Гибель одного и спасение другого.
5. Попытка вылазки и гости.

1.	Кибертехник	экипаж	Стась Попов
2.	Капитан (корабля)		Каспер Вандерхузе
3.	Старший	егеря [перечеркнуто: «ловчие»]	Нина Петровна Одоевская
4.	Помощник		[п/ч «Айзек»] Яков Тендер
5.	Помощник		[п/ч «Карл»] Ричард Морзе

8.04.70

Б. болеет: зуб, ангина, простуда вообще.

9.04.70

Сделали 2 стр. ГО.
У Б. +38.3°, А. пошел за водкой.

10.04.70

Сделали 3 стр.
Вечером сделали 2 стр. (43)
У Б. утром 37.0°.

11.04.70

Сделали 5 стр. (48)
Сделали 2 стр. (50)
Приехала Адка.

12.04.70

Сделали 5 стр. (55)
Сделали 2 стр. (57)
1. Об Эксперименте.
2. Кто кем надеется стать при следующей бирже.
3. Кто какого конца Эксперимента ждет. (Что такое счастье.) (Изя со своими раскопками обезнадеживает всех.)

Изя издевается над Андреем («мне работа мусорщика — мусоргщика, — что любая другая») — это сладострастное унижение, мазохизм. Ты такой способный, но ради большого дела готов выполнять самую унизит<ельную> работу.

Фриц с Андреем очень схожи, в спорах держатся одной линии.

13.04.70

Сделали 5 стр. (62)
Сделали 2 стр. (64)

14.04.70

Сделали 5 стр. (69) Конец I части.
Сделали 2 стр. (71) [35]

15.04.70

Сделали 5 стр. (76)
Сделали 2 стр. (78) [42]
Пили шампанское и запеканку.
Андрей спросит, что такое Падающие Звезды. Название знакомое, но что такое — забыл.

16.04.70

Сделали 5 стр. (83)
Сделали 2 стр. (85) [49]

17.04.70

Сделали 6 стр. (91)
Сделали 2 стр. (93) [57]

18.04.70

Сделали 5 стр. (98)
Сделали 2 стр. (100) [64]

19.04.70

Сделали 5 стр. (105)
Сделали 2 стр. (107) [71]

20.04.70

Сделали 5 стр. (112)
Сделали 2 стр. (114) [78]

21.04.70

Сделано 5 стр. (119) [83]
По приезду в прокуратуру у Изи не оказывается папки. «Еврейские штучки».
У люльки дна нет.
Отъезд в Л<енинг>р<a>д.

22.04.70

Бездельничали.

23.04.70

Арк убыл в Москву.

17.06.70

Работаем у мамы.
Цивилизация — система социальной организации разумных существ, призванная создавать и обслуживать новые материальные и духовные потребности.
Офтальмограф.
Офтальмоскоп.
Малыш: Морщинистые острова.
История об изобретателе вечного двигателя. Инопланетяне строят. Не работает.
Прилетела ракета скорой помощи, взяла изобретателя и увезла. А двигатель заработал.

18.06.70

Гетероморфы. Киберов принимают за взрослых, людей — за детей. Попытка контактов — подражание охотничьим повадкам киберов. Дважды подрывали почву под «матками» — принимают корабли за взрослых особей, — чтобы перевести в более приятную среду обитания.

Герои попали на Морщинистый остров, являющийся инкубатором — детским садом. Корабль убил целое гнездо мальков. Возникла враждебность: киберов убивают, Айзека крадут и переправляют на материк. Изгоняют корабль.

9.00	Посадка (очередная, 4-я) «Колючки-21». Посылка киберов-ловчих на поиски «паука» и «устрицы».	Гибель Воспитателя и 20 младенцев. Совещание, что делать. Малыш и Предки выходят на разведку. Решение — изгнать.
10.00		Натыкаются на ловчего и тащат в пещеру, показать, что наделал виброякорь. Ловчему наплевать, он продолжает колотиться, и рассвирепевший Малыш его убивает. Выносят дохлого ловчего и укладывают на видном месте. Надеются, что, увидев труп, эфемериды испугаются и улетят. А то уже 5 суток ловчие копают ходы на детплощадке, их уже ловили, показывали.
11.00	Второй ловчий притаскивает к «Колючке» труп 1-го ловчего. Люди удивлены появлением электрических животных. Такого еще не было. Стасю поручено создать для ловчих электрозащиту. Тем временем 3-й ловчий обнаружил корабль.	Теперь терпение лопнуло. Убили и выставили в качестве предупреждения. Один из Предков заманивает второго ловчего на труп первого.
12.00	Нина, Айзек и Вандерхузе отправились на глайдере к кораблю, а Стась и Карло работают над защитой.	Отпиливают виброякорь на случай, если матка перелетит на другое место и опять угодит на детплощадку. Увидели вылетающий глайдер, решили, что матка повреждена и «взрослые» улетели на глайдере, а значит, можно исследовать планету.
13.00	Мрачно-унылое место, бессонные ночи. И вдруг Стась видит призрак Малыша. Орет. Вбегает Карло. Человекообразное изображение рассеивается.	Малыш проникает на корабль и там осматривает всё. Малыш, смущенный, что напугал детей, удирает. [Перечеркнуто: «Предки делают вывод, что «взрослые» дома.»] «Взрослые» не улетели.
14.00	Экспедиция возвращается, рассказывает про корабль (скелеты). Карло и Стась не рассказывают про странное посещение. Ловчих к этому времени покрывают изоляцией и запускают вновь.	На ловчих выпускают Малыша. Малыш пытается ловчих током, а т. к. он человек, они уходят обратно к «Колючке». Предки решили, что «взрослые» наконец всё поняли и решили убираться.
15.00	Возвращение ловчих без изолятора всех поражает. Снаряжается экспедиция, чтобы выяснить, что происходит: Стась, Карло и ловчие.	Предки поражены: «взрослые» не только повторяют попытку, но и тащат за собой детей. Тогда решили окончательно острастить пришельцев: пускают Малыша во 2-й рейд на «Колючку»! Малыш вызывает там панику.

16.00	По радио Стась и Карло слышат сигнал тревоги, паника, садятся на ловчих и мчатся обратно. Им рассказывают о налете. Стась и Карло тоже рассказывают о том, что было 3 часа назад.	Предки поняли так, что «взрослые» спешат на помощь детям. Предки считают, что вот теперь-то они улетят наконец.
17.00	Хочется улететь, но хочется и раскрыть тайну. Идет бурное совещание. Айзек требует остаться и исследовать. Вандерхузе за немедленный отлет. Приказывает Стасю провести предстартовый контроль. Стась обнаруживает, что спилена виброякорь и корабль действительно покачивается, а раньше грешили на приборы.	
19.00	Связь с материком, по рекомендации Горбовского приказано немедленно возвращаться.	Малыш дает концерт: кричит разными голосами.

19.06.70

Утром сделали 6 стр.

Вечером сделали 2 стр. (8)

- 1) Малыш уходит к людям добровольно.
- 2) Малыша увозят насильно.
- 3) Малыш не входит в контакт.
- 4) Малыш остается добровольно.
- 5) Малыша задерживают предки.
- 6) Малыша люди не берут с собой.
- 7) Малыша убивают люди сознательно.
- 8) Малыша убивают люди, не ведая.
- 9) Малыша убивают предки (случайно или нарочно).
- 10) Малыш кончает самоубийством (героически или по личным причинам).

20.06.70

Думаем заново. Написанное похерили.

21.06.70

Находка корабля.

Часть 1 (до идентификации).

1. Происшествие с роботами. а) Возвращаются роботы. б) Остановившийся робот.
2. Зрительная галлюцинация. а) Видит, проснувшись. б) Малыша сквозь изображение, следы.
3. Слуховая галлюцинация. а) Голосовая галлюцинация (репортаж с корабля).
- б) 2 случая «шагов».
4. Запах. Каждый раз сопровождают галлюцинации в корабле.
5. Псевдо: а) случай с куклой, б) исчезновение пленок из регистрирующей аппаратуры.

Часть 2 (идентификация).

1. Появление Малыша в кают-компании, все видят, бросаются в погоню. Малыш катится по болоту.

Сюжет:

1. Беседа, обсуждение случившегося. Ксеник: «он», Стась: «Они». Ксеник опознал в лицо.

2. Телеграмма, идентифицирующая корабль: супруги Семеновы с годовалым ребенком.

3. Уверились, что ребенок выжил. Вандерхузе идет давать телеграмму, что работали напрасно.

[Четвертый пункт отсутствует.]

5. Доказательства разумности воспитателей:

а) прямохождение;

б) искусство имитации человеческой речи;

в) псевдо: роботы реагируют как на человека.

6. База предлагает: выловить и попытаться вернуть в лоно человечества, предоставить свободу выбора. Стась: за. Вандерхузе: за. Дик: ноет (живет себе, хорошо ему, зачем ловить, калечить). Ксеник отмалчивается: он подозревает разумность, а контакт после погони и пленения — это не контакт. А если сказать, что разумный — у ксеника отберут все прерогативы? Нет, не отберут. Он сам — член Комиссии и имеет право осуществлять Контакт.

7. Обмен телеграммами с Комиссией. Объявлена зона контакта со всеми вытекающими. Каспар загоняет всех в корабль и выходит в поле с транслятором.

8. На следующее утро. «Он идет». Некоторое удивление, что идет, неохотно, но не боясь. Стась его рассматривает в дальномер. Описание. Малыш садится перед Каспаром. Контакт начат.

9. Через сутки. Дик ноет, все ему не нравится. С мрачным видом чистит оружие. Обучение языку закончилось.

10. Следующий день: разговор с Малышом. Слушают все в кают-компани. Одновременно записывается и выстреливается импульсами в Комиссию.

Недоразумение:

1. Роботы — старшие, Малыш требует увидеться с ними. Вызывают робота. «Они неживые». Демонстрация железа. Малыш в унынии: ему представляется, что люди и он сам со временем превращаются в машины.

2. «Я хочу с вами улететь». — «Конечно, хоть сейчас». — «А мы вернемся?» — «Обязательно». Малыш снова в унынии: его задача — убрать землян с планеты.

3. Малыш получает впечатление, что без него контакт невозможен. Ничто его не интересует. Сам рассказывает охотно, но задает только десяток одних и тех же вопросов. После двух раз беседа переносится в кают-компанию. Показывают кино, дают музыку. Никаких признаков интереса.

Постоянные вопросы Малыша:

1. Вас много? (Сколько вас?) Если вы не будете, другие придут?

2. Вы очень хотите контакта?

3. Очень я необходим для контакта? Если меня не будет, контакт будет?

4. Если я с вами улечу, вы вернетесь? Если я улечу, возвращение будет?

5. Зачем вы хотите контакт? — Мы будем рассказывать вам, вы будете рассказывать нам.

6.

22 июня 1970 г.

Стась Попов — кибертехник, 20 л.

Каспар Тендер — ксенопсихолог, 30 л. [Справа: «Геннадий Комов — Капитан».]

Ричард [«Морзе» — перечеркнуто] Мирер — квартирьер-топограф, 22 л. [Справа: напр<имер,> Майка.]

Яков Вадерхузе [Так.] — капитан, 32 л.

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (7)

23.06.70

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (14)

С таким блоком акс<иомати>ки не только в люди.

Все будешь сомнению подвергать.

24.06.70

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (21)

25.06.70

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (28)

26.06.70

1. Причина катастрофы.

2. Игрушки и кройка-шитье.

3. Положение скелетов.

4. Микрофлора и микрофауна Земли.

5. Архив.

6. Утечка выжившей кибертехники.

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (35)

27.06.70

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (42)

28.06.70

Сделали 5 стр.

Вечер<ом> сделали 2 стр. (49)

1) -женным глазом было видно, что проекту «Ковчег» пришел конец. [Помечено начало следующей страницы, которую надо набирать завтра.]

2) скорее всего нас отсюда попрут со страшной скоростью, и воцарится здесь К<ом>К<он>.

29.06.70

Сделали 6 стр.
Вечером сделали 1 стр. (56)

30.06.70

Сделали 5 стр. (61) и временно прервались.

1.07.70

Арк уезжает.

2.09.70

Прибыли в Комарово, комн<аты> 30, 31.

3.09.70

Задачи Тендера:

1. Контакт на ур<ов>не улыбок.
2. Контакт на ур<овн>е языка.
3. Выяснить контактабельность хозяев и их уровень. (Когда гонят — либо набивание цены, либо оч<ень> высок уровень развития.)

Мальш:

1. Мимика — речь.
2. Бегаёт взад-вперед.
3. «Я сейчас птица» — вы спросите меня!
4. Булыжник в виде щупальца.
5. Замирает на потолке — экстаз.
6. Толпа фантомов — для рассматривания — «это тоже я могу». Выяснение уровня цивилизации (разнообразие потребностей, мат<ериальных> и дух<овных>).

4.09.70

Сделали 6 стр.
Ч<елове>к — это всего лишь ч<елове>к.
Вечером сделали 2 стр. (69)

5.09.70

Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр. (76)

6.09.70

Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр. (83)

7.09.70

Сделали 6 стр.
Вечером сделали 2 стр. (91)

8.09.70

Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр. (98)

9.09.70

Сделали 7 стр.
Вечером сделали 2 стр. (107)

10.09.70

Сделали 6 стр.
Вечером сделали 2 стр. (115)

11.09.70

Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр. (122)

12.09.70

Сделали 5 стр.
Вечером сделали 3 стр. (130)

13.09.70

Сделали 6 стр.
Вечером сделали 5 стр. И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 141 СТР.

14.09.70

Уезжаем в Ленинград.

26.10.70

Прибыли в Комарово, к. 31, 32.
Сделали 10 стр. (10) 9

27.10.70

Сделали 10 стр. (20) 19
Вечером сделали 2 стр. (22) 21

28.10.70

Сделали 12 стр. (23) 32
 Вечером сделали 1 стр. (35) 33

29.10.70

Сделали 12 стр. (47) 44
 Вечером сделали 3 стр. (50) 48

30.10.70

Сделали 11 стр. (61) 59
 Вечером сделали 1 стр. (62) 61

31.10.70

Сделали 12 стр. (74) 72
 Была Адка и коньячок.

1.11.70

Сделали 7 стр. (81) 79
 Курвиспат.
 [«Феноменально» — перечеркнуто.]
 Квази-переход.
 Фрагмент.
 Колокольчик.
 Обнаружение.
 Чеширский кот.
 Шарада.
 Щелкунчик.
 Сверчок на печи.

1. Почему не пришел сразу?
2. Как ты проводишь время? Как устроен твой мир?

Вечером сделали 6 стр. (87) 84

1. Внимание на Стася.
2. Лекция Комова о машинах: намек на возможность машин-гигантов; открыл слабое место Малыша: информац<ионный> голод.
3. Лекция о мироздании.
4. Малыш устал и в восторге, хочет бежать размышлять.
5. Вопрос Комова о странных словах и цитатах Малыша: ласонька и т. д. Потом всё расскажу, я помню всё, что около меня когда-нибудь было.

2.11.70

Сделали 5 стр. (92) 89
 1. Мама; план.

В конце главы. Комов дает телеграмму: высылайте оборудование. Горбовский оборудование придержит.

Вечером сделали 8 стр. (100) 96

1. Камни и ветки.
2. Фантомы и мимикрия.
3. Мускульный язык.
4. Шрамы.

Либо проникнуть, либо техника.

О снах.

Вандер (Комову): На протяжении последней беседы все время горел красный огонь.

3.11.70

Сделали 5 стр. (105) 100

Вечером сделали 6 стр. (111) 108

4.11.70

Сделали 7 стр. (118) 114

Вечером сделали 5 стр. (123) 120

5.11.70

Сделали 6 стр. (129) 126

Вечером сделали 7 стр. (136) 131

В последний разговор с М<альшом> — «Щелкунчик» и пр<очее>.

6.11.70

Сделали 5 стр. (141) И ЗАКОНЧИЛИ НА 136 СТРАНИЦЕ.

Арк уехал 8.11.70

15.12.70

Прибыли в Комарово писать ГО.

Ком<наты> 30, 33.

Часть 2-я: что осталось.

1) Разговор с Наставником.

2) Сумасшедший: пришел каяться, что это из-за него Город, ибо он искал связи с космосом.

3) Допрос Изи, отдает Изю Гейгеру. [Добавлено: «Выброшенная папка — еврейские штучки».]

4) Вана доставляют за неявку на новую работу. [Добавлено: «Андрей звонит Отто, кот<орый> работает на биржевой машине, чтобы выручить Вана. Бывший нач<альник> машины — “падающие звезды”».]

5) Письмо от дяди Юры (дома, в самом конце).

6) Кэнси — репортер уголовной хроники. [Добавлено: «О законности. О праве правого нарушать закон».]

Фрижа — телохранитель Фрица.

16.12.70

Сделали 6 стр. 125
Вечером сделали 1 стр. 126 (7)

17.12.70

Сделали 6 стр. (132) 13
Вечером сделали 2 стр. (134) 15

18.12.70

Сделали 6 стр. (140) 21
Вечером сделали 1 стр. (141) 22

19.12.70

Сделали 6 стр. (147) 28
Закончена 2-я часть.
Приезжала Адка.

20.12.70

Сделали 6 стр. (153) 34
Вечером сделали 1 стр. (154) 35

21.12.70

Сделали 6 стр. (160) 41
Вечером сделали 2 стр. (162) 43

22.12.70

Сделали 4 стр. (166) 47
Вечером сделали 2 стр. (168) 49

23.12.70

Сделали 7 стр. (175) 56
Вечером сделали 1 стр. (176) 57

24.12.70

Сделали 5 стр. (181) 62
Вечером сделали 1 стр. (182) 63

25.12.70

Сделали 6 стр. (188) 69
Вечером сделали 1 стр. (189) 70

Кэнси звонит Дюпену, тот уже продан.

26.12.70

Сделали 7 стр. (196) 77

Вечером сделали 1 стр. (197) 78

Кислоглазый узнал Кэнси — проворовавшийся чиновник по снабжению.

Чел<ове>к подорвал себя динамитом, предварит<ельно> разославши письма.

27.12.70

Сделали 2 стр. (199) 80

Конец 3-й части.

Дядя Юра говорит: филичевый (в смысле «говенный»).

Арк уехал 28.12.70.

Аркадий Стругацкий Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970

Приезд 10.01.70. Переделка верстки ОО.

12.01.70. Закончили переделку верстки, сократили на 14 стр.

13.01.70. Сокращаем ДоУ для «Юности». Взял билет, завтра еду.

19.02.70. Приезд 18.02.70 работать над ГО.

2.03.70. Сделано 36 ГО. Вернулись из Комарово.

3.03.70. Отъезд в Л<енингра>д [ошибочная запись, фактически — в Москву], поезд д<невной> 16.35.

21.04.70. Вернулись из Комарова. Писали ГО.

22.04.70. Кейфуем.

Смотрели «Коммунист», прерывались.

23.04.70. Уезд в Л<енингра>д.

20.06.70. Приезд 16.06.70. Играли в девятку. Тужимся над сюжетом «Операция Маугли».

29.06.70. Написали 56 стр. «Мальша». Все время играли в девятку.

1.07.70. Дописали 63 стр. Сегодня уезжаю.

Аркадий Стругацкий Дневник, 1963–1970

3 окт. 1970 г. (суббота)

t возд<уха> — 23–26°.

t вод<ы> — 22°. Солнце, сильный теплый ветер с юга.

7.30–9.20 — прогулка к Старой Гагре.

10.30–13.30 — на пляже. Ветром унесло поролон.

После обеда валялись, читали.

21.00–23.00 — смотрели «300 спартанцев».

Тепло, сидим в исподнем. Небо очень ясное.

Договорились, что в понедельник (5) Коржавин дает литвечер.

4 окт. 1970 г. (воскресенье)

t возд<уха> — 25°.

t вод<ы> — 20°. Солнце, безоблачно, ветра почти нет.

7.30–9.20 — прогулка к Ст<арой> Гагре.

10.30–13.50 — на пляже. Купались трижды, заплывали далеко. Елена <Воскресенская> вся пунцовая, но не болит.

Искали зубную пасту. Хрена.

После обеда валялись, ходили к Артему. Теперь не Артем, а грек Ян Христофорович — поносит Артема за бессердечность.

Вечером смотрели «Сова появляется днем».

5 окт. 1970 г. (понедельник)

Ходили в Старую Гагру. Крыса утомилась. Вчера мы сожглись.

Ночь провели беспокойно — сны плохие.

На пляж не пошли.

t возд<уха> — 20°.

t вод<ы> — 20°. Ветра нет.

Пошли к базару за зубной пастой. Нашли все-таки.

Вернулись — Крыса без сил. Лежала до обеда. Я купался, но сразу вернулся назад. После обеда ходил за выпивкой к коржавинскому вечеру — купил водку, кахетинское и квази-шампанское атенури (1.92). Приехал Юра Цейтлин (куплетист). Я заказал билеты на сухумский поезд.

С 16.00 поднялся сильнейший ветер. Солнце, безоблачно. Ветер и почти шторм на море.

17.00 — в десяток минут небо заволочло тучами, штормовой ветер и все прочее. Пошли с Крысой в закусочную, съели по шашлыку, выпили по стакану сухого, а потом отправились к Яну — там встретили Наташу, пили кофе и псоу.

После ужина у Коржавина. Коржавин — великий поэт, это как дважды два. Все остальные — дерьмо.

На море шторм, льет проливной дождь. Легли спать в 1.30 ночи.

6 окт. 1970 г. (вторник)

Всю ночь дождь. Небо хмуро-обложное, идет дождь. Море штормит. Не холодно. Ждем к 12.00 Цейтлина с женой. После завтрака на почту телеграфировать Борису насчет денег.

Дождь, дождь. Сбегали с Крысой, дали телеграмму, номер квартиры сделал неправильно, пришлось давать вторично.

Цейтлин с Галей. Распили бутылку чачи. После обеда съездили к «Источнику» и взяли еще два литра.

Пили, трепались, все время шел дождь.

К ужину дошли. Ленку уложил спать, сам пошел к Эмику <Коржавину>. Болтали, разошлись в полночь.

Ночью шла гроза.

7 окт. 1970 г. (среда)

Хмурое утро. Сильный ветер.

t возд<уха> — 14°.

t вод<ы> — 18°.

До обеда валялись. Пришел Эмик с Бобрами — Геной и Викой, трепались. После обеда спали, затем организованно на автобусе ездили смотреть «Поезд». НичеГё.

Все время лил дождь. Ливни и непрерывная гроза. Во время сеанса шум ливня иногда заглушал экран. А когда вышли — увидели четвертушку Луны в разрыве облаков. Впрочем, все снова исчезло.

В 21.00 собрались у нас: Коржавин Эмик и Любаня, Бобры Гена и Вика, Галя Дубровская и Рэм <Никифорович>, друг Быкова, и мы. Распили: полторы бутылки чаи, две бутылки тибани и одну бутылку псоу. Много говорили о Быкове.

8 окт. 1970 г. (четверг)

Солнце и чистое небо.

t воды — 15°.

t возд<уха> — 12°.

Сильный ветер, море бешеное. Двое тонули, еле спасли. Получил деньги от Борьки. Пили тибани с Коржавиным, Бобрами и Шмелевыми.

Крыска с Цейтлинными ходила в горы, вернулась к 12.30. Прошли 12 км. После обеда все пошли в Стар<ую> Гагру. До ужина спали, а после ужина смотрели «Анжелика, маркиза ангелов» с Коржавиными, Бобрами и Шмелевыми. Затем пили тибани.

Валентина <Глухова> переехала в Гагру, Крыска недовольна. Солженицын получил Нобелевскую премию. На море продолжается шторм.

9 окт. 1970 г. (пятница)

t возд<уха> — 14°.

t вод<ы> — 18°.

Солнце, ветер, облачно. Ходили с Бобрами и Коржавиными в горы, вышли в 10.30, вернулись в 14.00. Эмик и Генка купались. После обеда с Бобрами до Ст<арых> Гагр. Купили 2 бут<ылки> водки и 2 бут<ылки> кахетинского. Люди ездили на Рицу, говорят, что там снег.

Огромный ажиотаж по поводу выступления поэтов. Мы были против. Пили водку, трепались.

10 окт. 1970 г. (суббота)

Солнце, небольшой ветер, прохладно.

t возд<уха> — 15° —> 20°.

t вод<ы> — 18°.

Ходили с Крысой на рынок, купили 2 кг мандарин, сигареты. До 14.00 загорали на пляже. Галя Дубровская принесла письмо от Бориса. Узнали от Коли Шмелева, что умер Конрад. Очень огорчились. После обеда спали, потом Крыска захотела есть. В хинкальне взяли две бастурмы, 150 зубровки. Чеки дали поддельные, бастурму не угрызешь, зубровка зверски разбавлена водой. В газетах помои на Солженицына.

Посидели в кофейне у Яна. Сходили за водочкой. Смотрели «Не промахнись, Асунта!» — очень хорошая комедия. Получил истинное наслаждение.

После кино со всеми распрощались, и я сел за бутылку. Однако появился Эмик, и мы очень интересно трепались час или полтора.

11 окт. 1970 г. (воскресенье)

Море спокойно, ветра нет.

t возд<уха> — 20°.

t вод<ы> — 18°.

До 14.00 валялись на пляже. Гена Бобр рассказал «Пуговичную войну». Купались с удовольствием, хотя поначалу было холодно. Разговаривал с Рэмом (он работает на Минском телевидении), хорошо бы в декабре подскочить в Минск, а затем в Гродно и повидаться с Вас. Быковым.

После обеда устремились по Коржавинскому Маршруту — мы, Валя, Бобры и Шмели. Спустившись ок<оло> 19.00, взяли вин и трепались до половины 12-го. Коржавин ревел как бык.

12 окт. 1970 г. (понедельник)

t возд<уха> 15°–20°.

t воды — 18° (но по ощущению значительно ниже).

Солнце, море спокойно, ветра нет.

До 14.00 на пляже. Письмо от мамы. После обеда спали и читали детективы. К 18.00 добил (наконец-то!) «Убийство в доме викария» А. Кристи. Сегодня идем смотреть «Освобождение».

Смотрели «Освобождение» — с 21 по 24.00. Усталость и разочарование (некоторое).

13 окт. 1970 г. (вторник)

Тучи, предгрозовая атмосфера.

t воды — 18,6°.

t возд<уха> — 16°.

Билеты. На сухумский поезд только боковые плацкартные. Взяли на 19-е на самолет, рейс 674, отлет 11.45 моск<овского времени>.

Ходили на рынок за жратвой к дню рождения Наума. Купили подарок — бляху с изображениями львов. Скандал с администрацией: все завалились к Коржавиным, а они уехали в Пицунду.

После обеда спали, затем я пошел за водкой и <цыплятами>-табака.

Вечером у нас собрались все, спорили о браке и о женщинах.

14 окт. 1970 г. (среда)

Холодно, обложной дождь с ночи.

Писал «Дарственную» для Эмки на день рождения. Подарили ему медаль с двумя быками. В 12.00 ходили его поздравлять, выдали нам по капельке «коржавиновки» — водки на чесноке и укропчике — вкусно. До обеда болтали, рассказывали истории. Про каракалпака, объехавшего мир, очень забавно. Дождь, дождь.

Флора Евсеевна Винокурова.

Вечером были у Коржавина. Пили, трепались. Валентина уехала.

15 окт. 1970 г. (четверг)

Хмуро, дождь.

С утра умащивались кахетинским. Юра Каппе. Нагрязнули Валентина слевой и Светлана <Маркова> с Володей <Мясниковым>.

Пили, смотрели «Колония Ланфиер».

16 окт. 1970 г. (пятница)

Холодно. Заказали хинкали, принесли домой. Съездили за чачей. Ост<ановка> «Источник». Третья (?) калитка. Вечером смотрели «Гори, гори, моя звезда». Кровавая опера. В Турбазе маленький зал, а народу набилось без просвета.

17 окт. 1970 г. (суббота)

С утра совершенно ясное небо, но холодина адова.

t возд<уха> — 7°.

t вод<ы> — 16,6°.

Совершили с Крысой кросс в горы, дошли до запретительной таблички.

После обеда с Геней взяли билеты на «Моя прекрасная леди». 2 серии. Смотрели и радовались.

Борис Стругацкий Дневник, 1969–1974

15.01.70

Был Арк. Полевой обманывает. Цензура коверкает ОО. В Ленфильме 3-е объединение разгромлено. Сценарий повис. Только что я звонил Рохлину — он ничего не знает, обещает сделать все возможное, но голос вялый.

19.01.70

Звонили из Ленфильма. Обещают деньги в среду.

21.01.70

Получил деньги на Ленфильме.

23.01.70

Письмо Арка. Подписал договор с «Юностью». Деньги обещают 25–26.

27.01.70

Отвез рукопись Дмитревскому (ДоУ).

30.01.70

От Лешки <Германа>: было совещание по ДоУ-С. Все хвалили, а потом растоптали. Надо ждать официального отказа.

31.01.70

Письмо от Головань. Письмо от Арка — ответил.

2.02.70

Звонил в Литфонд. Дают двойной номер. Скандал.

10.02.70

Дают две комнаты. Одна — с 19, другая с 20-го.
Звонили из «Пионера».

19.02–3.03.70

Работал с Арком.

4.03.70

Звонил Лешка. М. Козаков заинтересовался ДоУ-С, повез его в Госком<ите>т.

6.03.70

Звонил Брандису. Детгиз отложил сборник на год. ДоУ передали в Лениздат. Нине <Чечулиной> нравится, но всё решит начальство.

Звонила Нина. Замглавного удовлетворен. Всё решит Копытин через три недели.

9.03.70

Звонил Игнатъев (дир<екто>р Литфонда); обещал путевки с 7.04.

Отослал письмо Арку. Звонил в бухгалт<ерию> Ленфильма насчет Арковых денег.

15.03.70

Слух о реформе. Звонил Канделю и Евг<ению> Юл<иановичу> <Тунику> — обещали откликнуться на неделе.

17.03.70

Письмо Арку. Звонил в бухг<алтерию> Ленфильма: обещали в первых числах апр<еля>.

18.03.70

Звонили из радио — назначили на пятницу.

Звонил в «Аврору» — назначили на понед<ельник> 23.03.

23.03.70

Отправил Островскому заявку и письмо.

25.03.70

Звонил из Дрездена Рихтер, приглашал читать лекции. Я согласился, но шансов нет.

3.04.70

Звонил в бухг<алтерию> Ленфильма: 1–2 перечислили деньги для Арка.

Звонил в «Аврору»: Андрей обещал ответ до 1.05. А Дмитриевский говорит, что Рождественский посоветовал нас Косаревой, и та задумалась.

23.04.70

Звонил А. Островский; д<олжно> быть всё хорошо и решиться в ближайшие 2 недели.

29.04.70

Подписал договор в «Авроре».

ДоУ в Лениздате «не рекомендовал» обком.

7.05.70

Пришла из Риги «ДР» на латышском. Просили данные для перевода гонорара. Выслал.

4.06.70

За это время получил деньги из Риги и из «Авроры».

16.06.70

Звонила редактор изд<ательств>ва «Ное Берлин». Хотят печатать ДР, просят изменить кое-что в IV главе. Договорились, что проект изменений они пришлют мне.

2.07.70

«Тов<арищ> Петров-Бытов, перестаньте меня травить».

6.07.70

Подал заявление в Литфонд насчет путевок на сент<ябрь> и окт<ябрь>.

10.10.70

За это время:

1. Вышла ДоУ в «Юности».
2. Звонили и просили выступить: из Центр<альной> гор<одской> биб<лиоте>ки; из Дома ученых; из Технолог<ического> ин<ститу>та; из телевидения.

3. Встречался с Рихтером. Договорились, что будем ждать выхода ДР в «Ное Берлин», где ее перевела Элеонора Вайст.

20.10.70

Только что звонил Арк. ОО — всё в цензуре, и никаких надежд. Зажимают, гады!

22.10.70

Брандис сказал, что ДоУ в ЛенДетгизе отклонено — не детская вещь.

12.11.70

Звонил в Литфонд, просил путевку с 14.12 на 13 дней.

Амальрику в Свердл<овске> дали 3 года лагерей.

Ростропович написал письмо в защиту Солженицына во все крупные газеты Москвы.

15.11.70

Получил от Арка договор с венграми.

Цукерман организ<овал> Комитет по контролю соблюд<ения> законности.

16.11.70

Написал Арку, чтобы К. Шахбазян —> К. Манукян.

23.11.70

Отдал М в «Аврору» и Дмитревскому.

27.11.70

Урбан прислал интервью для «Авроры».

Кан сказал: в «Америке» Пол Фредерик написал, что «в посл<еднее> время в Америке испытывают все больше интереса к творчеству больших восточноевроп<ейских> писателей Лема и братьев Стругацких».

30.11.70

Звонил Никольский — прочел М, доволен, говорит, что должно пройти. Теперь будут читать Островский и Косарева.

1.12.70

Звонил Дмитревскому. Одобряет М. Замечания: 1). Подробнее о вертикальном прогрессе; 2). Подробнее о некоммуникабельности.

2.12.70

Договорились с Урбаном, что не будем делать интервью.

7.12.70

Звонил Никольский. Начальство прочло и довольно. Одобрение дается. Деньги — в январе. Начнут печатать — с лета.

9.12.70

Отнес ГЛ Саше <Лурье>. Приняли в «Неве» с распростертыми объятьями.

29.12.70

Звонил в Литфонд, просил перенести путевку на 15.01.

Борис Стругацкий Записная книжка, 1965–1979

10.08.70

«Бесплодность полицейских мер обнаруживала всегдашний прием плохих правительств — пресекая следствия зла, усиливать его причины».

Ключевский, т. 4, стр. 312.

27.09.70

«Т<аким> о<бразом>, среди тех, кто непосредственно управляет делами или соприкасается с теми, кто это делает, возникает новая вера в мощь: во-первых, в мощь человека в его столкновениях с природой, а затем во власть правителей над человеческими существами, убеждения и стремления которых они пытаются контролировать путем научной пропаганды, в особенности путем образования. Результатом является уменьшение постоянства. Отсутствие изменений кажется невозможным... Создать философию, способную справиться с людьми, опьяненными перспективой почти неограниченной мощи, а также апатией беспомощности, является наиболее неотложной задачей нашего времени». (Б. Рассел «История зап<адной> философии», стр. 745.)

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2 т. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 т. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции цитат других авторов в этом томе Константину Душенко.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен Авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Малыш

Машинопись из папки «Чистовики».

Написано в 1970 г.

Первые публикации — журнальная: Аврора (Л.). — 1971. — №№ 8–11; книжная: антология «Талисман» (Л.: Дет. лит., 1973).

С. 3. *Глайдер* — от англ. «to glide» — скользить, плавно двигаться, планировать.

С. 3. *Комов* — персонаж ПХХІВ и ВГВ, упомянут также в ЖВМ.

С. 4, 10. *Цветы своей селезенки* — ср. в СБТ: «...китайцы в древности говорили: “Когда носорог глядит на луну, он напрасно тратит цветы своей селезенки”». **БНС, 30.06.2010**: Насколько я помню, АН почерпнул этого носорога, «вздыхающего на луну», у своего тестя, Ильи Михайловича Ошанина, известного в те годы китаиста.

С. 5. *Биоблокада* — реалия ПХХІВ и ПКБ, более подробно разъяснена впоследствии в ВГВ.

С. 5. *Ксенопсихология* — фантастическая наука о психологии инопланетян.

С. 6, 16, 29. ...Комов, любимый ученик доктора Мбоги...; ...восторженные рассказы Татьяны...; ...на одном из наречий Леониды. — Отсылки к новелле «Благоустроенная планета» из ПХХІІВ.

С. 7. *Человек — не природа, он не терпит пустоты.* — Обыгрывается принадлежащая Аристотелю крылатая фраза «Природа не терпит пустоты», популяризированная Ф. Рабле, писавшим в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» о средневековых физиках, объяснявших ею, например, работу насосов.

С. 7. ...аппетит и пустота-тишина — вещи, по-видимому, несовместные... — Реминисценция трагедии А. Пушкина «Моцарт и Сальери»: «Гений и злодейство — / Две вещи несовместные» (2).

С. 7, 34. ...сражался с дохой, как барон Мюнхгаузен со своей взбесившейся шубой...; ...поднять себя самого за волосы. — Эпизоды из рассказов о Мюнхгаузене, собранных Г. Бюргером и Р. Распе.

С. 10. ...все подвергнешь сомнению... — De omnibus dubitandum — «Подвергай все сомнению!» (лат.). Сводная цитата из Р. Декарта.

С. 11. *Горбовского из меня не вышло.* — Аллюзия на фразу Остапа Бендера «Графа Монте-Кристо из меня не вышло» («Золотой теленок», ч. 2, гл. XXXVI). Горбовский — персонаж ПХХІІВ, ДР, Б, а впоследствии также ЖВМ и ВГВ, один из главных героев АБС.

С. 11. ...ируканских боевых маршей... — Ирукан — герцогство в ТББ.

С. 14. *Было бы алиби, а трупы найдутся.* — См. в т. 15 запись в записной книжке АНС 1968–1969 гг.

С. 18. ...мяуканье нэкофонов. — Название фантастического музыкального инструмента образовано от японского «нэко» — кошка.

С. 25. *А вы знаете, что у алжирского дея под самым носом шишка?* — Заключительная фраза «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя («А знаете ли, что (...)»).

С. 29. *Леонида* — планета, реалья ПХХІІВ, упомянута также в ПКБ, ПИП, ВГВ.

С. 30. *Тагорец* — планета Тагора, населенная разумными существами, упомянута впервые в ПКБ (а также в ПХХІІВ, ОО, ЖВМ, ВГВ). В некоторых из этих произведений тагорцы (тагоряне) — гуманоиды, в некоторых — нет.

С. 31. *Индуктор* — здесь: источник телепатического сигнала.

С. 31, 40. *Нуль-связь; нуль-транспортировка* — также — «нуль-Т» — реалья ДР, ОО, ПИП, ЭВП, ЖВМ, ВГВ, упомянута также в ОЗ.

С. 31. *Бадер* — персонаж ПХХІІВ, новелла «Десантники», упоминается также в ЖВМ и ВГВ.

С. 33. ...*Сидорова за глаза называли Атос-неудачник.* — **БНС**, офлайн-интервью от 5.09.2011: *Вопрос:* В цикле «Мир Полудня» упоминалось, что Атос достиг больших успехов, чем все остальные его друзья по комнате в интернате. А в «Малыше» говорится, что Комову стыдно перед Атосом за то, что того преследуют неудачи, которые уже стали поводом для перешептываний и насмешек. Какой же вариант более верен: Атос неудачник или же это период, когда у него возникали временные трудности? *Ответ:* Боюсь, ответа на Ваш вопрос у меня нет. Дело в том, что названные повести писались в разное время, с интервалом в несколько лет, причем авторы НИКОГДА не стремились писать «продолжения» и весьма невнимательны были к хронологическим деталям. Сейчас я только помню, что Атос был (первоначально) героем «лесной» части «Улитки на склоне». Потом его сменил Кандид, а Атос остался одним из героев отдельной повести «Беспокойство». Больше он у нас нигде не упоминается. Кажется. А что имеет в виду Комов, я уже теперь не помню. **Сост.:** Атос также был персонажем ПХХІІВ и упоминается в ВГВ.

С. 34. *Это у нас старый спор. По моему мнению, человечество знает достаточно, чтобы судить, какое развитие исторически перспективно, а какое — нет. Майка же в этом сомневается.* — Тема допустимости вмешательства во внутренние дела инопланетных цивилизаций (или границ вмешательства) проходит через многие произведения АБС (ПКБ, ТББ, ПИП, ЖВМ, ВГВ).

С. 35, 81. *П-абстракции; абстракции в смысле Парсиваля* — упомянуты также в ВГВ.

С. 35. *Вертикальный прогресс* — тема получила развитие в ВГВ. **БНС**, офлайн-интервью от 26.02.2011: Сама идея эта возникла из известной задачи: «Как сложить из шести спичек четыре треугольника», — решить ее можно, только ВЫЙДЯ ИЗ ПЛОСКОСТИ, что далеко не каждому и не сразу приходится в голову.

С. 35. *Человечество никогда не ставит перед собой задач, которые не готово решить.* — Цитата из работы К. Маркса «К критике политической экономии»: «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить...» (предисловие).

С. 36. *Неизвестно, кто первый открыл воду, но уж наверняка это сделали не рыбы.* — Высказывание американского деятеля образования, писателя Дж. Калкина: «We don't know who discovered water, but we are certain it wasn't a fish».

С. 36. *Насчет боржурнала. Представляете себе, действительно, было такое правило.* — **БНС**, офлайн-интервью от 16.10.2010: *Вопрос:* В «Малыше» Вандерхузе мучительно вспоминает, нет ли такого правила, которое предусматривает уничтожение боржурнала. И весьма удивлен, когда его находит. А в «Жуке» Абалкин говорит про Вандерхузе прямо противоположное: «В плоть и кровь впиталась у него инструкция 06/3: “при обнаружении на планете признаков разумной жизни немедленно стартовать, уничтожив по возможности все следы своего пребывания...”». В чем причина этого противоречия? *Ответ:* Но я не вижу здесь противоречия! Одно дело: «немедленно покинуть населенную планету», и совсем другое дело: «потерпев аварию, уничтожить боржурнал». Две совершенно разные ситуации, отсюда — два совершенно разных решения.

С. 36. *Сикурс* — помощь, поддержка, подкрепление (*воен. устар.*). Комов, конечно, имел в виду «рекогносцировка».

С. 37. *Ксенология* — наука об инопланетном разуме (*фантаст.*). Упомянута также в ПНО и ЖВМ.

С. 38. *Странники* — гипотетическая сверхцивилизация, упоминающаяся в ПХХИВ, ПКБ, ЖВМ и ВГВ.

С. 39, 45. *Маугли; Доброй охоты (...) Стада в хлевах, свободны мы до утренней зари.* — Персонаж и цитаты из книги Р. Киплинга «Маугли. Из Книги Джунглей»; стихотворная цитата — из «Ночной песни Джунглей» из главы «Братья Маугли», перевод С. Займовского.

С. 41. *Группа свободного поиска, история с Каммерером* — отсылка к ОО.

С. 42. *Траверз* — направление, перпендикулярное курсу судна.

С. 46. *Я (...) сразу же заблокировал кормовую установку, чтобы в суматохе не выпалить в надир.* — Надир — направление вертикально вниз. Здесь имеется в виду опасение Стаса случайно выстрелить в направлении, противоположном направлению на цель.

С. 47. *Телесный угол* — стереометрическое понятие.

С. 50. *Меренга* — или безе — кондитерское изделие.

С. 50. *Тогда Малыш вдруг упал на колени, протянул вперед руки и открыл рот. (...) Ничего нельзя брать руками в рот. Будет плохо!* — **БНС**, офлайн-интервью от 27.12.2001: *Вопрос:* Наблюдая за своим сыном младенцем, я вдруг понял один из эпизодов в Малыше. Тот момент, когда земляне предложили ему пищу. И его странная поза с запрокинутой головой и «еду нельзя трогать руками». Это же кормление младенца! Воспитатели Малыша воспроизвели питание младенцев и сохранили этот способ для Малыша вплоть до его взросления. Правильно ли я предположил? *Ответ:* Абсолютно правильно. Авторы имели в виду именно это. Фауна планеты малочисленна и ядовита, поэтому Воспитатели приняли свои меры.

С. 50. *Сверчок на печи* — заглавие рассказа Ч. Диккенса, перевод М. Шишмаревой; реже под тем же заглавием печатался перевод М. Клягиной-Кондратьевой.

С. 51. *Курвиспат* — фантастический прибор для измерения кривизны пространства. От лат. *curvum* — кривизна. Термин использован также в варианте ПКБ.

С. 51. *Чеширский кот* — персонаж сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес».

С. 52. *По бим-бом-брамселям!* — См. в т. 5 рабочие записи БНС 1961–1962 № 3. Использовано также в черновиках ПНА, ДР и ЖВМ.

С. 53. *...метался (...), словно кот Тома Сойера, хлебнувший болеутолителя.* — Отсылка к эпизоду главы 12 «Приключений Тома Сойера» Марка Твена.

С. 53. *Гемостатика* — учение о том, как останавливать кровотечение. Предположительно, в контексте повести значение термина иное, фантастическое.

С. 53. *Щелкунчик* — заглавие сказки Э.-Т.-А. Гофмана.

С. 57. *Сосуд скорби* — вариация библейского выражения «сосуды гнева», Книга пророка Иеремии (гл. 50, ст. 25).

С. 62. *Третий глаз* — впервые устройство упомянуто в ТББ.

С. 66. *Что это такое — сны? / — Небывалые комбинации бывалых впечатлений...* — Определение физиолога И. Сеченова.

С. 67. *Покари* — возможно, имеется в виду карточная игра.

С. 70. *Вы либо хулиганка, либо...* — **БНС**, офлайн-интервью от 28.03.2001: *Вопрос:* ...Идея с нажатием кнопки на обруче, чтобы спугнуть ребенка, не вяжется ни с каким вариантом гуманизма. Или я чего-то не поняла, или мотивация не поддерживает критики. *Ответ:* Отчего же. Майя — в отличие от всех прочих участников контакта — одна только искренне и от всего сердца заботится о судьбе Малыша. Она знает, что чем дальше будет развиваться контакт, тем больше горечи появится в его жизни. Поэтому она и принимает единственное, как ей кажется, правильное решение: раз и навсегда «обидеть» Малыша так, чтобы он больше НИКОГДА не выходил на контакт. Она ошиблась, конечно, но намерения у нее были самые благородные.

С. 71. *Тахорг* — фантастическое животное с Пандоры, упомянуто также в ПКБ, ДР, Б, ОО, ПИП, ВГВ.

С. 73. *...или довести до Дувра, где тебя повесят на цепях.* — Повешенье на (в) цепях применялось к пиратам в Англии и колониях начиная с середины XVIII века.

С. 74. *А мы, знаешь ли, просто люди, и ничто человеческое нам не чуждо.* — Аллюзия на афоризм Теренция «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» («Самоистязатель»).

С. 76. *Геннадий, как вы представляете себе дальнейшую судьбу Малыша?* — **БНС**, офлайн-интервью от 10.03.2003: *Вопрос:* Вопрос у меня к вам — дословное повторение вопроса Горбовского к Комову. «Как вы представляете себе дальнейшую судьбу?» Не может же он всю жизнь сидеть на берегу океана и мешать Стасю (и тем, кто придет после Стася) спать своими вопросами? Он рано или поздно вырастет, а значит, ему нужно будет выбирать, что делать дальше. *Ответ:* Мы никогда не задумывались над этим вопросом. Мы понимали, что анализ такого рода обязательно приведет к необходимости писать продолжение, а этого мы совсем не хотели. Мы очень устали работать над «Малышом» и очень хотели расстаться с ним навсегда.

С. 78. *...умиротворение какой-то Островной Империи и о роли в этом умиротворении некоего Рудольфа, которого они почему-то тоже называли Странником...* — Отсылка к ОО.

С. 79. *Апории Зенона* — парадоксы, сформулированные древнегреческим философом и математиком Зеноном Элейским, оказавшие огромное влияние на формирование представлений о пространстве, времени и движении.

С. 80. *<Заключение>* — **БНС**, офлайн-интервью от 21.04.2000: *Вопрос:* Эпилог к повести «Малыш», на мой взгляд, одному из лучших Ваших произведений, мне кажется просто лишним — все уже сказано до него. Является ли эпилог навязанной редактором попыткой смягчить впечатление, оставить надежду на хороший конец, или дело не в этом? *Ответ:* Ну уж нет! Позвольте с Вами не согласиться. Во-первых, без эпилога читатель останется в полном недоумении относительно дальнейших контактов Малыша с землянами. Сохранятся ли эти контакты или нет? А если сохранятся, то в каком именно виде?.. А кроме того, эпилог, по-моему, неплохо написан и сам по себе — трогательная картинка и забавная беседа двух симпатичных человек.

С. 81. *Абиссальные формы жизни* — наиболее глубоководные.

Из архива

Аркадий Стругацкий. Гость из Полудня

Машинопись из папки «Киносценарии АНС».

Написано в 1970 г.

Публикуется впервые.

С. 83. *Башни танков повернуты влево ~ удары танковых пушек. Это не по ним, это по их товарищам справа...* — Фрагменты частично использованы в ХС.

С. 83. *Гауптштурмфюрер* — чин в СС, соответствующий армейскому званию капитана.

С. 85. *Из-под очков текут слезы, он не вытирает их, лицо его неподвижно и спокойно...* — Использовано в ХС.

С. 86. *Батя* — обычное уважительное именование командиров партизанских отрядов.

С. 87. *«Юнкерс»* — марка наиболее распространенного немецкого бомбардировщика времен Второй мировой войны.

С. 87. *Ваффены* — от die Waffen-SS — войска СС (нем.); находились под личным командованием рейхсфюрера СС Г. Гиммлера.

С. 94. *«Ах, мой милый Августин...»* — Нем. «Ah, du lieber Augustin», австрийская народная песня.

С. 100. *Пластинка мурлычет голосом Марики Рокк: «Приходи, глаза мои горят от страсти, приходи, не то проспишь свое ты счастье...»* — Приведенный текст песни обнаружить не удалось. Вероятно — псевдоцитата.

С. 100. *Риза* — здесь: покрывало в церкви.

Варианты рукописей и изданий. «Малыш»

С. 103. *«Лицом к лицу лица не увидать»* — цитата из стихотворения С. Есенина «Письмо к женщине».

С. 104. *Горбовский* — см. примечание к с. 11.

С. 104. *Deus ex machina* — бог из машины (лат.). Искусственное, натянутое разрешение конфликта.

С. 105. *Комов* — см. примечание к с. 3.

С. 107. *Пары чистых, пары нечистых* — аллюзия на книгу Бытия: «...и всякого скота чистого возьми по семи, мужского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужского пола и женского...» (гл. 7, ст. 2).

С. 107. *Ксенопсихология* — см. примечание к с. 5.

С. 108, 141. *Август Иоганн Бадер; Август-Иоганн-Мария Бадер* — см. примечание к с. 31.

С. 109. *Сидоров* — см. примечание к с. 33.

С. 109. *Боевые марши, которые были записаны на кристаллофоне Стася, первоначально были не ируканскими, а тагорскими.* — Ирукан — герцогство в ТББ, Тагора — планета, упомянута также в ПХХІІВ, ПКБ, ЖВМ и ВГВ.

С. 110, 115. *...сражался с дохой, как барон Мюнхгаузен со своей взбесившейся шубой...; ...как невозможно поднять себя самого за волосы.* — См. примечание к с. 7, 34.

С. 116. *«Стада в хлевах, свободны мы до утренней зари»* — см. примечание к с. 39, 45.

С. 116. *«И карелою, горькой карелой дома зарастут»* — «Угроза-песнь Маугли сельчанам» из повести Р. Киплинга «Маугли. Из Книги Джунглей» (гл. «Нашествие джунглей»). Перевод С. Займовского. Карела, или китайская горькая тыква — однолетняя травянистая лиана.

С. 117. *«Третий глаз»* — см. примечание к с. 62.

С. 118. *Курвиспат* — см. примечание к с. 51.

С. 120. *Меренга* — см. примечание к с. 50.

С. 122. *«Побимбомбрамселям»* — см. примечание к с. 52.

С. 123. *...метался (...), как кот Тома Сойера, хлебнувший болеутолителя.* — См. примечание к с. 53.

С. 123. *Гемостатика* — см. примечание к с. 53.

С. 125. *Мбога* — персонаж новеллы «Благоустроенная планета» в ПХХІІВ.

С. 126. *Телесный угол* — см. примечание к с. 47.

С. 127. *Доктор Моро* — персонаж романа Г. Уэллса «Остров доктора Моро».

С. 131. *...сон? (...) Небывалые комбинации бывалых впечатлений...* — См. примечание к с. 66.

С. 133. *Сапоги всмятку* — фразеологизм, восходящий к поэме Н. Гоголя «Мертвые души» (т. 1, гл. 9).

С. 134. *Хиус* — в СБТ: по-сибирски — зимний ветер, северяк. Здесь: холодный ветер с водного пространства.

С. 141. *...реализация Парсиваля... (...) реализация П-абстракций* — см. примечание к с. 35, 81.

С. 142. *Человечество никогда не ставит перед собою задач, которые не готово решить.* — См. примечание к с. 35.

С. 142. *Апории Зенона* — см. примечание к с. 79.

С. 144. *Леонидяне* — см. примечание к с. 29.

С. 145. *Покари* — см. примечание к с. 67.

С. 145. *Тахорг* — см. примечание к с. 71.

С. 145. *Абиссальные формы жизни* — см. примечание к с. 81.

С. 145. *Плеоназм* — оборот речи, в котором излишним образом дублируются элементы смысла.

С. 149. *«Телепатия антинаучна»* — цитата из СОТ.

С. 149. *...чешскую экранизацию 1994 года под названием «Незначенные встречи».* — «Nesmluvená setkání», реж. И. Павласкова.

Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий. «Так держат, ребята!»

Ответы АНС на вопросы журналиста С. Шнегас напечатаны под рубрикой «Писатели-фантасты — «Комсомольцу Татарии». А. Стругацкий и Г. Альтов беседуют с нашим корреспондентом».

Публикуется по изданию: Комсомолец Татарии (Казань). — 1970. — 1 янв.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Давайте думать о будущем

Беловая рукопись не сохранилась. Машинопись черновика — из папки «Черновики статей».

Написано в декабре 1969 г. См. в т. 15 письма АНС от 2.11, 10.11, 15.11, 2.12, 16.12.69 и БНС от 5.11, 13.11.69, а также записи от 11–12.12.69 в рабочем дневнике АБС 1965–1971 гг. и от 10–11.12.69 в дневнике приездов АНС в Ленинград 1962–1970 гг. В основе статьи — интервью А. Урбану «Вторжение будущего в настоящее» (см. раздел публицистики т. 15).

Публикуется по изданию: Литературная газета (М.). — 1970. — 4 февр.

Сокращенные в публикации фрагменты черновика приведены в подстраничных сносках.

С. 153. «80 000 километров под водой», «Грезы о Земле и небе» и «Человек-амфибия», «Человек, который мог творить чудеса», «Мастер и Маргарита», «Превращение» — произведения Ж. Верна, К. Циолковского, А. Белыева, Г. Уэллса, М. Булгакова, Ф. Кафки.

С. 154. В произведениях реалистической фантастики демоны и ведьмы могут разгуливать по городу... — Возможно, отсылка к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

С. 154. «Достаточно сумасшедшая гипотеза» — Н. Бор при обсуждении выдвинутой В. Гейзенбергом единой теории элементарных частиц сказал: «Нет никакого сомнения, что перед нами безумная теория. Вопрос состоит в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной».

С. 156. ...Олдос Хаксли писал: «Давайте думать о настоящем. Если мы не будем этого делать, то вскоре не будет и будущего». — См. в т. 15 запись от 8.09.69 в записной книжке БНС 1965–1979 гг.: «Хаксли: "...Зачем забивать себе голову рассуждениями о том, чем может быть человек — и чем он, конечно, не будет — в двухтысячном году? Давайте думать о настоящем. Если мы не будем этого делать, то вскоре не будет и будущего". (Цитата из статьи В. Шестакова в «Новом мире» № 7, 69 г.)». БНС цитирует статью «Социальная антиутопия Олдоса Хаксли — миф и реальность». В. Шестаков цитирует сборник эссе О. Хаксли «Делай, что хочешь» (Do What You Will: Twelve Essays, 1929).

С. 156. «Безвозвратно ушло время, когда будущее казалось чем-то условным, неопределенным, оно перестало маячить за далекими горизонтами, оно придвинулось вплотную и запускает щупальца в самые недра настоящего. Стало невозможно жить и работать ради будущего, а умереть в прошлом» — это положение неоднократно использовано АБС. См. материалы разделов публицистики т. 10, 13 и 15, а также ГЛ: «всячески препятствовать будущему запускать свои щупальца в наше время»; «будущему удалось все-таки запустить щупальца в самое сердце настоящего»; «то самое будущее, которое запускает щупальца в сердце сегодняшнего дня».

Из архива

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Фредерика Пола «Век осторожных»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 25.01.70.

Публикуется впервые.

Перевод романа Ф. Пола был опубликован под названием «Век нерешительности» в 1993 г.

С. 157. *Frederik Pohl, «The Age of the Pussyfoot»* — NY: Ballantine Books, 1969.

С. 157. ...сокращенный и упрощенный вариант, появившийся на страницах «Гэлэкси» в 1965–66 году. — *Galaxy Magazine*, October 1965; December 1965; February 1966.

С. 158. «Общество Неда Лудда» — Нед Лудд считался предводителем стихийных протестов первой четверти XIX века против внедрения машин в Англии, участников которых называли луддитами.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на повесть В. Мелентьева «Сухая ветка сирени»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 1.02.70.

Публикуется впервые.

Повесть В. Мелентьева была опубликована в альманахе «Мир приключений» за 1978 г.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на «Повесть о снежном человеке» А. и С. Абрамовых

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 1.02.70.

Публикуется впервые.

Повесть А. и С. Абрамовых была опубликована в альманахе «Мир приключений» за 1971 г.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на новый фантастический роман А. и С. Абрамовых «Селеста 7000»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 1.02.70.

Публикуется впервые.

Роман А. и С. Абрамовых был опубликован под названием «Джинн из лазури» (Смена (М.), 1970, №№ 13–18) и под названием «Селеста-7000» (М.: Дет. лит., 1971).

С. 159. «Мешок», У. Моррисон — Morrison W. The Sack // Astounding Science Fiction, September 1950. Рассказ был переведен АБС.

С. 159–160. ...см. хотя бы Уэллса и А. Толстого (...) машина времени и гиперболюид ~ Путешественник оказывается на берегу мертвого океана гибнущей Земли или когда Гастона — Утиный Нос разрезают напополам инфракрасным лучом. — Отсылка к романам «Машина времени» и «Гиперболюид инженера Гарина».

Аркадий Стругацкий. Рецензия на новый фантастический роман Александра и Сергея Абрамовых «Все дозволено»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 5.12.70.

Публикуется впервые.

Роман А. и С. Абрамовых был опубликован в издательстве «Детская литература» в 1973 г.

С. 161. *Вспомним у Алексея Толстого спор большевика-матроса Чугая и анархиста Леона Черного: «Разбойники... люди избаловавшиеся, работать они не могут. Работать он не будет — зачем? — что легко лежит, то и взял. Значит, как же тогда? Опять на них кто-то должен работать? Нет?.. Значит, остается вам — загнать бандитов в овраги и кончить? Так, что ли?»* — Приблизительная цитата из гл. 11 романа «Хмурое утро».

С. 161. «Жестокие чудеса» — выражение восходит к заключительным словам романа С. Лема «Солярис» в переводе Д. Брускина.

С. 161. *В свое время герои произведений рецензента часто грешили распушенностью языка, чем и навлекали на себя вполне заслуженные упреки.* — Критика упрекала АБС в «грубости языка героев» начиная с СБТ.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на рассказ Н. Соколовой «Кампанула»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Написано, вероятно, в 1970 г.

Публикуется впервые.

Рассказ Н. Соколовой не публиковался.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на фантастическую повесть В. Фирсова «Сказание о Четвертой луне»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Написано, вероятно, в 1970 г.

Публикуется впервые.

Повесть В. Фирсова была опубликована в журнале «Уральский следопыт» в 1993 г.

С. 162. *Уместно здесь вспомнить разительные неудачи, которые потерпел Лем, пытаясь «галактизировать» мотивы классических сказок...* — Вероятно, имеются в виду сборники С. Лема «Кибериада» и «Сказки роботов».

С. 162. «Город мастеров» — к/ф 1965 г., реж. В. Бычков.

С. 163. *Один крупный знаток фантастики в свое время весьма иронично отозвался о некоторых авторах, избирающих такой вот легкий путь в литературе. Положим, попался ему на глаза миф о Мидасе ~ обращалось в золото.* — АНС пересказывает фрагмент главы «Starting Points» книги К. Эмиса «Новые карты ада» (New Maps of Hell: a Survey of Science Fiction. — NY: Harcourt, Brace and Company, 1960), в котором Эмис говорит о предисловии Ф. Брауна к сборнику: Brown F. Star Shine. — NY: Bantam, 1956.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на сборник фантастических рассказов Л. Пироговой «Последняя из Атлантиды»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Написано, вероятно, в 1970 г.

Публикуется впервые.

Одноименный рассказ Л. Пироговой был опубликован в антологии «Жарки» (Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1968).

Аркадий Стругацкий. Отзыв на фантастическую повесть В. Слукина и Е. Карташева «Смех по дороге в Атлантис»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Написано, вероятно, в 1970 г.

Публикуется впервые.

В виде одноименного рассказа ранее опубликовано в журнале «Искатель» (1967, № 3).

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1970

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Одно письмо АНС не датировано. Его датировка была выполнена составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1967–1971. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2013.

С. 166. «Шпрахт унд стиль Ленинс» — Sprache und Stil Lenins [von] V. Schklowski, J. Tynjanow u. z. w. — Berlin: Volk und Welt Verlag, 1970. «Язык и стиль Ленина», перевод статей 1924 г. В. Шкловского, Ю. Тынянова и др.

С. 166. *Ходит ли у вас пародия на кочетовский роман века? (...) Называется: «Чего же ты хочешь?»* Главный герой — известный советский писатель Лаврентий Виссарионович Железов, автор романа «Братья Ежовы» и повести о советской интеллигенции «Вошь»... — Пародия С. Смирнова на роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?», опубликованный в журнале «Октябрь», 1969, №№ 9–11. «Братья Ежовы» и «Вошь» — аллюзия на заглавия романов В. Кочетова «Братья Ершовы» и И. Шевцова «Тля».

С. 167. *...в Болгарии вышла книга «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом»...* — Далечната планета; Трудно е да бъдеш бог / Прев. Н. Левенсон. — София: Наука и изкуство, 1969. — Болг. яз. — Загл. ориг.: Далекая Радуга; Трудно быть богом.

С. 169. *Обязательно привези ленту!* — Для пишущей машинки.

С. 169. *Цензор всё еще читает (детгизовский), сегодня должен дочитать и передать на пл<ощадь> Ногина.* — Т. е. в Главлит.

С. 170. *...готовится присуждение юбилейной Ленинской премии Михалкову. Трилогия «Дядя Степа»!* — Под рубрикой «На соискание Ленинской премии» 6 марта в газете «Вечерняя Москва» была опубликована статья В. Бавиной «Трилогия о дяде Степе».

С. 170. *«И кроватей не дам, и умывальников»* — цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 19.

С. 170. *Не думаю, чтобы Михалкову дали Ленинскую. (...) Дадут скорее уж Тихонову, а еще скорее — какому-нибудь кунаку (абреку).* — Ленинской премии за 1970 г. были удостоены Г. Гулям (посмертно), С. Михалков («за стихи для детей младшего возраста») и Н. Тихонов. «Кунаки, абреки» — аллюзия на эпизод гл. 16 ч. 2 романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

С. 171. *Местный людоед* — «душелюб и людоед» — постоянное именование Евгения Сазонова (коллективный псевдоним группы сотрудников ЛГ), «автора» 16-й полосы «Литературной газеты». В контексте письма — цензор издательства «Детская литература».

С. 171. *Вася Аксенов написал фантастическую повесть для детей среднего возраста и принес в Детгиз.* — Будущее издание: Аксенов В. Мой дедушка — памятник. — М.: Дет. лит., 1972.

С. 173. *...Тарасов, гл<авный> режиссер «Юности»...* — Точнее, главный редактор творческого объединения «Юность».

С. 174. *Есть основания опасаться последствий выступления этого <...> Алексеева.* — Из доклада М. Алексеева «Некоторые проблемы современной прозы» на Третьем съезде писателей РСФСР 24.03.70: «Авторы теории дегероизации словно бы и впрямь никогда не слышали, что подвиг во все века у всех народов ценится как высшее проявление человеческого духа. Поэтому крайнее удивление вызывает повесть Б. и А. Стругацких «Второе нашествие марсиан». В этом

фантастическом повествовании авторы почему-то в качестве мишени для своих насмешек, сарказма, иронии избрали такое святое чувство, как патриотизм. Вот что сказано у них об одном герое: «Без ноги он жить может, а без патриотизма у него не получается». / Авторы должны были бы знать, что вкладывать такие святотатственные слова в уста даже крайне отрицательных героев весьма рискованно и что не надо потешаться по такому поводу, а сказать себе и другим людям: без патриотизма вообще ничего не получится, не напишется без этого возвышающего чувства и хорошая, честная и нужная народу книга!»

С. 174. «История одного преступления» — м/ф 1962 г., реж. Ф. Хитрук.

С. 174. Съезд — III Съезд писателей РСФСР (24–27.03.1970).

С. 175. *Усиленно пишу сценарий для Борецкого (...) танки там у нас, взрывы, окопы и землянки. И гауптштурмфюрер Штрассер.* — Позднее этот сценарий — «Гость из Полудня» — будет процитирован в ХС.

С. 175. *Настоящим предлагается вам прибыть днзвным позздом в город Лэнинград 6-го апрэля сэго года.* — Отсылка к эпизоду романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 15.

С. 175. *...в путь, в путь, в путь!* — Слова припева песни В. Соловьева-Седого на слова М. Дудина «В путь (Солдатская песня)».

С. 175. *Аркадий — брату, 28 апреля 1970...* — Датировка составителей.

С. 177. *Аргумент свой единственный* — цитата из «Отчаянной песенки учителя обществоведения» Ю. Кима: «А потом возьму аргумент свой единственный, / Выну и на них положу».

С. 177. *Росшепер* — прозвище Андрея, сына БНС.

С. 177. *...бандеролька из Риги* — «Далекая Радуга» на латышском. — Tālā Varavīksne / Tulk. R. Blūms. — Rīgā: Zinātne, 1970. — Латышск. яз. — Загл. ориг.: Далекая Радуга.

С. 178. *Держать мазу* — здесь: защищать чьи-либо интересы.

С. 178. *Прочел тут Шевцова «Во имя...».* — Шевцов И. Во имя отца и сына. — М.: Моск. рабочий, 1970.

С. 179. *Да, брат, бог теперь в Москве.* — Перефразировка «Бог теперь в Италии» (эти слова Юста Тивериадского часто повторяет Иосиф в первых двух книгах трилогии Л. Фейхтвангера об Иосифе Флавии — «Иудейская война» и «Сыновья»).

С. 179. *Стало, кстати, понятно, чем объяснялась такая затяжка, но об этом при встрече.* — **БНС, 28.05.2008**: Я абсолютно ничего об этом не помню. Сильно подозреваю, что ничего сенсационного мне АН при встрече не сообщил. Так бывало, и не раз.

С. 179. *Вот такие дела, как пишет Курт Воннегут (см. «Новый мир» 3).* — «Такие дела» (англ. «so it goes»), К. Воннегут, «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (Новый мир (М.). — 1970. — №№ 3, 4). Перевод Р. Райт-Ковалевой.

С. 180. *Кстати, а как там с договором с «Аврориным»? Насчет шестидюймовки я понимаю, а как реально подписанный договор — существует он или нет?* — Согласно исторической легенде холостой выстрел бакового шестидюймового орудия крейсера «Аврора» послужил сигналом к штурму Зимнего дворца 25 октября 1917 г.

С. 180. *Сидю у в кабинете, загораю и на потолок плюваю.* — Вариация строк одесской песни времен НЭПа, исполнявшейся В. Высоцким, «Здравствуйте! Мое почтенье...»: «Сиж у ДОПРе, загораю / И на потолок плеваю».

С. 181. *Издали ТББ на гишпанском языке.* — ¡Qué difícil es ser dios! / Trad. A. Molina García. — Moscú: Editorial Mir, 1970. — Исп. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом.

С. 181. *Как нас в «Правде» пропечатали ~ нас не тронь — мы в ЦО печатаемся.* — Апенченко Ю. Путь в будущее. Наш спецкор передает с космодрома // Правда (М.). — 1970. — 3 июня. Отрывок из статьи о старте космического корабля «Союз-9» с А. Николаевым и В. Севастьяновым: «Накануне старта мы побывали в домике, где останавливался, жил и работал С. П. Королев. Много написано об энергии, силе духа и целеустремленности этого человека. Но вот в старой папке нашлись два чуть выцветших телеграфных бланка, на обороте которых твердым почерком выдающегося конструктора записаны стихи: «В предутренний ветер, в ненастное море, / Где белая пена бурлит, / Спокойные люди в неясные зори / Уводят свои корабли...» За несколько дней до начала полета спокойные люди пришли к этому домику и к тому, что по соседству с ним, поклониться и сказать, что путь продолжается».

С. 182, 185. *...Лео Кошут, главред гедезровского изд<ательств>ва (...) несколькими тиражами вышла СБТ и какие-то рассказы.; Из ГДР пришло два экз<а> сборника «Флюг цум Альфа Эридани». Мы там, сам понимаешь, представлены этим г... «Айн роботер брихт аус», что означает, сам понимаешь, «Спонтанный рефлекс».* — Atomvulkan Golkonda / Übers. v. W. Berger. — Berlin: Kultur und Fortschritt, 1961. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Страна багровых туч; Ein Roboter bricht aus / Übers. v. E. Einhorn // Meuterei auf dem Mond. — Berlin: Verlag Kultur und Fortschritt, 1969. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Спонтанный рефлекс; Ein Roboter bricht aus / Übers. v. E. Einhorn // Flug

- zum Alpha Eridani. — Berlin: Verlag Kultur und Fortschritt, 1970. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Спонтанный рефлекс.
- С. 182. *Брылья* — глубокие складки, мешки, окаймляющие рот пожилого человека.
- С. 182. *Между делом прочитал Шевцова «Любовь и ненависть»*. — Шевцов И. Любовь и ненависть. — М.: Воениздат, 1970.
- С. 183. *Вышла книга Бритикова о фантастике*. — Бритиков А. Русский советский научно-фантастический роман. — Л.: Наука, 1970.
- С. 183. *...выигрывал подряд, прямо как тот хмырь у Гашека...* — Вейвода из «Похождений бравого солдата Швейка во время мировой войны» (ч. 1, гл. 14, глава 1).
- С. 184. *«Огненный цикл»* — издание в серии «Зарубежная фантастика»: Клемент Х. Огненный цикл. — М.: Мир, 1970. Перевод С. Бережков, С. Победин (псевдонимы АБС).
- С. 184. *А также всего, что потребуется впредь*. — Отсылка к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 19.
- С. 184. *Слава, брат, слава, так ее и не так. И не мать*. — Цитата из романа А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина»: «...так как клубной дисциплиной запрещалось употребление военно-империалистических слов, то ограничился одними боковыми выражениями: — Не так и не мать! — закричал он с невероятной энергией. — Шкот ему в глотку! Увели «Бибигонду», лучшее гоночное судно, разорви его в душу, сукиного сына, смоляной фал ему куда не надо... (...) «Бибигонду» увели, так и не так и не мать...» (гл. 35).
- С. 185. *...как Джон Силвер, вдруг утративший костыль*. — Персонаж «Острова сокровищ» Р. Стивенсона.
- С. 185. *Прочитал статью Дмитревского*. — Дмитревский В. За горизонтами времени: Заметки о научной фантастике // Правда (М.). — 1970. — 31 июля.
- С. 185. *А у нас Толстикова сняли. Посылают послом в Китай. А у вас?* — Отсылка к стихотворению С. Михалкова «А что у вас?».
- С. 185. *НичеГё* — **БНС, 17.07.2010**: Словечко «ничеГё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испить ли нам кофейкЮ, граф?.. ОтчеГё же...»
- С. 185. *Войскунский и Лукодьянов прислали нам по экзу «Плеск звездных морей»*. — Войскунский Е., Лукодьянов И. Плеск звездных морей. — М.: Дет. лит., 1970.
- С. 185. *Читаю с интересом статью Лема в «Новом мире»*. — Лем С. Мифотворчество Томаса Манна // Новый мир (М.). — 1970. — № 6.
- С. 186. *Заканчиваю свою службу в ВИНТИ, слава богу, насоставлял им два номера вперед и откланиваюсь. Завтра еду в Кудиново, к себе на работу, буду просить за свой счет отпуск, а не дадут — подам в отставку*. — ВИНТИ — Всесоюзный институт научной и технической информации. В городе Электроугли (ранее — станция Кудиново) находился Всесоюзный научно-исследовательский и проектно-технологический институт электроугольных изделий (ВНИИЭИ).
- С. 187. *...не хочу, чтобы он умирал*. — Отсылка к заглавию романа Дж. Олдриджа «Не хочу, чтобы он умирал».
- С. 187. *...письмо наше по поводу статьи Когана*. — Коган Л. Обедненный жанр // Известия (М.). — 1964. — 24 нояб.; Стругацкий А., Стругацкий Б. Нет, фантастика богаче! // Лит. газ. (М.). — 1964. — 3 дек.
- С. 188. *Гонорары из Франции за «Возвращение»...* — Вероятно, за издание: Les revenants des étoiles / Trad. per P. Mazel. — Paris: Hachette, 1963. — Фр. яз. — Загл. ориг.: Возвращение.
- С. 188. *...и из ФРГ за «Обитаемый остров»...* — За будущее издание: Die bewohnte Insel / Übers. v. H. Buchner. — Hamburg; Düsseldorf: Marion von Schröder Verlag, 1972. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Обитаемый остров.
- С. 188. *Сертификаты* — они же — чеки Внешторгбанка или Внешпосылторга, служили средством оплаты в сети специализированных магазинов «Березка». По ним можно было приобрести товары, отсутствовавшие в СССР в свободной продаже.
- С. 189. *«Рожденная свободной»* — англ. к/ф 1966 г. по одноименной книге Дж. Адамсон, реж. Дж. Хилл, Т. Мак-Гован.
- С. 190. *Братья-писатели* — именование из стихотворения Н. Некрасова «В больнице».
- С. 191. *Он предлагает перевести опять же Хола Клемента — «Миссию тяготения»*. — Будущее издание в серии «Зарубежная фантастика»: Клемент Х. «Экспедиция «Тяготение»» — М.: Мир, 1972. Перевод С. Бережкова, предисловие АБС.
- С. 191. *Дерут с проезжающих!* — Цитата из комедии Н. Гоголя «Ревизор»: «дерут только с проезжающих» (действ. 2, явл. 6).
- С. 192. *Красненькие* — купюры достоинством 10 рублей.
- С. 192. *«До свидания, мальчики»* — повесть Б. Балтера.
- С. 192. *«Три зимы и два лета»* — точнее, «Две зимы и три лета», роман Ф. Абрамова.

С. 193. ...*Никонова таки сняли наконец. (...) он напечатал в журнале еще какую-то гадость (про то, как прекрасны были сталинские тридцатые годы в отличие от ленинских двадцатых), и терпение начальства лопнуло.* — Вероятно, речь о статье С. Семанова «О ценностях относительных и вечных» («Молодая гвардия», 1970, № 8).

С. 193. *Замфурцевой* — то есть заместителем министра культуры СССР, в то время — Е. Фурцевой.

С. 193. *Хлебовводов* — персонаж СОТ.

С. 193. *Синенькие с зелененькими* — купюры достоинством 5 и 3 рубля соответственно.

С. 193. *Юрку-то Манина выбрали или нет?* — Ю. Манин был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР только в 1990 г.

С. 195. *Съезд партии* — будущий XXIV съезд КПСС (30.03–09.04.1971).

С. 195. *«Всемирная ф<ант>асти>ка»* — «Всемирная библиотека современной фантастики» — первоначальное именование «Библиотеки современной фантастики» издательства «Молодая гвардия» в анонсах и рекламном буклете.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1966–1971

Представлены записи в дневнике за 1970 г.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1967–1971. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2013.

С. 196. *Ля пистон* — здесь: половой акт.

С. 201. ...*только скрещивание.* — **БНС, 15.03.2006:** С аборигенами.

С. 204. ...*продолжает колотьясь...* — **БНС, 15.03.2006:** Имеется в виду — бить током.

С. 213. ...*филичевый (в смысле «говенный»)*. — Про низкокачественный «филичёвый» табак, которым снабжали армию в конце Великой Отечественной войны, бытовала фронтная шутка: «филичёвый табак — это сено, пропущенное через лошадь».

Аркадий Стругацкий. Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970

Фрагмент дневника приездов АНС в Ленинград за 1970 г. Дневник представляет собой ряд датированных записей карточных игр АБС и Александры Ивановны с комментариями о работе над произведениями АБС. (Счет игр в настоящем издании опущен.)

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1967–1971. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2013.

С. 213. «*Коммунист*» — к/ф 1957 г., реж. Ю. Райзман.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1963–1970

Тетрадь с дневниковыми записями за октябрь 1970 г. из папки «Дневники АНС 1960–1970 гг.».

Публикуется впервые.

С. 213. «*300 спартанцев*» — амер. к/ф 1961 г., реж. Р. Матэ.

С. 214. «*Сова появляется днем*» — название в советском прокате итал. к/ф 1968 г. «День совы», реж. Д. Дамиани.

С. 214. *Квази-шампанское атенури* — белое игристое вино.

С. 215. «*Поезд*» — франко-итало-амер. к/ф 1964 г., реж. Дж. Франкенхаймер и А. Пенн.

С. 215. *Тибаани, псоу* — белые сухое и полусладкое вина.

С. 215. «*Анжелика, маркиза ангелов*» — франко-западногерм.-итал. к/ф 1964 г., реж. Б. Бордери.

С. 215. «*Не промахнись, Асунта!*» — Название в советском прокате итал. к/ф 1968 г. «Девушка с пистолетом», реж. М. Моничелли.

С. 216. «*Пуговичная война*» — французский к/ф 1962 г., реж. И. Робер.

С. 216. «*Освобождение*» — киноэпопея 1969–1971 гг. реж. Ю. Озерова. Вероятно, речь о показе первых двух фильмов — «Огненная дуга» и «Прорыв».

С. 216. «*Колония Ланфиер*» — чехослов.-советский к/ф 1969 г., реж. Я. Шмидт.

С. 217. «*Гори, гори, моя звезда*» — к/ф 1969 г., реж. А. Митта.

С. 217. «*Моя прекрасная леди*» — амер. к/ф 1964 г., реж. Дж. Кьюкор.

Борис Стругацкий. Дневник, 1969–1974

Тетрадь заполнена датированными и недатированными записями дневникового и творческого характера, цитатами из книг, статистическими подсчетами выдвижений членов Политбюро в Верховный Совет. Публикуются записи за 1970 г.

Публикуется впервые.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1965–1979

Книжка заполнена датированными и недатированными записями дневникового и творческого характера, цитатами из книг. Публикуются записи за 1970 г.

Публикуется впервые.

С. 221. «Бесплодность полицейских мер обнаруживала всегдашний прием плохих правительств — пресекая следствия зла, усиливать его причины». / Ключевский, т. 4, стр. 312.

— Цитата использована в ОЗ.

В. Курильский, Л. Рудман

Библиография. 1970 г.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

1.1.1. Пришельцы: Рассказ участника археологической группы «Апиды» К. Н. Сергеева // Фантастика и приключения. — М.: Прогресс, 1970. — С. 74—94. — [2-я глава повести «Извне»].

1.1.2. Шесть спичек // Фантастика и приключения. — М.: Прогресс, 1970. — С. 95—117.

1.1.3. Отель «У Погибшего Альпиниста»: Приключ. повесть / Худож. Г. Новожилов // Юность (М.). — 1970. — № 9. — С. 48—65; № 10. — С. 45—61; № 11. — С. 37—56. — [Сокр.].

1.1.4. Отель «У Погибшего Альпиниста» / Предисл. редакции // Комсомолец Татарии (Казань). — 1970. — 16 авг. — С. 3; 19 авг. — С. 4; 21 авг. — С. 3; 23 авг. — С. 3; 26 авг. — С. 3; 28 авг. — С. 4; 30 авг. — С. 4; 2 сент. — С. 4; 4 сент. — С. 3; 6 сент. — С. 3; 9 сент. — С. 3. — [Фрагменты].

2. Статьи, интервью, выступления

2.1. А. и Б. Стругацких

2.1.1. Писатели о фантастике // Ляпунов Б. В мире мечты¹. — М.: Книга, 1970. — С. 131—133.

2.1.2. Давайте думать о будущем // Лит. газета (М.). — 1970. — 4 февр. — С. 5.

2.2. А. Стругацкого

2.2.1. Аркадий Стругацкий: «Так держать, ребята!» / [Беседовала] С. Шнегас // Комсомолец Татарии (Казань). — 1970. — 1 янв. — С. 2.

3. Работа над переводами

3.1. Акутагава Рюноске. В стране водяных: Повесть / Пер. с яп. А. Стругацкого. — М.: Худож. лит., 1970. — 120 с.

3.2. Клемент Х. Огненный цикл: Роман / Пер. с англ. С. Бережкова и С. Победина // Огненный цикл. — М.: Мир, 1970. — С. 15—237. — (Зарубежная фантастика).

Ю. Флейшман

Указатель имен

Pohl Frederik — см. Пол Фредерик.

Абрамовы Александр Иванович и Сергей Александрович — писатели, отец и сын.

Аксёнов Василий Павлович — писатель.

Алексеев Михаил Николаевич — писатель.

Алимов Борис Александрович — художник-иллюстратор.

¹ См. в т. 10 более полный материал «Врезка для книги Б. Ляпунова».

- Алимов Сергей Александрович — художник-график, иллюстратор, режиссер мультипликации.
- Амальрик Андрей Алексеевич — диссидент, публицист, писатель.
- Апулей Луций — древнеримский писатель.
- Артём — прежний заведующий гагринским кафе.
- Барто Агния Львовна (Волова Гетель Лейбовна) — поэтесса.
- Баскаков Владимир Евтихианович — первый заместитель председателя Госкино СССР.
- Бережной Василий Павлович — писатель.
- Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.
- Бобринские (дружески — Бобры) Геннадий Иванович и Виктория — друзья АНС.
- Борецкая (Коркошко) Светлана Ивановна — актриса, супруга Ю. Борецкого.
- Борецкий Юрий Александрович — режиссер.
- Борщаговская — см. Кармалита.
- Борщаговский Александр Михайлович — писатель, критик.
- Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
- Бритиков Анатолий Фёдорович — литературовед, критик.
- Брэдбери Рэй (Брэдбери Рэймонд Дуглас) — американский писатель.
- Булгаков Михаил Афанасьевич — писатель, драматург.
- Быков Василь Владимирович — писатель.
- Вайст Элеонора — сотрудница немецкого издательства «Нойе Берлин».
- Варшавский Анатолий Семёнович — редактор журнала «Знание — сила», писатель.
- Верченко Юрий Николаевич — секретарь по организационным вопросам СП СССР, ранее — директор издательства «Молодая гвардия».
- Винокурова (Богомольная; псевдоним — Флорич) Флора Евсеевна — переводчик, писательница.
- Войскунский Евгений Львович — писатель, друг АНС.
- Володин (Лившиц) Александр Моисеевич — драматург, сценарист.
- Воннегут Курт (мл.) — американский писатель.
- Воронков Константин Васильевич — писатель, секретарь по организационным вопросам СП СССР.
- Воронов Владимир Ильич — критик, литературовед, заместитель главного редактора журнала «Юность».
- Воскресенская (в замужестве — Фошко) Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.
- Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству; домашнее прозвище — Крыса) Елена Ильинична — супруга АНС.
- Ганичев Валерий Николаевич — директор издательства «Молодая гвардия».
- Гашек Ярослав — чешский писатель.
- Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич) — режиссер, сценарист.
- Гладков Теодор Кириллович — писатель, историк, друг АНС.
- Глухова Валентина — однокурсница Е. Воскресенской.
- Гоголь Николай Васильевич — писатель, драматург.
- Голант Вениамин Яковлевич — писатель, переводчик.
- Головань Ирина Павловна — главный редактор киностудии «Ленфильм».
- Гомер — легендарный древнегреческий поэт-сказитель.
- Горбовский Александр Альфредович — историк, писатель.
- Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.
- Даль Владимир Иванович — писатель, лексикограф, этнограф.
- Данилова (Погорелая) Дина Даниловна — автор инсценировки «Айсберг Тауматы» (по повести АБС «Малыш»).
- Девис Евгений Артурович — заведующий редакцией научно-популярной и научно-фантастической литературы издательства «Мир».
- Джекобс Уильям Уаймарк — английский писатель.
- Дмитревский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
- Дубровская Галина (Марковна?) — вероятно, переводчик.
- Дьяконов Владимир Юрьевич — литературовед, член группы «Людены».
- Евтушенко (Гангнус) Евгений Александрович — поэт.
- Ефимов Борис Ефимович — художник-график, карикатурист.
- Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.
- Железнов Леопольд Абрамович — ответственный секретарь журнала «Юность».
- Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.
- Зенон Элейский — древнегреческий философ, математик.

- Иванов Георгий Александрович — директор Центрального телевидения.
 Игнатъев П. А. — директор ленинградского отделения Литфонда.
 Кагарлицкий Юлий Иосифович — литературовед, критик.
 Казаков Вадим Юрьевич — библиограф, литературовед, редактор, член группы «Людены».
 Казанцев Александр Петрович — писатель.
 Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».
 Кан Вениамин Липманович — физик, критик, библиограф, переводчик.
 Кандель Борис Львович — филателист.
 Каппе Юрий Семёнович — переводчик.
 Кармалита (Борщаговская) Светлана Игоревна — сценарист, режиссер, супруга А. Германа, приемная дочь А. Борщаговского.
 Карташёв Евгений Ростиславович — геофизик, писатель.
 Киплинг Джозеф Редьярд — английский писатель, поэт.
 Клемент Хол (Стаббс Гарри Клемент) — американский писатель.
 Ключева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».
 Ключевский Василий Осипович — историк.
 Коган Лев Наумович — философ, социолог, культуролог, критик.
 Козаков Михаил Михайлович — актер, режиссер, сценарист.
 Компаниец Василий Георгиевич — главный редактор издательства «Детская литература».
 Конрад Николай Иосифович — востоковед, филолог, переводчик, педагог.
 Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.
 Копытин Пётр Фёдорович — заведующий редакцией Лениздата.
 Коржавин (Мандель) Наум (дружески — Эмик, Эмка) Моисеевич — поэт.
 Корнблат Сирил Майкл — американский писатель.
 Королёв Сергей Павлович — конструктор космической техники.
 Косарева Нина Сергеевна — главный редактор журнала «Аврора», позднее — инструктор Отдела культуры ЦК КПСС.
 Кочетов Всеволод Анисимович — писатель, главный редактор журнала «Октябрь».
 Кошут Леонард (Лео) — заместитель главного редактора немецкого издательства «Культур унд Фортшритт», позднее — заведующий редакцией издательства «Фольк унд Вельт», переводчик, составитель антологий.
 Кристи Агата Мэри Кларисса Миллер — английская писательница.
 Крыса — см. Воскресенская Елена.
 Лев — сын В. Глухой.
 Лем Станислав — польский писатель, философ.
 Лемхин Михаил Абрамович — фотохудожник, журналист, знакомый БНС.
 Леонов Алексей Архипович — космонавт.
 Лесс Александр Лазаревич — журналист, фотограф.
 Лифанов Сергей Сергеевич — литературовед, член группы «Людены».
 Лукодянов Исая Борисович — писатель.
 Луконин Владимир Григорьевич — историк, ирановед, археолог, друг БНС.
 Лурье Самуил (дружески — Саша) Аронович — критик, литературовед, редактор журнала «Нева».
 Ляпунов Борис Валерианович — писатель, критик, библиограф.
 Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.
 Маркова Светлана Даниловна — филолог, синолог, супруга В. Мясникова.
 Маторский Анатолий Григорьевич — сотрудник сценарной коллегии Госкино РСФСР.
 Махлах-Львовская Елена Константиновна — редактор издательства «Детская литература».
 Мееров Александр Александрович — писатель, инженер-ракетостроитель.
 Мелентьев Виталий Григорьевич — писатель.
 Миёси Тору — японский писатель.
 Микоян (Лозовская) Элеонора Петровна — редактор издательства «Детская литература», филолог.
 Михалков Сергей Владимирович — поэт, драматург, сценарист, руководитель СП.
 Моррисон Уильям (Сэмачсон Джозеф) — американский писатель, биохимик.
 Мясников Владимир Степанович — историк, востоковед, синолог, супруг С. Марковой.
 Назаренко Михаил Иосифович — литературовед, критик, писатель.
 Наталия (в тексте — Наташа) — неустановленное лицо.
 Немцов Владимир Иванович — писатель.
 Никифорович Ванкарем (дружески — Рэм) Валерьянович — критик, переводчик, сотрудник минских издательств, телевидения и театров.

- Никольский Борис Николаевич — заведующий отделом прозы журнала «Аврора», позднее — главный редактор журнала «Нева».
- Никонов Анатолий Васильевич — писатель, главный редактор журнала «Молодая гвардия».
- Новожилов Геннадий Дмитриевич — художник-иллюстратор, художник-аниматор, писатель.
- Новопашенный Виктор Борисович — астроном.
- Нудельман (дружески — Нудель) Рафаил Ильич (Эльевич) — литературовед, критик.
- Ожегов Сергей Иванович — языковед, лексикограф.
- Озерова Мэри Лазаревна — заведующая отделом прозы журнала «Юность».
- Олеша Юрий Карлович — писатель.
- Островский Андрей Львович — писатель, заместитель главного редактора журнала «Аврора».
- Павленок Борис Владимирович — заместитель председателя Госкино СССР.
- Парнов Еремей (дружески — Рим) Иудович — писатель.
- Переслегин Сергей Борисович — критик, публицист, социолог.
- Пирогова Людмила Ивановна — писательница.
- Пискунов Константин Федотович — директор издательства «Детская литература».
- Плюснина Анна Ивановна — заведующая редакцией ленинградского отделения издательства «Детская литература».
- Пол Фредерик Джордж — американский писатель.
- Полевой (Кампов) Борис Николаевич — писатель, главный редактор журнала «Юность».
- Пономаренко Светлана Андреевна — редактор Третьего творческого объединения киностудии «Ленфильм».
- Рассел Бертран Артур Уильям — американский философ, общественный деятель.
- Ревич Всеволод Александрович — журналист, кинокритик, литературовед, друг АНС.
- Рихтер Карл-Людвиг — немецкий филолог, сотрудник Дрезденского университета.
- Рождественский Роберт Иванович — поэт.
- Рокк, Рёкк Марика (Мария Каролина) — немецкая киноактриса и певица.
- Романов Алексей Владимирович — председатель Госкино СССР.
- Ростропович Мстислав Леопольдович — музыкант, дирижер.
- Рохлин Яков Нисонович — главный редактор Третьего творческого объединения киностудии «Ленфильм».
- Сахаров Алексей Николаевич — режиссер, сценарист.
- Сент-Экзюпери Антуан Жан Батист Мари Роже де — французский писатель, летчик.
- Синельников Михаил Хананович — критик, заведующий отделом русской литературы «Литературной газеты».
- Слукин Всеволод Михайлович — геофизик, писатель.
- Снегов (Козырюк, Штейн) Сергей Александрович (Иосифович) — писатель.
- Соколова Наталия Викторовна — писательница, журналист.
- Солженицын Александр Исаевич — писатель, правозащитник.
- Софья Никитична (возможно, Грисевич Зоя Никитична) — заведующая производственным отделом издательства «Детская литература».
- Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС.
- Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.
- Тарасов Сергей Сергеевич — главный редактор т/о «Юность», режиссер, сценарист, актер.
- Твардовский Александр Трифонович — поэт, главный редактор журнала «Новый мир».
- Тихонов Николай Семёнович — поэт, руководитель СП.
- Ткачёв Мариан Николаевич — переводчик, писатель, друг АНС.
- Токарев Владимир Николаевич — режиссер, драматург, автор инсценировок.
- Толстикова Василий Сергеевич — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, позднее — дипломат.
- Толстой Алексей Николаевич — писатель.
- Туник Евгений Юлианович — филателист.
- Уильямсон Джек (Уильямсон Джон Стюарт) — американский писатель.
- Урбан Адольф Адольфович — критик, литературовед.
- Уэллс Герберт Джордж — английский писатель.
- Фейхтвангер Лион — немецкий писатель.
- Филиппов Леонид Иосифович — редактор, публицист, педагог.
- Фирсов Владимир Николаевич — писатель, сотрудник издательства «Мир».
- Фурцева Екатерина Алексеевна — министр культуры СССР.
- Хаксли Олдос Леонард — английский писатель.
- Хидекель Ирина Яковлевна — редактор издательства «Мир».
- Цейтлин Юрий (Георгий) Владимирович — эстрадный артист, поэт, драматург.
- Цукерман Борис Иосифович — правозащитник, диссидент.

Честертон Гилберт Кит — английский писатель.
 Чечулина Нина Александровна — редактор Лениздата.
 Шавшин Михаил Сергеевич — литературовед, член группы «Людены».
 Шахбазян Юрий Леонович — астроном, инженер, заведующий отделом астрономической техники ГАО, друг БНС.
 Шевцов Иван Михайлович — писатель.
 Шекли Роберт — американский писатель.
 Шкабарня-Богославский Евгений Николаевич — литературовед, член группы «Людены».
 Шмелёв Николай Петрович — экономист, писатель.
 Шмуглякова Людмила Филипповна — редактор киностудии «Мосфильм».
 Шнегас Светлана Андреевна — сотрудница редакции газеты «Комсомолец Татари».
 Шолохов Михаил Александрович — писатель.
 Экзюпери — см. Сент-Экзюпери.
 Ян Христофорович — заведующий гагринским кафе.

В. Курильский

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

Б — Беспокойство.
 Беспокойство.
 Благоустроенная планета — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 В — Возвращение.
 ВГВ — Волны гасят ветер.
 ВНМ — Второе нашествие марсиан.
 Возвращение.
 Волны гасят ветер.
 Второе нашествие марсиан.
 Гадкие лебеди.
 ГЛ — Гадкие лебеди.
 ГО — Град обреченный.
 Гость из Полудня.
 Град обреченный.
 Далекая Радуга.
 Дело об убийстве — см. Отель «У Погибшего Альпиниста».
 Десантники — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 ДОУ — Дело об убийстве.
 ДР — Далекая Радуга.
 ЖВМ — Жук в муравейнике.
 Жук в муравейнике.
 М — Малыш.
 Малыш. Варианты заглавия — Операция «Маугли».
 Маугли — см. Операция «Маугли».
 Миссия тяготение — см. Экспедиция «Тяготение».
 Незначенные встречи — название планируемого сборника.
 Обитаемый остров.
 Огненный цикл — перевод АБС повести Х. Клемента.
 ОЗ — Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
 ОМ — Операция «Маугли».
 ОО — Обитаемый остров.
 Операция «Маугли» — см. Малыш.
 Отель «У Погибшего Альпиниста». Вариант заглавия: Дело об убийстве.
 Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
 ПХХІВ — Полдень, XXII век.
 Парень из преисподней.
 Пикник на обочине.
 ПИП — Парень из преисподней.
 ПКБ — Попытка к бегству.
 ПНА — Путь на Амальтею.
 ПНО — Пикник на обочине.
 Полдень, XXII век.
 Понедельник начинается в субботу.
 Попытка к бегству.

Путь на Амальтею.
СБТ — Страна багровых туч.
Сказка о Тройке.
СОТ — Сказка о Тройке.
Спонтанный рефлекс.
Стажеры.
Страна багровых туч.
ТББ — Трудно быть богом.
Трудно быть богом.
Улитка на склоне.
УНС — Улитка на склоне.
ХВВ — Хищные вещи века.
Хищные вещи века.
Хромая судьба.
ХС — Хромая судьба.
Шесть спичек.
ЭВП — Экспедиция в преисподнюю.
Экспедиция «Тяготение» — перевод АБС повести Х. Клемента. Вариант заглавия: Миссия
тяготение.
Экспедиция в преисподнюю.

В. Курильский

СОДЕРЖАНИЕ

I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Малыш	3
ИЗ АРХИВА	
Аркадий Стругацкий. Гость из Полудня	83
ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ	
«Малыш»	103

II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ

Аркадий Стругацкий. «Так держать, ребята!»	153
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Давайте думать о будущем	153
ИЗ АРХИВА	
Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Фредерика Пола «Век осторожных»	157
Аркадий Стругацкий. Отзыв на повесть В. Мелентьева «Сухая ветка сирени»	158
Аркадий Стругацкий. Отзыв на «Повесть о снежном человеке» А. и С. Абрамовых	158
Аркадий Стругацкий. Рецензия на новый фантастический роман А. и С. Абрамовых «Селеста 7000»	159
Аркадий Стругацкий. Рецензия на новый фантастический роман А. и С. Абрамовых «Все дозволено»	160
Аркадий Стругацкий. Отзыв на рассказ Н. Соколовой «Кампанула»	162
Аркадий Стругацкий. Отзыв на фантастическую повесть В. Фирсова «Сказание о Четвертой луне»	162
Аркадий Стругацкий. Отзыв на сборник фантастических рассказов Л. Пироговой «Последняя из Атлантиды»	163
Аркадий Стругацкий. Отзыв на фантастическую повесть В. Слукина и Е. Карташева «Смех по дороге в Атлантис»	163

III. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1970	165
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1965–1971	195
Аркадий Стругацкий. Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970	213
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1963–1970	213
Борис Стругацкий. Дневник, 1969–1974	217
Борис Стругацкий. Записная книжка, 1965–1979	221

IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	222
Комментарии и примечания	222
Библиография. 1970 г.	233
Указатель имен	234
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	237